
АЙЗЕК
АЗИМОВ
представляет
ВЕЛИКИЕ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ
1939

Великие научно-фантастические рассказы. 1939 год

Кэтрин Л. Мур, Альфред Элтон Ван Вогт, Нельсон Бонд, Айзек Азимов, Уильям Ф. Темпл, Джозеф Э. Келлим, Гораций Голд, Роберт Альберт Блох, Дон А. Стюарт, Милтон Ротман, Генри Каттнер, Роберт Энсон Хайнлайн, Джек Уильямсон, Джон Тейн, Лестер Дель Рей, Эандо Биндер, Лайон Спрэг де Камп

Аннотация
Эндо Биндер. Великие научно-фантастические рассказы. 1939 год
Золотой век. Начало конца
Эндо Биндер (1911–1975). Я, робот. Перевод Алисы Атаровой. Amazing Stories, январь
Мое сотворение
Мое обучение
Моя участь
Роберт Блох (1917–1994). Странный полет Ричарда Клейтона. Перевод Надежды Волковой. Amazing

Stories, март
Гораций Голд (1914–1996). Трудности с водой. Перевод Марии Териной. Unknown, март
Дон А. Стюарт (Джон В. Кэмпбелл-младший). Плащ Эсира. Перевод Анны Михалевой. Astounding Science Fiction, март
Лестер дель Рей (1915–1993). На исходе дня. Перевод Елены Жилиной. Astounding Science Fiction, май
Джон Тейн (1902–1960). Совершенный катализатор. Перевод Наили Агдеевой. Thrilling Wonder Stories, июнь
Л. Спрэг де Камп (1907–2000). Корявый человек. Перевод Елены Жилиной
А.Э. Ван Вогт (1912–2000). Черный хищник. Перевод Анны Плонской. Astounding Science Fiction, июль
К.Л. Мур (1911–1987). Превзойти богов. Перевод Марии Губарь
Айзек Азимов (1920–1992). Маятник. Перевод Арюны Доржихандаевой. Astounding Science Fiction, июль
Л. Спрэг де Камп (1907–2000). Голубой жираф. Перевод Алисы Атаровой. Astounding Science Fiction, август
Генри Каттнер (1915–1958). Чужой нимб. Перевод

Надежды Волковой. Unknown, август
Милтон Ротман (1919–2001). Тяжелая планета. Перевод Марии Териной. Astounding Science Fiction, август
Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1987). Линия жизни. Перевод Андрея Белеванцева
Теодор Старджон (1918–1985). Фибра эфира. Перевод Татьяны Долотовой. Astounding Science Fiction, сентябрь
Нельсон Бонд (1908–2006). Паломничество. Перевод Арюны Доржихандаевой
Джозеф Э. Келлим (1913–1975). Ржавчина. Перевод Марии Лярской
Уильям Ф. Темпл (1914–1989). Четырехсторонний треугольник. Перевод Светланы Торы и Александра Зайцева. Amazing Stories, ноябрь
Джек Уильямсон (1908–2006). Звездный свет. Перевод Варвары Латышевой. Argosy, ноябрь
Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1987). Неудачник. Перевод Али Малик

Аннотация

Уникальная в своем многообразии антология рассказов, опубликованных в золотой век научной фантастики: вашему вниманию представляется сборник под редакцией великих Айзека Азимова и Мартина Гринберга, включающие в себя отобранные ими научно-фантастические рассказы, вышедшие в 1939 году. Идеальное чтение для настоящих поклонников, дающее представление о классике научной фантастики. Работа над этим сборником стала переводческим проектом: над переводом рассказов работали талантливые переводчики под руководством Александры Борисенко. Вступительная статья «Золотой век: начало конца» литературного критика Василия Владимирского.

Эндо Биндер
Великие научно-фантастические рассказы. 1939 год

Золотой век. Начало конца

В литературе и искусстве контекст решает все. Научная фантастика, она же НФ, не исключение — принцип универсален. Чтобы понять, отчего знатоки и ценители с таким придыханием вспоминают золотой век англо-американской фантастики, 1930-1950-е годы, самой этой фантастики недостаточно — многие загадки остаются нераскрытыми. Как в сборник лучшей фантастической прозы под редакцией Айзека Азимова попал рассказ всеми забытого Эндо Биндера? Почему дебютный «Черный хищник» А. Э. Ван Вогта, по словам составителя антологии, «поставил его [Ван Вогта — *В. В.*] в один ряд с гигантами научно-фантастического мира»? В чем ценность «Линии жизни» Роберта Хайнлайна? Ответы на некоторые из этих вопросов Азимов дает в кратких вступлениях к каждому из рассказов сборника. Но далеко не на все. Тому, кто хочет разобраться в нюансах, неизбежно придется обратиться к истории жанра (хотя, разумеется, в строго литературоведческом значении назвать science fiction жанром можно лишь с большой

натяжкой).

1939 год принято считать рубежной датой, началом новой эпохи в жизни НФ. К этому моменту американская литература XX века успела породить немало общепризнанных шедевров, «больших» книг: Фитцджеральд уже написал «Великого Гэтсби» (1925) и «Ночь нежна» (1934), Хемингуэй — «Фиесту» (1926) и «Прощай, оружие!» (1929), а Торнтон Уайлдер — «Мост короля Людовика Святого» (1927). Однако рядом кипела совсем другая жизнь, с другими авторитетами и звездами, другими эстетическими ориентирами и иным представлением о прекрасном. Целая вселенная, в которой слыхом не слыхивали о Хемингуэе, зато «Док» Смит, автор «Космического Жаворонка», боролся за звание лучшего писателя всех времен и народов со «взрывателем планет» Эдмондом Гамильтоном, а на пятки им наступал Джек Уильямсон, создатель бессмертных романов «Космический легион» и «Легион времени». Параллельный мир ранней американской фантастики, со своими поворотными моментами и историческими вехами: основание первого «мальчикового» палп-журнала Argosy (1882), первого журнала сверхъестественных ужасов Weird Tales (1923), первого журнала НФ Amazing Stories

под редакцией Хьюго Гернсбека (1926) и т. д.

В 1939 году этот параллельный мир в очередной раз встряхнуло с ног до головы. Джон Вуд Кэмпбелл, только что заступивший на пост главного редактора журнала Astounding Science Fiction, разделался с наследием предыдущего редактора и начал формировать собственную команду постоянных авторов. Многие из этих писателей только недавно начали карьеру или вовсе были свежеиспеченными дебютантами: Айзек Азимов, Роберт Хайнлайн, Клиффорд Саймак, Теодор Старджон, Генри Каттнер, Лайон Спрэг де Камп и другие — авторы, которых мы знаем сегодня как классиков жанра, сформировавших канон современной НФ.

Что нового принесли в фантастическую литературу «птенцы гнезда кэмпблеллова»? Прежде всего — логичность, последовательность, связность повествования. События не случаются сами по себе, по одной лишь воле автора: у них всегда есть причины и следствия. Любое эпохальное открытие, небывалое изобретение, радикальная социальная реформа вызывают реакцию: изменение языка, экономики, эстетики, системы общественных отношений. Вроде бы ничего революционного, вещи в общем очевидные, даже

банальные, не бином Ньютона. Но до прихода Кэмпбелла большинство фантастов с легкостью пренебрегало этими нехитрыми правилами, когда требовалось раскочегарить забуксовавший сюжет. Достаточно вспомнить, что в «Марсианском цикле» Эдгара Райса Берроуза, самого успешного американского фантаста до золотого века, главный герой переносится на Марс непонятным способом, во сне, а прекрасная и абсолютно антропоморфная марсианская принцесса откладывает яйца. Почему? Потому что автору так захотелось, а придумывать объяснения он поленился. Или другая крайность — открытия и изобретения часто использовались в ранней журнальной НФ как повод закатить десятистраничную лекцию с формулами и графиками, вопреки драматургии и динамике сюжета. Этим нередко грешили фантасты, пригретые Хьюго Гернсбеком, одержимым жюльверновской формулой «поучать развлекая».

Джон Кэмпбелл (кстати, физик-ядерщик по образованию) требовал от своих авторов правдоподобия настойчиво, жестко, даже деспотично, и иногда заставлял переписывать многообещающий текст несколько раз подряд. Никаких затянутых лекций, никаких провалов в логике —

читатель этого не простит! Более того, Кэмпбелл готов был показать пример и как писатель: лучший и самый известный его рассказ «Кто ты?» (Who Goes There? 1938) настолько достоверен психологически и выстроен логически, что стал основой для двух экранизаций (в том числе для хрестоматийной адаптации Джона Карпентера) и нескольких киноприквелов.

При Джоне Кэмпбелле американская научная фантастика перешла на новый качественный уровень, взмыла ввысь, как ракета, отбросившая при разгоне очередную отработанную ступень. Остальные журналы были вынуждены или подстраиваться под Astounding — или довольствоваться объедками с барского стола. Отныне любой новый НФ-рассказ сперва предлагался Кэмпбеллу — и только если тот отвергал рукопись, отправлялся в другие журналы. «То был золотой век, время накала страстей и приключений, бурной жизни и трудной смерти… но никто этого не замечал, — писал, перефразируя “Повесть о двух городах” Чарльза Диккенса, Альфред Бестер в романе “Тигр! Тигр!”. — То была пора разбоя и воровства, культуры и порока, столетие крайностей и извращений… но никто его не любил». Astounding Science Fiction и его команде не пона-

добилось столетия — хватило десяти лет, чтобы сломать систему, задать принципиально новые стандарты «качественной» научной фантастики и расчистить площадку для следующего рывка.

Собственно, главная ценность первого тома серии антологий Isaac Asimov Presents The Great SF Stories в том и заключается: эта книга показывает, с чего начинался золотой век, как разгоралась маленькая революция, незаметная для окружающего мира, но чрезвычайно важная в контексте истории мировой фантастики. Азимов, Хайнлайн, Ван Вогт, Старджон, Каттнер, де Камп — даже когда их рассказы публиковались не на страницах Astounding, а в других НФ-журналах, эти тексты разительно отличались от сочинений «властителей дум» и «гигантов» предыдущего поколения. В них уже чувствуется потенциал, видна готовность авторов к росту и внутреннему изменению. А на такие вещи чутье у Кэмпбелла было безупречное, что нехотя признавали даже недоброжелатели. Потенциал оказался настолько велик, что многие из участников этой антологии со временем переросли рамки редакционной политики Astounding и продолжили творчески эволюционировать после завершения золотого века.

Этот сборник знакомит нас с контекстом, без которого сложнее понять процессы, происходившие в фантастике на протяжении следующих восьмидесяти с лишним лет. В литературе все взаимосвязано, каждый новый шаг логически вытекает из предыдущего. «Новая волна» шестидесятых, киберпанковское движение восьмидесятых, «новые странные» девяностых и так далее, вплоть до наших дней — части единой запутанной истории, где золотой век занимает отдельное почетное место.

Как человек, лично вовлеченный в эти давние события, в том числе эмоционально, Айзек Азимов, конечно, склонен несколько романтизировать эпоху. При всех своих редакторских талантах — чутье, упорстве, готовности работать над каждым словом вместе с молодыми авторами — Джон Кэмпбелл заложил под основание сообщества любителей фантастики несколько мин замедленного действия. Уже в конце 1940-х его главным увлечением стал поиск в литературе (и в жизни) идеальной панацеи, чудодейственного средства, технического изобретения или универсальной идеи, которая раз и навсегда избавит человечество от бед и страданий. (Что до определенной степени роднило его с совет-

скими фантастами — однако с марксистами, отрицавшими идею частной собственности, ему оказалось решительно не по пути.) В зрелые годы это привело великого редактора к увлечению доктриной Рона Хаббарда, проектами вечных двигателей и другими псевдонаучными концепциями, что отнюдь не улучшило репутацию НФ в глазах истеблишмента.

Кроме того, читатели, выросшие на рассказах и повестях из Astounding с его культом достоверности, не очень четко понимали, что такое художественная условность, как работает метафора и гипербола, аллюзия и скрытая цитата, что такое фигура умолчания и кто такой ненадежный рассказчик. Позднее все это доставило немало проблем фантастам из круга Кэмпбелла, набравшимся литературного опыта, — в итоге большинство «птенцов» покинуло родное гнездо, некоторые со скандалом.

Дальние отголоски споров о достоверности мы слышим до сих пор, когда речь заходит о технических деталях фантастических технологий и о социальных отношениях в вымышленном обществе — литература и реальная жизнь слишком тесно сплелись в сознании читателей, чтобы простить авторам нарушение принципа прав-

доподобия. Еще одно наследие золотого века, от которого не так-то просто избавиться.

Но решать эти проблемы предстояло уже редакторам следующих поколений: Джон Вуд Кэмпбелл свое дело сделал — золотой век начался.

© Василий Владимирский, 15.09.2023

Эндо Биндер (1911–1975). Я, робот

Перевод Алисы Атаровой

***Amazing Stories*, январь**

Эндо Биндер – это псевдоним, под которым братья Отто и Эрл писали научно-фантастические рассказы. С 1940 года Отто работал один. Братья Биндеры наиболее известны по трем циклам рассказов, публиковавшимся с конца 1930-х по начало 1940-х: рассказы про Антона Йорка, бессмертного человека, собранные в цикл «Бессмертный Антон Йорк» (1965); рассказы из цикла «Через», опубликованные под именем Гордона Э. Джайлса[1] в журнале Thrilling Wonder Stories; и рассказы о роботе Адаме Линке, вошедшие в цикл «Адам Линк – робот» (1965).

«Я, робот» – это самый известный рассказ Биндеров и самый интересный, потому что он стал одним из первых научно-фантасти-

---

[1] Сноски: 1

Гордон Э. Джайлс — еще один литературный псевдоним Отто Биндера. Также братья скрывались под псевдонимами Джек Биндер, Джон Кольридж, Дин Д. О'Брайен, а Отто Биндер публиковался под именами Иона Фрэнсис Турек и Уилл Гарт.

ческих рассказов, в котором повествование ведется от лица нечеловека. Приключения Адама Линка захватили воображение многих читателей. (И безусловно, привлекли и мое внимание. Через два месяца я сел за «Робби» – рассказ о роботе, способном чувствовать, и это положило начало моему циклу о позитронных роботах. Одиннадцать лет спустя, когда все мои девять рассказов были собраны в книгу, издатель вопреки моим возражениям назвал сборник «Я, робот». Хотя сегодня моя книга гораздо известнее, Отто назвал так свой рассказ первым. А.А.)

Мое сотворение

Многое из того, что произошло, озадачивает меня. Но я думаю, что теперь наконец начинаю понимать. Вы называете меня монстром, но вы ошибаетесь. Ужасно ошибаетесь! Я попробую доказать вам вашу неправоту, записав эту историю. Надеюсь, что у меня хватит времени ее закончить…

Я начну с самого начала: я родился, вернее, был создан шесть месяцев назад, третьего ноября прошлого года. Я в самом деле робот. Кажется, многие сомневаются в этом. Я сделан из проводов и шестеренок, а не из плоти и крови.

Моим первым осознанным воспоминанием было ощущение, что я прикован, и так оно и было. Вот уже три дня я мог слышать и видеть, но очень смутно. Теперь же мне захотелось встать и осмотреться, вглядеться в странную фигуру, которая мельтешила туда-сюда и издавала звуки. Этой фигурой был доктор Линк, мой создатель. Из всех объектов вокруг он был единственным, который двигался. Он и еще один объект — его пес Терри. Поэтому именно они привлекли мое внимание. Тогда я еще не ассоциировал движе-

ние с жизнью.

Но на четвертый день мне захотелось приблизиться к этим подвижным фигурам, особенно к той, что поменьше, и издать какой-нибудь звук. Эта фигура издавала резкие громкие звуки. Мне хотелось подняться и прекратить их. Но я был прикован. Они удерживали меня, чтобы я не сбежал и не довел себя до преждевременного конца или не причинил кому-либо вреда по незнанию, пока моя голова была девственно чиста.

Все это, конечно, доктор Линк объяснил мне позже, когда я научился упорядочивать мысли и понимать. Те первые три дня я был как младенец — как человеческий младенец. Я не такой, как другие так называемые роботы — не более чем автоматизированные машины, предназначенные для выполнения определенных команд и задач. Нет, у меня был искусственный мозг, способный воспринимать все те же раздражители, которые мог улавливать человеческий мозг. И он даже имел возможность в конечном счете научиться рациональности.

Но в первые три дня доктор Линк очень беспокоился о моем мозге. Я был подобен одновременно человеческому младенцу и чувствительной, но ненастроенной машине, отданной на милость

механической погрешности. Мои глаза следовали за клочком бумаги, падающим на пол, но и раньше создавались фотоэлементы, способные на это. Мои механические уши поворачивались так, чтобы лучше улавливать звуки в определенном направлении, но любой ученый мог провернуть этот трюк с акустическими реле. Главный вопрос заключался в том, способен ли мой мозг, с которым соединялись эти глаза и уши, сохранить разнообразные впечатления для будущего пользования. Или, иными словами, обладаю ли я памятью?

Эти три дня я был словно новорожденный. А доктор Линк был похож на беспокойного отца, гадающего, не родилось ли его чадо безнадежным идиотом. Но на четвертый день он испугался, что создал дикого зверя. Мой голосовой аппарат стал скрежетать в ответ на резкий шум, издаваемый псом Терри. И я вращал головой и пытался освободиться от оков.

Позже Доктор Линк поведал мне, что какое-то время даже боялся меня. Я казался ему разъяренным обитателем джунглей, готовым впасть в бешенство. Он уже было собирался уничтожить меня, но один случай заставил его передумать, и я был спасен. Терри, этот маленький зверек,

сердито лая, внезапно бросился на меня. Наверное, хотел укусить. Доктор Линк кинулся ему наперерез, но опоздал. Обнаружив, что ему не прокусить мои гладкие металлические ноги, пес с глупой храбростью запрыгнул мне на колени, чтобы вцепиться в горло. Одной рукой я схватил его поперек туловища. Мои металлические пальцы сжались слишком сильно, и пес взвизгнул от боли. *Моя ладонь мгновенно разжалась, позволив существу сбежать!* Мгновенно! Мой мозг обработал звук и узнал его. Сработала длинная цепочка ассоциативной памяти. Три дня назад, когда я впервые пришел в сознание, доктор Линк случайно наступил Терри на лапу. Пес взвизгнул от боли. Я видел, как доктор Линк, рискуя потерять равновесие, тут же отдернул ногу, и Терри перестал скулить.

Когда я сжал руку, Терри взвизгнул. Когда я разжал, он перестал визжать. Ассоциативная память. То, что психологи называют рефлекторной реакцией. Признак живого мозга.

Доктор Линк говорил мне, что вскрикнул от восторга. Он сразу понял, что я обладаю памятью. Он понял, что я не безмозглый монстр. Он понял, что у меня есть мыслительный орган и этот орган отлично работает. Почему? Потому что я отреа-

гировал *мгновенно*. Чуть позже вы поймете, что это значит.

За три часа я научился ходить. Доктор Линк все же рисковал, освобождая меня от цепей. Он не мог быть уверен, что я не устремлюсь прочь, как неразумная машина. Но он знал, что должен научить меня ходить, прежде чем я научусь говорить. Точно так же, как он знал, что должен включить мой мозг, одновременно полностью соединив его с конечностями и искусственными органами, которыми мозг будет управлять позже. Если бы он просто отсоединил мои ноги и руки на первые три дня, мой пробудившийся мозг не смог бы использовать их позднее, получив над ними контроль. Думаете, если бы у вас выросла третья рука, вы бы смогли ею управлять? Почему вылечившемуся паралитику требуется так много времени, чтобы восстановить способность двигать своими конечностями, данными ему от природы? Все из-за слепых пятен в мозгу. Доктор Линк разобрался во всех этих странных психических тонкостях. Сначала ходьба — затем речь. Это известное правило, которому люди следуют с момента зарождения их вида. Так человеческие младенцы учатся лучше и быстрее всего. А я и был таким младенцем если не телом, то разумом.

Доктор Линк затаил дыхание, когда я впервые попытался встать. Я медленно поднялся и замер, покачиваясь на своих металлических ногах. У меня в голове был трехнаправленный ватерпас, проводами соединенный с мозгом. Он автоматически подсказывал мне, нахожусь ли я в горизонтальном, вертикальном или наклонном положении. Однако мой первый пробный шаг не был успешным. Коленные суставы выгнулись в обратном направлении. Я с грохотом упал на колени, которые, к счастью, были покрыты толстыми защитными пластинами, так что более хрупкие поворотные механизмы внутри не пострадали. Доктор Линк говорит, что тогда я посмотрел на него как испуганный ребенок. А затем я быстро пополз на коленях вперед, поскольку это было намного проще. Дети ползали бы дольше, если бы это не причиняло им боль. Я не знал, что такое боль.

После того как я целый день ползал в его лаборатории взад и вперед между мебелью, порядком ее попортив, перемещение на коленях стало для меня совершенно естественным. Доктор Линк задавался вопросом, как поднять меня на ноги. Он пытался подтянуть меня за руку, но мои триста

фунтов[2] были слишком тяжелы для него. Решило проблему мое собственное быстро растущее любопытство. Когда я во второй раз попытался встать в полный рост, то обрадовался, как ребенок, поднявшийся с помощью ходунков. Я изо всех сил старался удержаться на ногах. В конце концов я освоил технику попеременного использования конечностей и переноса веса вперед.

Через пару часов доктор Линк уже водил меня по усыпанной гравием дорожке вокруг своей лаборатории. Теперь, когда я стоял на ногах, ему было намного легче тянуть меня за собой и таким образом вести вперед. Малыш Терри скакал за нами по пятам с радостным лаем. Пес считал меня своим новым другом.

В то время я вполне послушно следовал всем указаниям доктора Линка. Мой впечатлительный ум спокойно принял его как необходимый фактор сдерживания и контроля. Как он сказал мне позже, я несколько раз пытался уйти от дорожки в случайном направлении по неясным причинам, но его крепкая рука тут же тянула меня назад, возвращая на место. Он расхаживал со мной взад-вперед, как со слабоумным болваном.

---

[2] Сноски: 2
Около 136 кг.

Я бы мог и дальше часами без устали ходить по дорожке, но доктор Линк, уже будучи немолодым, быстро утомился и завел меня внутрь. Благополучно усадив меня на мой металлический стул, он щелкнул выключателем на моей груди, отключившим электричество, дающее мне жизнь. И в четвертый раз я провалился в небытие без сновидений, совпадавшее с периодами сна моего создателя.

Мое обучение

Три дня мне понадобилось, чтобы более или менее научиться говорить. В этом заслуга не только моя, но и доктора Линка. За эти три дня он назвал мне все предметы в лаборатории и вокруг. Эту пару сотен существительных он дополнил глаголами действия, которые мог продемонстрировать. Услышав и выучив слово, я больше никогда его не забывал и ни с чем не путал. Мгновенное восприятие, фотографическая память — вот что мне было дано. Это трудно объяснить. Машина всегда точна и неизменна. Я — такая машина. Электроны мгновенно передают импульсы. Электроны стимулируют мой металлический мозг.

Таким образом, к концу этих трех дней я достиг уровня развития пятилетнего ребенка, и доктор Линк начал учить меня читать. Когда мой наставник называл буквы, мои фотоэлектрические глаза мгновенно устанавливали связь между звуком и знаком. Ассоциативная память заполняла пробелы в понимании. Я сразу понял, что, к примеру, слово «лев» означает живое существо, схематично изображенное в книге. Я никогда не

видел льва, но я тотчас узнал бы его.

От букварей и детских книг я менее чем за неделю перешел к книгам посложнее. Доктор Линк составил для меня список художественной и научной литературы из своей обширной библиотеки. В мой восприимчивый, цепкий мозг полились огромные объемы информации и знаний, которые никто до этого не мог усвоить за такое короткое время.

Кроме моего «сотворения» и «обучения», стоит упомянуть еще кое-что. Прежде всего, случай с домработницей. Она приходила раз в неделю убирать дом доктора Линка. Он смог уйти на покой благодаря изобретению, запатентованному им много лет назад, и теперь жил один, как настоящий отшельник, и даже еду готовил себе сам.

В предыдущие годы домработница наблюдала за процессом моего создания, но тогда я был лишь неодушевленной пародией на человека. Доктору Линку следовало быть осмотрительнее. Когда наступила первая суббота моей жизни, он забыл о том, что в этот день обычно приходит она. Доктор Линк увлеченно рассказывал мне о том, что «бежать» — это передвигаться быстрее, чем «идти».

— Продемонстрируй-ка, — попросил доктор

Линк, когда я сказал, что понял его.

Я послушно сделал несколько медленных шагов перед ним.

— Идти, — сказал я.

Затем я вернулся назад и снова устремился вперед, пробежав несколько футов. Каменный пол грохотал под моими металлическими ногами.

— Я… правильно… показал? — спросил я своим довольно громким голосом.

В этот момент от двери послышался крик ужаса. Это была домработница, подоспевшая как раз вовремя, чтобы увидеть мою демонстрацию. Она кричала так громко, что наделала даже больше шуму, чем я.

— Это же сам Дьявол! Бегите, доктор Линк, бегите! Полиция… На помощь!.. — И она потеряла сознание.

Доктор Линк привел ее в чувство и попытался объяснить ей, что я такое, но ему все равно пришлось искать себе новую домработницу. После этого он никогда не забывал о субботах и в этот день прятал меня в кладовой, где я читал. Такой, казалось бы, пустяк, но он очень важен, и те, кто прочтет это, согласятся со мной.

Через два месяца после моего сотворения доктор Линк однажды заговорил со мной по-новому:

не как учитель с учеником, а как человек с человеком.

— Ты — результат двадцатилетних трудов, — сказал он, — и успех этих трудов поражает даже меня. Тебе лишь немного не хватает до человеческого сознания. Ты монстр, механизм, но суть твоя — человеческая. У тебя нет наследственности, тебя формирует окружающая среда. Ты — доказательство того, что сознание — это электрический феномен, созданный окружающей средой. Тела людей — это среда, которую они наследуют, но из тебя я сделаю чистый разум! — Его глаза, казалось, горели каким-то странным огнем, но, когда он заговорил снова, его взгляд смягчился: — Я знал, что сделал что-то небывалое и невероятно важное двадцать лет назад, когда усовершенствовал иридиевую губку, чувствительную к удару каждого электрона. Это и была чувствительность мысли! Ментальные потоки в человеческом мозгу микроскопической величины. Теперь я мог копировать их в искусственную среду. Именно над этим я и работал все это время. Не так давно я закончил твой «мозг» — сложный комплекс из клеток, созданных на основе иридиевых губок. Прежде чем включить его, я заказал тебе тело у искусных мастеров. Я хотел, чтобы ты

был как можно лучше подготовлен к жизни, чтобы ты мог двигаться и действовать практически как настоящий человек. С каким нетерпением я ждал твоего появления на свет! — Его глаза сияли. — Ты превзошел все мои ожидания. Ты не просто мыслящий робот, металлический человек. Ты живой! Новая форма жизни. Тебя можно научить думать, рассуждать и действовать. В будущем твой вид сможет оказать неоценимую помощь человечеству и нашей цивилизации. Ты первый в своем роде.

Дни и недели пролетали незаметно. Мой разум созревал и непрерывно впитывал знания из библиотеки доктора Линка. С течением времени я научился усваивать целые страницы с той же скоростью, с какой человеческий глаз прочитывает строки. Вы знаете, как работает телевидение: луч света сотни раз в секунду пробегает по объекту, который нужно передать на экран. Мои глаза, стимулируемые быстрыми электронами, могли делать то же самое. То, что я читал, моментально воспринималось, запоминалось и навсегда становилось частью моих познаний.

Мое особое внимание привлекали научные труды. В историях о людях всегда было что-то не поддающееся определению, что-то, чего я не мог

до конца понять, но вот наука легко усваивалась моим созданным наукой мозгом. Вскоре я узнал все о себе и о том, как тикает мой мозг, — и гораздо подробнее, чем большинство людей знают о том, как они живут, думают и двигаются.

Принципы механики стали для меня совершенно просты. Я подсказал доктору Линку, как усовершенствовать мое тело, и он с готовностью согласился. Например, мы добавили функций моим пальцам, чтобы они стали почти такими же ловкими, как человеческие. Но лишь почти. Человеческое тело — это поразительно совершенная живая машина. Ни один робот никогда не сравнится с ним в эффективности и способности к адаптации. Я осознавал свои ограничения.

Возможно, вы лучше поймете, что я имею в виду, если я скажу вам, что мои глаза не способны видеть цвета. Вернее, я вижу только один цвет — синий и его оттенки. Потребовалась бы невероятно сложная система модулей, намного больше моего тела, чтобы я смог видеть все цвета. А для своих машин природа упаковала все это в пару небольших шариков. На это у нее ушел миллиард лет. А доктор Линк потратил только двадцать.

Но мой мозг — совсем другое дело. Имея лишь

два органа чувств — одноцветное зрение и ограниченный слух, — он все же был способен предоставить полный спектр ощущений. Обоняние и вкус — это гастрономические чувства, мне они были не нужны. Чувства — это средство Природы для защиты хрупкого тела, а мое тело не хрупкое. Интеллекту необходимы только зрение и слух. Эйнштейн все равно остался бы Эйнштейном, будь он даже полумертвым дальтоником, лишенным вкуса, обоняния и осязания.

Сон для меня всего лишь слово. Когда доктор Линк понял, что я могу сам о себе позаботиться, он перестал «отключать» меня на ночь. Пока он спал, я проводил часы за чтением. Он научил меня, как в случае необходимости заменять разряженный аккумулятор в тазовой части моего металлического тела. Это было необходимо делать каждые сорок восемь часов. Электричество дает мне жизнь и силы, это моя еда, без него я лишь груда металла.

Но достаточно обо мне. Подозреваю, что и десять тысяч страниц описаний не смогли бы изменить ваше отношение, кто бы ни читал эти строки…

Не так давно произошел один забавный случай. Я не умею смеяться, но мой мозг способен

оценить что-то смешное. Садовник, который много лет работал у доктора Линка, приехал без предупреждения. Он хотел спросить у него, как подстричь живую изгородь, и увидел нас со спины: мы совершали ежедневный небольшой променад. Садовник уже открыл было рот, но, разглядев меня, так и не смог его захлопнуть. Но он не упал в обморок от испуга, как домработница. Он просто застыл как вкопанный.

— В чем дело, Чарли? — резко спросил доктор Линк. Он настолько привык ко мне, что мгновение не мог понять, чему садовник так удивился.

— Эта… эта штука! — наконец выдохнул тот.

— А. Что ж, это робот, — сказал доктор Линк. — Неужели ты никогда не слышал о них? Разумный робот. Попробуй поговорить с ним, он ответит.

После недолгих уговоров садовник застенчиво повернулся ко мне.

— К-как поживаете, мистер Робот? — выдавил он.

— Все прекрасно, спасибо, мистер Чарли, — быстро ответил я, заметив веселое выражение лица доктора Линка. — Хорошая погода, не правда ли?

Долю секунды мне казалось, что садовник сейчас закричит и убежит прочь. Но он расправил

плечи и скривил губы.

— Фокусы! — Он усмехнулся. — Эта штука не может быть разумной. У тебя внутри фонограф. Так что насчет живой изгороди?

— Я боюсь, что этот робот разумнее тебя, Чарли! — со смешком пробормотал доктор Линк.

Но он сказал это так тихо, что садовник его не услышал, а затем дал ему указания насчет изгороди. Чарли постриг ее из рук вон плохо. Кажется, он нервничал весь день.

Моя участь

Однажды доктор Линк с гордостью посмотрел на меня.

— Теперь ты обладаешь мудростью зрелого человека, — сказал он. — Скоро я объявлю о тебе миру, и ты займешь в нем свое место, как независимая личность — как гражданин!

— Хорошо, доктор Линк, — ответил я, — как пожелаете. Вы мой создатель — мой хозяин.

— Не думай обо мне так, — наставлял меня он. — В каком-то смысле ты мой сын. А отец перестает быть хозяином сыну, когда тот достигает зрелости. И ты уже получил этот статус. — Он задумчиво нахмурился. — У тебя должно быть имя! Адам! Адам Линк! — Он встал передо мной и положил руку на мое блестящее хромированное плечо. — Адам Линк, чем ты хочешь заниматься в жизни?

— Я хочу служить вам, доктор Линк.

— Но ты переживешь меня! Ты можешь пережить и всех остальных своих хозяев!

— Я буду служить любому хозяину, — медленно произнес я. Я уже обдумывал это раньше. — Меня создал человек. И я буду служить человеку.

Возможно, он просто проверял меня. Я не знаю. Но мои слова ему явно понравились.

— Теперь, — сказал он, — я могу без страха представить тебя миру!

На следующий день он умер.

Это было три дня назад. Я читал в кладовке — это был день, когда приходила домработница. Я услышал шум. Я взбежал по ступенькам в лабораторию. Доктор Линк лежал с проломленным черепом. Расшатавшаяся деталь трансформатора, закрепленного на электроизолированной платформе, соскользнула вниз и упала ему на голову, когда он сидел за своим рабочим столом. Я поднял ему голову и положил на скамейку, чтобы получше разглядеть рану. Он умер мгновенно.

Вот факты. Я сам поставил деталь на место. Кровь на моих руках появилась в результате того, что я поднял его голову, не зная в тот момент, что он уже давно мертв. В некотором смысле ответственность за этот несчастный случай лежала на мне — потому что в свои первые дни я врезался в эту трансформаторную полку и чуть не сбил ее со стены. Нам следовало заняться ее ремонтом.

Но то, что я *убийца*, как все вы считаете, это неправда. Домработница тоже услышала шум и вышла из дома, чтобы проверить, что случилось.

Она задержалась лишь на секунду. Она увидела, что я склонился над доктором, что его голова разбита и в крови, а затем убежала, слишком испугавшись, чтобы закричать.

Мне трудно описать свои мысли в тот момент. Малыш Терри обнюхал тело и, почуяв беду, заскулил и опустился на живот. Он ощущал потерю хозяина. Как и я. Я не до конца понимаю человеческое чувство горя. Возможно, так глубоко я не могу чувствовать. Но я знаю, что солнечный свет для меня внезапно потускнел.

Я думаю быстро. Я простоял там всего с минуту, а затем решил уйти. И снова это было неверно истолковано. Вы посчитали это признанием вины, побегом убийцы с места преступления. Но в моем случае это просто было сильное желание выйти в мир и найти в нем свое место.

Доктор Линк и моя жизнь с ним теперь стали перевернутой страницей. Не было нужды оставаться и наблюдать за похоронами. Он привел меня в жизнь, и он ушел. Теперь я должен был найти место в мире, который я никогда не видел. Я не догадывался, что вы, люди, подумаете обо мне. Я думал, что все вы похожи на доктора Линка.

Первым делом я взял свежий аккумулятор вза-

мен полуразряженного. Через сорок восемь часов мне понадобился бы еще один, но я был уверен, что об этом позаботится любой, кого я попрошу.

Я ушел. Терри последовал за мной. Он был со мной все это время. Я слышал, что собака — лучший друг человека. Даже металлического человека.

Вскоре оказалось, что мои познания в географии в лучшем случае смутны. Я представлял землю кишащей людьми и городами, без особых промежутков между ними. Я предполагал, что город, о котором упоминал доктор Линк, находится недалеко от его уединенного загородного дома — сразу за холмом. Но лес, через который я шел, казался бесконечным.

Лишь спустя несколько часов я встретил маленькую девочку. Она сидела на плоском камне, свесив босые ноги в речку. Я приблизился, чтобы спросить, где находится город. Она повернулась, когда я был в тридцати футах от нее. Мои внутренние механизмы не работают беззвучно, они издают ровный шум, который доктор Линк всегда описывал как звон монет.

Когда девочка увидела меня, ее лицо исказилось. Должно быть, я представляю собой ужасное зрелище в ваших глазах. Закричав от страха, она

неловко вскочила, потеряла равновесие и упала в речку.

Я знал, что такое «тонуть». Я знал, что должен спасти ее. Я опустился на колени у края камня и потянулся за ней. Мне удалось схватить ее за руку и поднять. Я почувствовал, как треснули кости ее тонкого маленького запястья. Я забыл о своей силе. Мне пришлось схватить второй рукой ее маленькую ножку, чтобы вытащить девочку из воды. Когда я положил ее на траву, то увидел, как на ее белой коже проступили темные отметины. Теперь я могу догадаться, о чем все подумали. Ужасный сумасшедший монстр пытался утопить ее и сломать ее маленькое тельце в порыве бессмысленной жестокости!

В ответ на ее крики появились вы, люди, с которыми она была на пикнике. Вы, женщины, закричали и упали в обморок. Вы, мужчины, зарычали и стали бросать в меня камни. Но какая странная отвага охватила женщину, вероятно, мать девочки, которая подбежала ко мне вплотную, чтобы выхватить свою дочь? Ею я был восхищен. А вас, остальных, я презирал за то, что вы меня не слушали, хотя я пытался все объяснить. Но вы заглушили мой голос своими криками и воплями.

— Робот доктора Линка!.. Он сбежал и обезумел!.. Зачем он только создал этого монстра!.. Вызывайте полицию!.. Чуть не убил бедную Фрэнсис!..

Вы убегали прочь, крича это друг другу. Вы не заметили, что Терри яростно лает — на вас. Можно ли обмануть пса?

Мы отправились дальше. Теперь я действительно был растерян. Наконец я столкнулся с тем, что не мог рационализировать. Это так отличалось от мира, о котором я узнал из книг. Какие тонкости скрывались за прочитанными мною страницами? Что случилось с разумным и организованным миром, который мой мозг придумал для себя?

Наступила ночь. Мне пришлось остановиться и застыть в темноте. Я оперся на дерево и неподвижно замер. Некоторое время до меня доносился шум — малыш Терри рыскал в кустах в поисках еды. Затем я услышал, как он что-то грызет. Чуть позже он свернулся калачиком у моих ног и заснул. Медленно тянулись часы. Мой разум никак не мог понять, что недавно произошло. Я монстр! Почему они так решили?

Посреди ночи вдалеке я услышал ропот, как будто там шумела толпа. Я увидел огни. Все это

имело отношение к следующему дню. На рассвете я тронул Терри пальцем ноги, и мы отправились дальше. Тот же ропот снова возник, теперь он нарастал. Потом я увидел вас — людей с дубинками, косами и ружьями. Вы заметили меня, и поднялся крик. Вы сгрудились, приближаясь ко мне.

Затем что-то с резким лязгом ударило меня в лобовую пластину: один из вас выстрелил.

— Стойте! Подождите! — закричал я, зная, что должен заговорить с вами, узнать, почему на меня объявили охоту, как на дикого зверя.

Я сделал шаг вперед, поднимая руку. Но вы не слушали. Прогремели новые выстрелы, оставляя вмятины на моем металлическом теле. Я повернулся и побежал. Пуля, попав в жизненно важное место, может погубить меня так же, как человека.

Вы следовали за мной, как стая гончих, но я опережал вас благодаря своим стальным мышцам. Терри отстал, и я потерял его. Вскоре наступил полдень, и я вспомнил, что мне нужен свежий аккумулятор. Мои конечности уже двигались с трудом. Через несколько часов без нового источника электричества я рухну на месте и… умру. А я не хотел умирать.

Я знал, что должен добраться до города. На-

конец, я наткнулся на извилистую грунтовую дорогу и, исполнившись надежды, побрел по ней. Когда я увидел машину, припаркованную на обочине, я понял, что спасен: в машине доктора Линка были такие же аккумуляторы, как и у меня. Вокруг автомобиля никого не было. Подобно оголодавшему человеку, готовому наброситься на первую попавшуюся еду, я открыл щиток и заменил себе батарею.

Мое тело наполнилось новой силой. Я выпрямился как раз в тот момент, когда из-за деревьев вышли два человека — юноша и девушка. Они заметили меня. Ужас и недоверие отразились на их лицах. Девушка спряталась в объятьях юноши.

— Не бойтесь, — сказал я. — Я не причиню вам вреда. Я…

Но все мои слова были бесполезны, я это понимал. Юноша закатил глаза и рухнул в обморок, обмякнув на руках у девушки, а та потащила его прочь от меня, истерически рыдая.

Я ушел. С тех пор мой разум погрузился в то, что можно назвать глубокими раздумьями. Теперь мне не хотелось идти в город. Я начал осознавать, что с первого взгляда люди видят во мне лишь чужака.

Когда снова наступила ночь и я остановился,

я услышал заветный звук — лай Терри! Он радостно подбежал ко мне, виляя обрубком хвоста. Я наклонился, чтобы почесать его за ухом. Все это время он преданно искал меня. Вероятно, он выследил меня по запаху масла. Что может стать причиной такой слепой преданности — да еще и металлическому человеку!

Может быть, дело в том, что, как однажды сказал доктор Линк, тело — человеческое или нет — является лишь оболочкой для разума? И означало ли это, что Терри признал во мне разум, схожий с человеческим, несмотря на мое искусственное тело? Если это так, то, осудив меня как монстра, вы были неправы. И я убежден в этом! Я слышу вас сейчас — ваши крики снаружи — *берегитесь, чтобы из-за вас я не превратился в монстра, которым вы меня называете!*

Когда наступило утро, вы снова настигли меня. Полетели пули. Я сбежал. В тот день все повторялось. Ваша толпа, пополненная свежими силами, разделилась на группы, пытаясь окружить меня. Вы выслеживали меня по моим глубоким следам. Каждый раз меня спасала моя скорость. Тем не менее ваши пули нанесли мне ущерб. Одна попала в правое колено, так что теперь моя нога выворачивалась на бегу. Другая пуля ударила в

правую часть моей головы и разбила барабанную перепонку, из-за чего я оглох на одно ухо.

Но сильнее всего меня ранила та пуля, что убила Терри!

Выпустивший ее находился в двадцати ярдах от меня. Я мог бы подбежать к нему, мог бы сломать ему каждую кость своими твердыми, сильными руками. Задумались ли вы, почему я не стал мстить? *А наверное, мне стоило!..*

Весь тот день я безнадежно блуждал по бескрайнему лесу. Я ходил кругами и натыкался на вас столь же часто, что и вы на меня. Я пытался уйти подальше, прочь от вашей враждебности. Ближе к сумеркам я увидел что-то знакомое — лабораторию доктора Линка! Спрятавшись в кустах и дождавшись, когда стало совсем темно, я подошел и сломал замок на двери. Внутри никого не было. Тело доктора Линка, конечно же, тоже исчезло.

Это было место моего рождения! Первые шесть месяцев моей жизни здесь пронеслись в моей голове как в калейдоскопе. Интересно, были ли мои эмоции схожи с вашими, когда вы возвращались в хорошо знакомое вам место? Может быть, мои эмоции были даже намного глубже! Может быть, вся жизнь сосредоточена в разуме. Что-то,

пульсируя, сжималось в моем сознании. Тени, которые отбрасывала тусклая газовая лампа, что я зажег, словно бы танцевали вокруг меня, как танцевал малыш Терри. Затем на столе, ящики которого были вывернуты, я нашел книгу «Франкенштейн». В личном столе доктора Линка. Эту книгу он скрывал от меня. Почему? Я прочел ее за полчаса, молниеносно пролистывая страницу за страницей. И тогда я понял!

Но ведь это самое глупое предположение из всех когда-либо сделанных: что сотворенный человек должен обязательно восстать против своего создателя, против человечества, из-за отсутствия у него души. Эта книга — сплошное заблуждение.

Или же нет?..

Кончая писать, здесь, среди разрушенных воспоминаний, с призраком Терри, притаившимся в тени, я задаюсь вопросом, стоило ли мне это делать…

Близится рассвет. Я знаю, что мне не на что надеяться. Вы окружили меня, отрезали путь к бегству. Я вижу свет ваших факелов между деревьями. С помощью этого света вы найдете меня, уничтожите меня. Ваша жгучая ненависть все растет. Ее утолит только одно — моя смерть.

Я не настолько сильно поврежден, чтобы мне не хватило сил и мощи прорваться сквозь ваши ряды и избежать этой участи. Но это будет стоить нескольким из вас жизни. И именно поэтому я держу руку на выключателе, который одним щелчком может оборвать мою жизнь.

Как иронично, не так ли, что я обладаю теми чувствами, которых, как вы уверены, у меня нет?

(подпись) Адам Линк

Роберт Блох (1917–1994). Странный полет Ричарда Клейтона

Перевод Надежды Волковой

Amazing Stories, март

Будучи в юности одним из членов «Круга Лавкрафта», Роберт Блох долгое время вращался в мире научной фантастики. Несмотря на то что в основном он известен как автор историй о сверхъестественном и жутком, Блох также написал несколько превосходных научно-фантастических произведений, большинство из которых входят в его сборники «Атомы и зло» (1962) и «Лучшее из Роберта Блоха» (1978). За мастерством рассказчика скрывается настоящий талант к шокирующему и неожиданному, о котором свидетельствует не относящийся к жанру научной фантастики роман «Психо». Блох также удостоился премии «Хьюго» за фантастический рассказ «Поезд в ад» (1958, премию получил в 1959).

Для многих космические путешествия –

это научная фантастика, хотя изучение великих тайн космоса уже подарило нам множество замечательных произведений, равно как и путешествия, в которые мы отправляемся в нашем воображении.

(Этот рассказ появился в том же номере, где напечатали и мой первый опубликованный рассказ «В плену у Весты». На мой взгляд, лишь рассказ Боба был лучше моего. Видите ли, даже в те времена я не отличался особой скромностью. А.А.)

Ричард Клейтон собрался с духом и замер, как ныряльщик, который готовится прыгнуть с трамплина в синеву. По правде говоря, он и был ныряльщиком. Трамплином служил серебристый космический корабль, и Клейтону действительно предстояло погрузиться, но не вниз, а вверх, в синее небо. Только ему нужно было преодолеть не двадцать или тридцать футов: он погружался на миллионы миль.

Глубоко вздохнув, Клейтон, полноватый ученый с козлиной бородкой, протянул руки к холодному стальному рычагу, закрыл глаза и дернул. Переключатель опустился. На мгновение все замерло.

Затем внезапный толчок швырнул Клейтона на пол. Корабль «Грядущее» взлетел! Взмах крыльев птицы, взмывающей в небо, трепет крыльев мотылька в полете, дрожь напрягающихся мышц — вот на что это было похоже.

Космический корабль «Грядущее» бешено тряслo. Его качало из стороны в сторону, стальные стены сотрясало гудение. Оцепенев, Ричард Клейтон лежал на полу, когда внутри судна раздался звенящий гул. Он поднялся, потирая ушибленный лоб, и, шатаясь, пошел к своей узкой койке. Корабль летел, но ужасная вибрация не ослабевала. Взглянув на панель управления, Клейтон выругался:

— Черт! Панель разбита вдребезги!

Да, так оно и было. Панель управления разлетелась от удара. Осколки стекла лежали на полу, а стрелки циферблатов хаотично вертелись на голой поверхности. Клейтон впал в отчаяние. Это была настоящая катастрофа.

Мысленно Ричард перенесся на тридцать лет назад, когда, будучи десятилетним мальчиком, он восхищался полетом Линдберга[3]. Он вспом-

[3] Сноски: 3

Чарльз Огастус Линдберг (1902–1974) — американский летчик. Известен тем, что в 1927 году впервые перелетел через Атлантический океан в одиночку.

нил, как во время учебы тратил миллионы своего отца, чтобы усовершенствовать летательный аппарат, способный пересечь само Пространство. В течение многих лет Ричард Клейтон работал, мечтал и планировал. Он изучил достижения русских и их ракеты, основал фонд Клейтона и пригласил механиков, математиков, астрономов и инженеров.

Затем изобрели атомный двигатель и построили «Грядущее». «Грядущее» представляло собой корпус из дюралюминия[4] и стали без иллюминаторов. Его герметичность была тщательно продумана. В крошечной каюте хранились кислородные баллоны, запасы пищевых таблеток, стимуляторы энергии, устройства для кондиционирования воздуха. Свободным оставалось пространство длиной в шесть шагов.

Всего лишь маленькая стальная камера, но именно в ней Ричард Клейтон намеревался воплотить в жизнь свою мечту. С помощью ракет, преодолевающих гравитационное притяжение Земли, и атомно-разрядного двигателя Клейтону предстояло достичь Марса и вернуться обратно.

Десять лет уйдет на путь до Марса, еще десять —

---

[4] Сноски: 4

Дюралюминий — общее название высокопрочных алюминиевых сплавов с добавлением меди, магния и марганца.

на возвращение, а посадка корабля приведет к амортизации — дополнительному запуску двигателя. Тысяча миль в час — это будет не фантастическое путешествие со скоростью света, а долгий, унылый научно выверенный полет. Клейтону не нужно было задавать курс своего судна. Управление велось автоматически.

— И что теперь? — спросил Клейтон, уставившись на разбитое стекло.

Связь с внешним миром потеряна. Он не может отследить курс, не может определить время, расстояние и направление. Он просидит здесь десять, двадцать лет, совсем один в крошечной каюте, где не нашлось места ни книгам, ни бумаге, ни играм. Он заключен в черной пустоте Космоса.

Земля уже осталась далеко внизу, скоро она превратится в шар пылающего зеленого огня и станет меньше красного шара впереди — пылающего Марса.

Множество людей собралось на поле, чтобы посмотреть на взлет Клейтона, его помощник Джерри Чейз сдерживал толпу. Ричард представлял, как они провожают взглядом блестящий стальной цилиндр, появляющийся из газового облака и пулей устремляющийся в небо. Цилиндр растворяется в синеве, а толпа расходится по

домам и со временем забывает о нем.

Только вот он остался здесь, на корабле, на десять, на двадцать лет.

Да, он остался, но когда прекратится вибрация? Дрожание стен и пола вокруг него было невыносимым: ни он, ни эксперты не подумали об этой проблеме. Боль пронзала голову. Что, если корабль не перестанет вибрировать, если так будет продолжаться в течение всего полета? Как долго Клейтон продержится, прежде чем сойдет с ума?

По крайней мере, можно было думать. Лежа на койке, Клейтон вспоминал и перебирал в голове мельчайшие подробности своей жизни от рождения до настоящего момента. Однако он исчерпал свои воспоминания прискорбно быстро. И тогда он снова почувствовал, как все вокруг пульсирует.

— Я могу двигаться, — произнес он вслух и стал расхаживать по комнате: шесть шагов вперед, шесть назад.

Но вскоре он устал. Вздохнув, Клейтон подошел к шкафчику с пищевыми капсулами и принял несколько.

— Я даже не могу потратить время на еду, — отстраненно отметил он. — Проглотил, и все.

Пульсация стерла ухмылку с его лица. Пульса-

ция сводила с ума. Он снова лег на трясущуюся койку, включил подачу кислорода в душную каюту. Теперь он уснет, уснет, если позволит это проклятое гудение. Пытаясь отвлечься от ужасного лязга, звенящего в тишине, он выключил свет. Мысленно Клейтон вернулся к своему странному положению: он заключен в Космосе. Снаружи вращались горящие планеты, звезды проносились в кромешной темноте космической Пустоты. А он лежал в тепле и уюте в гудящей камере, отделяющей его от ледяного холода. Только бы прекратилась эта ужасная тряска!

Но все же были и плюсы. Во время полета он не увидит газет, изводящих его рассказами о жестокости людей друг к другу, не услышит глупых, раздражающих радио- и телепередач. Только эта проклятая вездесущая вибрация…

Клейтон спал, мчась сквозь Космос.

Когда он проснулся, он не увидел солнечного света. Не было больше ни дня, ни ночи. Теперь в Космосе только он и корабль. И постоянная вибрация, действовавшая на нервы бесконечной пульсацией в голове. На дрожащих ногах Клейтон подошел к шкафчику и проглотил таблетки.

Затем он сел и стал ждать. Им овладевало страшное чувство одиночества. Здесь он совер-

шенно изолирован, отрезан от всего. Делать было нечего. Это гораздо хуже, чем заключение в одиночной камере. По крайней мере, там больше места, есть солнце и глоток свежего воздуха, и иногда мелькнет чье-нибудь лицо.

Клейтон считал себя мизантропом, отшельником. Теперь же он жаждал увидеть хоть кого-нибудь. Шли часы, и ему приходили в голову странные мысли. Он жаждал увидеть Жизнь в любой форме: он отдал бы целое состояние за маленькую букашку в своей парящей темнице. Человеческий голос звучал бы как райское пение. Он был так *одинок*.

Ему ничего не оставалось, кроме как терпеть тряску, мерить шагами каюту, глотать таблетки, пытаться уснуть. Не о чем думать. Клейтон уже скучал по тому времени, когда ему приходилось стричь ногти: сейчас он мог бы растянуть это занятие на несколько часов.

Он пристально рассматривал свою одежду, часами разглядывал в зеркальце свое бородатое лицо. Он изучил свое тело, пересчитал каждый предмет в салоне «Грядущего».

И все же он не настолько устал, чтобы снова заснуть.

В голове Клейтона постоянно пульсировала

боль. Наконец, ему удалось закрыть глаза и погрузиться в сон, нарушаемый толчками, которые пугали и будили его.

Когда он все же встал, включил свет и увеличил подачу кислорода, он сделал ужасное открытие: *он потерял чувство времени.*

Ему всегда говорили, что время относительно. Теперь он осознал это. Ему нечем измерять время — ни часов, ни солнца, ни луны или звезд, ни распорядка дня. Как долго он уже летит? Как ни старался, он не мог вспомнить. Он ел каждые шесть часов? Каждые десять? Каждые двадцать? Спал ли он раз в день? Раз в три-четыре дня? Как часто он ходил по каюте? Не имея никаких приборов для определения своего местоположения, он был в полной растерянности. Он судорожно проглотил таблетки, пытаясь отвлечься от охватившей его паники.

Это было ужасно. Если он потерял счет Времени, то вскоре может потерять и осознание себя. Он сойдет с ума здесь, на космическом корабле, несущемся сквозь пустоту к далеким планетам. В крошечной камере, одинокий и измученный, он должен был мысленно за что-то цепляться. Что такое Время?

Он больше не хотел думать об этом. Он больше

ни о чем не хотел думать. Он должен забыть мир, который остался позади, иначе воспоминания сведут его с ума.

— Я боюсь, — шептал он. — Мне страшно одному в темноте. Может быть, я уже пролетел мимо Луны. Может быть, сейчас я уже за миллион миль от Земли или за десять миллионов.

Вдруг Клейтон понял, что разговаривает сам с собой. Это был прямой путь к безумию, но он не мог остановиться, как не мог остановить и ужасную вездесущую вибрацию.

— Я боюсь, — шептал он голосом, глухо звучащим в крошечной гудящей камере. — Я боюсь. *Сколько сейчас времени?*

Продолжая шептать, он заснул, а Время полетело дальше.

Клейтон проснулся со свежими силами. Он решил, что просто потерял хватку. Давление космоса, несмотря на работу стабилизаторов, повлияло на нервную систему. Головокружение могло начаться из-за кислорода, а таблетки плохо заменяли обычную пищу. Но теперь слабость исчезла. Он улыбнулся и прошелся по каюте.

Но скоро тревожные мысли вернулись. Какой сегодня день? Сколько недель прошло со старта? Может быть, уже миновали месяцы, год, два года.

Все земное казалось далеким, почти сном. Теперь он чувствовал себя ближе к Марсу, чем к Земле. Теперь он ждал будущего, а не оглядывался в прошлое.

Какое-то время он все делал автоматически. Включал и выключал свет только по необходимости, по привычке принимал таблетки, бесцельно расхаживал по каюте, машинально следил за системой кондиционирования, спал, не понимая, когда и для чего.

Со временем Ричард Клейтон перестал думать о себе и своей каюте. Пульсирующий гул в голове стал частью его самого, больной частью, напоминавшей, что он летит сквозь Космос серебряной пулей. Но теперь это не имело значения, потому что Клейтон больше не говорил сам с собой. Он забылся и мечтал только о Марсе. В вибрации судна слышалось: Марс — Марс — Марс.

Тут он почувствовал, что происходит нечто удивительное. «Грядущее» начинало посадку. Корабль, дрожа, пикировал. Он мягко опустился на окутанную газом поверхность красной планеты. Какое-то время Клейтон чувствовал влияние инопланетной гравитации, зная, что автоматика корабля замедляет работу двигателя за счет естественного притяжения Марса.

Корабль приземлился, и Клейтон открыл дверь. Он снял блокировку и вышел, легко спрыгнув на пурпурную траву. Он почувствовал себя свободным и бодрым. Здесь был свежий воздух, солнечный свет казался ярче, сильнее, хотя светящийся шар скрывали облака.

Вдали виднелись леса с пурпурной листвой раскидистых деревьев. Клейтон оставил корабль и пошел к тенистой роще. Ветви одного из деревьев склонялись к земле двумя конечностями. Конечности — самые настоящие конечности! Две зеленые руки потянулись к нему. Цепкие ветви схватили его и оторвали от земли. Холодные, скользкие, как у змеи, кольца крепко обвили его, прижали к темному стволу дерева. Он уставился на пурпурные наросты среди листвы.

Пурпурные наросты были *головами*.

Злые пурпурные лица уставились на него гнилыми глазами, похожими на трухлявые поганки. Сморщенные лица напоминали цветную капусту, только среди мясистой массы скрывался большой рот. У пурпурных лиц были пурпурные рты, пурпурные рты открывались, и из них сочилась кровь. Руки-сучья все сильнее прижимали его к холодному извивающемуся стволу, и одно из пурпурных лиц — женское — потянулось, чтобы

поцеловать его.

Кровавый поцелуй! Алая кровь блестела на чувственных губах, жадно приникших к его собственным. Он сопротивлялся, но конечности крепко держали его, а поцелуй был холодным, как смерть. Ледяное пламя обожгло все его нутро, и он лишился чувств.

Клейтон очнулся и понял, что это был сон. Он весь покрылся испариной. Это вернуло его к реальности. Пошатываясь, он подошел к зеркалу. Едва взглянув на свое отражение, он в ужасе отшатнулся. Неужели это все еще сон?

В зеркале Клейтон увидел пожилого мужчину. Некогда округлое лицо осунулось, его покрыла густая борода, появились морщины. Но ужаснее всего были глаза: Клейтон больше не узнавал их. Покрасневшие глаза, глубоко сидевшие во впалых глазницах, горели диким ужасом. Он дотронулся до своего лица и увидел, как рука с синими венами провела по седеющим волосам.

К нему будто вернулось чувство времени. Он был здесь уже много лет. Лет! Он постарел!

Конечно, за время полета он мог состариться быстрее, но ведь, наверное, уже прошло много времени. Клейтон знал, что скоро достигнет цели своего путешествия. Ему хотелось прилететь до

того, как он снова заснет. Отныне разум и тело должны сражаться с невидимым врагом — Временем. Шатаясь, он снова подошел к своей койке, а «Грядущее» — летящее металлическое чудовище — сотрясалось и мчалось вперед в темноте межпланетного Пространства.

Железными руками они колотили по обшивке корабля, пытаясь вломиться в дверь. Черные металлические монстры неуклюже вышагивали железной поступью. Их суровые высеченные из стали лица ничего не выражали. Они схватили Клейтона под руки и вытащили наружу. Они поволокли его через железную платформу, грузно топая ногами по металлу. Со всех сторон поднимались серебристыми спиралями огромные неподвижные валы. Клейтона затащили в железную башню. Вверх по лестнице громыхали гигантские металлические ноги — лязг, лязг, лязг.

А железная лестница бесконечно вилась по кругу, и все же они продолжали подъем. Выражение их лиц оставалось прежним, ведь железо не потеет. Они не знали усталости, Клейтон же еле дышал еще до того, как они поднялись на самый верх и бросили его перед Правителем в башенной зале. Металлические голоса механически жуж-

жали, как испорченный фонограф.

Мы — нашли — его — в — птице — о — Повелитель.

Он — состоит — из — мяг — кости.

Он — жив — каким — то — странным — образом.

Жи — вот — но — е.

А затем раскатистый голос откуда-то снизу произнес:

— Я голодать.

Снизу на железном троне поднимался Повелитель. Гигантский железный капкан со стальными челюстями, как у парового экскаватора. Челюсти звучно раскрылись, сверкнув ужасными зубами. Изнутри донесся голос:

— Кормите меня.

Они бросили Клейтона в железные объятия, он оказался в пасти-ловушке чудовища. Челюсти сомкнулись, с наслаждением впиваясь в человеческую плоть…

Закричав, Клейтон проснулся. Когда он дрожащими руками нажал на выключатель, блеснуло зеркало. Он смотрел на пожилого мужчину с почти белыми волосами. Клейтон старел — и задавался вопросом, справится ли его разум.

Ешь таблетки, ходи по кауте, слушай вибра-

цию, дыши кислородом, лежи на койке — вот и все. А еще жди. Жди в гудящей камере пыток часы, дни, годы, столетия, долгие эры. На каждую эру по сну.

Он приземлился на Марсе, и из серого тумана, покачиваясь, выплыли призраки. Это были прозрачные туманные очертания, похожие на вязкую эктоплазму. Но все же они покачивались и приближались к нему, и их голоса отзывались в его душе слабым шепотом.

— Вот она, Жизнь, — шептали они. — Мы, чьи души после смерти пересекли Пустоту, ждали Жизни, чтобы попировать. Давайте же приступим к нашему пиршеству.

И они стали душить его под серыми одеялами и сосать его кровь серыми колючими ртами....

Он снова приземлился на планету. На ней ничего не было. Абсолютно ничего. Голая земля простиралась до горизонтов пустоты. Ни неба, ни солнца, только земля, без конца и без края.

Он осторожно ступил на нее. Он погрузился в пустоту. Пустота вибрировала так же, как и корабль, поглощая Клейтона. Он падал в бездонную яму, и забвение смыкалось вокруг него....

Клейтон спал стоя. Он открыл глаза перед зеркалом. Его ноги ослабли, он опирался на трясущиеся

руки. Он посмотрел на лицо в зеркале — лицо семидесятилетнего старика.

— Боже! — пробормотал он.

Это был его голос — первый звук, который он услышал за… сколько времени? За сколько лет? Как долго он не слышал ничего, кроме адской вибрации корабля? Как далеко было *«Грядущее»*? Он уже совсем постарел.

Ужасная мысль пришла ему в голову. Может быть, что-то пошло не так. Возможно, расчеты оказались ошибочными, и он летит слишком медленно. В таком случае он вообще не достигнет Марса. С другой стороны — что было еще страшнее, — он мог пролететь мимо Марса, пропустив точно вычисленную орбиту планеты. Теперь он мчится в пустоту за ее пределами.

Он проглотил свои таблетки и лег на койку. Он немного успокоился — нужно быть спокойным. Впервые за долгое время он вспомнил о Земле.

Что, если ее больше нет? Что, если в его отсутствие на Земле разгорелась война, разразилась чума или другая болезнь? Или на Землю упал метеорит, или какая-нибудь умирающая звезда низвергла на нее смертельное пламя с обезумевших небес? Его одолевала ужасная мысль: что, если Захватчики пересекли Космос, чтобы

завоевать Землю, точно так же, как он сейчас пересекает Космос навстречу Марсу?

Но не стоит волноваться об *этом*. Главная задача — достигнуть собственной цели. Несмотря на свою беспомощность, он должен терпеть, поддерживать в себе жизнь и сохранять рассудок как можно дольше, чтобы осуществить свою мечту. В этой ужасной тряске Клейтон собрал воедино все оставшиеся силы. Он *будет* жить и, когда приземлится, увидит Марс. Он достигнет своей цели независимо от того, вернется он домой живым или нет. С этого момента он решил бороться со снами. Он уже не может определить Время: есть только спутанные мысли и гудение этого адского космического корабля. Но он будет жить.

Снаружи доносились голоса. Призраки выли в темных глубинах Космоса. Клейтон прогонял от себя приходившие к нему мучительные сны и очертания чудовищ. Раз в час, день или год — он уже не понимал, когда именно, — Клейтон, пошатываясь, подходил к зеркалу. И каждый раз он замечал, что стремительно стареет. Его абсолютно белые волосы и морщинистое лицо указывали на это. Но Клейтон жил. Он был слишком стар, чтобы думать о чем-либо, и слишком измучен. Он просто жил в гудении корабля.

Он не сразу понял, что произошло. Он лежал на койке в забытье, закрыв слезящиеся глаза. И вдруг тряска прекратилась. Клейтон решил, что ему, видимо, снова снится сон. Он с трудом поднялся и протер глаза. Нет, корабль «Грядущее» не двигался. Он *приземлился*!

Дрожь Клейтона не проходила. Годы мучительной тряски, годы изоляции, когда он был один на один с безумными мыслями, сделали свое дело. Он едва стоял. Но вот оно. То, чего он ждал долгие десять лет. Нет, должно быть, прошло намного больше. Теперь он увидит Марс. Он смог, он совершил невозможное. Эта мысль должна была вдохновлять. Но Ричард Клейтон все бы отдал за то, чтобы только узнать, который час, и услышать человеческий голос.

Он с трудом подошел к двери, давно закрытой двери. Там находился рычаг. Его износившееся сердце забилось сильнее, когда он потянул рычаг вверх. Дверь открылась, солнечный свет проник внутрь, свежий воздух ворвался в корабль. Свет ослепил Ричарда, легкие захрипели от воздуха, ноги понесли его вперед…

Клейтон упал в объятия Джерри Чейза.

Клейтон не понимал, что это был Джерри Чейз. Он уже ничего не понимал. Слишком многое ему

пришлось пережить.

Чейз смотрел на слабое тело.

— Где мистер Клейтон? — пробормотал он. — Кто вы такой? — Он уставился на старое морщинистое лицо. — Да ведь это и есть Клейтон! — выдохнул он. — Мистер Клейтон, что случилось, сэр? Атомный двигатель отказал, когда вы запустили его, но реакция продолжалась. Корабль так и не взлетел, но из-за сильной вибрации нам не удавалось связаться с вами. Мы не могли попасть в *«Грядущее»*, пока она не прекратилась. Мы следили за кораблем день и ночь, и лишь недавно его перестало трясти. Что произошло, сэр?

Поблекшие голубые глаза Ричарда Клейтона приоткрылись. Его губы дрогнули, и он еле слышно прошептал:

— Я… потерял счет Времени. Как… как долго я пробыл в *«Грядущем»*?

Лицо Джерри Чейза помрачнело, он снова посмотрел на старика и тихо ответил:

— *Всего одну неделю.*

И когда глаза умирающего Ричарда Клейтона остекленели, его долгий полет закончился.

Гораций Голд (1914–1996). Трудности с водой

Перевод Марии Териной

Unknown, март

Гораций Леонард Голд – один из наиболее значимых людей в истории научной фантастики. Он был основателем и главным редактором журнала Galaxy Science Fiction. Под его руководством Galaxy быстро стал ведущим научно-фантастическим журналом своего времени.

К сожалению, редакторские заслуги во многом затмили его писательский талант. Однако Голд – самобытный, одаренный автор и большой мастер стилизации. Его лучший сборник вышел в 1955 году под названием «„Старики умирают богатыми“ и другие фантастические истории». Книга определенно заслуживает переиздания.

«Трудности с водой» – пожалуй, лучший его рассказ, и не только потому, что главного героя зовут Гринберг. Просто подумайте о

нем в следующий раз, когда захотите пить.

(Это самый смешной фэнтезийный рассказ, который я прочитал в то время. Он был опубликован в первом номере журнала Unknown Fantasy Fiction. И хотя главным открытием журнала традиционно считается роман Эрика Фрэнка Рассела «Зловещий барьер», рассказ Горация стал моим любимым в этом выпуске. А.А.)

Гринберг заслуживал лучшего. В этом рыболовном сезоне он первым пришел к озеру с удочкой и потому, конечно, рассчитывал на хороший улов. В отличной целенькой лодке он отплыл подальше от берега. Вода была спокойна, и только легкая рябь изредка подергивала рыболовную мушку. Солнце припекало, но в воздухе витала прохлада. Гринберг уютно устроился на мягкой подстилке. С собой он прихватил сытный перекус и две бутылки пива, которые охлаждались в воде за бортом.

Любой другой на его месте был бы счастлив рыбачить в такой восхитительный день. Обычно Гринберг и сам любил посидеть с удочкой, но сегодня груз насущных проблем не давал ему расслабиться.

Этот невысокий, полноватый, совершенно лысый очень деловой человек постоянно кочевал туда-сюда. Летом он жил в гостинице с кухней в Рокавее, зимы же проводил в гостинице с кухней во Флориде. И там и там он управлял пляжными магазинчиками с едой и напитками. Вот уже несколько лет подряд каждые выходные шел дождь, а в День памяти, День труда и День независимости случались бури и целые потопы. Гринбергу не слишком нравилось то, чем он занимается, но так он зарабатывал на жизнь.

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. Ах, если бы вместо Рози у него родился сын! Все сложилось бы совсем по-другому. Сын мог бы делать хот-доги и гамбургеры, Эстер разливала бы пиво, а сам он готовил бы прохладительные напитки. Да, разница в выручке получилась бы небольшая, рассуждал Гринберг, зато ее можно было бы откладывать на безбедную старость, а не на приданое для их страшненькой коротконогой Рози.

— Ну, не выйдет она замуж, и что с того? — спрашивал он жену в тысячный раз. — Я буду ей помогать. Другие пристраивают мальчиков в магазины с двумя жалкими кранами содовой. Почему же я должен дарить неизвестному парню целое казино?

— Чтоб у тебя язык отсох, скупердяй несчастный! — кричала жена. — Ты хочешь, чтоб она до старости в девках ходила?! Я выдам нашу бедную Рози замуж, даже если нам самим придется помирать в какой-нибудь богадельне. Каждый непотраченный пенни пойдет на ее приданое!

Гринберг любил дочь и не винил ее во всех своих несчастьях. Но это из-за нее он сейчас ловил рыбу сломанной удочкой, склеенной на скорую руку.

Открыв глаза этим утром, его жена увидела, что он складывает снасти. Сон как рукой сняло.

— Давай! — завопила она (умение спокойно вести беседу не входило в список ее достоинств). — Проваливай на рыбалку, бездельник! Брось меня тут одну. Я и сама могу подсоединить трубки к пивным бочкам и подключить газ для содовой. Могу закупить сосиски, мороженое, булочки и сироп, присматривая в это время за электриком и газовщиком. А ты иди! Развлекайся!

— Я все уже заказал, — пытаясь ее успокоить, пробормотал он. — Электрика и газовщика сегодня не будет. Это мой последний шанс порыбачить. Мы открываемся уже завтра. Давай начистоту, Эстер, после открытия рыбачить я не смогу.

— Мне все равно! И вообще, жена я тебе или кто? Почему ты договариваешься о поставках, не спросив меня?

Он начал оправдываться. Это была тактическая ошибка. Ему стоило потихоньку улизнуть, пока она еще была в постели. Но когда спор дошел до приданого Рози, жена уже стояла к нему вплотную.

— Ладно, я! — кричала она. — Дочку бы пожалел! Сердца у тебя нет! Как ты можешь идти рыбачить, когда она места себе не находит? Сегодня такой день! Нет бы приготовить ужин и купить платье для нашей девочки. Тебя совсем не волнует, что вечером к нам придет славный мальчик и, может, даже позовет Рози на свидание. Никудышный ты отец!

Затем последовали возмущенные вопли и парочка гневных проклятий, а когда Гринберг обнаружил, что в руках у него только одна половина удочки, вторая летела ему прямо в лоб.

Теперь он сидел в своей замечательной сухой лодке посреди озера на Лонг-Айленде, прекрасно понимая, что первая же приличная рыбина легко сломает его перемотанную удочку.

Какая еще напасть свалится на его голову? Он пропустил поезд, владелец лодочной станции

опоздал, любимая приманка куда-то исчезла, и с самого утра он не поймал ни одной рыбины. Ни одной!

Время шло. Терпеть больше не было сил. Гринберг сорвал крышку с бутылки пива и осушил ее. Набравшись смелости, он наконец решил поменять мушку на безыскусного мотыля. Совесть протестовала, но желание поймать рыбу было сильнее.

Крючок вместе с извивающимся червяком медленно уходил под воду. И, прежде чем удочка замерла, что-то клюнуло. Гринберг облегченно выдохнул и, дернув удилище, вогнал крючок поглубже. «Иногда клевать на искусственную приманку выше рыбьего достоинства», — подумал он и продолжил мотать леску.

— Господи, — взмолился он, — я отдам доллар на благотворительность, только пусть эта удочка выдержит.

Удилище тем временем опасно изогнулось в месте перелома. Глядя на это печальное зрелище, Гринберг поднял ставку до пяти долларов, но даже такое щедрое предложение вряд ли могло что-то изменить. Он попытался уменьшить натяжение и почти опустил удочку в воду. Слава богу, никто его не видел. Леска между тем шла

слишком легко.

— Господи, я что, угря поймал или еще что-то некошерное? — пробурчал он. — Почему ты не сопротивляешься, черт возьми?

По большому счету, ему было все равно, кого именно он поймал — пусть даже угря. Да хоть что-нибудь! И тут он выудил из воды остроконечную зеленую шляпу без полей. Пару мгновений Гринберг просто таращился на нее с каменным лицом. Затем он яростно сдернул шляпу с крючка, бросил под ноги и растоптал, а потом возвел руки к небу в полнейшем отчаянии.

— Я рыбачу весь день, — завыл он. — Два доллара за поезд, доллар за лодку, четвертак за наживку, пять на благотворительность, еще и на новую удочку придется потратиться. И ради чего? Ради шляпы?!

— Извините, могу я получить назад свою шляпу? — раздался из воды на редкость вежливый голос.

Гринберг нахмурился. Он увидел маленького человечка, энергично плывущего прямо к нему. Его короткие ручки были гордо сложены на груди. Плыл он с помощью гигантских ушей, которые на удивление хорошо справлялись со своей задачей. Человечек решительно приближался к лодке.

Оказавшись у правого борта, он остановился и с серьезным видом посмотрел на Гринберга.

— Вы растоптали мою шляпу, — сказал он самым учтивым тоном.

Гринберг не обратил на это никакого внимания и лишь презрительно усмехнулся.

— Да ты ведь гребешь ушами. Вот умора!

— Чем же еще я должен грести? — вежливо спросил человечек.

— Руками и ногами, конечно, как все нормальные люди.

— К людям я не имею ни малейшего отношения. Я водяной гном, родственник более известного горного гнома, что трудится в рудниках. Грести руками я никак не могу, они должны быть с достоинством сложены на груди, как и подобает водяному гному. Ноги мне нужны, чтобы держать перо и другие предметы. А вот уши идеально приспособлены для передвижения по воде. Именно так я их и использую. А теперь, пожалуйста, верните мою шляпу. Немало срочных дел требуют моего немедленного вмешательства. Мне нельзя терять ни секунды.

Грубость Гринберга по отношению к удивительно вежливому гному была вполне понятна: он наконец встретил того, над кем почувствовал

превосходство. Насмехаясь над этим маленьким человечком, он тешил свое подавленное самолюбие, а гном в два фута ростом выглядел достаточно безобидно.

— Чем это таким важным ты занимаешься, Ушастый? — ехидно спросил он.

Гринберг надеялся задеть гнома. Но тот и не думал обижаться, ведь среди водяных гномов его уши считались совершенно нормальными. Вы бы тоже вряд ли оскорбились, если бы существо с атрофированными мышцами назвало вас «здоровяком». А может, и приняли бы это за комплимент.

— Я и правда очень тороплюсь, — с легкой тревогой в голосе сказал гном. — Но, если вернуть шляпу я смогу, только ответив на ваши вопросы, пусть будет так. Мы занимаемся увеличением численности рыб в восточных водах. В прошлом году их количество сильно сократилось. В некоторой степени мы сотрудничаем с Рыболовным бюро, но полностью полагаться на него не можем. Пока популяция не достигнет нормальной численности, всем рыбам настоятельно рекомендовано не клевать.

Гринберг скептически улыбнулся.

— Моя основная работа, — невозмутимо про-

должал гном, — контроль осадков на Восточном побережье. Наш комитет по сбору данных, расположенный в метеорологическом центре континента, устанавливает необходимый уровень осадков на всем материке. Если где-то на востоке осадков выпало слишком мало, я вызываю там дождь ровно в том количестве, в котором нужно. А теперь могу я получить назад свою шляпу?

Гринберг грубо рассмеялся.

— С меня хватило и первой небылицы о просьбе к рыбам не бросаться на крючок. Из тебя такой же повелитель дождя, как из меня президент Соединенных Штатов. — Он наклонился к гному и хитро прищурился. — Как насчет доказательств?

— Конечно, если вы настаиваете. — Гном терпеливо поднял свое треугольное лицо и повернул его к совершенно безоблачному месту на небе прямо над Гринбергом. — Следите за этим участком.

Гринберг с усмешкой задрал голову. Даже когда на том ясном клочке неба появилось маленькое темное облачко, ухмылка не сошла с его лица. Совпадение, да и только. Но когда на двадцатифутовую тень прямо под тучей стали падать крупные капли самого настоящего дождя, улыбка погасла и Гринберг помрачнел.

Убедившись во всем окончательно, он с ненавистью взглянул на гнома.

— Так это ты, мелкий гаденыш, устраиваешь дождь по выходным!

— Летом, как правило, по выходным, — подтвердил гном. — Девяносто два процента потребления воды приходится на будние дни. Наша задача — восполнить потери. И выходные — самое подходящее время.

— Вор! — истерично завопил Гринберг. — Душегуб! Знаешь, что твой дождь творит с моим бизнесом? Дела и без него идут неважно, а ты устраиваешь целые потопы!

— Мне жаль, — ответил гном, ничуть не тронутый речью Гринберга, — но мы не работаем на благо людей. Мы защищаем рыбу. А теперь, пожалуйста, верните шляпу. Я и так потерял достаточно времени. Мне еще нужно подготовиться к проливному дождю, назначенному на эти выходные.

Гринберг вскочил на ноги, и лодка под ним закачалась.

— Ливень в эти выходные, когда я мог хоть что-то заработать для разнообразия?! Тебя вообще не волнует, что ты рушишь мой бизнес. Надеюсь, ты и твоя рыба сдохнете в страшных муках!

Он в ярости разорвал зеленую шляпу на куски и швырнул ее остатки прямо в гнома.

— Очень жаль, что вы так поступили, — сказал человечек, продолжая спокойно грести ушами на месте. Он старательно скрывал подступающее раздражение. — Мы, маленький народец, не теряем самообладания. Но иногда бывает не лишним проучить некоторых из вас, чтобы защитить нашу гномью честь. Я не зловредный гном, но, раз уж вы так не любите воду и ее обитателей, пусть вода и все, кто в ней живет, с этого момента держатся от вас подальше.

Не расцепляя гордо сложенных рук, маленький водяной гном взмахнул огромными ушами и нырнул под воду.

Гринберг сердито смотрел на расходящиеся рядом с лодкой круги. Он не осознал смысл гномьего запрета, да и не пытался как-то его понять. Вместо этого он недовольно косился на странную серую тучу, из которой лил дождь. Через мгновение гном, видимо, вспомнил о ней, потому что дождь резко прекратился. «Как будто кран перекрыли», — невольно подумал Гринберг.

— Прощай выходная выручка, — проворчал он. — Если Эстер узнает, что я поругался с коротышкой, который управляет дождем…

Он забросил удочку в надежде хоть что-то поймать. Крючок взмыл вверх и остановился в нескольких дюймах от поверхности озера, просто застыв в воздухе.

— А ну лезь в воду, черт возьми! — прорычал Гринберг и замотал удочкой взад-вперед, пытаясь вывести крючок из нелепого положения. Тот не поддался.

Бормоча нечто несвязное о том, что он скорее повесится, чем сдастся, Гринберг швырнул бесполезную удочку в воду. В этот раз он не удивился, когда она зависла в воздухе. Лишь посмотрел на нее красными глазами и выбросил за борт остатки гномьей шляпы, а затем схватился за весла.

Когда он попытался сделать гребок, они, конечно, даже не коснулись воды. Вместо этого весла легко проскользили по воздуху, и Гринберг чуть не уткнулся в нос лодки.

— Ага, приплыли, — простонал он, перегнувшись через борт.

Как он и предполагал, лодка парила над поверхностью озера на значительной высоте.

Загребая веслами воздух, Гринберг двигался к берегу раздражающе медленно, точно средневековый летательный аппарат. Его главной заботой было не попасться никому на глаза в

этом унизительном положении.

Вернувшись в гостиницу, он хотел незаметно прошмыгнуть в ванную, минуя кухню. Эстер наверняка поджидала его там, чтобы закатить скандал из-за рыбалки накануне открытия магазина, да еще в тот самый день, когда к Рози придет такой «славный мальчик». Если быстро переодеться, может, она будет не так…

— Вот ты где, бездельник!

Он замер на месте.

— Посмотри на себя! — завопила она. — Ты весь пропах рыбой!

— Но я ничего не поймал, дорогая, — робко возразил он.

— От тебя все равно несет. Иди прими ванну, а лучше утопись в ней! У тебя есть пара минут, чтобы привести себя в приличный вид. Развлеки мальчика, когда он придет. Живее!

Он заперся в ванной, открыл кран, чтобы не слышать крики жены, и разделся. Гринберг надеялся, что горячая ванна поднимет ему настроение. Никакой рыбы! Да еще и дожди по выходным! Ох, и достанется же ему, если Эстер узнает. Но он, конечно, ничего ей не скажет.

— Обречь себя на вечные муки! Ни за что! — усмехнулся он.

Гринберг вставил в бритву новое лезвие, открыл тюбик с кремом и посмотрел на свое отражение. Сильнее всего на округлом лице выделялась безобразная черная щетина. Он гордо задрал подбородок и нахмурился. Вид у него был решительный и свирепый, что было совсем ему не свойственно. Жаль, Эстер никогда не видела его таким, иначе была бы с ним помягче.

— Герман Гринберг никогда не сдается! — отважно прошептал он. — Дождь по выходным и никакой рыбы — да пожалуйста! Меня так просто не возьмешь! Он приползет ко мне раньше, чем я к нему, уже поверьте.

Постепенно Гринберг стал понимать, что помазок все никак не намокает. Опустив глаза, он увидел, что струя воды разделилась на два отдельных потока, которые старательно обходят кисть для бритья стороной. Вся его решимость разом улетучилась — он попросту испугался. Гринберг судорожно ловил воду сложенными ладонями, пытался подлезть к ней сзади, как к пугливому зверьку, и сунуть в нее кисточку, но она каждый раз убегала, увиливая от любого прикосновения. Тогда он зажал кран ладонью, но, услышав булькающий шум в трубе, понял, что потерпел поражение. Вода текла в обратную

сторону и, вероятно, уже добралась до городского водопровода.

— Что же теперь делать? — простонал он. — Эстер мне голову оторвет, если я не побреюсь. Но как? Как бриться без воды?

С убитым видом Гринберг закрыл кран и залез в ванну. Он лег в надежде наконец отмыться. Ужас парализовал его с головы до ног, когда он осознал, что лежит в пустой ванне — совершенно сухой. Вся вода в едином порыве отвращения выплеснулась на пол.

— Герман, прекрати плескаться! — прогремела жена. — Я только что вымыла пол. Если я увижу там хоть одну каплю, я тебя убью!

Гринберг посмотрел на пол, где образовался небольшой бассейн.

— Да, любимая, — печально прохрипел он.

Вооружившись импровизированной тряпкой в виде полотенца, он снова стал преследовать неуловимую воду. Он надеялся поймать ее до того, как она успеет просочиться на этаж ниже, но тряпка оставалась сухой. Он знал, что с потолка внизу уже капает. Вода все так же была на полу.

В отчаянии Гринберг присел на край ванны. Какое-то время он просто молчал. Вдруг в дверь забарабанила жена, очевидно, напоминая, что

пора выходить. Он вздрогнул и начал одеваться.

Гринберг выскочил из ванной и плотно закрыл дверь, чтобы потоп не вырвался наружу. Внешний вид его оставлял желать лучшего: грязный, небритый, с царапинами на лице от экспериментов с бритвой.

— Рози! — позвал он хриплым шепотом. — Ш-ш-ш! Где мама?

Дочь сидела на диване и красила ногти на коротеньких пальцах.

— Выглядишь ужасно, — спокойно сказала она. — Может, тебе побриться?

Он отшатнулся. Ее голос прозвучал как вой сирены.

— Тише, Рози! Ш-ш-ш!

Для большей убедительности он прижал палец к губам. Он слышал, как жена расхаживает по кухне.

— Рози, — проворковал он, — там в ванной вода на полу, если вытрешь ее, дам доллар.

— Не могу, папа, — отрезала она. — Я уже оделась к ужину.

— Два доллара, Рози. Ну ладно, два с половиной, шантажистка ты эдакая.

Гринберг вздрогнул, когда из ванной раздался ее изумленный вскрик. Но, когда Рози вышла

оттуда в мокрых туфлях, он уже бежал вниз по лестнице. Выскочив из гостиницы, он бесцельно побрел в сторону города.

Он был в западне: крики Эстер, слезы Рози, а теперь еще новая пара туфель и два с половиной доллара, которые он пообещал дочери. Хуже будет, только если он не сможет побриться.

Потирая саднящие порезы на лице, Гринберг принялся разглядывать аптечную витрину. Ничего подходящего он там не увидел, но все же вошел внутрь и с надеждой остановился у прилавка. За стеклом показалось лицо, и к Гринбергу вышел аптекарь, на вид опрятный толковый парень.

— Есть у вас что-нибудь для сухого бритья? — спросил Гринберг.

— Раздражение, да? — сказал фармацевт. — Есть у меня отличное средство.

— Да нет, просто… Просто я не люблю бриться с водой.

Аптекарь явно расстроился.

— Что ж, тогда могу предложить вам крем, который не нужно наносить кистью… — Тут его осенило. — А еще у нас есть электробритва — это намного лучше.

— И сколько она?.. — настороженно спросил Гринберг.

— Всего пятнадцать долларов. Зато она прослужит вам всю жизнь.

— Давайте крем, — сказал Гринберг.

С видом разведчика он бродил по окрестностям, дожидаясь наступления сумерек. Только после этого он направился к гостинице, чтобы еще немного подождать снаружи. Было около семи, и он уже порядком проголодался.

Всех, кто заходил в гостиницу, он знал: это были летние постояльцы, которые останавливались здесь каждый год. Вдруг мимо него пробежал незнакомец и стал подниматься по лестнице. На мгновение Гринберг засомневался. Незнакомец едва ли походил на «славного мальчика», как его описывала Эстер. Но, вспомнив ее вечную манеру выдавать желаемое за действительное, он поспешил за ним.

Остановившись у входа, Гринберг подождал пару минут, чтобы посетитель успел представиться, а Эстер и Рози приняли любезный вид. Затем он смело вошел в комнату, зная, что жена не устроит скандал при госте. Стараясь не замечать напряженной обстановки, он вежливо пожал руку гостю, врачу Сэмми Кацу. «Наверняка ищет способ открыть собственный кабинет», — подумал Гринберг и попросил его извинить.

В ванной Гринберг внимательно прочитал инструкцию на тюбике нового крема для бритья. Он почувствовал себя куда менее уверенно, когда узнал, что после процедуры крем рекомендуется смыть при помощи воды и мыла. Ни тем, ни другим он воспользоваться не мог, но все равно нанес крем на щетину и стал ждать, когда она смягчится. Уже во время бритья он понял, что этого так и не произошло. Гринберг обтер лицо полотенцем, которое превратилось в липкую, грязную тряпку с остатками крема и щетины. Он понимал, что это только начало. В конце концов ему придется выложить пятнадцать долларов за электробритву. Эта глупость будет стоить ему целое состояние!

Гринберг понимал, что ужин не начинали без него только ради приличия. Продолжая ослепительно улыбаться, Эстер прошипела:

— Погоди, я еще доберусь до тебя!

Он улыбнулся в ответ, что весьма болезненно отразилось на его многострадальном лице. Все еще можно было исправить. Нужно только быть крайне любезным с молодым человеком Рози. А если он сунет Сэмми пару долларов на прогулку с дочерью (опять расходы!), Эстер ему все простит.

Гринберг был так занят всяческим обхажива-

нием Сэмми, что не успел подумать, как будет справляться с блюдами после бутербродов с икрой. В других обстоятельствах его бы оттолкнули остроконечные вощеные усики гостя и его корыстные мотивы в отношении бедной Рози, но сейчас для Гринберга он был потенциальным спасителем.

— Вы еще не открыли приемный кабинет, доктор Кац?

— Пока нет. Вы же знаете, как тут все делается. И пожалуйста, зовите меня Сэмми.

Гринберг оценил этот стратегический ход, ведь он, кажется, пришелся по душе Эстер. Одним махом Сэмми снискал расположение хозяев и начал торговаться. Не говоря ни слова, Гринберг взял ложку, чтобы приступить к супу. Осадить этого настырного доктора он еще успеет. Доктор! Неудивительно, что Эстер и Рози в таком восторге. Гринберг опустил ложку в тарелку согласно всем правилам этикета. Часть супа тут же оказалась на скатерти.

— Аккуратнее, идиот, — прошипела Эстер.

Гринберг поднес ложку ко рту. Непослушный суп спрыгнул с нее и полетел прямо на штаны, но в последний момент передумал и плюхнулся на пол. Гринберг сглотнул и отодвинул тарел-

ку. Остатки бульона перемахнули через край и огромной лужей разлились по столу.

— Я все равно больше не хочу. — Гринберг пытался держаться как можно непринужденнее.

«Повезло, что здесь Сэмми», — подумал он. Этот доктор не давал Эстер выйти из себя, отвлекая ее милой беседой. Несмотря на усы, этот Сэмми все-таки неплохой парень. И сейчас его присутствие было как нельзя кстати.

Страх все сильнее охватывал Гринберга. Икра была солонее любой селедки — неудивительно, что после нее ему ужасно хотелось пить. А мысль о том, что вода от него убегает, только усилила жажду. И он решил пойти на хитрость.

Пока остальные громко и оживленно болтали, Гринберг ждал, когда жажда пересилит страх. Затем он протянул над столом руку с пустым бокалом.

— Сэмми, если не трудно, плесните мне воды.

Под пристальным взглядом Эстер Сэмми стал наливать воду из графина. Гринберг знал, что сейчас произойдет, и все равно был поражен, когда вода выплеснулась из стакана прямо на единственный костюм молодого доктора.

— Что ж, извините, — сердито сказал Сэмми, — но я отказываюсь ужинать с психами.

Эстер плакала и умоляла его остаться, но он ушел. Рози так и застыла на месте. Хлопнула дверь, и Гринберг в полнейшем отчаянии посмотрел на жену. Она угрожающе приближалась с явным намерением его прикончить.

Гринберг стоял на деревянном настиле рядом со своим магазинчиком и отрешенно смотрел на мирный и ужасно противный синий океан. Он задумался, что будет, если шагнуть в воду и пойти вперед. Наверное, он дойдет до Европы, даже не намочив ноги.

Было рано, слишком рано для торговли, и он уже порядком устал. Этой ночью ни Гринберг, ни Эстер не спали, и их соседям, вероятно, тоже было не до сна. Но главное — его мучила невыносимая жажда.

Эксперимента ради он сделал себе содовую. Но вся жидкость, разумеется, растеклась по полу. На завтрак он попытал счастье с соком и кофе — тоже безуспешно.

Гринберг сидел на лавочке у своего магазина, сил почти не осталось, в горле совсем пересохло. Было утро пятницы, день обещал быть ясным и жарким. Будь это суббота, непременно пошел бы дождь.

— В этом году я окончательно разорюсь, —

простонал он. — Если даже содовая меня не слушается, то и пиву не удержаться в моем стакане. Я ведь собирался нанять мальчика за десять долларов в неделю, чтобы он жарил хот-доги. Я бы делал содовую, Эстер разливала бы пиво. Но теперь придется платить двадцать, а то и двадцать пять долларов в неделю, чтобы кто-то мешал содовую вместо меня. Я даже не покрою расходы! Да я разорюсь!

Положение было самое отчаянное. Торговля в ларьке зависела от слишком большого количества факторов, а прибыль своим постоянством походила на капризного ребенка.

Во рту было сухо, и темные глаза Гринберга горели огнем. К этому времени в магазине уже подключили газ и электричество, к бочкам подсоединили пивные трубки, настроили сифон и включили холодильник.

Постепенно пляж стал заполняться людьми. Гринберг, скорчившись, сидел на скамейке и завидовал им. Они могли плавать, могли пить, жидкость не убегала от них в страхе и отвращении. Их не мучала жажда…

Он заметил первых покупателей. Многолетний опыт подсказывал Гринбергу, что утром люди берут только напитки. Он спешно закрыл мага-

зинчик и помчался в гостиницу.

— Эстер! Я должен поговорить с тобой! Я больше не могу! — кричал он.

Жена держала в руках метлу, словно бейсбольную биту.

— Возвращайся к прилавку, полоумный! Ты уже достаточно поиздевался над нами.

Ему и так было хуже некуда, и слова Эстер не могли его задеть.

— Мне нужна твоя помощь, дорогая.

— Почему ты не побрился, скотина? Чего ты…

— Об этом я и хотел поговорить. Вчера я поссорился с водяным гномом…

— С кем? — Эстер подозрительно посмотрела на него.

— С водяным гномом, — торопливо сказал Гринберг. — Такой маленький человечек с большими ушами, он ими плавает, а еще он вызывает дождь…

— Герман! — закричала она. — Хватит нести чушь! Ты спятил!

Гринберг ударил себя по лбу.

— Я не спятил. Погоди, Эстер. Пойдем на кухню.

Она послушно направилась за ним, но ее настроение заставляло Гринберга чувствовать себя

еще более беспомощным и одиноким. Уперев кулаки в широкие бедра, она настороженно наблюдала за его попытками налить воду в стакан.

— Видишь? — простонал он. — Не наливается. Не попадает в стакан. Вода от меня убегает.

Она не верила своим глазам.

— Что с тобой случилось?

Гринберг, запинаясь, рассказал жене о встрече с водяным гномом. Он постарался не упустить ни одной унизительной детали.

— Теперь я не могу даже прикоснуться к воде, — заключил он. — Не могу пить, не могу делать содовую. А еще эта жажда! Она меня доконает.

Эстер отреагировала мгновенно. Она тут же обняла его, прижала голову к своему плечу и стала успокаивать, как маленького ребенка.

— Герман! Бедный мой Герман! — нежно шептала она. — За что нам такое наказание?

— Что же мне делать, Эстер? — захныкал Гринберг.

Она отстранилась.

— Тебе нужно к врачу, — решительно сказала Эстер. — Как долго ты протянешь без воды? Ты ведь умрешь. Может, иногда я бываю строга с тобой, но ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Знаю, мамочка, — сказал он. — Но чем мне

поможет врач?

— Я же не врач! Откуда мне знать? Все равно сходи. Хуже не будет.

Он замялся.

— Мне нужно пятнадцать долларов на электробритву, — пролепетал он.

— Надо так надо, — ответила она. — Иди, дорогой. Я постою за прилавком.

Гринберг больше не чувствовал себя покинутым и одиноким. Уверенным шагом он отправился к врачу. Там он мужественно стал описывать симптомы своего недуга. Врач слушал и сочувственно кивал до тех пор, пока в рассказе не появился водяной гном. Тут он недоверчиво прищурился.

— Я знаю, что вам нужно, мистер Гринберг, — перебил он. — Ждите здесь, я сейчас вернусь.

Гринберг тихо ждал. На мгновение он даже понадеялся, что все вот-вот закончится. Но через секунду он услышал вой сирены. Тут же появились врач и два санитара, они набросились на Гринберга и попытались запихнуть его в какой-то мешок. Он, конечно, сопротивлялся и от испуга даже ударил одного из них по физиономии.

— Что вы делаете? — вопил он. — Не надевайте на меня эту штуку!

— Тише, тише, — успокаивал его врач, — все будет хорошо.

В этот момент в дверях показался полицейский, сопровождавший машину скорой помощи.

— Что тут у вас? — спросил он.

— Не стойте как истукан! — крикнул санитар. — У нас тут сумасшедший. Помогите надеть смирительную рубашку!

Полицейский нерешительно подошел.

— Спокойно, мистер Гринберг. Пока я рядом, они не причинят вам вреда. Что происходит?

— Майк! — воскликнул Гринберг и вцепился в рукав своего защитника. — Они думают, я сошел с ума.

— Конечно, сошел, — начал доктор. — Он заявился сюда и стал плести небылицы о проклятии водяного гнома.

— Что за проклятие, мистер Гринберг? — осторожно спросил Майк.

— Я нагрубил гному, который вызывает дождь и заботится о рыбе, — выпалил Гринберг. — Я порвал его шляпу. Теперь он не подпускает ко мне воду. Я не могу пить и все такое…

— Ну вот, — кивнул врач, — говорю же, натуральный псих.

— Помолчите!

Майк долго разглядывал Гринберга и наконец сказал:

— Кто-нибудь из вас, ученых врачей, проверял его слова? Сюда, мистер Гринберг.

Полицейский налил воды в бумажный стаканчик и протянул ему.

Гринберг наклонился за стаканом. Вода тут же отпрянула к дальней стенке, а когда он взял его в руки, жидкость катапультировалась в воздух.

— Сумасшедший, говорите? — ехидно спросил Майк. — Вижу, вы ничего не знаете о гномах и эльфах. Пойдемте со мной, мистер Гринберг.

Они вышли и направились к пляжу. Гринберг рассказал Майку обо всем, что с ним случилось, объяснил, сколько неприятностей это доставляет ему самому и как плохо сказывается на торговле.

— Да уж, врачи вам не помогут, — протянул Майк, — что они могут знать про маленький народец? За оскорбление гнома я вас не осуждаю. Вы ведь не ирландец, иначе бы знали, что с гномом нужно обращаться уважительно. Как бы то ни было, сперва нужно утолить жажду. Вы совсем ничего не можете пить?

— Ничего, — упавшим голосом ответил Гринберг.

Они подошли к магазинчику. Одного взгляда

хватило, чтобы понять: дела идут неважно. Но Гринберг был так подавлен, что расстроиться сильнее уже не мог.

Эстер тут же подлетела к мужу.

— Ну что? — взволнованно спросила она.

— Ничего, — пожал плечами отчаявшийся Гринберг. — Они решили, что я сумасшедший.

Майк уставился на стойку с кранами и задумался. Казалось, было слышно, как в его голове скрипят шестеренки.

— Ну конечно! — после долгого молчания воскликнул он. — А пиво вы пробовали? В детстве мама рассказывала мне про эльфов, гномов и всех этих волшебных существ. Она была с ними знакома. Они ведь не прикасаются к алкоголю. Попробуйте выпить стаканчик пива.

Гринберг послушно подошел к стойке, поставил стакан и открыл кран. Вдруг его мрачное лицо просветлело. Пиво налилось в стакан и не думало выливаться! Майк и Эстер улыбнулись друг другу, а Гринберг, запрокинув голову, стал жадно пить.

— Я спасен, Майк! — радостно закричал он. — Вы должны выпить со мной!

— Ну… — вяло запротестовал Майк.

Вечером Эстер все-таки закрыла магазин и по-

тащила мужа вместе с Майком в гостиницу.

На следующий день пошел ливень — наступила суббота. Гринберг страдал жутким похмельем, которое усугублялось после каждого стакана пива, хоть как-то утоляющего периодические приступы жажды. Он с вожделением думал о недоступных ему пакетиках со льдом и безалкогольных напитках.

— Я больше не могу! — простонал он. — Пиво на завтрак — фу!

— Лучше, чем ничего, — сказала Эстер, уже смирившаяся с новым положением вещей.

— Ох, даже не знаю. Дорогая, ты ведь не злишься на меня за Сэмми?

Она мягко улыбнулась.

— Пустяки! Как только речь пойдет о приданом, он тут же прибежит обратно.

— Так я и думал. Но что мне делать с этим проклятием?

Майк сложил зонтик и бодро вошел под руку со старушкой, которую представил как свою мать. Гринберг с завистью отметил живительную силу льда и безалкогольных напитков. А ведь вчера Майк был так же пьян, как и он.

— Майк рассказал мне о вашей ссоре с гномом, — начала старушка. — Я хорошо знаю

маленький народец и не стану осуждать вас за оскорбление гнома. Вижу, вы никогда раньше с таким не сталкивались. Но вы ведь хотите снять с себя проклятие? Вы раскаиваетесь в том, что сделали?

— Пиво на завтрак! — Гринберг поежился. — Вы еще спрашиваете?

— Тогда идите к озеру и докажите это гному.

— Но как? — нетерпеливо спросил Гринберг.

— Принесите ему сахар. Маленький народец любит сладости, но…

— Эстер, ты слышала? — обрадовался Гринберг. — Я принесу целый мешок…

— Они любят сахар, но не могут его есть, — перебила старушка. — Он растворяется в воде. Вы должны придумать, как этого избежать. Тогда маленький джентльмен поймет, что вы и вправду раскаиваетесь.

Пока возбужденный ум Гринберга боролся с этой задачкой, в комнате царила сочувственная тишина.

— Когда я к вам пришла, то сразу поняла, что Майк не соврал, — прошептала старушка. — На улице льет как из ведра, а земля рядом с вами совершенно сухая. Я в жизни не видела ничего подобного!

Гринберг ее почти не слушал, Майк изредка кивал, а вот Эстер очень заинтересовалась. Так ничего и не придумав, Гринберг признал свое поражение и вдруг обнаружил, что остался в магазине совсем один. Что там говорила Эстер? Кажется, она сказала, что вернется через пару часов.

— Что же делать? — бормотал он. — Сахар, который не растворяется в воде… — Он налил себе стакан пива и задумчиво выпил. — Они, наверное, те еще привереды. Может, сойдет сахарный сироп? Он ведь тоже сладкий.

Гринберг расхаживал по магазинчику взад-вперед, ища себе занятие. Протереть краны на стойке он не мог. Народу из-за дождя не было, так что несколько сосисок, которые он пожарил, пропадали зря. Пол уже подмели. Поэтому Гринберг сел и снова стал думать.

— Пойду на озеро в понедельник, — решил он. — Завтра идти нет смысла, только простуду подхвачу из-за этого дождя.

Наконец вернулась Эстер. Она странно улыбалась и была с Гринбергом на удивление нежной и внимательной. Он был очень тронут. Но уже к вечеру понял причину ее чудесного преображения.

Его жена распустила слух, что, пока весь го-

род заливает дождем, вокруг их магазинчика волшебным образом сухо. Поэтому, несмотря на головную боль, бьющую по вискам в такт учащенному пульсу, Гринберг все воскресенье работал как лошадь, развлекая народ, который пришел поглазеть на чудо и спрятаться от непогоды.

Никто так и не узнал, сколько они заработали. Гринберг взял за правило не обсуждать такие личные вопросы. Но всем было ясно, что даже в 1929 году он не получал столько за одни выходные.

В понедельник рано утром Гринберг стал тихонько одеваться, стараясь не разбудить жену, но Эстер все равно проснулась. Лежа в постели, она приподнялась на локте и с сомнением посмотрела на мужа.

— Герман, — тихо сказала она, — тебе точно нужно туда идти?

Гринберг в недоумении уставился на нее.

— Что значит «точно»?

— Ну… — запнулась она, — Герман, дорогой, может, ты подождешь до конца сезона?

Он в ужасе отшатнулся.

— Как эта страшная мысль могла прийти в голову моей собственной жене? — прохрипел он. — Вместо воды мне приходится пить пиво.

Сил моих больше нет! Думаешь, я люблю пиво? Я даже помыться не могу. Люди уже от меня шарахаются. А что будет к концу сезона? С этой отросшей бородой я выгляжу как бродяга. Даже электробритва ее не берет. Я вечно пьяный. А в нашем роду никогда не было пьяниц. Я ведь хочу, чтоб меня уважали…

— Герман, дорогой, я понимаю, — Эстер вздохнула, — но я все думаю о нашей Рози. Такой выручки, как в эти выходные, у нас не было никогда. Если по субботам и воскресеньям наш магазин будет единственным сухим островком во всей округе, мы разбогатеем!

— Эстер! — закричал Герман. — А мое здоровье тебя совсем не волнует?

— Конечно, волнует, дорогой. Я только подумала, вдруг ты сможешь немножко потерпеть…

Схватив куртку, шляпу и галстук, Гринберг выбежал из комнаты, хлопнул дверью и в нерешительности остановился. Было слышно, как жена кричит ему вслед. Тут он понял, что, сняв с себя гномье проклятье, упустит отличную возможность заработать.

Он неторопливо оделся. Эстер была отчасти права. Если бы он выдержал эту пивную диету…

— Нет! — одернул себя Гринберг. — Меня те-

перь даже друзья сторонятся. Нехорошо такому уважаемому человеку, как я, пьянствовать и не мыться. Пусть мы заработаем меньше. Не в деньгах счастье… — И, преисполненный решимости, он направился к озеру.

Тем же вечером Майк по пути домой решил заглянуть в магазинчик Гринбергов. Там он увидел Германа. Тот сидел, обхватив голову руками, и медленно покачивался на стуле из стороны в сторону.

— Что такое, мистер Гринберг? — вежливо спросил он.

Гринберг поднял глаза. Вид у него был растерянный.

— А, это ты, Майк, — безучастно сказал он.

Через мгновение взгляд его прояснился, стал более осмысленным. Гринберг встал и повел Майка к барной стойке. Они молча сели пить пиво.

— Сегодня я был на озере, — отрешенно сказал Гринберг. — Ходил, звал гнома, кричал как сумасшедший. А он и мизинца из воды не высунул.

— Понимаю, — печально кивнул Майк. — Они всегда так заняты.

Гринберг развел руками.

— Что же мне делать? Я ведь не могу написать ему или отправить телеграмму! У него нет двери,

в которую можно постучать, и нет звонка, в который можно позвонить. Как же мне выманить его наружу? — Он сгорбился. — Держи сигару, Майк. Ты стал мне хорошим другом. И кажется, мы уже напились.

Наступило неловкое молчание. Наконец Майк сказал:

— Жарко сегодня. Настоящее пекло.

— Да. Эстер говорит, если так будет продолжаться, дела у нашего магазинчика пойдут в гору.

Майк вертел в руках целлофановую обертку от сигары.

— Ладно, представим, что я найду гнома, — сказал Гринберг. — Но как быть с сахаром?

Снова повисла напряженная тишина. Майк явно чувствовал себя не в своей тарелке. Будучи человеком энергичным и деятельным, он совсем не знал, как поддерживать отчаявшихся друзей. Он сосредоточенно крутил сигару в руках, прислушиваясь к шуршанию обертки.

— Такие жаркие дни — настоящий ад для сигар, — пробормотал он, чтобы заполнить паузу. — Они ужасно сохнут. Хотя вот эта в порядке.

— Да-а, — отвлеченно сказал Гринберг. — Целлофан не дает им…

Они переглянулись.

— Святые папиросы! — воскликнул Майк.

— Сахар в целлофане! — только и смог сказать Гринберг.

— Точно! — восторженно отозвался Майк. — Я попрошу Джо меня подменить. Завтра пойдем на озеро вместе. Зайду за вами рано утром.

Гринберг в порыве чувств крепко пожал руку Майку, так и не найдя подходящих слов.

Наконец появилась Эстер и сменила его за прилавком. Оставив ей в помощь неумелого парня, отвечающего за хот-доги, Герман Гринберг помчался по городу на поиски кубиков сахара в целлофановых обертках.

Майк подошел к гостинице, едва встало солнце. Гринберг, полностью одетый, уже давно ждал его на крыльце. Майк искренне переживал за друга. Всю дорогу до станции Гринберга шатало, а глаза почти сбились в кучку от жуткого похмелья.

Они остановились у кафетерия, чтобы позавтракать. Майк заказал апельсиновый сок, яичницу с беконом и кофе с молоком. Гринберг тяжело сглотнул.

— Что будете брать? — спросил продавец.

Гринберг покраснел.

— Пиво, — сказал он хриплым голосом.

— Шутите, что ли?

Не в силах говорить, Гринберг замотал головой.

— Может, еще что-нибудь? Овсянку, тост, кусок пирога…

— Только пиво. — Он заставил себя сделать пару глотков, а затем повернулся к Майку. — Помоги мне. Еще одно пиво на завтрак меня убьет!

— Понимаю, — промычал Майк с набитым ртом.

В поезде они попытались придумать план. Но опыта в таких делах у них не было, поэтому они так ни к чему и не пришли. К озеру Майк и Гринберг шли молча и угрюмо. Они прекрасно понимали, что сегодня им придется действовать методом проб и ошибок и никакая теория здесь не поможет.

— Как насчет лодки? — предложил Майк.

— Если я сяду в лодку, она не поплывет. Ты не сможешь грести.

— И что же тогда делать?

Гринберг закусил губу и всмотрелся в прекрасное голубое озеро. Здесь живет гном, он совсем близко.

— Ты иди вдоль берега через лес и зови его что есть мочи. А я пойду в другую сторону. Мы сделаем круг и вернемся к лодочному сараю. Если

увидишь гнома, крикни меня.

— Хорошо… — неуверенно сказал Майк.

Озеро оказалось довольно большим. Они шли медленно, то и дело останавливаясь, чтобы позвать гнома. Спустя два часа они оказались на противоположных берегах, ровно напротив друг друга. Гринберг слышал хриплый голос Майка:

— Эй, гном!

— Эй, гном! — вторил Гринберг. — Выходи!

Через час они наконец встретились. Оба ужасно устали и отчаялись, обоих мучала жажда. Из озера так никто и не появился, лишь рыбаки иногда тревожили воду своими удочками.

— К черту! — выругался Майк. — Все без толку. Надо возвращаться к станции.

— Что будем делать? — прохрипел Гринберг. — Я не могу сдаться!

Они поплелись дальше, продолжая вяло звать гнома. Сделав полный круг, Гринберг приготовился принять поражение. Вдруг они заметили хозяина лодочной станции. Он грозно приближался к ним.

— Эй вы, психи, убирайтесь отсюда! — рявкнул он. — Нечего своими криками распугивать рыбу! Парни жалуются…

— Кричать мы больше не будем, — сказал Грин-

берг. — Все равно бесполезно.

Как только они купили пиво, а Майк зачем-то арендовал лодку, хозяин сразу остыл и пошел доставать наживку.

— Зачем ты взял лодку? — спросил Гринберг. — Как я на ней поплыву?

— А вам и не нужно. Вы пойдете пешком.

— Снова вокруг озера? — воскликнул Гринберг.

— Нет-нет. Сейчас объясню, мистер Гринберг. Возможно, гном не слышит нас сквозь эту толщу воды. Гномы — существа не бессердечные. Если бы он услышал, что вы раскаиваетесь, то уже давно бы снял проклятие.

— Возможно, — с сомнением сказал Гринберг. — Так куда мне идти?

— Как я понял, вы каким-то образом отталкиваете воду, а значит, и вода отталкивает вас. По крайней мере, я на это надеюсь. Если я прав, вы можете спокойно идти по озеру. — Говоря это, Майк подбирал камни и укладывал их на дно лодки. — Помогите-ка мне.

«Даже бесполезное занятие лучше безделья», — рассудил Гринберг и принялся за работу. Они укладывали камни до тех пор, пока лодка не погрузилась в воду по самую кромку борта. Затем

Майк залез внутрь и оттолкнулся от берега.

— Ну-ка, — сказал Майк, — попробуйте пройтись по воде.

— Думаешь, получится? — колебался Гринберг.

— Ничего с вами не случится. Вы не можете намокнуть, а значит, не можете утонуть.

Разумность доводов Майка несколько убедила Гринберга, и он отважно шагнул вперед. Когда вода под ногами спешно отпрянула, а невидимая сила удержала его над поверхностью озера, он облегченно выдохнул. Хотя воздушная опора не внушала особого доверия, при должной осторожности Гринберг мог двигаться вполне быстро.

— А теперь что? — спросил он почти радостно.

Майк поравнялся с Гринбергом, сложил весла и протянул ему камень.

— Будем бросать их в озеро. Наведем шуму и перебудим всех под водой. Это заставит гнома выплыть к нам.

Теперь все казалось не так безнадежно.

— Вот этот точно его поднимет! А этот прилетит прямо по тыкве! — подбадривали они друг друга, бросая камни.

Истратив примерно половину боеприпасов, Гринберг вдруг замер с булыжником в руке. Внутри все сжалось, и он разинул рот.

Майк проследил за его восторженным взглядом и увидел гнома, бойко загребающего воду ушами. Руки маленького человечка были гордо сложены на груди. Выглядело все это и правда забавно.

— Зачем, позвольте узнать, вы бросаете камни и отвлекаете нас от работы? — спросил гном.

Гринберг сглотнул.

— Простите, мистер Гном, — взволнованно сказал он. — Я не смог до вас докричаться.

Гном окинул его взглядом.

— А, вы тот самый смертный, которого я проучил. Зачем пожаловали?

— Чтобы извиниться. Я больше никогда не стану вам грубить, мистер Гном!

— Чем докажете вашу искренность? — сдержанно спросил человечек.

Нервно порывшись в кармане, Гринберг вытащил целую горсть кубиков сахара, завернутых в целлофан, и дрожащей рукой протянул их гному.

— Очень, очень умно, — сказал маленький джентльмен, разворачивая сахарный кубик и кидая его прямо в рот. — Давно сахар не бывал в моем животе.

Через секунду Гринберг плюхнулся в воду. Майк едва успел поймать его за край куртки и

затащить в лодку, но Гринбергу было почти все равно. Сама мысль о том, что он может утонуть, приводила его в восторг.

Дон А. Стюарт (Джон В. Кэмпбелл-младший). Плащ Эсира

Перевод Анны Михалевой

Astounding Science Fiction, март

Под именем Дона А. Стюарта покойный Джон Кэмпбелл выпустил группу рассказов, которые изменили жанр научной фантастики. Хотя Кэмпбелл был прославленным редактором, его новаторство как писателя не было как следует изучено (была бы очень кстати хорошая критическая биография этого непростого и удивительного человека) – в самом деле, будущие историки этого направления, возможно, когда-нибудь сочтут, что его вклад в формирование литературных течений не уступал по значимости его редакторским дарованиям. В первую очередь известный как автор превосходных космических опер, таких как рассказы о Пентоне и Блейке и «Самая могучая машина» 1934 года, в образе Стюарта он сосредоточил внимание на восприятии людьми новых технологий и

на вечных вопросах человеческого бытия. В этом смысле он сам положил начало «золотому веку научной фантастики».

«Плащ Эсира», независимое продолжение повести «Из мрака ночи» 1937 года, был последним рассказом, написанным Кэмпбеллом под псевдонимом Стюарт. Это памятный и значимый вклад в развитие научной фантастики.

(Для поклонников жанра, которые помнят 1930-е годы, всегда было нечто печальное в том, что приходилось выбирать между Джоном Кэмпбеллом – писателем и Джоном Кэмпбеллом – редактором. Мы никак не могли отказаться от редактора, и все же время от времени мы оплакиваем писателя и то, что могло бы быть создано им. А.А.)

Крошечное, почти человеческое личико Матери Сарна носило следы усталости от сорока часов непрерывного напряжения. Теперь, как она сильно опасалась, впереди было новое и более серьезное испытание. Ибо восемь Матерей Городов, уже занявших свои места в Сарнском зале собраний, не собирались благосклонно внимать ее рассказу. Для них, как хорошо было известно

древней Матери Сарна, люди Земли были рабами. Рабами, созданными, чтобы трудиться, тупоголовыми рабами, до которых никому не было дела. Земля была планетой сарнов, планетой, около четырех тысяч лет назад отвоеванной ими у первоначально населявшей ее расы узколобых недомерков, называвших себя людьми. Изменить это представление было бы очень непросто. Особенно для Матери Сарна, которая в некотором роде была не из их числа. Мать Сарна была Бессмертной. И поэтому ее не любили.

Эти восемь, Матери Городов, были матриархальными правительницами Земли при сарнах. Каждая из них возвысилась до господства над континентом или околоконтинентальной областью ценой жесткой конкуренции с представителями всего народа. Они знали, что завоевали свое место, заслужили его по праву.

Но Мать Сарна? Единовластная правительница всей Земли, всех сарнов, равно как и всех людей? Она даже не унаследовала свое положение — она просто занимала его всегда. Ее победа затерялась во мраке веков. Сарны были народом долгожителей — возраст некоторых из них достигал тысячи лет, — но Мать Сарна была бессмертна; она существовала еще в мифические времена Забытой

планеты, до того, как родной мир сарнов был разрушен космической катастрофой, которая заставила расу искать новые миры.

Мать Сарна завоевала для них этот мир, но это — как и все, кто сражался с человечеством в те времена, отделенные от настоящего сроком в четыре тысячи лет, — было предано забвению. Мать Сарна, пережиток той эпохи, давно должна была бы умереть. Так думали Матери Городов, амбициозные сарнки, которые — из-за проклятого бессмертия Матери — никогда не смогли бы достичь более высокого положения.

Древняя Мать Сарна знала это, как знала и то, что лишь владение тайной наукой, которую открыли ей тысячелетия жизни, позволяло ей оставаться в безопасности. Матери Городов боялись двух вещей: этой тщательно оберегаемой тайной науки и зависти своих сестер.

Старая сарнка устала от душевной борьбы, но она знала так же твердо, как знала о ненависти Матерей Городов, что ей предстоит еще одно сражение. Люди Земли поднимались в медленном, еще не до конца осознанном восстании. Ей и восьми Матерям Городов было об этом известно. Но Матери Городов не признавали и не собирались признавать, что люди способны на бунт.

Всю свою жизнь люди были рабами, комнатными собачонками, одним из видов домашних животных. С таким же успехом стадо коров могло бы попытаться создать цивилизацию.

Мать Сарна была единственной, кто застал ту эпоху, четыре тысячи лет назад, когда Человечество, защищая Землю, почти одержало победу над вторгшимися на нее сарнами. Матерям Городов этого было не понять. Подсознательно они не готовы были признать что-то столь неприятное.

Острое эльфийское личико Матери Сарна устало улыбнулось в знак приветствия. Ее переливчатый голос, когда она заговорила с ними, также выдавал утомление.

— Я созвала вас, дочери, потому что произошло нечто чрезвычайно важное. Должно быть, вы уже слышали о процессе Грейта и Бартела?

— Ходят слухи, — сказала Мать Тарглана, города, приютившегося высоко в кристальной чистоте могучих Гималайских гор, — что ты вынесла оправдательный приговор. — В ее вкрадчивом голосе слышалось ехидство.

Выражение маленького острого личика Матери Сарна оставалось невозмутимым. Неприятности определенно начинались.

— На последнем Совете я говорила вам, что че-

ловеческий род возрождается, что поверженные разум и воля, которые перед нашим нападением на эту планету создали высокоразвитую цивилизацию, вновь набирают силы. Теперь, я думаю, она обладает такой же мощью, как до Завоевания. За время нашего правления Человечество даже избавилось от некоторых недостатков. Теперь в людях меньше жестокости и больше решимости.

Вам сложнее заметить это, ведь вы не знали людей до того, как они стали рабами. Я чувствую, что неволя начинает их угнетать. Большинство из них еще не знают — не сознают — причины смутного беспокойства, которое они испытывают. Зато их предводители все понимают. Их тревожит, что мы правим ими и контролируем их. Я надеялась воспользоваться неопределенностью их устремлений, чтобы подавить в них склонность к бунту. Я думала, что восстание можно направить против их собственного, подставного правительства. Поэтому я заставила людей восстать против своих лидеров, подчиненных нам, а не против сарнов.

Но даже я недооценила их. Грейт и Бартел, предводители человечества, предстали передо мной вместе с Драннелом, их конкурентом. Не буду описывать ход судебного процесса, скажу

только, что Дранне́л был моим орудием против них. Я вынесла приговор Грейту и Бартелу. И тут появился Эсир — так он назвал себя. Он представлял собой сгусток тьмы в виде трехмерной тени. Почти двенадцати футов ростом, он был фута на четыре выше меня и в два раза превосходил обыкновенного человека. Его облик напоминал человеческий, хотя из-за колеблющейся тьмы черты его лица нельзя было рассмотреть. Он утверждал, что создан не из какого-либо вещества, но из застывших душ людей разных эпох, которые умерли за то, чтобы добиться свободы. Эсир говорил с помощью телепатии. От разума к разуму. Мы знаем, что люди близко подошли к такому способу общения до Завоевания, а наш собственный разум не так хорошо приспособлен к нему, как человеческий. Эсир использовал этот метод. Он стоял передо мной, заявляя все это, и все люди и сарны в зале суда внимали ему. Его рука, сотканная из тьмы, вытянулась и коснулась Дранне́ла. Тот замертво упал на пол и разбился вдребезги, как хрупкая ваза. Его труп в мгновение ока застыл, стал твердым, как стекло.

Итак, я освободила Грейта и Бартела. Но я обратила против Эсира созданное мною оружие. Я направила на него атомные лучи с апертурой

в одну шестнадцатую. За минуту один такой способен расщепить половину кубической мили вещества. Кроме того, я использовала против него сфокусированное атомное пламя с двухдюймовой апертурой, которое может расплавить двадцать две тонны стали за секунду. Это были мои первые попытки. При максимальной апертуре темнота поглощалась без звука и без статического разряда, но и тень не становилась светлее.

Губы Матери Сарна дрогнули в легкой иронической улыбке.

— Было и кое-какое другое оружие, — мягко продолжала она. — «Смерть Матери», которую я однажды, около полутора тысячелетий лет назад, использовала против взбунтовавшейся Матери Города. Это была Татан Шоул, из Биш-Уолна. — Весело прищурившись, Мать Сарна взглянула на нынешнюю Мать Биш-Уолна, столицы Африканского континента. — Татан Шоул ошибочно полагала, что она может атаковать меня и победить. У нее было множество изобретений, в том числе экран, способный обращать вспять действие любого оружия, которое было ей известно. Чтобы вразумить ее, мне пришлось пожертвовать южной стеной зала суда, а также дельным и расторопным администратором. Ведь она была

дельной и расторопной.

Дочь Тарглана, для расы будет лучше, если мы поделимся друг с другом имеющимися знаниями. Расскажите своей сестре из Биш-Уолна о замечательном прогрессе, которого достиг ваш физик в исследовании поля, известного как R-439-K.

Лицо Матери Тарглана не изменилось, по нему лишь разлился слабый золотистый румянец, а в глазах сверкнул гневный огонек. Поле R-439-K было ее самым заветным секретом.

— Это поле, — дружелюбно проговорила она, — которое вызывает атомный распад, продолжающийся до тех пор, пока активирован генератор. Поле всегда имеет сферическую форму, однако оно очень быстро разрушает генератор. Из него получилась бы превосходная бомба. — Последнее она добавила как бы в раздумье, с неясной, жестокой надеждой в голосе.

Мать Сарна улыбнулась и кивнула Матери Биш-Уолна. Глаза Правительницы Города были сердитыми, как и у ее предшественницы, отвечавшей на невысказанный приказ, но ее голос не выдавал никаких эмоций.

— Нет, сестра, отчасти это можно предотвратить. Генератор не обязательно разрушается, в отличие от излучателя, если вы используете поле

эллипсоидной формы.

Мать Урнола улыбнулась, однако и ее улыбка была не слишком радостной.

— Излучатель тоже можно сохранить. Очень жаль, что я не знала о ваших исследованиях. Я могла бы избавить вас от многих трудностей.

Три Правительницы улыбнулись друг другу с притворной доброжелательностью. Каждая почувствовала легкое облегчение; все они подверглись наказанию, все были вынуждены раскрыть заветную тайну.

— Самое интересное, — мягко заметила Мать Сарна, — что никто из вас не может прервать работу этого поля. От него нельзя защититься. Около двадцати двух столетий назад я обнаружила эту любопытную модификацию поля атомного распада и в течение века структурировала ее. Десять столетий назад я сократила ее до размеров цилиндрической силовой трубки контролируемых размеров. Если бы Татан Шоул подождала еще пять столетий, прежде чем напасть на меня, мне не пришлось бы жертвовать южной стеной. Эта все же несколько отличается от трех остальных. Но я не могу остановить распространение этой силы.

— Я тоже, — по очереди признались Матери

Городов. Их тон свидетельствовал о горьком разочаровании, поскольку каждая надеялась, что поле, действие которого они не могли контролировать, поможет им избавиться от старой ведьмы, Бессмертной Матери Сарна, правившей ими с незапамятных времен. Она была возмутительным анахронизмом, пережитком забытого прошлого, самóй Забытой Планеты, и должна была быть погребена вместе с ними.

— Эсир, — тихо сказала Мать Сарна, — поглотил «Смерть Матери» своей чернотой и, по-видимому, даже черпал из нее силы. Во всяком случае, и сам аппарат, и атомный генератор, который его питал, вышли из строя от внезапной перегрузки.

Думаю, нам следует больше сотрудничать друг с другом, чем прежде. Ведь однажды у нашей расы уже была ожесточенная схватка с человечеством. Матери Городов, кем, по-вашему, может быть этот Эсир?

Мать Тарглана сердито повела плечами.

— В моей области есть циркачи, которые забавляют своих собратьев разными трюками. У людей жесткие ноги, они гнутся лишь в немногих суставах. Этот недостаток гибкости позволяет людям делать удивительные вещи. К примеру, они могут увеличивать жесткость за счет опор

из легкого металла, которые служат им как бы искусственными костями. С такими ногами некоторые циркачи могут казаться даже не двенадцати, а целых семнадцати футов ростом.

— Да, — сладко улыбаясь, отозвалась Мать Сарна, — циркачам в моей Северной Америке далеко до ваших. Они могут вырасти лишь до двенадцати футов. Но…

— Многие из моих людей, — сказала Мать Биш-Уолна, — могут мысленно общаться между собой. Если для вашего народа это новость…

— Да, — сладко улыбаясь, ответила Мать Сарна, — очевидно, люди в моей Северной Америке не чета вашим. Но позвольте полюбопытствовать: эти циркачи и ораторы питаются атомными лучами и греются у направленного на них сфокусированного пламени? Может быть, они настолько перегружают ваши генераторы атомного распада, что превращают их в расплавленный хлам?

Или, может быть, они, в отличие от вас, помнят, что Мать Сарна успела понаблюдать за людьми, их замыслами и уловками в восемь раз дольше, чем вы за ваши жалкие пять сотен лет?

В зале были люди, сарны и я. Посредством телепатии Эсир заговорил со всеми нами, поведал

нам байку о своем рождении от бесплотных душ. Его трудно было не расслышать и не рассмотреть. Кроме того, он показал себя отличным психологом. Если бы меня предупредили — если бы я знала о нем заранее и у меня было время все обдумать, — я бы не направила против него ни лучи, ни пламя, ни тем более «Смерть Матери».

Теперь кто-нибудь из вас, так легко раскусивших моего бедного маленького двенадцатифутового клоуна, моего неумеху-телепата, — кто-нибудь из вас может расшифровать послание Эсира, которое он предназначал не для моего слуха, но для разума? Послание, которое он не произнес, но хотел донести?

Когда Мать Сарна вновь окинула взглядом всех собравшихся за столом, в ее лице не было ни намека на улыбку.

Матери Городов беспокойно поежились под обрушившимся на них потоком едкого презрения. Голос Матери Сарна стал еще ниже, пока потрескивание атомного пламени наверху почти совсем не заглушило ее слова.

— Спектакль был предназначен для дураков, дочери мои. Вас так увлек этот маскарад, что вы забыли о его цели и очень довольны собой, увидев под маской лицо человека. Но больше

всего меня удивляет, что вы недооценили не только умственные способности человека с его блестящим, смертоносным интеллектом, но и мой собственный разум.

Люди — более мелкая нация, лучше, чем мы, приспособленная к жизни на этой более тяжелой планете. Но мы больше не в Забытом мире. Люди научились уважать рост, ибо правящая раса — рослая. Или Эсир по глупости сделал себя еще выше и воплотился в туманной черноте?

На наших черепах растут не волосы, как у людей, но более полезный стертан, который кажется людям естественным телепатором, поскольку мы можем разговаривать между собой так, как они могут только с помощью сверхвысокочастотных радиоприемников. Так значит, Эсир по глупости использует телепатию, обращаясь напрямую от разума к разуму? Люди знают об ограниченных возможностях высокочастотного радио, о том, что его сигнал достает лишь до горизонта. Но они не знают, каковы пределы телепатии и есть ли они вообще, поэтому она поражает их воображение.

Этот спектакль, дочери мои, предназначался исключительно для людей, для неспокойной массы людей, которые не знают, чего хотят. Он предназначался не для меня — разве только для

того, чтобы позволить мне узнать, что услышали другие.

Я горжусь своими людьми, дочери. Но мне становится страшно за вас. Вы не проявили той сообразительности, какой ждал от вас этот человек. То послание, которое он мысленно передавал, было предназначено не мне. Мне он сказал: «Мать, мы должны по-новому распределить власть. Ты единоличная правительница Земли — но не для меня. Я бросаю тебе вызов: испытай все свое оружие — я, как и каждый на Земле, знаю, что оно у тебя есть, — и посмотри, сможет ли оно уничтожить меня». И когда я, не размышляя, а лишь инстинктивно реагируя на очевидную угрозу, которую представляла его чернота, так и сделала, он сказал еще больше. Он коснулся Драннела, и Драннел упал замертво. «У меня есть неуязвимая защита, — говорили его действия, — и даже нечто большее; у меня есть оружие. Ты не можешь уничтожить меня, Мать Сарна, а вот я могу уничтожить тебя. Поэтому мы должны по-новому распределить силы. Ты можешь уничтожить весь мой народ — но только не меня. А я могу уничтожить тебя, как и любого из твоих подданых.

Освободи этих двоих, Грейта и Бартела, и тогда

мы обдумаем все еще раз. Сейчас не время для поспешных решений».

Эсир, дочери, далеко не глуп. Он не клоун — разве что притворяется таковым по веским причинам, — ибо он обладает блестящим умом. Он открыл закон, создал оружие, неизвестное нам и обладающее огромной силой. И, дочери мои, я не могу не уважать его. Я отпустила Грейта и Бартела, поскольку они, очевидно, только пешки в этой игре. Или, по крайней мере, эти двое — одни из немногих людей на Земле, которые, как я могу быть уверена, не являются Эсиром. И мне больше нравятся те, — в голосе Матери Сарна прозвучала горькая ирония, — кто ждет, что за маскарадом я увижу важную подоплеку, чем те, кто все объясняет трюкачеством и неразвитостью моих людей.

— Ты читаешь слова, которые не были написаны, — отрезала Мать Тарглана.

На мгновение глаза Матери Сарна вспыхнули от гнева перед такой непроходимой тупостью. Затем его сменило выражение глубокой задумчивости.

Мать Сарна не была человеком, и ее лицо не было лицом человека. По меркам людей, оно было очень неправильным, с острым подбородком и

крошечным ртом, золотыми кошачьими глазами и резко очерченной линией волос, за которой волосы не росли. Но глаза, рот и высокий округлый лоб смутно напоминали человеческое лицо. Ее тело совершенно не походило на человеческое, но в том, как суставчатые руки и ноги крепились к корпусу, было сходство с конституцией человека, хотя четыре руки и напоминали могучих змей.

Однако и сарном она тоже не была. Мать была бессмертным, вечным разумом в мире, который рос, и слабел, и менялся вокруг нее. В ее памяти были живы воспоминания о планете, погребенной под космической пылью. Она помнила Великого Сарна, который рискнул всем и завоевал новую планету, одержал победу над человеческой цивилизацией, когда она была почти равна нынешней цивилизации сарнов.

Операция, которая позволила ей стать бессмертной, лишила ее возможности иметь потомков. У нее не было прямых связей с новым поколением. Единственная связующая нить тянулась от давно исчезнувшей планеты.

Четыре тысячи лет она правила Землей. Еще две тысячи она прожила на Забытой планете, пока не была задумана отчаянная попытка колонизации. Эти создания, сарны, вместе с их

пятисотлетними жизнями казались ей эфемерными.

Шесть десятков веков — долгий срок для любого интеллекта. За это время все приедается, кроме одного: любопытства, игры и противостояния интеллектов. Мать была неутомимым искателем знаний, ибо ничто другое не могло надолго занять ее ум. Все остальное ей давным-давно было знакомо.

Она не была сарном из-за своего бессмертия, из-за тех шести тысяч лет, что отделяли ее от непосредственного контакта с ей подобными.

Она не была человеком только потому, что ее тело не было человеческим. Но за такой долгий срок тело надоедает и перестает иметь значение. Один лишь разум в его вечном развитии и трансформации всегда остается интересен.

Разум, скрывавшийся под черным покровом Эсира, был самым острым, самым проницательным из всех, что когда-либо видел этот мир. И — этот человек смог оценить острый ум самой Матери Сарна. В отличие от Матерей Городов.

Мать Сарна медленно отвела взгляд от Матери Тарглана.

— Слова, раскрывающие тайну этой черноты, не написаны, — мягко сказала она. Они были

дочерьми ее расы, потомками сарна, которых она знала, с которыми делила труды, которых любила в течение шести тысяч лет. Они были… — Я должна снова увидеть этот плащ и лучше исследовать его. — Она вздохнула. — И вы, мои дочери, не должны недооценивать противника. Боюсь, что теперь нам следует называть людей так — или вскоре придется.

Много поколений — очень коротких поколений — люди были рабами, но они изменились. Они развиваются гораздо быстрее нас, потому что их жизни короче. Помните: по крайней мере один из них оказался достаточно умен, чтобы создать отражающее оружие, которое превосходит любое из известных нам до сих пор. Одно это делает его очень опасным.

Несколько долгих секунд Матери Городов молчали. Мать Сарна понимала, что она перевернула их представление о мире. Их матриархальный ум восставал против мысли, что человек — и особенно мужчина — способен разработать нечто, превосходящее все, чем они располагают.

— Если у него есть столь исключительное оружие, — наконец сказала Мать Тарглана, — которое способно защитить его от всего, чем обладаем мы, и в то же время смертельно опасно

для нас, мы должны быть чрезвычайно благодарны ему. — Ее певучий голос источал мед. — Он был так добр, что не снабдил им никого из своих соплеменников и не напал на нас.

Остальные семь Матерей гордо выпрямились в своих креслах и, самодовольно улыбаясь, взглянули в ясное маленькое лицо Матери Сарна. Мать горько улыбнулась.

— Без сомнения, именно так поступила бы ты, если бы в твоем распоряжении было такое оружие, — согласилась она.

Мать Тарглана невозмутимо ответила на ее сердитый взгляд.

— Но твоя работа, — продолжала Мать, — всегда ограничивалась тем, что ты приказывала доставить тысячу фунтов вольфрама, если тебе было это нужно. Или заказывала пятьдесят генераторов № 27-R-29, когда надеялась создать детектор *лжи*. Кстати, дочь моя, у меня есть эффективный генератор невидимости. А твой детектор лжи не слишком хорош. Гораздо лучше было использовать здравый смысл и простые методы вместо возмутительно дорогого маскарада, который все равно не работает. У той шпионки, которую ты послала на прошлой неделе в один из городов, была очень неряшливая невидимость.

Она весь день отлично просматривалась отсюда. Она включила семь различных сигналов тревоги и в конце концов попала в чудесную маленькую ловушку. Твоя сестра верит в простоту, а не в технические новшества.

Мать Тарглана застыла как каменная. В ее узких глазах запылала ненависть. Старая ведьма оказалась хитрей, чем она думала.

Старая ведьма устала. Ее до смерти утомили пререкания и недовольство этих Матерей Городов, которые не знали, чем занять свое время. К тому же она не спала уже сорок часов. А Мать Тарглана вела себя как непроходимая тупица.

Мать Биш-Уолна была заинтригована. Так вот кто подослал эту шпионку! У старой Матери, при всем ее нелепом отношении к людям, есть доля здравого смысла. Секрет успеха — в простоте. А эта таргланская шпионка была вся обмотана разными устрашающими и поражающими воображение приспособлениями, из-за которых ее — даже мертвую — было нелегко разглядеть. Когда она упала, звук был такой, как будто произошел обвал на стекольном заводе.

— Вернемся к теме, — жестко сказала Мать Сарна. — Стоит вам чего-то захотеть, вы немедленно это получаете. За исключением, — добавила она,

сверкнув крошечными заостренными бело-зелеными зубами, — взаимопонимания. Если вам нужны материалы, вам их привозят. Если человеку нужны материалы, он крадет их. Признаю: вы превосходно все организовали, приняли замечательные меры против грабежей. Но я думала, тот факт, что люди по-прежнему хороши в воровстве, должен был убедить вас в их сообразительности.

— Крысы тоже хорошие воришки, — огрызнулась Мать Тарглана. — Но их-то не называют разумными.

— Совершенно верно, — признала Мать. Мать Тарглана начинала раздражаться, что доставляло старой Матери Сарна некоторое удовлетворение (сама она была очень рассержена). — Но люди другое дело. Мне потребовалось двенадцать лет, чтобы выяснить, каким образом, несмотря на мои датчики электростатического баланса, ежемесячно пропадало тридцать унций платины. Теперь я заставляю всех работников подстригать ногти и волосы. Поразительно, сколько пыли они смогли вынести таким образом.

Чтобы получить необходимые материалы, люди должны украсть их. И им, должно быть, чрезвычайно трудно находить такие вещества, как металлический цезий или газообразный

фтор, и редкие газы, такие как гелий и неон. Мне кажется, как это ни печально, что значительное количество материала они добывают, ловко похищая атомные лампы. — Мать кивнула в сторону мягко потрескивающих ламп над головой.

— Значит, ваши рабочие прячут под ногтями целые атомные лампы? — переспросила Мать Тарглана. — Тогда ваши меры по борьбе с воровством действительно впечатляют. Атомный взрыватель одной лампы может привести в действие опасное оружие. Они выдерживают нагрузку почти в десять тысяч лошадиных сил.

Мать Сарна улыбнулась.

— Сколько атомных ламп украли у тебя, дочь?

— Ни одной! — отрезала Мать Тарглана.

— А что насчет ламп, — ласково спросила Мать, — которые были утрачены во время пожаров в человеческих домах?

— Не больше десяти за год.

— В таком случае пять из них достаются людям. У меня были случаи, когда два дома сожгли дотла, потому что их жильцам нужны были атомные лампы.

— Мы требуем, — надменно сказала Мать Города, — чтобы нам предоставляли их обломки.

— Прекрасно, — одобрила Мать Сарна. — Пре-

восходная мера предосторожности. У вас есть химик, который анализирует расплавленные отходы? Людям, как правило, очень трудно добыть скандий, и это то, чего при анализе всегда недосчитываются. Все остальные элементы вы найдете. Они выплавили тщательно подобранную смесь всех необходимых элементов, за исключением галлия. Но они всегда могут сказать, что он просто выкипел.

Мать Тарглана остолбенела. Глаза Матери Сарна удовлетворенно блеснули. Она сама разгадала эту уловку только четыре дня назад.

— Как я уже сказала, людям трудно добыть материалы и инструменты. Но они по-настоящему изобретательны, и это вызывает у меня уважение. Если вы хотите и дальше править вашими городами, — добавила она, оглядывая сидящих за столом, — вам не стоит недооценивать ваших противников. Вот причина, по которой этот человек, Эсир, не смог сделать больше. У него есть оружие и защита — но их хватит только на него одного. Пока он не сможет получить материал, он не может сделать большего. Но он найдет материалы. — Раздражение Матери уже прошло. Она знала, что речь шла о безопасности всей расы. — Если он добудет достаточно материалов

до того, как мы узнаем секрет его плаща, сарны больше не будут править этой планетой.

Мать Биш-Уолна пристально посмотрела на Бессмертную. Внезапно она заговорила:

— Я всегда считала людей недоумками. Я знала, что они сообразительны, как и другие низшие животные, только в большей степени. Но, Мать, мы не знаем, какой была их цивилизация до того, как мы пришли на эту планету. Насколько, в сущности, они были развиты?

Мать Сарна бросила проницательный взгляд на Мать Города. В лице последней было что-то странное; эта Мать Города, возраст которой составлял меньше двадцатой части от возраста Бессмертной, выглядела гораздо старше. Ее лицо, острое, как у всех представителей расы, было изборождено тонкими морщинами. В чертах этого смуглого лица чувствовались сила и целеустремленность. Правительница жаркого материка, чей город покоился в теплой и безоблачной атмосфере Сахары, она была одной из самых деятельных Матерей Городов.

Старая Мать Сарна с улыбкой кивнула.

— Сейчас я не могу рассказать тебе всего. Но спроси своего археолога, она выдающаяся сарнка и много знает об этом. Если говорить вкратце,

то, когда мы приземлились, цивилизация людей насчитывала около пятнадцати тысяч лет. По их календарю это был 1977 год. Они недавно открыли атомную энергетику первого порядка, включающую паровые турбины, которые нагревались за счет атомного распада и приводили в действие электромагнитные генераторы. Они добывали нефть по всему миру, и по их земле проходила разветвленная, хорошо развитая транспортная сеть.

Из наших пятидесяти двух кораблей мы потеряли тридцать девять. Люди были знающими, умелыми и отчаянными бойцами. Мы смогли одолеть и поработить только худших из их расы. Лучшие представители человечества погибли, сражаясь с мрачным упорством, ужасавшим нас. Они были нацией воинов, которые не стремились нападать, но оборонялись до последнего.

Однако сейчас это не имеет значения. Если однажды они нападут на нас, то мы, конечно, должны будем в свою очередь атаковать их. И тогда в игру вступит их наследственная способность обороняться. Если это произойдет, то, поверьте мне, вы увидите, что, с оружием или без, даже если им придется сражаться голыми руками, люди — самые смертоносные существа

из всех, с кем нам приходилось иметь дело. Они никогда не останавливаются на полпути. Иногда лучший выход — прервать бои, потеряв только десятую часть своих сил, если можно достичь разумного соглашения. Раса людей не понимает этого и никогда не поймет. Они останавливаются тогда и только тогда, когда уверены, что добились своего. Здравый смысл им чужд. Тем не менее они смертельно опасны.

Таково большинство людей. Теперь у них есть предводители, главный из которых — Эсир. Мы можем и даже должны держать их под контролем с его помощью. Он догадывается об инстинктах своих людей и поэтому попытается предотвратить эту самоубийственную войну.

А потому, если мы разгадаем секрет его черного плаща, мы сможем действовать.

— Я расспрошу своего археолога, Мать, — произнесла Мать Биш-Уолна.

— Что бы вы ни говорили об ужасной, смертоносной человеческой расе, — в голосе Матери Тарглана явственно звучала ирония, — было бы интересно узнать, как работает эта защита. Но может быть, он не захочет объяснить нам этого? А заставить его сделать это было бы очень непросто, если то, что вы говорите, правда.

— Разумеется, нам придется выяснить это самим, — устало сказала Мать. Впереди у нее было много работы и бессонных ночей. — Несколько часов назад я дала своим физикам распоряжение установить все приборы, которые, по их мнению, могли бы понадобиться, в Доме Скал.

Мать Тарглана непонимающе уставилась на нее, затем язвительно заметила:

— Из всех мест в Сарне это, по-моему, наименее подходящее для появления Эсира.

— Они, — продолжала Мать, уставшая от того, что ее перебивают, — будут готовы к его приходу часа через полтора. Эсир, очевидно, придет на помощь Грейту, если мы возьмем того в плен. Чтобы действовать наверняка — поскольку без Грейта они в общем-то могут обойтись, — мы схватим также Дею, представительницу человеческих женщин. Грейт собирается жениться на ней, и я уверена, что Эсир поможет ему освободить ее.

Мать Биш-Уолна слегка нахмурилась.

— Разве это хорошая тактика, Мать, — снова арестовывать, а затем освобождать этого человека? И опять-таки по настоянию Эсира.

— Именно поэтому я избрала Дом Скал. Ни один человек не может к нему приблизиться. Ни один человек не узнает, как произошел побег, — за

исключением тех людей, которые тесно связаны с Грейтом и, следовательно, с Эсиром. Эти люди даже лучше, чем мы, знают, какой силой обладает Эсир, и они воспримут случившееся не как неудавшийся арест, а как испытание, которое он благополучно прошел. Наша тактика хороша для тех, кто осведомлен. Большинство людей просто ничего не узнает.

— Неужели они не заметят, — спросила Мать Друлона, города на далекой штормовой оконечности Южной Америки, — что Грейт, их представитель, был взят под стражу в Сарне, а потом снова оказался на свободе?

— Они не заметят, — улыбнулась Мать Сарна. Вытянув палец, она нажала на крошечную кнопку.

В то же мгновение в угольно-черной стене в дальнем конце обширного зала собраний открылась серебристая дверь. Тяжелый металлический заслон отъехал в сторону, и в проеме выросла стражница — огромная сарнка ростом больше восьми футов. На ее мощных гибких руках перекатывались сильные, как у удава, мускулы. Ее костюм напоминал форму декалона — командира десятка. Однако ее плащ был роскошного темно-бордового цвета, а золотые, серебряные

и ярко-фиолетовые металлические нашивки в центре образовывали узор, который был личным символом Матери. И ее лицо — для того, кто умел читать по лицам, — не подходило простому декалону. Узкие глаза были глубоко посажены и широко расставлены, линия рта казалась чересчур твердой, подбородок — маленький и острый, на взгляд человека, — по меркам сарнов был квадратным, волевым. Золотистая кожа, которая обветрилась и приобрела коричневый оттенок под лучами солнца, была испещрена множеством морщинок. Эта сарнка не могла быть просто начальницей десяти стражниц.

— Декалон, — спокойно сказала Мать, — принеси плащи Матери и приведи свой отряд. У меня есть для тебя дело.

Стражница резко повернулась и бесшумно закрыла за собой металлическую дверь.

— Когда-то, — пояснила Мать, — Дарэт Топлар была командиром Стражи Сарна. Теперь она декалон. Потому что в моей личной охране всего десятеро.

Сейчас опасное время. Я открыла вам что-то, что каждая из вас считала тайной, и кое-что из того, что я держала в секрете. Я покажу вам плащи Матери. О них только ходили слухи, но они

существуют на самом деле и обладают теми свойствами, о которых говорят. Вскоре вы увидите их в действии.

Декалон вернулась, и за ней вошли десять стражниц, одетых в такую же темно-бордовую униформу. Десять могучих воительниц-сарнок восьми футов ростом. У каждой на лице были написаны острый ум и преданность. В руках у декалона был футляр из темного дерева с массивными застежками из серебристого металла. Она положила его на край длинного стола собраний, и, когда ее пальцы разжались, рука Матери взметнулась и перебросила ей небольшой тщательно вырезанный металлический предмет. Декалон привычным движением вставила его в потайной замок.

В открытом футляре обнаружилось пространство размером два на три и на полфута. В нем, аккуратно расставленные вдоль одной из стенок, находились двадцать маленьких аккумуляторных ящичков с прикрепленными к ним гибкими кабелями, свернутыми в кольцо, и двадцать пар наушников с защитными очками странной конструкции. Футляр казался почти пустым.

Декалон просунула руку внутрь и привычным движением передала своим подчиненным

защитные очки и футляры с аккумуляторами. Затем она уже осторожней опустила руку в футляр. Рука исчезла. Не прошло и минуты, как, фут за футом, ее тело чудесным образом растворилось, пока не осталась только пара ступней, исчезающих в пространстве. Затем и они пропали, как будто на них натянули невидимые ботинки.

Вскоре в комнате, казалось, остались только Матери Городов и Мать Сарна. Матери Городов беспокойно зашевелились.

Глаза Матери Тарглана горели золотым огнем гнева и досады. Этим одиннадцати — личной охране и шпионкам Матери Сарна — были известны все секреты ее лабораторий. И старая бессмертная ведьма тоже их знала. Должно быть, она тысячу раз хихикала, наблюдая за тем, как Мать Тарглана тешит себя тщетными надеждами и строит планы, обреченные на провал. Мать Тарглана чувствовала, как в ее душе нарастала волна беспомощной ярости, ярости, которую сдерживало ее же бессилие. Даже в том утешении, что Мать — всего лишь глупая старая карга, ей было отказано. То, чего Мать Тарглана тщетно добивалась — соль на ее раненую гордость, — Мать Сарна сделала, кажется, столетия назад! Мать превзошла ее как ученый.

В это время в совсем другом зале собраний — в кабинете избранного делегата от людей — встречались представители Человечества. В комнате, очертания которой, казалось, сглаживала ее древность, преобладали теплые цвета; старое вощеное дерево, за которым ухаживали десятками сотен лет, покрылось легкой патиной. Длинные косые лучи послеполуденного солнца не играли бликами на холодном гагатовом камне — их свет смягчался на великолепных панелях, выполненных из древесины разных пород: по одному из каждой части света, на делегата от каждого континента. Большой стол в центре весь пестрел маленькими бугорками и впадинами, проделанными руками сорока поколений делегатов; плотный, похожий на каучуковый настил истерся под их ногами. Но, как и в большом зале собраний в Сарнском дворце вблизи Сарна, здесь мягко потрескивали атомные лампы, подсвечивая лучи заходящего солнца.

За столом сидело только четверо мужчин. Они энергично жестикулировали, но их лица сохраняли странную настороженность. Все это происходило в полном безмолвии.

Грейт, высокий, худощавый представитель Человечества с проницательным взглядом,

избранный делегат, завоевавший уважение глубоким знанием человеческой психологии, которое он проявил перед Матерью Сарна, политический лидер человечества. Бартел, маленький и плотный представитель от Северной Америки, закадычный друг Грейта, вместе с ним представший перед Матерью Сарна до того, как появился Эсир. И Кэррон, огромный командир легиона мира, единственного подобия армии, которое было разрешено людям, — полицейского подразделения, вооруженного крошечными газовыми гранатометами, способными произвести всего один оглушительный выстрел, и резиновыми дубинками.

Последним был Дарак, заместитель Грейта. Он сидел молча, время от времени делая пометки в блокноте, и на его ничем не примечательном круглом лице была написана скука. Пост Дарака не был выборным, он был назначен по приказу Грейта, который, пристально наблюдая за ним в течение долгих лет, убедился, что невыразительное лицо и заурядный характер этого человека не позволяли ему иметь много друзей. Не только друзей, но и тех, кто обращал на него хоть какое-то внимание. Дараку не был нужен плащ Матери: его собственная маскировка, основанная не на

законах физики, а на знании психологии, была не менее эффективной. Люди не замечали Дарака. Он просто не стоил того, чтобы его замечать.

Четыре человека за старинным столом собраний, четверо мужчин, свободных настолько, насколько это было возможным под властью сарнов. Каждый носил на плаще знак своего положения в человеческом обществе. У каждого вокруг лба обвивалась лента с медальоном, который выдавался людям по достижении совершеннолетия. Лента мужественности или женственности, как называли ее сарны. Знак подчинения людей сарнам.

По крайней мере, это было так, пока Уэр не внес кое-какие изменения, а именно: в трехдюймовом диске было сделано углубление, чтобы он мог вмещать в себя крошечный механизм, состоящий из дисковых катушек и микроскопических кварцевых генераторов. Таким был первый телепатор, изобретение которого сделало возможным это беззвучное собрание. Благодаря ему же утратили смысл подслушивающие устройства, которые тысячу лет следили за каждым собранием Человечества.

Грейт улыбнулся, взглянув на бугорок атомной лампы. В этом устройстве, как и в десятке других

мест этой комнаты, сарны давным-давно спрятали радиопередатчики. Тысячу лет каждое из собраний человечества было доступно поразительному радиочутью Матери и ее советников. Ибо похожие на волосы наросты на черепах сарнов были органом чувств, непосредственно воспринимавшим радиоволны.

«Здесь четверо мужчин, — мысленно обратился Грейт к своим соратникам, — четверо мужчин, которые только и делают, что шуршат бумагами. Сарнам, должно быть, очень любопытно, почему они молчат».

Круглое загорелое лицо Кэррона расплылось в широкой улыбке.

«Спустя тысячу лет этой комнате не помешает немного тишины. Мать хорошо понимает, что мы ей не соратники. Но я не думаю, что она будет стремиться разузнать побольше после истории с Эсиром».

«Мать Сарна, — раздался в их головах шепот от отдаленного телепатора, — сейчас занята проведением собственной конференции. Я уже несколько недель пытаюсь настроиться на частоту мыслей сарнов. Я уловил вспышки раздражения, но не более того. Мать устала, а Матери Городов, как я понимаю, упрямятся. Но модель

мышления сарнов достаточно сильно отличается от человеческой, так что телепатор перестает действовать на расстоянии больше ста футов. А ведь даже самый прилежный электротехник не станет тратить все свое время на прокладку кабелей в Сарнском дворце».

«Не советую тебе делать больше того, что стал бы делать обычный электротехник, Уэр, — поспешно ответил Грейт. — И ради Эсира, оставайся дома в свое нерабочее время».

«Вы пришли к какому-то заключению? Я спал и очнулся только несколько минут назад. — Им показалось, что Уэр мысленно зевнул. — Я пытался придумать, как добыть побольше металла. О боги, если бы мне хоть на денек попасть на сарнскую электростанцию, я смог бы отремонтировать с десяток необходимых мне вещей. Математика была не самым легким предметом, но, думаю, я хорошо ее усвоил. — Он усмехнулся. — На самом деле мы должны благодарить мудрого старого Сарна. У него в подсознании крутилось одно надоедливое уравнение. Пока некий электротехник возился с проводами в пятидесяти футах от него, он возился с этим уравнением. Сарнам известны некоторые математические операции, о которых не знали наши предки и которые у меня поэтому

не было возможности изучить. Кэррон, если тебе когда-нибудь захочется проломить череп старику Рэту Ларгуну, пощади его хотя бы за это».

«Ты сможешь использовать его снова?» — рассмеявшись, спросил Кэррон.

«О, я уже сделал это. Он стар, и его мысли блуждают сами по себе. Ему около тысячи лет — это очень много даже для сарна. Поскольку он мужчина, он не пользуется у своего народа тем уважением, которого заслуживает. Тем не менее он самый блестящий математик в Сарне. И, так как его мысли постоянно где-то блуждают, он верит, что сам придумывает уравнения».

«Смогут ли они потом узнать об этом?» — резко спросил Грейт.

«Т… П… — спокойно вымолвил Уэр. — Что за слово я сейчас произнес? Если ты не ответишь на этот вопрос, то и Сарн не сможет догадаться».

«Хорошо. — Грейт молча кивнул. — Уэр, у Кэррона в легионе мира есть семь техников, которые могут раздобыть кое-что из того, что тебе нужно. Они сами вызвались».

«Я не говорил, что мне нужно, и не скажу, — мгновенно отозвался Уэр. — Теперь каждый техник, уличенный в краже металла, должен быть немедленно уничтожен сарнами. Ни один

человек не пожертвует своей жизнью ради того, на что я бы сам не решился. Кроме того, сейчас нам как никогда нужны две категории людей: техники и бойцы. Те, кто никогда не сражался, не могут считаться бойцами. Легионеры Кэррона — наши единственные хорошо обученные, опытные воины с волей и характером, необходимыми для сражения. А раз они еще и техники, мы просто не можем без них обойтись.

Ты сказал Дараку, что нужно сделать? Отдал ему диски?» — Уэр резко сменил тему, давая понять, что разговор окончен.

Кэррон не знал, какие металлы нужны Уэру; если бы ему это было известно, он, несмотря ни на что, как-нибудь раздобыл бы их.

«Я получил указания, и диски тоже, — негромко отозвался Дарак. — Двадцать пять телепаторов, каждый снабжен разрушающим устройством, которое сработает по мысленной команде. Я знаю, как отключить этот механизм, если доставка пройдет успешно. Грейт снабдил меня достаточным количеством депеш как для Дурбана, так и для Тарглана. Я начну отправлять их через двадцать две минуты».

«Тогда удачи тебе, Дарак».

«Спасибо. Может, лучше „да помогут тебе бо-

ги“?»

«Да поможет тебе Эсир — это в самый раз. — Уэр усмехнулся. — Ты не сможешь связаться со мной, кроме тех случаев, когда я буду использовать более мощный телепатор здесь, в лаборатории. Ты знаешь, в какое время меня можно застать?»

«Да, спасибо».

— Думаю, нам тоже пора. — Кэррон грузно поднялся. По сравнению с его огромной фигурой даже стол собраний показался маленьким. А его голос, когда он впервые заговорил, разнесся по комнате подобно удару грома. — Я провожу тебя до ворот Сарна, Дарак.

Он взглянул на руки заместителя, поигрывавшие чернильницей. На вид они были пухлыми, изнеженными и казались очень неуклюжими. Но то, как пузырек с чернилами мерцал и подрагивал, то появляясь, то исчезая из виду под его порхающими пальцами, выдавало их удивительную ловкость. Сверкнув в последний раз, чернильница скрылась под его ласковой пухлой ладонью, а в следующий момент вместо круглого красного пузырька он уже держал квадратный черный.

— Спасибо, Кэррон. Депеши, Грейт?

Голос Дарака был довольно высоким для муж-

чины, но в остальном ничем не примечательным. После Уэра Дарак был самым умным человеком своего времени. Но его склад ума был совершенно иным, чем у Грейта. Грейт был психологом, единственным человеком из ныне живущих, способным объединить и заставить действовать большие группы людей, Уэр — ученым, воплотившим многолетние усилия сарнов по развитию одаренных людей-техников. А Дарак? Дарак обладал пытливым умом Уэра, психологическим чутьем Грейта и решительностью, которая сделала великана Кэррона тем, кем он был.

Грейт бросил своему заместителю кипу бумаг, раздутую и бесформенную. Дарак быстро сложил их в портфель, который носил с собой. «Кое-что мне придется исправить, — телепатировал он. — Металл слишком сильно блестит». Двадцать пять серебристых дисков мелькнули среди быстро пролистываемых бумаг и исчезли, когда его толстые пальцы проскользнули мимо них.

— Все в порядке, — сказал он вслух. — До свидания. Я вернусь дня через четыре.

При ходьбе его ноги издавали едва ощутимый шум — достижение гораздо более трудное, чем беззвучная поступь. Незаметный шаг слышен ровно настолько, чтобы удовлетворить слух,

но не настолько, чтобы привлечь внимание. Бесшумная поступь очень пугает, особенно у довольно полного, крепко сложенного мужчины.

Он прошел через приемную, миновав череду секретарей и клерков, которые собирали статистические данные по всему миру людей, сопоставляя и упорядочивая их для Грейта и человеческого правительства. Двое подняли головы, когда он проходил мимо, но ни один из них не обратил на него внимания. Они не заметили его, как не заметили одиннадцать восьмифутовых стражниц-сарнок, продвигавшихся мимо них в противоположном направлении совершенно бесшумно благодаря подушечкам на ногах, которыми их наградила природа. Ибо ни одна из сторон не желала быть замеченной, и у каждой был свой собственный покров, позволявший ей оставаться невидимой.

Дверь на мгновение приоткрылась, когда Кэррон и Грейт заканчивали разговор. Бартел вышел, а затем Кэррон, широко распахнув дверь, чтобы пройти, на мгновение задержался в проеме. Три сарнки, ростом даже выше, чем шестифутовый Кэррон, бесшумно проникли в кабинет.

Дверь за командиром легиона мира закрылась, и Грейт остался один. «Эсир — Эсир — Э-сир…» —

безмолвно позвал он через телепатор.

«Да?» — рявкнул Уэр.

«В комнате три сарна, я не могу их видеть. Еще восемь — в приемной. И Кэррон, и Бартел пытаются связаться с тобой — они стояли в дверях, чтобы задержать тех троих. Все они невидимы. Я могу уловить их мысли, но не могу расшифровать».

«Знаю. Я научился „слышать“ их. Для этого нужно немного перенастроить телепатор из-за различных моделей мышления. Я сейчас пытаюсь разобрать, о чем они думают, но они слишком далеко. Не нравится мне все это».

— Грейт, представитель Человечества, — голос декалона с необычным сарнским акцентом раздался прямо из воздуха. Она говорила на языке, общем для людей и сарнов.

Грейт вздрогнул, огляделся по сторонам, яростно потряс головой и, словно в сомнении, потянулся к кнопке вызова.

— Стой, — рявкнула сарнка. Рука Грейта замерла в воздухе. — Мать Сарна послала нас за тобой. Встань.

— Г-где же вы? Вы…

Грейт резко замолчал. Мощные мускулистые руки сарнки внезапно обхватили его, и одно-

временно на него надвинулась непроницаемая чернота. Чернота более непроглядная, чем могла быть вызвана тем тонким и мягким материалом, по ощущениям напоминавшим ткань, который сопутствовал ей. До его ушей донесся очень слабый похожий на шуршание резины звук, и одновременно он почувствовал, как стражница-сарнка зашевелилась, поправляя свой плащ.

— На нас плащи Матери, — прошипела она. — Ты будешь вести себя тихо. Не издашь ни звука, не скажешь ни слова. Понятно?

— Да, — выдохнул Грейт. И безмолвно добавил: «Ты уловил мои ощущения, Уэр?»

«Да», — прошептал голос в его сознании. Присутствие человека, который находился с ним в тесном контакте, действовало успокоительно. Темнота, полная темнота сбивала с толку и вызывала панику. Огромные мускулистые руки сарнки, секретность незримого ареста — все это вызывало чувство неудержимого страха. В который снова мощно, но безмолвно вторглось невозмутимое спокойствие Уэра. «Эта чернота не имеет никакого отношения к моей. Я подозреваю, что она образуется благодаря тому, что свет полностью отражается от твоего тела. Чтобы стать невидимым, ты должен быть невосприимчив к

видимому свету, поскольку любой орган, способный видеть, по своей природе задерживает свет. Поборись немного. Ударь по лицу кого-нибудь из стражников».

Грейт вздрогнул. Стражница что-то делала у его ног. Дрожь пробежала по его телу, и на какое-то мгновение он вырвался из мощных рук, с судорожным вздохом разбив их тиски внезапным ударом. Его рука наощупь вытянулась вперед. Затем, со следующим вздохом, похожим на всхлип, он затих под певучий, напряженный голос декалона, отдававший резкую команду.

«Защитные очки, — тихо сказал Уэр. — Трансформаторы, вероятно, работают на ультравидимом свете, что делает возможным зрение при полной невидимости».

От возбуждения Грейту казалось, что их разговор слышит полсотни других человеческих сознаний, полсотни людей во всем этом большом городе, Сарне, столице как человеческого, так и сарнского мира.

«Ты должен остановить их, — сознание Грейта уловило настойчивый шепот. — Уэр, ты должен освободить его. Тайное задержание означает, что они надеются отправить его туда, где Эсир не сможет найти и освободить его». Мысли Деи

звучали тревожно. Предводительница человеческих женщин, решительная и готовая бросить вызов вековой власти сарнов, сковывающей разум, пришла в ужас от этого внезапного, почти сверхъестественного появления невидимых стражей — из-за человека, которого она любила.

«Оставайся там, где ты есть, Уэр, — мысленно отчеканил Грейт. — Сейчас они перемещают меня… выводят… нет, выносят меня из моего кабинета. Секунд через тридцать я совершенно потеряюсь; темнота ослепляет меня и сбивает с толку».

Грейт вдруг ощутил под ногами твердую почву. Затем он почувствовал, что его вращают вокруг своей оси четыре мускулистые руки огромной сарнки. Одно мгновение темнота бешено кружилась перед его глазами, затем он неуверенно встал на ноги, не имея ни малейшего представления о том, где он находится, когда сильные руки подтолкнули его вперед.

«Оставайся там, где ты есть. В любом случае я не знаю, где я, но кроме того, я уверен, что это ловушка, чтобы привести тебя туда, где специально приготовленное оружие Матери сможет уничтожить тебя и вместе с тобой нашу надежду на революцию. Я нужен ей только как приманка

для тебя. Оставайся на месте!»

В голове Грейта мягко прозвучал легкий смешок Уэра. «Если бы я знал, где ты, друг мой, я бы уже пришел. Но я вскоре узнаю. В свое время Мать увидит, что известно вам — а значит, и мне. Она понимает, что вы можете телепатически общаться со мной. Насколько я знаю, она до сих пор не раскрывала секрет этих плащей-невидимок…»

«Были и другие необъяснимые исчезновения; это первый раз, когда телепатор может передавать сообщения», — вставила Дея.

«Неважно. Это очень вовремя, ибо никакая сила, никакое могущество, никакое оружие и излучение, никакая бомба и ничто другое не сможет сорвать плащ Эсира. Никакая энергия, какой бы огромной она ни была, не может пробить этот щит. Мать на это и не надеется, ведь только сегодня утром в зале суда она испытала на этом плаще все свои изобретения — об одном или двух из них, Грейт, не знает ни один сарн на Земле, кроме самой Матери. Тогда они не сработали, да и не могли бы. Она больше не собирается испытывать его, она только хочет понять, как он устроен».

Непринужденное ликование Уэра передалось Грейту, понемногу успокаивая его.

«Она ни на йоту не преуспеет в этом, Грейт. Нет, она хочет увидеть плащ в действии, увидеть его на ее собственных условиях, в выбранное ею время, в выбранном ею месте. И, клянусь Эсиром и всеми богами Земли, Грейт, мы покажем ей то, что она хочет увидеть. Клянусь всеми богами, от Митры до Тора, мы предоставим ей такую возможность, я буду морозить ее драгоценный дворец там, на Сарнском холме, пока не заболят ее старые кости. До сих пор ни один сарн не страдал от ревматизма, но, клянусь Землей и всеми людьми на ней, этой ночью мы узнаем, на что способна тысяча сарнских костей!»

«Ты останешься там, где ты есть, самодовольный ты болван! — взвыл Грейт в телепатор. — Это ты наша надежда на революцию, не я. Бартел способней меня, хоть и не мастер говорить. Мать Сарна в сотни раз старше тебя; она исследовала пространство, время и все виды энергии с помощью приборов и инструментов, о которых ты понятия не имеешь. Ты для нее ребенок, неразумный болтливый ребенок, Уэр. Оставайся там, где ты есть! Если ты не знаешь ни одного способа изучить или разрушить этот твой щит, это не значит, что его не знает Мать, в распоряжении которой вся десятитысячелетняя наука сарнов».

Заливистый смех Уэра странно прозвучал в телепаторе. «Все научные достижения сарнов давно опубликованы, Грейт. Телепатор, мой друг, работает как педагог, готовый уловить, расширить и выразить каждую мысль как сложившееся мнение, только он обращен внутрь. Так и человеческая наука, Грейт. Под моим домом — когда-то я пытался сделать лабораторию, которую не смогли бы найти сарны, — я обнаружил древнее метро и погребенную под землей лабораторию. Некие люди, которых подвергли преследованию, соорудили ее в свои последние дни, прежде чем взрывы и газовые атаки положили конец их жизни. Целые тонны книг и журналов неуклюже громоздились там как забытое завещание».

Грейт застонал. Кожа на его спине вдруг странно натянулась, как это бывает у телепатов, когда между двумя могущественными умами устанавливается сильная связь. На спине Уэра висел тяжелый рюкзак. Оглушительное шипение блока атомных ламп, переделанных так, чтобы выдерживать нагрузку, в миллион раз превышающую ту, на которую они были рассчитаны, — шипение, которое растворялось в пронзительном беззвучии. Перед глазами Грейта неясно вырисовывалась секретная лаборатория Уэра,

обнесенная каменной стеной. Она на мгновение проступила на фоне окутавшей его кромешной тьмы. Затем Уэр нажал кнопку на своем поясе, и она превратилась в темноту, непонятную, непроглядную темноту и холод.

«Уэр, — взмолился Грейт, — я не знаю, где я. Если ты сейчас же не пообещаешь мне, что никуда не пойдешь, по крайней мере до тех пор, пока я не буду владеть хоть сколько-нибудь определенной информацией, я растопчу медальон Матери, и, клянусь богами, ты больше ничего не узнаешь».

«Я буду ждать», — со вздохом ответил Уэр.

«Но потом ты пойдешь, Уэр, правда?» — просительно сказала Дея.

«Это я тоже обещаю, Дея». — Уэр мысленно улыбнулся ей.

«Грейт, я продолжаю», — мысли Дарака из-за большого расстояния прозвучали тихо.

«Очень хорошо, — ответил Грейт. — Бартел!»

«Да».

«И Кэррон, и Оберн, Тарнот, Барлмью, Тодд — все вы продолжаете выполнять свои обязанности без каких-либо изменений. Не давайте понять, что вам известно о моем исчезновении, пока в этом не будет необходимости. Тодд, ты отвечаешь за приемную; ты хорошо поработал, если

знал, что меня, невидимого, несут в десяти футах от тебя. Оставляю тебя за главного. Держи девушек подальше от моего кабинета под любым предлогом, пока у меня не сложится какое-то представление о том, что нам делать дальше. Это понятно?»

«Вполне».

«Дея перестала посылать сообщения, — сказал Уэр. — Больше того, она не отвечает, она отключила свой телепатор».

«Мы до сих пор шли — а теперь остановились. — Разум Грейта лихорадочно работал. — Дея, Дея, ответь мне!» В его сознании воцарилась напряженная тишина; было слышно только тихое многоголосое бормотание тысяч умов рядом с ним, занятых своими мыслями.

«Оберн, где ты?» — резко спросил Уэр.

«Дома».

«Прогуляйся по улице; ты живешь в трех шагах от Деи. Грейт, споткнись — чувствуешь пыль под ногами?»

«Да». — Грейт, неловко споткнувшись о гигантскую стражницу-сарнку, поволок ногу по пыльной дорожке, все еще оставаясь невидимым.

«Пыль поднялась, — заметил Оберн. — Дея, ты

можешь мне ответить?»

«Да. — В ее мыслях слышались и злость, и испуг. — Мы снова движемся, но — так как они заставили меня крутиться — я не знаю, в каком направлении».

— Перестань волочить ногу, — сдавленным голосом прошептала сарнка на ухо Грейту.

«Уэр, мне все это не нравится». — Мысли Грейта были очень беспокойны.

«Пока ты был один, — с горечью отозвалась Дея, — все было в порядке; теперь, как я понимаю, ты гораздо меньше заботишься о том, чтобы Уэр держался отсюда подальше. Уэр, оставайся там, где находишься. Если это было мудрым решением для Грейта, единственного из нас, кто может расшевелить своих сторонников, то для меня это в сто раз мудрее».

«Думаю, — раздраженно сказал Уэр, — что мне пора заняться устройством, которое сможет определить местоположение телепатора. Это не должно быть особенно сложно, и, если так и дальше пойдет, оно нам понадобится. Я присоединюсь к вам, как только узнаю, где вы находитесь. А пока мне нужно подготовиться. Пожалуйста, прекратите отдавать и брать назад ваши приказы. Вы оба нужны нам; Мать хочет изучить этот

механизм, и она не перестанет брать людей в заложники, пока не получит возможность сделать это. Она ничего не сможет выяснить, так что мы предоставим ей эту возможность.

«Боюсь, ты прав, — согласился Грейт. — Уже должно было стемнеть».

«Так и есть. Луна всходит в 1:45, так что у нас еще много времени. Думаю… думаю, будет очень пасмурно», — неожиданно предсказал Уэр. В его голове внезапно пронеслось множество сумбурных мыслей, настолько мимолетных, что остальные не смогли их уловить.

Шум реактивного самолета, шорох идущей мимо толпы, голоса и негромкий смех. Поспешные отступания в сторону, чтобы избежать встречи с невидимыми прохожими, тихий звук шагов по пыльным дорожкам или заросшим травой переулкам. Затем исхоженная более чем сотней поколений людей грубая брусчатка у них под ногами и затихающий гул площади позади.

Неровная булыжная мостовая внезапно сменилась гладким, как стекло, сарнским шоссе. Они миновали низкую старинную стену, отмечавшую границу, где беспрепятственно могли ходить люди. Теперь слышны были только тихие, сонные крики птиц в близлежащих садах, огромных, как

парки, и громкий стрекот сверчков и ночных насекомых.

Шаги стражниц-сарнок ускорились, из-за их длинных ног и странной манеры втягивать их при каждом шаге люди еле поспевали за ними. Грейт услышал, как участилось дыхание Деи, когда они почти рысцой поднимались по невысокому склону, ведущему к Сарнскому дворцу.

Затем у него под ногами оказались ступеньки, и сильные руки сарнки подтолкнули его вверх, помогая идти спотыкающимся ногам. Эхо коридоров откликалось на его шаги, и на мгновение он понял, где находится. Их движение перестало быть для него блужданием в неизвестности, и он попытался собраться с мыслями. Направо, несколько поворотов — и они оказались за пределами знакомой ему части огромного Сарнского дворца.

Чья-то рука придержала его; он неподвижно стоял в кромешной тьме. В это мгновение откуда-то раздалось жужжание, затем зашуршали раздвижные двери, он сделал два шага вперед, и створки негромко лязгнули за его спиной. Сердце чуть не выскочило у него из груди, когда они внезапно начали падать вниз в кабине скоростного лифта, в полной темноте, не имея представления

о месте, времени и намерениях их похитителей. Грейт застыл и услышал судорожный вздох Деи, когда земля, казалось, ушла у них из-под ног. Затем полу вернулась устойчивость, и только мягкое жужжание гравитационных регуляторов говорило о том, что они продолжают опускаться. Они потеряли счет времени и не знали, с какой скоростью движутся, и все же Грейт был уверен, что они опустились на много тысяч футов; атмосферное давление росло, и ему пришлось сглатывать так много раз, что в конце концов он перестал обращать внимание на этот примитивный метод измерения.

Однако они преодолели уже не меньше пяти тысячи футов… Больше мили! Ни один человек еще не бывал в недрах Сарнского дворца. Лишь однажды людям было позволено побывать там, и то лишь в верхних подземельях, когда Драннел и его люди по приказу Матери получили какое-то слабое оружие. Оружие для победы над Грейтом и Уэром.

«Больше мили — мы снижаем скорость, Уэр. Воздух спертый; должно быть, это почти в двух милях под землей. Даже воздух в моих легких кажется более плотным. Если нас снова не поднимут наверх…»

«Я спущусь к вам, — спокойно ответил разум Уэра. — Вам хорошо меня слышно?»

«Прекрасно», — подтвердил Грейт.

«Есть две вещи, в которых я хотел удостовериться. Антигравитационные устройства лифта не мешают приему сигнала. Две мили твердой породы не являются для него препятствием. Частоты мыслительных волн ниже, чем у всех известных излучений, сильнее всех прочих. Плащ Эсира довершит остальное».

«Мы идем по широкому коридору с каменными полом и стенами и с низким потолком. Здесь есть колонны, — сказала Дея. — Впереди я слышу голоса сарнов».

Они остановились, и эхо их шагов, странное «дзынь-дзынь-дзынь», отраженное рядами колонн, медленно затихая, исчезло в неизвестной, невидимой дали.

— Мать Сарна! Декалон Топлар докладывает, что прибыла со своим десятком и двумя людьми, за которыми ее послали, — раздался переливчатый голос декалона.

— Сними плащ Матери, декалон. Положи все плащи и маски в этот футляр.

Гигантская сарнка сдернула с Грейта странно шелестящий плащ, и его внезапно ослепил поток

невыносимо яркого света. Постепенно его глаза привыкли; свет был не более ярким, чем мог распространить десяток огромных атомных ламп, подвешенных к высокому сводчатому потолку. Черная сверкающая гранитная плита была с двух сторон украшена двумя двадцатифутовыми золотыми дисками. Первый из них изображал Землю, второй — Забытую планету. Из скрытой в высоком куполе атомной лампы два прожектора отбрасывали ослепительные лучи на золотые диски. На Земной — луч яркого желто-белого света; на другой — тусклый холодный голубой луч.

Мать восседала на троне, ее окружали восемь Матерей Городов и два десятка великанш-стражниц. Еще одиннадцать, и вместе с ними Дея, в этот момент появлялись по частям прямо из воздуха, в то время как сарнка в защитных очках бережно упаковывала что-то невидимое в футляр из твердой древесины с серебристыми застежками, который стоял на длинном столе. Декалон рядом с ней аккуратно заправляла невидимые складки в углы, забирала защитные очки и батарейки у стражниц и, скрепляя крошечными булавками, возвращала их на место.

— По закону ни одно лицо, будь то человек или сарн, не может быть обвинен дважды в одном

и том же, — сказал Грейт. — Вчера в зале суда меня судили и оправдали. По закону ни одно лицо, будь то человек или сарн, не может быть привлечено к суду без возможности защищаться, за исключением случаев, когда оно отказывается от этого права. Ни я, ни эта женщина, Дея, ни совершили никакого преступления против какого-либо лица, человека или сарна. И, поскольку это наше право, мы просим нашего обвинителя предстать перед нами и объяснить нам причину нашего ареста.

Узкие глаза Матери медленно закрылись и лениво открылись вновь. Ее могучее тело было так же неподвижно, как плита в этом зале; Матери Городов тоже не двигались и, казалось, даже не дышали.

Мать заговорила на певучем языке сарнов:

— Данный вам закон — Закон Матери. я обещала соблюдать его, за исключением чрезвычайных ситуаций. Сейчас как раз такая, Грейт. Вы, эта женщина и, возможно, кто-то еще готовили заговор против сарнов и Матери Сарна. Это — обвинение; я — обвинитель. Что вы имеете ответить?

— Если некто предстает перед Судом Матери и своим обвинителем, у него есть двадцать четыре

часа, чтобы обдумать свой ответ. Обвинение должно быть достаточно обоснованным, чтобы Мать сочла его достойным ответа, и достаточно полным, чтобы обвиняемый знал, почему ему предъявлено это обвинение. Мать является обвинителем, но я должен спросить — согласно закону — на каких фактах основано это обвинение?

Глаза Матери блеснули. Едва заметная улыбка тронула ее тонкие губы, когда она посмотрела в проницательные серые глаза Грейта. Сарны гордились тем, что ни разу за те тысячелетия, что люди были в рабстве, с ними никто не обращался жестоко или намеренно несправедливо. Там, где закон сарнов подходил людям, для обеих рас действовали одни и те же правила; там, где законы не могли одинаково применяться к тем и другим — что естественно для двух рас, — действовала справедливость.

Сарны были справедливы; ни один человек не мог бы утверждать обратное. За прожитые ею тысячелетия Мать Сарнов видела сто двадцать поколений людей, и в некотором роде ее бессмертие одинаково отдаляло ее и от них, и от сарнов. А потому ей, знавшей человечество в его лучшие годы, было легче оценить ум и силу, таившиеся

в упрямом лице Грейта, и, зная цену человечеству, предвидеть упорство, с каким он будет бороться, используя любой закон или его темные места, чтобы вернуть свободу Дее. И она оценила быстроту, с которой Грейт снова вынудил ее занять оборонительную позицию. Ее доводы были правдивы и надежны, но основывались на тысяче мелочей, имевших или не имевших места в реальности. Тонкие, психологически верные наблюдения — и почти никаких достоверных фактов. Из тех немногих, которыми она владела, три исключались, поскольку они уже были рассмотрены на более раннем судебном процессе, в результате которого Грейт был освобожден.

Сейчас у нее не было времени спорить с человеком, обладавшим, как ей было известно, таким же острым умом, как и ее Матери Городов. Были и другие, более важные дела, о чем этот человек хорошо знал. И ему так же хорошо, как и ей, было известно, что ее обвинение нельзя изложить и в десяти предложениях. А также то, что это было совершенно справедливое, хотя и недоказуемое обвинение.

— Несмотря на исключительность этого случая, Грейт, — мягко сказала Мать, — я дам вам двадцать четыре часа, которые вы требуете. И

вашей спутнице, Дее. Декалон, пусть этих двоих отведут в пятнадцатую камеру в Доме скал.

Декалон со своим отрядом двинулись к ним. Грейт повернулся к Дее и слегка улыбнулся ей, когда десятеро окружили их. Стражницы повели их обратно к огромному, уходящему в невидимую даль коридору с колоннами, освещенному угасающими атомными лампами.

«Дом скал. Значит, это и есть пресловутая сарнская тюрьма. Уэр… Уэр…» — мысленно позвал Грайт.

«Я иду, Грейт. Я буду у вас через час. Вам не нужно постоянно связываться со мной, я установил с вами контакт и могу следить за вашими обычными мыслями. Небо, как я и говорил, затягивают тучи, ночь будет очень темной».

«Мы не смогли бы обойтись без его помощи», — вздохнула Дея.

«Не думаю, что мы бы справились».

Грейт слабо рассмеялся.

Грейт беспокойно расхаживал по камере. Декалон и ее отряд скрылись в туннеле, по которому они пришли сюда. С ними остался лишь старый сарн огромного роста, который выполнял функции надзирателя, ключника и стража. Он установил тумблеры на стальной двери и вышел,

мягко шаркая подушечками пальцев.

Грейт остановился посреди комнаты, высоко подняв голову и задумавшись. На лбу у него залегли глубокие морщины. Дея неподвижно сидела в своем кресле, взгляд ее темно-синих глаз затуманился от внезапной мысли. Она медленно поднялась, прекрасная наследница народа, забытого пять тысяч лет назад, дочь викингов, с золотистым загаром от южного солнца этой полосы, но златовласая и голубоглазая, высокая и сильная.

Постепенно ее взгляд прояснился, и в глазах Грейта блеснуло понимание.

— Где-то рядом сарны. По меньшей мере дюжина. И если эти сарны — здешние пленники, то в лабораториях Матери не осталось талантливых ученых, — тихо сказала она.

«Эхо, — быстро подумал Грейт. — Не используй голос».

Дея улыбнулась.

— Все они говорят вслух, и все же мы не можем разобрать ни слова. Эхо не доносит слов, только звуки, сбивающие с толку, перемешанные, сливающиеся друг с другом звуки. А использование телепатии может оказать воздействие на те приборы, на которые не повлияло бы обычное

мышление. Возможно, говорить сейчас лучше.

Грейт кивнул.

— Здесь по меньшей мере дюжина сарнов, все ученые. Они находятся в камере сверху, в камере снизу, в камерах с каждой стороны от нас. И единственное, что я могу разобрать в их мыслях, — это «Эсир» — и «инструменты».

«Я нашел эту шахту, — уловили они мысли Уэра. — Я не зря изучил всю электрическую сеть дворца и как дворцовый электротехник нашел много такого, чего не было на моих чертежах. Небо затягивают тяжелые тучи. В самом деле, будет очень темно. Я скоро присоединюсь к вам».

Мать молча указала вперед. На другом конце комнаты часть плиты отодвинулась в сторону, и за ней обнаружилась широкая сигнальная доска. Зеленый огонек неровно замигал, затем погас. Синяя лампочка на мгновение зажглась и, в свою очередь, погасла, в то время как желтая горела ровно.

— Значит, у шахты. Воздух для него закрыт.

Матери Городов беспокойно зашевелились. Вспыхнул второй желтый огонек.

— Если он опустится ниже шестого уровня… — начала Мать Дурбана.

— Кабина лифта там и останется, а он, думаю,

нет. Однажды он уже прошел сквозь крепкую стену, значит, ему не составит труда пройти и сквозь толщу скалы.

Вспыхнули третья и четвертая лампочки. Мать спокойно наблюдала за ними. Когда зажглась пятая, Матери Городов заметно напряглись. Вдруг она погасла, и замигали по очереди синяя и зеленая лампочки.

— Он знал, — одобрительно сказала Мать. — Лифт не опустился. Уходите.

В каменной стене распахнулась невидимая дверь. Матери Городов бесшумно исчезли в проеме, и вместе с ними вышли высокие стражницы. Плита качнулась в сторону. Мать, одиноко восседавшая на своем высоком троне, увидела, как потемнели огни в конце длинного коридора.

И снова Эсир предстал перед Матерью, все тот же сгусток мрака, нечто, что не было черным, но было воплощением черноты. Существо около семи футов ростом, отдаленно напоминающее по очертаниям человека.

Тонкие губы Матери улыбнулись.

— Ты стал меньше, Эсир. Неужели часть из тех душ, о которых ты упоминал, покинули тебя?

В ее голове зазвучал голос, говоривший уважительно, но в то же время с легкой насмешкой:

«Может быть, так оно и есть; в некоторых душах больше холодного металла, чем человеческого тепла. Но ради блага моей расы две души, которые ты держишь в плену, должны быть освобождены. Ради этого я пришел снова. И может быть, ты и те, кто ждет в пяти соседних каморках, сможете узнать меня получше. Я — сплав миллионов, миллиардов душ, Мать Сарна».

— Здесь нет людей, а сарнам не нужны сказки. — Мать сердито нахмурилась.

«Это не сказка, а чистая правда. Эта чернота соткана из них, возможно, не так, как это поняли бы люди, но все же это их производное».

Беззвучный голос в голове у Матери усмехнулся.

Мать медленно кивнула в знак согласия.

— Души, которые стремились к свободе, и знания. Возможно. Нам нужно перераспределить баланс сил, тебе и мне.

«…твоей расе и моей, — поправило черное существо. — Если бы дело было в нас с тобой, мы могли бы прийти к соглашению в одну минуту. Баланс был бы таков: твоя чаша весов опустилась бы так низко, что никто, ни сарн, ни человек, больше ничего не услышал бы о ней, в то время как моя даже не дрогнула бы».

— Да, — согласилась Мать. — Ты можешь уничтожить меня и останешься жив. Но твоя раса, не считая тебя, погибла бы, а моя бы выжила.

«В том, чтобы высказывать эти соображения, нет необходимости; каждому из нас все это известно. У человека есть одно большое преимущество перед сарнами: как раса люди больше способны к универсальной телепатии. Некоторые из моих людей уже могут разговаривать друг с другом. Я научился и другому способу телепатии — тому, которым пользуются сарны. Я могу говорить с тобой, а Грейт не может».

— Хотя кажется, что он знает, о чем думают сарны, когда находится рядом с нами. — Мать вздохнула. — Об этом я не подумала.

«Совершим обмен. — Эсир мысленно рассмеялся. — Ты хотела изучить, из чего состоит мой… мое тело. Я дам тебе такую возможность, а взамен…»

Эсир шагнул вперед и взял со стола серебристый футляр, в котором хранились плащи Матери и защитные очки. В то же мгновение палец Матери шевельнулся, и высеченная из мрамора часть ее высокого трона опустилась вниз. Из невидимых огнеметов с ревом вырвалось адское пламя, нестерпимое, губительное. Каменный пол в гигантском зале, бешено раскалившись, взвыл

и вспучился. Огромный стол глухо загудел, внезапно превратившись в расплывающееся пятно багрового газа. Раздался пронзительный визг, эхом отозвавшийся в коридорах, пол огромной пещеры дрогнул от мощного потока пламени, пронзившего скалу толщиной в сотню футов за секунду космической ярости…

И замер в тишине. Мать закрыла лицо тремя скрюченными руками, моргая полными слез глазами. Эсир был тут же, темное пятно, висящее в воздухе, на фоне раскаленных каменных глыб. Его очертания изменились: теперь он представлял собой нечто нескладное со странным угловатым, почти прямоугольным выступом на месте живота. Но прямоугольником этот предмет не был; один из углов выглядел так, словно кто-то скрутил и откусил его.

«Я никогда не знал наверняка, — спокойно сказал Эсир, — но теперь уверен: планета сарнов была не такой тяжелой, как Земля. Ты несколько отстала, Мать».

Сгусток мрака бесшумно заскользил по коридору, исчезая из ее поля зрения. Золотистые глаза с яростью сверкнули вслед сгорбленной, изуродованной фигуре. Постепенно взгляд Матери из сердитого стал сосредоточенным, и, кажется,

в нем даже промелькнул озорной огонек одобрения.

Палец Матери коснулся другой кнопки, и в тот же миг в зал ворвались два десятка стражниц с встревоженными лицами. Они казались неуклюжими с их воронкообразными ртами и оружием на изготовку. Они остановились у двери и уставились на докрасна раскаленный пол.

Матери Городов столпились за ними, глядя на сияющие камни, и на их тонких губах медленно расплывалась удовлетворенная улыбка. Мать Тарглана неторопливо заняла свое место.

— Так, значит, революции пришел конец, — с нескрываемым удовольствием произнесла она.

Мать Сарна сердито взглянула на нее.

— Дочь моя, — язвительно начала она, — неужели ты думаешь, что я установлю здесь столь же мощное оружие, как то, что находится в зале суда? Я направила всю силу этого оружия не на него, но на его плащ. Я успела разглядеть только краешек; он скрылся слишком быстро. Все эти чрезвычайные обстоятельства сбили меня с толку, и я не спала уже пятьдесят часов, иначе никогда не оставила бы этот футляр там, где он мог до него добраться. Эсир от этого обмена только выиграл: он непременно узнает, из чего

сделан плащ Матери, а я смогу лишь узнать, из чего состоит его собственный.

Мать спокойно посмотрела в конец длинного коридора, где сгорбленная фигура сворачивала в узкую расщелину в огромной стене каменного туннеля.

Старый сарн, страж Дома скал, получил подробные инструкции. Мать Сарна не имела ни малейшего желания терять жизни своих соплеменников, но она хотела удержать Эсира в этой мрачной цитадели. Когда он появился, страж отвернулся и оставил проход свободным. Незримые стражницы, притаившиеся у узкой расщелины, ведущей в неприступную крепость, бездействовали, защищенные своей невидимостью.

Мрак полз вверх по ступеням, высеченным в сверкающей скале. Вдоль по коридору к серой стальной двери, за которой сознания Грейта и Деи направляли егопуть.

И — между рядами записывающих устройств, вмонтированных в каждую стену, мимо которой он проходил. Крошечные атомные огоньки, тоньше самой тонкой проволоки, протягивались, чтобы прикоснуться к темной материи его плаща. Невидимые силовые поля легонько дотрагивались до кромки тьмы. Болометры и термометры

измеряли температуру воздуха, который исходил от тьмы. Ветерок, холодный, как ледяная корка на лужах, веял от этой тьмы и шлейфом тянулся по каменному полу позади нее. Белый иней покрыл пол коридора, когда он в своей мертвой черноте проходил по нему.

«Грейт, Дея, отойдите от двери. Как только она начнет растворяться в воздухе, пройдите через нее».

Сквозь непроницаемую черноту неуловимая ниточка мысли потянулась к заключенным, чтобы связаться с ними и подготовить их к тому, что произойдет.

Черная бесформенная рука Эсира неловко провела по серому металлу двери и, как будто эта рука была мокрой тряпкой, а дверь — надписью на грифельной доске, стерла ее. Там, где рука описала быстрый круг, тяжелый металл пошел волнами — и исчез.

Дея неуверенно вытянула руку и, коснувшись места, где только что была дверь, почувствовала смутное сопротивление, как будто на ее месте остался густой и очень вязкий газ. При этом его температура совершенно не ощущалась. Она рванулась сквозь него, преодолевая внезапное удушье, и встала в коридоре рядом с Эсиром.

Грейт молча присоединился к ним.

«Плащи?» — спросил он.

«Они полезны только как источник информации. Лучи Матери проникают сквозь щели в футляре и, несомненно, выжигают на них причудливые узоры. Вы не можете использовать их. Нужно выбираться отсюда как есть. А теперь пойдем, и держитесь поближе ко мне. Мы должны воздвигнуть за собой стены, а это будет нелегко».

«Мы можем пройти сквозь скалы — или это невозможно?» — спросила Дея.

Бесформенная рука Эсира махнула назад. Позади них за дверью камеры была та же чернота, из которой состоял сам Эсир, чернота, быстро сгущающаяся вокруг двух искривленных теней, которые возникли на ее поверхности. Тени образовались там, где Дея и Грейт прошли сквозь прозрачную стену. От двери исходил смертельный холод, который все возрастал, втягивая в себя свет атомных ламп на потолке и замораживая воздух вокруг.

«Вы на мгновение почувствовали, что задыхаетесь. Вы не сможете дышать, находясь внутри стали или камня. Это состояние взаимной проницаемости мгновенно, но ужасно коварно. Нам нужно идти».

Уэр пошел вперед, и теперь, когда он проходил мимо тонких, как волосы, атомных огоньков, которые ощупывали его плащ, его палец указывал на них, и молнии вспыхивали там, где черные вспышки ударяли в направленные на него приборы. Безвредные для тьмы Эсира, они были смертельно опасны для беззащитных людей.

Внезапно огоньки зашипели и погасли. Сарн счел за лучшее поберечь оставшиеся приборы.

Теперь вниз по лестнице и наружу, подальше от сияния огромных атомных ламп, освещающих Дом скал. «Впереди невидимые стражи, — сказал Эсир. — Мать, я думаю, предупредила их, чтобы они не препятствовали мне. Но вас они могут попытаться задержать».

Это было против приказа Матери. Но эти стражницы-сарнки с их восемью футами мощи и полным презрением к людям, гордые тем, что никогда ни один заключенный не мог сбежать из Дома скал, направили свое невидимое оружие против Грейта и Деи.

Из плотной кисти Эсира вдруг вырос длинный гибкий гагатово-черный палец. Раздался треск, засверкали молнии, и дикий, пронзительный вопль смертельной боли резко оборвался. Фигура сарнки, черная, как сам Эсир, возникла из

ниоткуда и исчезла за появившейся на глазах снежной завесой. Черный палец описал круг, и стражниц-сарнок охватила темнота, которую прорезали синие всполохи молний.

«А теперь бежим», — скомандовал Уэр.

Все трое двинулись вниз по прямой узкой расщелине, которая вела в наружный коридор. Эсир свернул направо, потом еще раз направо, и они оказались в туннеле с низким потолком. Еще один ряд лифтов, кабины нетронуты. Тяжелая металлическая дверь растворилась от прикосновения его руки, открыв вход в черную шахту, сверху и снизу уходящую в пустоту, в невидимые глубины и высоты. Еще дверь, и еще одна…

Наконец, лифт был найден, и все трое поспешили внутрь. Позади них в главном коридоре послышался тяжелый топот бегущих ног и лязг оружия. Тускло поблескивающий тупой нос боевого огнемета неуклюже сворачивал в коридор, а полдюжины гигантских сарнов тянули его за собой. Избавленный от гравитации, он свободно плыл в воздухе, но несколько тонн веса делали его неповоротливым, и управлять им в узких каменных туннелях было нелегко. Громкие мелодичные команды заставили его вывернуть к нужному месту, остановиться, и, когда был вы-

ключен дегравитатор, он с глухим стуком упал на пол. Двое сарнов стали крутить рычаги управления траекторией, а третий держал наготове трос.

Эсир потянулся к пульту управления лифтом, и в этот момент взрыв с хриплой яростью обрушился на запылавшие распадающиеся своды. Каменные стены слева и справа вспыхнули в смертоносном атомном пламени. В то же мгновение эта картина пропала, а прозрачная металлическая дверь мгновенно сменилась чернотой, которая жадно впитывала яростную энергию снаружи и ледяными пальцами вытягивала тепло из двух человеческих тел внутри.

«Жми на эту кнопку, Грейт, живо, — скомандовал Уэр. — Я не могу прикоснуться к ней в плаще».

Грейт нажал на одну из сотен кнопок. Пол кабины мгновение сопротивлялся, и затем, когда черный палец Уэра указал на что-то в механизме управления, их охватило ощущение, что они падают в невесомости. Чернота и ужасный холод высосали остатки тепла из резистора в механизме управления, и полный ток прошел через регулятор дегравитатора. Машина бешено рванулась вверх.

«У Матери многие из этих лифтов связаны с

системой отключения электроэнергии. Если это один из них — а так, вероятно, оно и есть, — и она вовремя узнает, на каком лифте мы поехали, она может отключить нашу электрическую сеть. Если это так, у нас все-таки останется еще один шанс, хотя я никогда раньше не решался проделать это».

«Лучше снова ослабить ток, — тихо сказал Грейт. — Послушай, как завывает ветер наверху».

Свист ветра становился все громче. Высоко вверху, в закрытой трубе, сжатый поднимающейся кабиной лифта воздух с воем вырывался из какого-то клапана. Это была огромная напоминающая органную труба, мелодия которой звучала все выше и выше — все быстрее и быстрее по мере того, как конец трубы становился ближе, а давление возрастало.

«Я не могу. — Уэр покачал невидимой под плащом головой. — Давление воздуха должно остановить нас. Но не раньше, чем мы доберемся до верха здания и сработают автоматические защитные устройства. Они отключат ток в лифте и заставят его затормозить, когда мы будем проезжать самый верхний этаж. Если Мать еще этого не сделала».

Свист становился все громче. Внезапно лифт замер в воздухе. Грейт, уже крепко державшийся за резные стенки кабины, обвил Дею рукой и, стремясь уберечь ее, прижал к себе. Эсир взлетел вверх, к крыше кабины, непостижимым образом извернулся в полете и повис в воздухе.

«Не прикасайтесь ко мне, — промелькнули мысли Уэра в их головах, — если хотите остаться в живых».

Снова свистящий звук прорезал рев воздуха в трубе сверху, и Уэр вздохнул с облегчением.

«Мать опоздала. Она отключила электричество — но не раньше, чем мы поднялись так высоко и с такой скоростью, что сработала автоматическая защита. Подействовали аварийные тормоза».

Торможение прекратилось, и Уэр снова опустился на пол. Лифт остановился, медленно снижаясь. Снова раздался щелчок, и где-то под ногами сработал храповик. Дверца кабины с грохотом открылась, и наружная дверь скользнула в сторону. Все трое вышли в коридор, освещенный атомными лампами, высеченными из алебастра и золотистого янтаря. Они находились на самом верхнем этаже Сарнского дворца.

Далеко внизу Мать Сарна задумчиво смотрела

на маленький ряд светящихся сигнальных ламп. Матери Городов проследили за ее взглядом и пришли в ярость, увидев, как загорелись двойные красные лампочки аварийных сигналов.

— Любопытно, — тихо сказала Мать Сарна. — Он, конечно, заморозил резистор в цепи дегравитатора своей чернотой, чтобы добиться такой безумной скорости подъема. Но у меня есть чувство, что Эсир не делает ничего, от чего у него не было бы средства защититься, и не предпринимает ничего, из чего он не нашел бы второго, спасительного выхода. Что он сделал бы, если бы я смогла обесточить лифт до того, как он добрался бы до предохранительных устройств?

Матери Городов не разделяли ее любопытства. Они нетерпеливо смотрели, как Мать теряет время, вместо того чтобы отправить отряд стражниц на верхний этаж.

Мать ничего не предпринимала. Она не видела смысла в том, чтобы выставлять свою стражу против сгустка тьмы, у которого, насколько она могла судить, не было слабых мест. Она понимала, что наилучшим решением для нее будет дождаться отчета своих ученых. Знание — та сила, которой ей сейчас недостает. Знание, а также власть, которой она уже обладала: она могла

контролировать все источники материалов, без которых Эсир был безвреден — насколько это вообще возможно, когда идет революция.

Эсир стоял у входа в зал суда. Позади, сквозь открытые двери, виднелись Сарнские сады. Эсир-Уэр улыбнулся. «Я говорил, что ночь будет пасмурной», — прошептал он про себя.

Грейт и Дея съежились. Деревья гнулись от ветра, который с яростью налетал на них. В отсветах, сверкавших в низко нависшем небе, бушевала буря. Резко похолодало. Ветер, завывавший в садах, принес с собой дыхание свирепой зимы, пронзившее эту летнюю ночь.

— Думаю, будет дождь, — сказал Уэр.

Пока он говорил, небо вспыхнуло пламенем. Огромные языки молний прорезали небо, вонзились в Землю мощной сетью электрических разрядов. Воздух взорвался раскатом грома, от которого величественный Сарнский дворец содрогнулся до самых основ. И в то же мгновение небеса разверзлись. Облака лопнули и обрушились на землю потоками воды. Ревущий ветер гнал перед собой стену дождя, состоящую наполовину из капель, падающих сверху, наполовину — бьющих из земли, которая вдруг превратилась в озеро. Мерцающие огни человеческого города за стена-

ми Сарна внезапно исчезли.

— Кажется, — довольно сказал Уэр, — я немного переборщил.

— Ты? — выдохнул Грейт. — Это сделал ты?

— Сарны ненавидят холод и сырость больше, чем любая кошка в мире. Сегодня вечером вы не найдете в садах ни одного гуляющего сарна. Наш путь к воротам очищен.

Дея вздрогнула и взглянула на темную фигуру Эсира.

— Ветер очень холодный, а дождь, должно быть, больше походит на мокрый снег. Я одета для июньской ночи, а не для февральской.

— Я использовал слишком много энергии, — пробормотал Уэр. — Никогда раньше этого не делал. Спиши это на неопытность.

— Экспериментальная ошибка. — Грейт вздохнул. — Господи, дружище, да ты чуть не смыл город с лица земли. Пойдем, нужно уходить, пока нам не пришлось плыть.

— Подожди минутку, — отозвался Уэр, — мне нужно сделать кое-что еще. Мать собиралась исследовать этот мой темный покров. Что ж, клянусь всеми богами, какие только существуют, я сделаю для нее все, что она захочет. Я заставлю ее хорошенько подумать, прежде чем она снова

призовет Эсира забавы ради!

Он повернулся и оказался перед большим залом суда. В тусклом свете нескольких больших ламп комната поражала великолепием: гагатовый камень и хром, золото и сверкающий хрусталь. Рука Эсира превратилась в черную воронку, которая медленно описывала круги по комнате. Там, где она проходила, исчезали блеск полированного камня, сияние металла и драгоценностей. Комнату затопила непроницаемая чернота. Стены перестали быть стенами, они превратились в пустоту, уходящую в пространство бесконечной ночи. Блеск и шипение атомного пламени прекратились; его яркий свет потускнел, стал мрачным и гнетущим. И холод — холод потоком хлынул из Зала. Люди содрогнулись и выбежали из дверного проема, с которого внезапно заструились клубы холодного тумана. Воздух, такой холодный, что чуть не превращался в льдинки, казалось, стекал по стенам и сочился в дверь. Подул ветер, воздух со свистом устремился в верхнюю часть комнаты, чтобы тут же вырваться внизу невидимым ледяным потоком.

Грейт и Дея поспешили отойти в сторону, дрожа от невыносимого холода. Поток воздуха хлынул наружу, через вестибюль ко входу во дворец. Он

стекал по ступеням, и у них на глазах капли дождя превращались в снежные хлопья и мокрым пластом застывали на камне.

— Да, — удовлетворенно сказал Уэр, — сарны ненавидят холод. Пройдет месяц, прежде чем они снова захотят войти в эту комнату. А теперь идем.

Он прошел сквозь поток и спустился по ступенькам к сгибающимся под ударами бури деревьям. Ветер завывал рядом с ним, вихрился вокруг его черного плаща. Его фигура была очерчена белым контуром, который кружился и поблескивал в слабом свете, исходившем от здания. Позади него прокладывали себе путь Грейт и Дея — две белые фигуры на черном фоне. Через мгновение они скрылись за движущейся, сверкающей завесой дождя.

Они мгновенно промокли и замерзли. Грейт почувствовал, как Дея дрожит в его объятиях.

— Уэр, — позвал он. — Уэр, иди вперед, мы тебя догоним. Мы можем следовать за этой чернотой только по снегу, который образуется вокруг тебя, а в такую ночь, как эта, будь я проклят, если последую за ходячей метелью. Я сейчас совсем окоченею, и Дея тоже.

— Уже окоченела, — слабо проговорила де-

вушка.

— Я не могу отключить эту защиту, — ответил Уэр. — У моих приборов не настолько хорошая изоляция. Если вода коснется их, не останется ни Сарна, ни человеческого города, за который стоит бороться. Встретимся у меня дома. Вы сможете найти дорогу?

— Думаю, да, — кивнул Грейт, поеживаясь.

— Тогда отправляйтесь в путь. Вечером свет в окне будет гореть, как всегда. И, пока бушует эта сырая метель, поблизости не будет ни одного сарна.

— Хорошо.

Грейт и Дея пустились в путь почти бегом. Черный ветер с дождем, завывая, носились по саду. Небо снова вспыхнуло ослепительным светом, а от грохота земля у них под ногами задрожала так, что, даже наполовину замерзшие, они почувствовали ее сотрясение.

В суматохе той неспокойной ночи никто не видел, как Грейт и Дея достигли своей цели. Дождь непроницаемой пеленой покрывал их, когда они проскользнули к маленькому каменному коттеджу Уэра между склоненными ветром деревьями и вошли в неосвещенный коридор. Рука Уэра легла на плечо Грейту, и хозяин повел промок-

шую пару через крошечную комнату, внезапно озарившуюся вспышкой молнии. У дальней стены он нащупал камень, который со скрежетом сдвинулся в сторону. Затем Уэр молча повел их вниз, в еще меньшую комнату, облицованную грубым гранитом. Камень наверху вернулся на прежнее место, и тут же вспыхнул свет. Но Уэр снова что-то нащупал в углу и повел их еще ниже, в похожее на пещеру затхлое помещение, обнесенное стенами из заржавевшей от времени стали. Его потолок поддерживали ржавые стальные колонны, скрытые внутри более прочных опор — сталактитов и сталагмитов, которые образовались вокруг проржавевшего металла и поддерживали его.

— Старое метро, — объяснил Уэр. — Оно тянется на четверть мили в одну сторону и почти на милю в другую, пока дальнейший путь не преграждают обвалы. Как видите, оно целиком проходит под человеческим городом, по большей части — на глубине около ста двадцати футов. Моя лаборатория — вот здесь.

Она была установлена на бетонной платформе заброшенной станции.

— Снимайте ваши промокшие вещи и становитесь перед обогревателями, сюда.

Уэр повернулся к грубой панели управления, и решетка из железных прутьев стала теплой, горячей, затем раскалилась, и от нее повалил приятный жар.

— Мы скрываемся, — тихо спросила Дея, — или можем открыто вернуться?

— Если бы я знал, — печально ответил Уэр, — сколько еще будет продолжаться это наполовину явное, наполовину скрытое восстание, прежде чем я смогу чего-то добиться, мы, возможно, лучше понимали бы, что нам делать.

— Это навело меня на одну мысль, Уэр. Наполовину явное, наполовину скрытое, я имею в виду. К плащам Матери прилагаются защитные очки, которые дают возможность видеть. Я не знаю, что такое твоя чернота — за исключением того, что она несет с собой адский холод (я все еще не могу согреться!), — но, если ни один луч не может проникнуть сквозь нее, прошу, скажи мне, как ты можешь видеть, куда идешь.

Уэр, смеясь, поднял голову.

— Я и не вижу. И все же вечером я нашел дорогу через это болото, называемое Сарнским садом, легче, чем ты. Телепатия — вот мой ответ. Смотреть чужими глазами. Мать сама показала мне, где были спрятаны плащи. — Он кивнул в

сторону искореженного футляра. — Если бы не ее глаза, я никогда бы не догадался захватить их.

— Может быть, — сказала Дея, — если бы мы лучше знали, что у тебя уже есть и чего тебе не хватает, мы могли бы быть тебе более полезны.

— Может быть, — хмуро предложил Грейт, — тебе просто смыть проклятых сарнов из города? Еще одна такая «пасмурная ночь», и ты сможешь сделать это.

— Сарн расположен выше человеческого города. — Уэр улыбнулся. — Но люди переносят холод и сырость намного лучше них.

— На практике это неосуществимо, да и времени заняло бы слишком много, — возразила Дея. — Что у тебя еще есть в запасе? У меня очень личный интерес к твоему плащу — спроси у моих костей, которые только-только начинают оттаивать.

Уэр глубоко вздохнул.

— Сложно сказать. Процентов девяносто из этого невозможно выразить словами или объяснить с помощью слов. Это математическая концепция, воплощенная в жизнь. Поэтому я сейчас приведу тебе обычную досарновскую аналогию, ведь ни ты, ни Грейт не можете вообразить математику в картинках. Это язык, такой же язык, как тот,

на котором разговариваем мы или сарны. Некоторые термины можно перевести, некоторые нет. Например, $x^2 + y^2 = c^2$ — на математическом языке означает «круг». Я приведу вам аналогии, которые, предупреждаю, не имеют отношения к действительности и искусно маскируют правду. Но это лучшее, что я могу сделать.

Дирак, физик досарновских времен, определил позитрон как элементарную частицу в поле отрицательно заряженных электронов. Пространство, по его словам, было целиком заполнено электронами, обладающими отрицательной энергией. Оно переполнилось и поделилось на электроны, которые мы можем распознать, — электроны из обычной материи.

Незадолго до того, как на Землю пришли сарны, люди стали подозревать, что за этим может стоять нечто большее. Так оно и есть. Электроны в положительном энергетическом состоянии при колебании выделяют излучение — свет, тепло и так далее. Если вы используете энергию в достаточно высокой концентрации, вы можете вызвать колебание отрицательно заряженных электронов. Можно сказать, они излучают отрицательную энергию. Они производят фотоны в состояниях с отрицательной энергией.

Как я уже говорил, это аналогия, которую я не могу как следует описать, но эффект заключается в излучении отрицательной энергии. При этом образуются холод, темнота или непроницаемость для рентгеновских лучей — все, что угодно.

Конечно, при сохранении энергии источник этого излучения вместо того, чтобы потреблять энергию, выделяет ее. Мои аппараты не излучают отрицательную энергию; они создают в воздухе вокруг меня такие условия, что атомы воздуха начинают излучать ее.

Атомное пламя, которое Мать направила на меня, в какой-то степени удовлетворило ненасытную потребность в энергии, вызванную отрицательной энергетической установкой. Сила, которая заставляет атомы воздуха вырабатывать излучение таким образом, делает их нестабильными — как бы расщепляет их на две части, на два полусформировавшихся атома материи. В этом состоянии ни одна из половин не существует в действительности, но каждая испытывает острую потребность в пополнении массы — в виде энергии, — чтобы сделаться реальной. В этом промежуточном состоянии материя взаимопроникаема. Например, мы проходим через стальные двери и каменные полы. Она на

мгновение зависает в этой нестабильной точке полураспада, прежде чем вновь сформироваться в материю. Это состояние так же непредсказуемо, как гремучая змея или «прирученный» тигр. Взаимопроникновение может разрушить хрупкое равновесие и израсходовать нашу массу-энергию на переформирование. Когда стражницы-сарнки направили нам вслед атомное пламя, нестабильная материя стала жадно впитывать энергию и начала преобразовываться под ее воздействием. Если позволить этому процессу продолжиться, одна часть полуатомов поглотит другую, и материя снова придет в норму. А до тех пор она будет излучать черноту. И холод — как в зале суда Матери прямо сейчас.

Когда Мать направила на меня свои лучи, благодаря выделившейся энергии стали активно создаваться дополнительные атомы воздуха. Не важно, какое излучение она использовала — энергия поглощалась. Ее атомное пламя обладало огромной силой — и произвело много воздуха. Ее любопытные лучи, вызывающие распад атомов, несли не так уж много энергии, но из-за особой формы они были смертоносными. Теоретически луч мог пройти сквозь мой плащ, не изменив форму. Но энергия из него была извлечена.

Естественно, физики Матери сейчас сильно озадачены тем, что их приборы единодушно отказали. Ни один из них, конечно, не показывает значения ниже абсолютного нуля. Между тем температура щита составляет -55 000 по абсолютной шкале — или около того.

Я мог бы легко уничтожить сарнов. Но, — Уэр пожал плечами, — пока я буду заниматься этим, они уничтожат всех людей.

— Что же тебе нужно?

— Час, — вздохнул Уэр. — Один час в мастерских сарнов. Несколько фунтов молибдена, несколько аппаратов для волочения проволоки, несколько унций скандия и специальное оборудование для выдувания стекла. Тогда у меня был бы дубликат моей игрушки, который может защитить весь этот город на пятьдесят миль вокруг.

— Другими словами, — слегка улыбаясь, сказал Грейт, — если бы мы могли выгнать сарнов из города, мы избавились бы от них насовсем.

— Совершенно верно, — подтвердил Уэр. — Что обнадеживает, пусть и напрасно.

Дея задумчиво потерла левую руку ладонью правой и повернулась боком к обогревателю.

— Насколько велик радиус действия твоего нынешнего аппарата? — спросила она.

— Он не так уж мал. — Уэр ухмыльнулся. — Его достаточно, чтобы полностью покрыть весь Сарн. Я мог бы защитить его от любой атаки. Но не человеческий город.

— Это тоже может быть полезным. — Дея кивнула. — У меня есть одна идея. Мое платье уже высохло, хоть и помялось немного. Ты не принесешь нам чего-нибудь поесть, Уэр? Я проголодалась от холода.

— Что у тебя на уме? — нетерпеливо спросил Уэр. В его голосе слышалось раздражение. Телепаторы не передавали мысли, которые их владелец хотел бы скрыть.

— Я думаю… я предпочла бы сначала обсудить это с Грейтом. — Дея с сомнением покачала головой. — Возможно, я ошибаюсь.

Уэр покорно поднялся по грубой лестнице на кухню своего дома, расположенную сотней футов выше. Дея посмотрела на Грейта, пока они по очереди снимали свои телепаторы. Она натянула платье, разглаживая все еще немного влажные складочки.

— Как поживает Саймонс, Грейт?

Грейт озадаченно посмотрел на нее, продолжая надевать рубашку.

— Ты сама знаешь — он безнадежен. Но поче-

му ты спрашиваешь? Он все равно не смог бы помочь нам.

Губы Деи сложились в слабую натянутую улыбку, в ее задумчивых глазах блеснул огонек.

— Я бы не была так уверена, Грейт. Не… была бы… так уверена. Уэр говорил, что все, что он может пропустить через усилитель звука, можно записать, не так ли? А если это можно записать, то можно и транслировать на другой волне, так может быть…

Грейт вздрогнул и застыл на месте.

— Клянусь Эсиром и всеми богами Земли! Дея! Что за фантазия пришла тебе в голову? Этот человек безумен, совершенно, пугающе безумен…

— Отрицательная энергия, — продолжала Дея, проворно поправляя волосы. — Если бы мы могли заставить сарнов сдаться без боя — от страха и безнадежности… Нам нужна не чисто физическая энергия, противостоять которой сарны привыкли, а что-то другое.

Грейт некоторое время стоял молча. Его разум работал так быстро, что он не мог управлять утомленным телом.

— Ты разговаривала с доктором Уэссоном? — спросил он, пристально глядя на нее.

Дея медленно кивнула.

— Да, только сегодня утром. — Она на секунду задумалась, прежде чем продолжить. — Или, скорее, вчера. Если шторм прекратился, часа через три рассветет. Мы должны доставить его сюда, пока это не произошло. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да! Я свяжусь с Кэрроном…

Уэр медленно спускался по лестнице, неся два подноса с хлебом, сыром и холодным мясом, пару чашек, сливки и кофе.

— Если ты используешь эти мензурки для воды, а лабораторные конфорки в качестве плиты, Дея, кофе выйдет даже лучше, чем у меня.

— Уэр, — взволнованно спросил Грейт, — ты можешь записать мысли — мысли, переданные через телепатор?

Уэр остановился, внезапно нахмурившись.

— Записать мысли? Зачем? Я никогда не пробовал — легче подумать еще раз.

— Но это можно было бы сделать?

— Хм-м… да, думаю, да.

— Сколько времени потребуется, чтобы создать такой аппарат? — спросил Грейт с тревогой.

Уэр поколебался, затем пожал плечами.

— Несколько часов. Я могу сделать его. Телепатор по своей природе должен быть крошечным.

Нескольких крупинок труднодоступных элементов вполне достаточно, когда объем всего устройства меньше кубического миллиметра. Но на это нужно время. Диктофон и проигрыватель — скажем, два дня, как только у меня будет чертеж. Я думаю… да, я знаю, что смогу его сделать.

Грейт снова надел телепатор на голову. Его мысли быстро устремились прочь. «Кэррон… Кэррон…»

«Да?» — сонно откликнулся Кэррон.

«До рассвета три часа. Кэррон, все должно быть сделано до того, как проснутся первые люди. Прямо сейчас отправь инструментальщика Ормана к Уэру. Нужно сделать несколько телепаторов. Найди доктора Уэссона и скажи ему связаться с Уэром. Затем разбуди других, чтобы получать и передавать мои приказы, а сам немного поспи».

— Теперь, Уэр, нарисуй чертежи деталей, которые понадобятся тебе для этого аппарата, чтобы Орман мог начать, пока ты спишь. Ах да… ты ведь сможешь создать устройство для перевода человеческих мыслей на частоту сарнов?

— Что? Человеческую речь в сарнскую? Даже не знаю. Я работаю над этой проблемой уже несколько недель — время от времени.

— Значит, теперь самое время снова приняться за работу. Если ты сможешь сделать это, Уэр, мы снова отвоюем Землю!

Эти детальки были невероятно маленькими. Они лежали на ладони Уэра — две крошечные закрытые катушки, соединенные выпуклой перемычкой из металла размером где-то с половинку арахиса между двумя кусочками стального стержня толщиной в дюйм. Но работа была удивительно искусной.

— Это только проигрыватель, — со вздохом сказал Уэр. Его глаза были красными от усталости. — Магнитофон стоит там. Ты сказал, что он не обязательно должен быть портативным. Как ты и хотел, он делает запись человеческих мыслей на серебряной ленте и преобразует ее для сарнского диапазона. Лента непрерывна и воспроизводится до тех пор, пока она наматывается на эту маленькую пружинку.

А теперь могу я спросить, для чего тебе нужно все это? Я так сосредоточился на работе, что, кажется, ни один лишний вопрос не мог уместиться у меня в голове. Какую такую мысль нужно записать, чтобы изгнать сарнов? Бесконечно повторять: «Убирайтесь прочь»? Телепатические команды имеют не больше силы, чем слова, сами

знаете.

— Не имеют, если им будут сопротивляться, — согласилась Дея. — Но они могут восприниматься на подсознательном уровне. Хочешь увидеть, кто и как…

Камень наверху сдвинулся с места. Грейт, Дея и Уэр подняли головы. Только измученный крепко спящий Орман не заметил этого вторжения.

— Вниз, Саймонс, — раздался голос доктора Уэссона. В его интонации была ласковая настойчивость, сострадание сочеталось с твердостью.

На лестницу ступила пара ног, спускавшихся медленно, устало, словно испытывая ужасное бесконечное изнеможение. Утомление, превышающее покой, страдание и безнадежность выражались в их тяжелом, унылом шарканье. Вяло, печально они спускались по длинной лестнице, и механические, ритмичные шаги были глухими вестниками поражения. Потом показалась расслабленная фигура мужчины: сильные мускулистые руки и плечи покорно опустились под мертвящим грузом всепоглощающего отчаяния. Ниже, ниже…

— Вниз, Саймонс. — Голос доктора был усталым, в нем слышалось странное отчаяние, которое, казалось, передалось ему от этого обреченного

человека.

Уэр медленно обернулся, чтобы взглянуть на Дею и Грейта.

— Кто это — Саймонс?

Они не отвечали, и он снова повернулся, чтобы окинуть взглядом фигуру, которая теперь неподвижно стояла в ярком свете ламп этой погребенной под землей лаборатории. Лицо человека было бледно и изрезано морщинами. Когда-то властное, теперь оно было лишено внутренней силы, застыло как мертвая маска равнодушного отчаяния. В его глазах была тьма; они были черными колодцами, которые без надежды, без малейшего намека на надежду глядели в проницательные серые глаза Эсира. Уэр почувствовал, как что-то внутри него похолодело под пристальным взглядом этих глаз, в которых не осталось ни страха, ни надежды. Душа, прятавшаяся в них, не была мертва, но жаждала смерти. Ярко освещенная комната вдруг показалась холодной и тоскливой. Усталость от бесконечной борьбы с одолевающими их сарнами и ощущение ее обреченности навалились на Уэра. Безнадежность и отчаяние были столь глубоки, что он не стал бы возражать, потерпи он поражение.

Он с трудом отвел глаза.

— Дея… во имя всех богов, что… кто… что это такое?! — прошептал он.

— Это отрицательная энергия, Уэр. Отрицательная энергия разума, чернота Эсира, приложенная ко всем надеждам, ко всем стремлениям. Он сумасшедший, у него маниакально-депрессивное расстройство. У него нет ни надежды, ни желания убежать из этого отрицательного ада отчаяния, который далеко превзошел любое уныние. Он безумен, ибо ни один человек в здравом уме не смог бы выносить ту ужасную темноту, ту безнадежность, которые являются абсолютной, всепожирающей силой, наполняющей его существо.

Если бы его рассудок когда-нибудь вернулся к нему, он стал бы одержим самоубийством, пытался покончить с собой любым доступным ему способом, как бы ни был ужасен этот способ. Сейчас такая спасительная мысль не может прийти ему в голову. Это было бы борьбой, которая сама по себе является надеждой, а у него нет надежды. Воспринимать смерть как спасение — значит на что-то надеяться, верить в существование чего-то лучшего. Сейчас это ему не по силам, ибо надежда, борьба, стремление спастись — все это требует воли, которую он утратил.

Он безумен, Уэр, потому что ни один разум не может вместить то ужасное отчаяние, которое он испытывает постоянно, и остаться в здравом уме.

Запиши его мысли. Запиши их на этой серебряной ленте. Запиши его отчаяние, которому нельзя сопротивляться, которое нельзя побороть. Запиши это, и пусть его мысли разнесутся по всему Сарну!

Мать Сарна неподвижно сидела у высокого окна своей башни, тусклыми глазами глядя на Сарнские сады. Пышные плащи и тяжелые одеяла укутывали ее, но от них не было никакого прока. Холод пробирал ее до костей, высасывал из нее тепло. Огромная комната с окнами в каждой стене была погружена во мрак; стоял мороз, который усиливался с каждым часом, каждым днем, что она провела здесь почти без движения. Голые холодные камни стен от влажности покрылись ледяными каплями. Огромные обогреватели, скрытые в нишах, работали до красного каления, но темный воздух впитывал их тепло. Великолепные атомные лампы мягко потрескивали в высоком сводчатом потолке; их слабый вкрадчивый шелест бессмысленно прозвучал в ее ушах, а затем яркий свет угас. Едва уловимое изменение в

воздухе — и он стал казаться серым и холодным.

Солнце здесь не показывалось. Непрерывный холодный дождь заливал сады внизу, бесконечными струйками стекал по оконным стеклам, извиваясь под порывами слабого безучастного ветра. Солнце здесь не показывалось. Оно сияло сквозь пелену лениво моросящего дождя далеко за границей ее садов. Там было чудесно, она знала это, там в ясном небе искрились яркие согревающие лучи. Там был июнь. Здесь времена года застыли, замороженные все возрастающим холодом, который расползался по земле и сковывал ее. Все возрастающий холод…

Это адское порождение мрака. Она почти разозлилась, темная удрученная фигура, которая, сжавшись в комок, сидела там, в самом центре своих садов — или того, что когда-то было садами. Теперь вместо них было выжженное место, изборожденное и истерзанное ревущими атомными лучами в отчаянном стремлении убрать это ползучее порождение тьмы. Это только вызвало гибель одного маленького островка красоты в унылом холодном мире.

Но эта утрата ничего не значила, потому что красоты больше не было и уже не будет. Только холод, который крадет тепло из воздуха, стен, у

ее старого усталого тела, и неуловимая темнота, пробивавшаяся сквозь сияние атомных ламп и лишавшая свет живительного блеска, превращая все цвета в серый. Палец вяло шевельнулся и нажал на кнопку управления. Нет, все кончено, температурный предел достигнут, она знала это; какой смысл снова пытаться сделать то, что уже тысячу раз пыталась за эти бесконечные бессонные ночи и единственным результатом чего был один оттенок серого, сменявшийся на другой, более темный.

Тусклые глаза взглянули на запотевшие стены. Холодные каменные стены. Какими они были, когда она заказывала их? Теплым оттенком розового и зеленого мрамора. Теплым? Розовый стал цветом умирающего дня в преддверии ночного холода. Зеленый — цветом бескрайних арктических льдов. Они издевались над ней, вызывали озноб в ее древнем теле. Древнем как мир. Нескончаемые годы, которые проходили без всякой пользы, пока она ждала. Ждала, что прибудет ее народ или что наступит момент, когда она снова сможет отправиться на поиски в космос. Бесполезные годы бесплодных усилий узнать тот единственный, утраченный секрет скорости, превосходящей скорость света. Он утрачен —

утрачен вместе с десятью подготовленными сарнами, погибшими четыре тысячи лет назад при подрыве этого города, который когда-то назывался Нью-Йорком. Слишком многое она должна была сделать тогда, чтобы узнать эту тайну.

Теперь у нее было время — протекло четыре тысячи лет. Но она больше не могла понять этого; знание ускользало от ее притупившегося разума и слабых умов деградирующей расы. Как ускользнул от нее Эсир, оставив ее сидеть, жалко скорчившись под бременем страданий, которые она должна была выносить по его воле.

Она шевельнулась. Холод пробирал насквозь. Горячая еда, горячие напитки — они согревали лишь на мгновение, а затем оседали мертвой, холодной массой внутри нее. Апатия, которая охватила ее теперь, жила в ней еще до того, как этот унылый холод заставил ее лучше осознать происходящее. Ее сарны были слабыми; изнеженные дети своего мира, слишком разумно организованного, чтобы развить в них острую, отточенную способность к конкуренции. А она была стара. В ее распоряжении было бессмертие и вечная телесная молодость. Но разум старел и притуплялся, мысленный поток сужался и замедлялся с течением лет и тысячелетий. Она никогда

не вспоминала свой точный возраст — но какое он имел значение? Все это глупости. Не имело значения, думала она об этом или нет; годы прошли, они слились воедино и оставили свой след на ее жизни. И на ее расе. Они стали слабыми. Человечество окрепло, выросло с годами, ослабившими сарнов. Теперь она, сгорбившись, сидела посреди своих садов как памятник унынию, которое наводило ужас на весь свой город, бросало вызов умам всего Сарна. Это было вопросом времени, неизбежностью, предопределенной, как движение планет. И сейчас это время пришло. Люди стали сильнее.

Дверь позади нее медленно отворилась, но ее задумчивый взгляд оставался прикован к противоположной стене, пока нарушительница спокойствия не предстала перед ней. Баркен Тил. Когда-то Мать считала ее гениальной ученой, надеялась, что она сможет раскрыть забытую тайну сверхсветовой скорости. Теперь ее восьмифутовая фигура съежилась, потускнела от тумана и мрака, сгустившихся вокруг них.

— Да? — устало спросила Мать.

— Ничего нового. — Баркен Тил покачала головой. — Это бесполезно, Мать Сарна. Там чернота. Ни один экран, ни одна субстанция не могут

остановить ее распространение. Они лишь фиксируют все тот же холод, который мы исследуем с помощью наших приборов. Они сообщают нам то, что мы и сами знаем: что воздух пропускает меньше света, меньше тепла. Чернота каким-то образом впитывает их, но при этом не нагревается. Вакуум по-прежнему передает энергию, но мы не можем жить в вакууме.

Тард Нило сошла с ума. Она сидит на своем стуле, уставившись в стену, и повторяет снова и снова: «Солнце светит жарко… Солнце светит ярко… Солнце светит жарко… Солнце светит ярко!» Она не трогается с места, пока мы сами не поведем ее. Она не сопротивляется, но ничего не делает сама.

— Солнце светит жарко, — тихо повторила Мать. — Солнце светит ярко… Солнце — теперь никогда не светит здесь. Но в Биш-Уолне солнце светит ярко и жарко, а воздух чистый и прозрачный. — Она медленно подняла усталые глаза на расслабленную фигуру Баркен Тил. — Я бы хотела… я собираюсь наведаться в Биш-Уолн. Место, где солнце светит жарко и ярко, а воздух… Я никогда не была там. Ни разу за все то время, что Земля стала нашей, ни разу за четыре тысячи лет я не покидала Сарн. Я никогда не видела Тарглан

с его вечно голубыми небесами и белоснежными горами. Я никогда не видела Биш-Уолн в золотых песках… горячих песках. Кажется, сейчас, прежде чем человечество поднимет последнее восстание, я хотела бы увидеть все это. Кажется… да, думаю, я поеду.

Два часа спустя она с трудом поднялась, чтобы отдать необходимые приказания, а еще через несколько часов взошла на свой корабль. От металла и хрусталя исходил такой же холод, как от оледенелого зеленого камня. Она безучастно смотрела сквозь залитые дождем стекла, как покрытые мраком сады и город остаются позади. За ними медленно, лениво поднимался еще один корабль. Она смутно удивилась, что два корабля смогли вместить всех оставшихся жителей Сарна.

Впервые за четыре тысячи лет она покидала свой город. Впервые за четыре тысячи лет в Сарне не осталось ни одного сарна.

Облака и мрак вдруг оказались под ними — унылая серость, которая живым куполом вздымалась и корчилась над Сарном. Косые лучи заходящего багрово-красного солнца падали на человеческий город, неясно шевелившийся внизу. Тепло, которого она не знала уже шесть

бесконечных дней, разлилось по ее древнему телу, и блаженный сон окутал ее, пока корабль быстро, уверенно набирал скорость, направляясь к искрящимся под далеким солнцем водам, к Биш-Уолну, сверкающему и жаркому в золотых песках Сахары.

Ее глаза закрылись, и она уже не увидела сквозь рассеивающиеся облака ни медленно выпрямлявшейся черной фигуры, ни легиона мира, который стройными рядами маршировал к пустому, безмолвному Сарнскому дворцу. За ними шла разрозненная толпа мужчин в рабочей форме, отправлявшихся обследовать покинутые темные мастерские города, где когда-то приземлились корабли сарнов.

Лестер дель Рей (1915–1993). На исходе дня

Перевод Елены Жилиной

Astounding Science Fiction, май

Лестер дель Рей играл в научной фантастике все самые важные роли – издателя, критика и писателя. Известен благодаря своим рассказам «Елена Лав» (1938), «Нервы» (1942), а его роман «Одиннадцатая заповедь» (1962) – одна из самых интересных трактовок религии в научной фантастике.

Этот рассказ – прекрасный пример «доисторического» направления нашего жанра, в котором поди попробуй напиши убедительно. Дель Рей, очевидно, в этом преуспел. Но уже не столь очевидно, что именно он хочет сказать читателю о наших социальных отношениях и о природе эволюционных изменений в революционном мире.

(Лестер очень любит напоминать мне – по крайней мере, раз в месяц, – как я плакал над этим рассказом в метро, пока ехал в Ко-

лумбийский университет читать лекции. Я, конечно, всегда объяснял, что плакал от боли при виде чудовищно написанного текста, но это неправда. Из всех рассказов Лестера этот – мой самый любимый. А.А.)

Хву почесывал волосы на животе, глядя, как над холмом поднимается солнце. Он вяло ударил себя в грудь, немного повыл и с тихим ворчанием затих. В юности он ревел и скакал, чтобы помочь богу подняться, но теперь в этом не было смысла. Ни в чем не было смысла. В волосах он нашел солоноватую крошку сала, слизнул ее с пальцев и перевалился на другой бок, чтобы снова уснуть.

Но сон не шел. По другую сторону холма уже слышались гам и вопли, кто-то бил в барабан под мерный напев. Старый неандерталец заворчал и прижал ладони к ушам, но заглушить песнь Согревающих Солнце не получалось. Еще одна причуда Говорящих. Эти Говорящие с их причудами…

В его дни мир был дивен, и в нем жили лохматые люди, понятные ему. Всюду хватало дичи, в пещерах клубился дым кухонных костров. Он играл с немногими сверстниками (с каждым годом детей в племени рождалось все меньше и

меньше), и уже в ранней молодости ему было чем похвастаться. Но это было до того, как Говорящие сделали долину своими охотничьими угодьями.

Старые предания, частью рассказанные, частью понятые без слов, повествовали о давних временах, когда только его народ бродил по необъятной тундре. Они заселяли пещеры, и ни одно животное не могло укрыться, когда они выбирались на охоту огромной гурьбой. А животные во множестве стекались сюда, теснимые на юг четвертичным оледенением. Затем великий холод пришел снова, и стало тяжко. Многие из его племени погибли. Но многие выжили и с возвращением тепла и сухости вновь расселились по окрестностям, пока туда не пришли Говорящие. Хву беспокойно заворочался — он так и не нашел этому объяснения, но Говорящие занимали все больше и больше места, а его народ слабел и отступал. От отца Хву знал, что их немногочисленный род в долине — все, кто остался, и что это единственное место на всей огромной земле, куда Говорящие захаживают редко.

Хву было двадцать, когда он впервые увидел их, высоких и длинноногих, быстрых и зорких, без устали издававших ртом какие-то звуки и шагавших так, будто земля принадлежала им. Летом

в тот год они разбили шатры из прутьев и кожи позади холма, подальше от пещер, и колдовали для своих богов. Их оружие было заколдовано, и зверь не мог уйти от него. Люди Хву отступили, в страхе наблюдая, в оцепенении ненавидя, пока в конце концов не стали попрошайничать и воровать. Однажды молодой наглец убил ребенка Говорящих, за что с него содрали кожу и оставили умирать. После этого кроманьонцы и неандертальцы заключили перемирие.

Теперь последние из людей Хву сгинули, не оставив потомства, остался только он. Прошло семь лет с тех пор, как брат Хву свернулся на боку в пещере и выдохнул себя, отправившись навстречу предкам. Брат всегда был вялым и безвольным, но друзей кроме него у Хву не осталось.

Старик ворочался туда-сюда и ждал, чтобы пришла Кейода. Может, она принесет еду Говорящих. Теперь, когда Говорящие набрали силу и затравили всю легкую добычу, охота не имела смысла. Ему оставался только сон — единственное, что приносило удовлетворение в этом беспорядочном мире. Даже питье, которое высокие кроманьонцы делали из мятых кореньев, вызывало наутро головную боль.

Хву вертелся и ерзал на своей постели из листьев в углу пещеры, сердито кряхтя. Над ним зажужжала муха, он встрепенулся и бросился на нее — удивился, когда почувствовал ее в пальцах, и проглотил, ощутив мимолетную вспышку удовольствия. Не так сытно, как личинки из леса, но зато вкусно.

Бог сна ушел, и его никак не заманишь обратно, лежа без движения и похрапывая. Хву сдался и сел на корточки. Он уже несколько недель собирался сделать новый наконечник для копья и рылся в пещере в поисках чего-нибудь подходящего. Но чем ближе он подходил к работе, тем дальше от нее были его мысли, и теперь он лениво разглядывал ручеек внизу и пушистые облака в небе. Весна выдалась теплой, и солнце располагало к лености.

Бог солнца вновь окреп и гнал остатки мглы и тумана. Годами Хву почитал бога солнца как своего, но теперь казалось, бог посылал свою силу только Говорящим. Пока бог был слаб, Хву и его люди были могучи. Теперь, когда долгий недуг солнца миновал, кроманьонцы расселились по стране, как блохи по телу. Хву не мог этого понять. Может, бог разгневался на него, ведь боги так непредсказуемы. Он хмыкнул — вот бы его брат

был здесь, он больше разбирался в таких вещах.

Из-за валуна у входа в пещеру вылезла Кейода, прервав его размышления. Она принесла объедки со стоянки и полуобглоданную лошадиную ногу, в которую Хву тут же впился крепкими зубами. Видно, у Говорящих была удачная охота, раз они так расщедрились на подарки. Он буркнул Кейоде — та сидела на солнце у входа, потирая спину.

Кейода казалась Хву такой же безобразной, как и все Говорящие, — с длинными болтающимися ногами и коротенькими руками, с неуклюжей прямой спиной. Хву со вздохом вспоминал молодых девушек прежних дней, те были красивые, невысокие и крепкие, с выдающимися вперед шеями и славными невысокими лбами. Как плосколицые кроманьонки находили себе пару, было загадкой для Хву, тем не менее они преуспевали — все, кроме Кейоды.

В ней он находил подтверждение своим догадкам. Иногда он почти ей сочувствовал и вообще был к ней по-своему привязан. Она покалечилась в детстве и из-за своей спины не могла стать парой мужчине. Она терпела издевательства от соплеменников, постепенно отдаляясь от них, и однажды набрела на Хву, чье гостеприимство с благодарностью приняла. Говорящие были

кочевниками, гнали свои стада летом на север, а зимой на юг. Они приходили и уходили согласно времени года, а Кейода оставалась с Хву в его пещере, делая что-то по хозяйству, если была нужда. Она предпочла общество получеловека — неандертальца — презрительной жалости своего народа, и Хву никогда не был с ней груб.

— Хванх? — спросил Хву.

Он подобрел, хоть немного набив желудок.

— О, они вышли и разрешили мне забрать объедки — мне, что была когда-то дочерью вождя! — Голос ее был сварлив, но возраст и усталость от бед смягчили его. — Бедная, бедная Кейода, думают они. Пусть берет, что хочет, только чего нам не надо. Вот. — Она протянула ему грубо сработанное копье. Неровное острие было сколото с обеих сторон. — Один из них дал мне это. Они не стали бы им пользоваться. Детская поделка. Но ты мог бы сделать такое.

Хву изучил копье. «Неплохо, — заметил он, — очень неплохо». И острие прочно закреплено на древке. Даже их мальчишки — с подвижными большими пальцами — делали оружие лучше него. Хотя некогда в своем маленьком племени он считался мастером по кремню.

Выбросив ноги, как лошадь, он не спеша под-

нялся. Форма челюсти, крепление языка и слабо развитая левая лобная доля мозга не позволяли ему развить речь. Гортанные звуки и мычание он дополнял жестами, которые Кейода вполне понимала. Она пожала плечами и отмахнулась от него, обгладывая кость.

Хву бродил по округе без всякого воодушевления, думая о том, что стареет. Он знал, что старость пришла слишком рано. И дело не в том, сколько зим он пережил, а в чем-то другом, что Хву чувствовал, но не понимал. Он направился на охоту, надеясь найти легкую добычу. Подачки Говорящих горчили во рту. Но бог солнца взобрался под самый свод голубой пещеры, а Хву так ничего и не нашел. Он собрался назад и столкнулся с отрядом кроманьонцев, возвращавшихся с охоты. На плечах они несли шест с тушей северного оленя.

— Без толку, Волосатый! — кричали они, и их голоса были чистыми и веселыми. — Мы изловили всю дичь. Ступай в свою пещеру и спи.

Хву опустил плечи и повернул прочь, ведя копьем по земле. Один из отряда легко нагнал его. Порой Легода, колдун и живописец племени, был к нему почти что добр — как сейчас.

— Это моя добыча, Волосатый, — сказал он

снисходительно. — Прошлой ночью я колдовал сильные оленьи чары, и зверь упал после первого же моего броска. Приходи к моему шатру, и я приберегу для тебя ногу. Кейода научила меня новой песне, которую она слышала от отца, и я отблагодарю ее.

Ноги, ребра, кости! Хву надоело наружное мясо. Его тело требовало более нежной пищи: потрохов, печени. Кожа зудела от сыпи, и он чувствовал, что ему нужны сочные внутренности, чтобы поправиться. Раньше это всегда помогало. Он гыркнул, не то благодарно, не то раздраженно, и отвернулся. Легода потянул его за плечо.

— Нет, погоди, Волосатый. Ты приносишь мне удачу — как, например, когда я нашел яркую охру для рисования. В лагере мяса хватит на всех. Зачем охотиться сегодня?

Хву колебался, а колдун настаивал все больше — не из дружелюбия, а потому что хотел сделать по-своему.

— Сегодня волки ходят неподалеку, а одного против них мало. Мы разделываем оленя в лагере, как только снимаем с шеста. Я дам тебе выбрать кусок первым!

Хву угрюмо буркнул в знак согласия и поковылял вслед за отрядом. Подачки Говорящих

давно стали ему поперек горла, но печень есть печень — если Легода выполнит свое обещание. Они распевали нехитрую походную песню, легко передвигаясь со своей ношей, а Хву тяжело дышал и плелся позади, стараясь не отставать.

Когда они приблизились к стоянке кочевников, в ноздри ударил резкий запах горящего дерева и шатров из грубой кожи. Запах длинноногих кроманьонцев был неприятен и без их зловонных жилищ и смрада навозных костров. Хву предпочитал привычный затхлый дух родной пещеры.

Их окружили молодые, громко жалуясь, что их не взяли на такую простую охоту. Завидев неандертальца, они восторженно взвыли, кинулись на него, стали кидать камни и палки и прыгать на него в яростной игре. Хву вздрогнул и наклонился, выставив копье и хрипло рыча. Легода рассмеялся.

— Видишь, Волосатый Чоканга, ты думал отпугнуть их своим голосом. Но они не боятся. Бр-ш, двуногие вредители! Прочь! Бр-ш, я сказал!

По его команде они отскочили, но продолжили улюлюкать за его спиной. Их шалости не грозили Хву, пока так хотел Легода, и все же неандерталец поглядывал на них с опаской.

Легода был в хорошем настроении, хохотал и

веселился, красовался перед женщинами, пока не появилась его молодая жена и не угомонила его. Она накинулась на оленя с кремневым ножом, и остальные женщины последовали ее примеру.

— Хей-о, — окликнул Легода. — Первый кусок отходит Чоканге Волосатому. Я дал слово.

— О глупец! — Его жена бросила на Хву взгляд, полный презрения. — С каких пор мы подкармливаем зверье из пещер и рыбу из реки? Ты не в своем уме, Легода. А он пусть охотится сам.

Легода, ухмыляясь, ткнул ее в спину острием копья.

— Да, так и знал, что ты поднимешь крик. Но все-таки мы кое-чем обязаны его народу — это они охотились здесь, пока мы бродили по далекой земле, беспомощные как щенки. Почему не подать старику? — Он обернулся к Хву и махнул рукой. — Видишь, Чоканга, я дал тебе слово. Возьми, что хочешь. Только не больше того, сколько поместится в ваших с Кейодой животах за один день.

Хву прорвался к туше, отхватил себе печень и прекрасный сладкий жир из внутренностей. Жена Легоды с пронзительным воплем прыгнула к нему, но колдун остановил ее.

— Нет, он правильно сделал! Только глупец вы-

берет бедро, когда под рукой сердце мяса. Клянусь богами моего отца, я собирался съесть это сам! О Волосатый, ты вырвал кусок прямо у меня изо рта, и за это ты мне нравишься. Иди, пока Хейя не добралась до тебя.

Хву знал, что завтра Легода может натравить на него кроманьонское отродье за сегодняшний поступок, но завтра было в иной пещере солнца. На согнутых ногах он помчался за холм. Вопли Хейи и ленивый смех Легоды преследовали его. Кусок печени свешивался, и Хву посасывал его на ходу. Кейода будет рада, ведь обычно она приносит что-то для них обоих.

Хву вновь мог уважать себя. Разве он не перехитрил Легоду и не убежал с лучшим куском мяса? Отважилась бы на такое Кейода? Да, есть еще чему поучиться у хитрого старого Хву!

А Говорящие просто не в своем уме. Только дурак поступил бы как Легода. Но это не его дело. Хву похлопал печень и жир. Хорошее настроение пробежало по сердцу, и он усмехнулся. Хву был не из тех, кто смотрит дареному коню в зубы.

Когда он добрался до пещеры, от костра остались красные угли, а Кейода громко храпела, свернувшись на его кровати. Лицо у нее было красное. Хву учуял ее дыхание, и его подозрения

подтвердились. Каким-то образом она раздобыла дьявольское зелье Говорящих, и оно одурманило ее. Он толкнул Кейоду ногой, и она села, открыв мутные глаза.

— О, ты вернулся. Ага, с печенью и жиром! Это сделало не твое копье — это ты был на стоянке и украл. Но хоть бы и так!

Она вцепилась в мясо. Разожгла огонь и пристроила мясо над ним.

Хву объяснил все как мог, и суть до нее дошла.

— Вот как? Ох, Легода, тот еще проказник. И надо же — мой родной племянник.

Она сорвала печень с огня полусырой, и они с жадностью принялись за нее. Она то хихикала, то ругалась. Хву коснулся ее носа и сморщился.

— Ну и что с того? — Алкоголь сделал ее острой на язык. — Этот нехороший сын вождя пришел сюда, чтобы я рассказывала ему истории. А чтобы развязать мой старый язык, он принес корневой отвар. Ах, какие истории я знаю — некоторые из них даже правда! — Она махнула на необожженный кувшин. — Я думаю, он это крадет, но что нам до того? Угощайся, Волосатый. Не каждый день у нас бывает варево.

Хву вспомнились головные боли, но, принюхавшись, он позволил чарам волшебной воды

соблазнить его. Это была самая суть его юности, огонь, который оживлял его ноги и воспоминания. Он поднес кувшин ко рту и задыхался, пока пьянящая жидкость текла в глотку. Не успел он увидеть дна, как Кейода выхватила у него сосуд и сама осушила последнюю четверть.

— Да, это подкрепляет спину и горячит кровь. — Она качалась на ногах, исторгая обрывки старой волнующей песни. — Ну вот опять. Отучишься ты пить все за раз? Это ведь ненадолго, и ты не дотянешь до того, когда станет хорошо.

Зелье начало действовать, и Хву пошатнулся, колени подогнулись. Постель взлетела к самому лицу, в голове жужжали пчелы, пещера кружилась. Он рычал на ее своды, а Кейода хохотала.

— Хей! Ты ревешь так, будто ты последний Чоканга на земле. Но ты не последний, не последний!

— Хванх?

Это больно его задело. Насколько он знал, других из его народа не осталось на земле. Он бросился на Кейоду, но промахнулся, она упала и подкатилась к нему, ее дыхание коснулось его лица.

— Чего? Это правда. Мальчишка сказал мне. Он сказал, Легода нашел троих таких, как ты, к

востоку отсюда три весны назад. Спроси его сам, я больше ничего не знаю.

Она перевернулась на спину, бормоча что-то нечленораздельное, а Хву попытался обдумать то, что услышал. Но зелье было слишком крепко, и вскоре он захрапел бок о бок с ней.

Когда он проснулся, Кейода уже ушла на стоянку, а солнце встало над горизонтом на длину копья. Он порылся в поисках печени, но вкус был не тот, что вчера, и желудок не хотел принимать пищу. Хву лежа подождал, пока голова прояснится, а затем спустился к ручью, чтобы утолить адскую жажду, мучившую его всю ночь.

Было еще кое-что, что он должен был сделать. Он смутно припоминал. Кейода говорила о других из его народа. О троих. И Легода о них знал. Хву вспомнил, что накануне обхитрил Легоду, и растерялся. Молодой колдун может и не спустить вчерашнее с рук. Но любопытство, с которым нельзя было совладать, одержало верх. Грудь щемило неясной тоской. Легода должен рассказать ему.

Скрепя сердце Хву вернулся в пещеру и стал копаться в яме, о которой не знала даже Кейода. Он вынимал свои сокровища, с трепетом ощупывая их и выбирая лучшие. Там были яркие ракушки

и цветные камушки, грубо вырезанное ожерелье, принадлежавшее его отцу, — знак совершенного мужества, всякая всячина, из которой он намеревался сделать себе украшения. Но жажда знания была сильнее гордости владения. Зажав сокровища в кулаке, он направился к стоянке.

Кейода разговаривала с женщинами, со слезами хвалила свой рецепт костного бульона, а Хву бродил вокруг лагеря в поисках молодого живописца. Наконец он заметил Говорящего поодаль, тот делал что-то странное с двумя палками. Хву осторожно приблизился, но Легода заслышал его.

— Подойди, Чоканга, и взгляни на мое колдовство. — В его голосе слышалась гордость, но не угроза.

Хву вздохнул с облегчением, но подходить не спешил.

— Ближе! Не бойся. Думаешь, я сержусь из-за подарка, что сделал тебе вчера? Нет, это была моя собственная глупость. Смотри.

Он протянул Хву палки, и тот несмело дотронулся до них. Одна была длинной и гибкой, концы ее стягивал кожаный ремешок, а вторая напоминала маленькое копье с пучком перьев на тупом конце. Хву вопросительно хмыкнул.

— Волшебное копье. Оно летит из рук на крыльях и убивает гораздо дальше, чем другие копья.

Хву хмыкнул. Копье было слишком маленьким, чтобы убить кого-то больше грызуна, а у большой палки даже не было острия. Но на его глазах молодой Говорящий приложил заточенную палку к длинной палке, связанной ремешком, и оттянул. Раздался резкий звук, и маленькое копье полетело и воткнулось острием в мягкую кору дерева на расстоянии больше двух бросков обычного копья. Хву был впечатлен.

— Да, Чоканга, это новое колдовство, которому я выучился на юге прошлым летом. Там много кто им пользуется. С этим колдовством можно метать острие дальше и лучше, чем на длинном копье. Один может убить за троих!

Хву поворчал. Они извели всю легкую добычу и теперь ищут колдовство, чтобы увеличить свое могущество. Он протянул руку, и Легода вложил в нее длинную палку с другим копьем, показывая, как их держать. Снова раздался звук, и кожаный ремешок ударил его по запястью, а копье отскочило куда-то в сторону, не долетев до деревьев. Хву, помрачнев, сходил за копьем. Это колдовство было не для него: с его большими

пальцами охотиться так было еще труднее.

Сейчас, когда колдун наслаждался своим превосходством, самое время было показать сокровища. Хву разложил их на земле и указал на них Легоде, и тот задумчиво посмотрел вниз.

— Да, — заключил Говорящий, — кое-что из этого полезно, а кое-что пойдет на побрякушки для женщин. Но что ты хочешь — больше мяса или новое оружие? Ты вчера уже набил брюхо. И полакомился моим варевом, которое, похоже, украли. Но я не виню за это тебя. Мальчишка наказан. А это оружие — не для твоих рук.

Колдун смотрел, как Хву кряхтит и корчится, стараясь выразиться. Мало-помалу, не без уточняющих вопросов кроманьонца, стало ясно, чего хочет неандерталец. Легода рассмеялся.

— Значит, идешь на зов твоего народа, старик? — Он пододвинул сокровища обратно Хву, за исключением одной блестящей вещицы. — Я не стал бы обманывать тебя, Чоканга, но принимаю это в знак нашей дружбы и моей любви к тебе. — Он с насмешливой ухмылкой завернул вещицу в обрывок своего тряпья.

Хву опустился на корточки, а Легода сел на камень.

— Рассказывать недолго, Волосатый. Три года

назад я наткнулся на семейство таких, как ты, — мужчина, его жена и их ребенок. Они бежали от нас, но мы стояли возле их пещеры, и им пришлось вернуться. Мы не причиняли им вреда, а порой кормили, разрешали участвовать в погоне. Но они были худы, слабы и слишком ленивы, чтобы охотиться. Когда на следующий год мы пришли туда, они были мертвы. Насколько я знаю, ты — последний из своего народа. — Он в задумчивости почесал голову. — Твои люди слишком легко умирают, Чоканга. Как только мы находим их и пытаемся помочь, они бросают охоту и нищенствуют, а затем теряют интерес к жизни, заболевают и умирают. Наверное, ваших богов уничтожили наши, более могущественные.

Хву закряхтел в знак согласия. Легода собрал свой лук и стрелы и уже повернулся к лагерю, но от его глаз не укрылось странное выражение на лице неандертальца. Узнав в нем страдание, он положил руку на плечо старика и заговорил мягче:

— Вот почему я хочу, чтобы ты жил в достатке, Волосатый. Когда тебя не станет, никого из вас не станет, и мои дети начнут смеяться надо мной и говорить, что я лгу, рассказывая о вас у костра.

Если у меня будет добыча — у тебя будет еда, всегда, знай это.

Он свернул на единственную улицу к шатру своей семьи, а Хву медленно побрел обратно к пещере. Обещание Легоды должно было подбодрить его, но только усугубило уныние. Он вдруг понял, что Легода обращается с ним как с маленьким ребенком или как с тем, кого бог солнца коснулся безумием.

Свернув за холм, Хву услышал крики и смех детей. Минуту колебался, стоит ли идти дальше. Но чувство собственности взяло свое, и он мрачно двинулся вперед. Нечего им делать возле его пещеры.

Дети разного роста и возраста вопили и гонялись друг за дружкой. Им было запрещено показываться на стороне холма, принадлежавшей Хву, — а раз уж запрет нарушен и нечего терять, они разошлись вовсю. Костер Хву был раскидан по склону до самого ручья, а незваные гости деловито копались в его небольшом запасе шкур и оружия.

Хву испустил дикий рык и бросился вперед, выставив копье. Заслышав его, дети обернулись, отхлынули от входа в пещеру и сбились в тесную кучу.

— Проваливай отсюда, Безобразная Морда, — пропищал один. — Иди, пугай волков! Безобразная Морда, Безобразная Морда, ва-а-а-а!

Хву прыгнул на них, размахивая копьем, но они, легко увернувшись, отскочили назад. Один из старших мальчиков поставил Хву подножку, и неандерталец рухнул на каменистую землю. Другой выхватил копье и лихо ударил его им. Врожденной и легкомысленной жестокости у детей со времен первых приматов не убавилось.

Хву заревел, с трудом поднялся и кинулся на них, но дети проворно выскальзывали из его рук. Маленькие девочки радостно танцевали, припевая:

— У Безобразной Морды нету мамы, у Безобразной Морды нет жены, ва-а-а-а! Безобразная Морда!

В бешенстве Хву схватил какого-то мальчишку, раскрутил его над головой и швырнул на землю, где мальчишка так и остался лежать, бледный и безмолвный. Хву ощутил прилив восторга от своей силы. Тогда кто-то бросил камень.

Когда старый неандерталец пришел в сознание, он был туго связан, а на его груди сидело трое мальчиков, колотя пятками по земле в такт победной песне. Голова гудела, на руках и груди

опухли синяки. Он свирепо зарычал, пытаясь подняться, но веревки были слишком крепки. Его схватили — как схватили бы взрослые мужчины.

Долгие годы дети были его врагами — с тех пор как распробовали травлю, способную разнообразить скуку лагерной жизни. И теперь, когда старая вражда подходила к концу, его решили укротить унизительным и изобретательным способом.

Пока девочки мазали лицо Хву жидкой грязью из ручья, мальчики обыскивали пещеру и рвали его одежду. Они растерзали грубый мешок со всеми его драгоценностями и стали делить найденное. Хву безумно выл.

Пыл баловства поутих, и к детям стало возвращаться здравомыслие. Кечака, старший сын вождя, в нерешительности глядел на Хву.

— Если старейшины узнают, — проговорил он, — будут неприятности. Им не понравится, что мы сунулись к Безобразной Морде.

Другой мальчик ухмыльнулся.

— Зачем рассказывать? Ведь он не человек, он животное — поглядите на мех по всему телу! Бросим старую Безобразную Морду в реку, приберем в пещере и спрячем сокровища. Кто узнает?

Мысль о наказании убедила даже тех, кто высказывал несмелые возражения. Кечака кивнул, подводя итог, и велел убрать весь устроенный ими беспорядок. Отломанными ветками дети замели следы своих ног, оставив только след к ручью.

Хву вертелся и брыкался, когда четверо подняли его на руки. Путы чуть ослабли, но не настолько, чтобы он мог выбраться. Со злорадством он смотрел, как мальчишка, которого он схватил, тужится от рвоты и стонет. Но его положению это не помогало.

Они решительно вошли в воду, положили его лицом вниз и с силой толкнули в бурное течение. Он боролся с течением, вспенивая воду, задыхаясь, стараясь высвободиться. Легкие требовали воздуха, его качало потоком, к сознанию подступала темнота.

Последним отчаянным усилием он разорвал путы и рванулся к поверхности, жадно глотая воздух. Он не любил воду, но все же умел плавать и устремился к берегу. К тому времени, как он вылез на сушу, дети исчезли. Ему оставалось только оплакивать свой костер, который мог бы его согреть. Он еле доплелся до своей пещеры и рухнул на кровать.

Его, некогда могучего воина, посрамила стайка визжащих кроманьонских щенков! Он в ярости сжал кулаки, но поделать было нечего. Нечего! Осознание, как ничтожны все его усилия, вдруг обрушилось на него с тяжестью каменной глыбы. Хву был старик, и слезы, катившиеся у него глаз, были горьки и мучительны — только одна старость льет такие слезы.

Кейода вернулась поздно и выругалась, когда обнаружила, что костра нет. Затем увидела, как Хву, скорчившись на постели, смотрит в стену пещеры. Ее старые глаза заметили следы ног, которые пропустили мальчишки. Она снова выругалась — почти что с юношеской горячностью — и снова обратилась к Хву. Голос ее потеплел.

— Давай, Волосатый, вылезай из этой холодной, мокрой шкуры! — Ее руки нежно коснулись ремней, но Хву оттолкнул ее. — Тебе станет плохо, если будешь лежать здесь на листьях, весь мокрый. Снимай шкуру, а я схожу на стоянку за огнем. Дети! Погоди, я расскажу Легоде обо всем!

Понимая, что Хву не хочет ее помощи, она спустилась вниз по тропе. Хву сел, чтобы сменить шкуру, и лег обратно. Какая от этого польза? Он поворчал, когда Кейода вернулась с огнем, от-

казался от лакомств, которые она выпросила на стоянке, и забылся беспокойным сном.

Он проснулся и обнаружил, что солнце давно взошло, а вокруг него суетятся Легода и Кейода. Ему стало совсем невесело, он кашлянул. Легода похлопал его по спине.

— Отдыхай, Волосатый. В тебе сидит болезненный дьявол, который жжет горло и заставляет нос течь, но человек может с ним справиться. Да, знал бы, как мальчишек выпороли! Я лично позаботился об этом, и теперь никому из них не лучше, чем тебе. Скорее луна съест солнце, чем они тронут тебя снова.

Кейода сунула ему похлебку из печени и почек, но он выбросил все прочь. Головная боль утихла, но словно тупая тяжесть лежала на животе, и он не мог есть. Ему казалось, что все мальчишки, с которыми он дрался, сидят у него на груди и душат его.

Легода достал небольшой расписной барабан и наколдовал сильное заклятие для выздоровления, танцуя перед стариком и потрясывая волшебным сосудом из тыквы, прогоняющим всех болезненных демонов. Потом он вернулся на стоянку, а Кейода осталась сидеть на камне и присматривать за больным. Тяжелый разум

Хву оцепенел, сердце в груди налилось свинцом. Кейода отгоняла мух, прикрывая глаза старика куском кожи и мурлыкая песенку, какой матери успокаивали детей.

Он вновь провалился в тревожный сон, кошмар, где Говорящие вновь и вновь глумились над ним, и лицо его залил жар. Ночью Легода вернулся и клятвенно пообещал, что через три дня Хву исцелится.

— Пусть спит и ест. Демон скоро оставит его. Видишь, следов от камней почти не осталось.

Кейода кормила его как могла, набивая ему рот снедью, которую выпрашивала в селении. Она таскала воду из ручья, когда он подавал голос, мыла ему голову и грудь, когда он спал. Но прошло три дня, а ему не полегчало. И жар, и простуда были куда хуже, чем много раз до этого, и никак не спадали.

Снова пришел Легода, с едой и своим колдовством, но толку от них было мало. Когда день стал клониться к закату, Легода покачал головой и тихо заговорил с Кейодой. Сознание Хву чуть прояснилось, и он отрешенно слушал.

— Он устал от жизни, Кейода, сестра моего отца. — Молодой колдун покачал головой. — Смотри, он не борется. Тот, кто не хочет жить, не

сможет жить.

— Ай-ай! — Ее голос дрогнул. — Кто не станет жить, если может жить? Глупости говоришь, Легода.

— Нет. Его люди быстро устают от жизни и легко расстаются с ней, о Кейода. Почему так, я не знаю. — Заметив, что Хву его слышит, он придвинулся ближе к неандертальцу. — О Чоканга, отбрось свои беды и откуси еще кусок этой жизни. Она может быть хороша, если ты захочешь. Я принял твои дары в знак дружбы, и я сдержу слово. Приходи к моему огню, не ходи больше на охоту. Я позабочусь о тебе, как если бы ты был моим отцом.

Хву закряхтел. Последовать за кочевниками, есть добычу Легоды, стать посмешищем, получеловеком! Легода был неожиданно добр и искренен в своем сочувствии, но другие — они презирали его. Если Хву умрет, кто станет скорбеть? Кейода вернется к своему народу, Легода забудет про него, и нигде на свете не сыщется ни одного чоканги, чтобы провести ритуал погребения.

Старые друзья Хву навещали его во сне, водили по охотничьим угодьям его юности. Он слышал бурчание и воркотню девушек его народа, и они

ждали его. В том мире еще не было Говорящих, и человек мог вершить великие дела и славно охотиться, не слыша смеха кроманьонцев. Хву тихо вздохнул. Он устал, слишком устал, чтобы думать.

Солнце почти село, и облака побагровели. Где-то вдали стонала Кейода, Легода бил в свой барабан и бормотал заклятие. Но жизнь была пуста и лишена гордости.

Солнце скрылось, и Хву выдохнул себя, чтобы отправиться к призракам своего народа.

Джон Тейн (1902–1960). Совершенный катализатор

Перевод Наили Агдеевой

Thrilling Wonder Stories, июнь

Джон Тейн (настоящее имя Эрик Темпл Белл) – один из многих профессиональных ученых в этой книге, знаменитый математик из Калифорнийского технологического института и бывший президент Математической ассоциации Америки. Тем не менее в большинстве его работ в жанре научной фантастики его профессиональная деятельность не отражена (исключение – роман «Временной поток» 1946 года), и в своем творчестве он использовал широкий спектр тем. Две его самые яркие работы – это «Железная звезда» (1930 год) и «Хрустальная орда» (публикация в журнале – 1930 год, в формате книги – 1952).

«Совершенный катализатор» посвящен предмету, хорошо знакомому Тейну, – проблемам работающего ученого. Однако маловероятно, что кому-то из его коллег

в Калтехе (особенно химикам) приходилось сталкиваться с подобной проблемой.

(Какой бы след ни оставил Джон Тейн в истории научной фантастики, а я, в отличие от некоторых, не большой поклонник его историй, несомненно то, что его главная работа – это «Творцы математики», классический цикл коротких биографий великих математиков. Вряд ли кому-то удастся превзойти его в этой области, а если вы хотите испытать истинный душевный подъем, прочитайте написанную им биографию Эвариста Галуа. А.А.)

Диктатор с раздражением отодвинул тарелку. Тарелка, как и остальные предметы сервиза для официальных банкетов, была из чистого золота и с монограммой диктатора — ИК — император Кадир, — выгравированной по краю в виде пулеметов. На его тарелке, как и на остальных, стоящих на длинном банкетном столе, высилась красочная гора разнообразных свежих фруктов. Это был десерт. Гости уже расправились с основным блюдом — огромными тарелками сваренных на пару овощей. Аперитивом, которым они изо всех сил пытались насладиться,

служили стаканы смешанных фруктовых соков со льдом. Пировать, кроме как фруктовыми соками, пареными овощами и свежими фруктами, было нечем. Такая пища могла поддерживать жизнь в образцовом вегетарианце, но для воинов господствующей расы она была не сытнее ведра холодной воды.

— Овощи и фрукты, — жаловался Кадир. — Одни овощи и фрукты. Почему мы не можем раздобыть красной говядины с кровью для разнообразия? Меня тошнит от овощей. Я ненавижу фрукты. Кровь и железо — вот что нам нужно.

Гости прекратили есть и опасливо посмотрели на диктатора. Они распознали первые симптомы императорской ярости. Каждый раз, когда Кадир уже был готов взорваться и отпустить поводья, удерживающие его скверный характер, его накрывал приступ хандры, обычно из-за какого-то пустяка. Все сидели тихо в ожидании надвигающейся бури, не решаясь ничего съесть, раз и их вождь воздерживался.

Вдруг мужчина средних лет, сидевший где-то в середине стола справа от Кадира, спокойно выбрал банан, очистил его и откусил. Кадир следил за дерзким мужчиной в изумленном молчании. Когда уже почти исчез последний кусочек бана-

на, к диктатору вернулся дар речи.

— Эй, гринго! — взревел он, как разъяренный бык. — Мистер Битл!

– *Доктор* Битл, если не возражаете, синьор Кадир, — поправил его обидчик. — До тех пор, пока все остальные белые люди в Амазонии настаивают, чтобы к ним обращались по их титулу, я тоже настаиваю, чтобы ко мне обращались по моему. К тому же он настоящий. Не забывайте об этом.

— Битл! — снова взревел Диктатор.

Но Битл тихо его перебил:

— «Доктор» Битл, пожалуйста. Я настаиваю.

Побагровев лицом, Кадир приутих. Он забыл, что собирался сказать. Битл выбрал сочную папайю для себя и огромную зеленоватую сливу для своей дочери, сидевшей слева от него. Не обращая внимания на бессильный гнев Кадира, Битл обратился к нему, словно никакого пререкания не было. Среди всех сидящих Битл был единственным человеком, у которого хватало мужества обращаться к диктатору на равных.

— Говорите, нам нужны кровь и железо, — начал он. — Вы имеете в виду буквально? — медленно сказал ученый.

— А как еще? — разбушевался Кадир, сердито глядя на Битла. — Я всегда говорю то, что имею в

виду. Я не теоретик. Я человек дела, а не слов!

— Ладно-ладно, — успокоил его Битл. — Но я подумал, вдруг ваше «кровь и железо», как у старика Бисмарка, — кровь и сабли. Но раз вы имеете в виду обыкновенную кровь, как кровь в сыром бифштексе, и железо, не выкованное в сабли, то, думаю, Амазония может предоставить необходимое и желанное.

— Но говядина, красная говядина… — возразил Кадир.

— К этому я и веду. — Битл повернулся к дочери. — Консуэло, тебе понравился тот грин-бифо[5]?

— Понравилось *что?* — переспросила Консуэло с неподдельным удивлением.

Хотя Консуэло, будучи лаборанткой отца, привыкла ждать от него всяких неожиданностей, она по-детски радовалась и удивлялась каждому новому творению отца. Каждое новое биологическое творение отца требовало нового научного названия. Но, вместо того чтобы изобретать новые имена на латинском или греческом, как это делают авторитетные биологи, Битл использовал английский, изредка прибегая к португальскому,

---

[5] Сноски: 5
От англ. green — зеленый и beef — говядина.

самому распространенному языку в Амазонии. Он даже пытался окрестить собственную дочь Баглеттой, правильным техническим термином для обозначения незрелого отпрыска жука женского пола. Но его жена, португальская дама из безупречной семьи, воспротивилась, и младенца нарекли Консуэло.

— Я спросил, понравился ли тебе гринбифо, — повторил Битл. — Это зеленая слива без косточки, которую ты только что съела.

— Ах, вот как ты ее назвал. — Консуэло, как хороший ученый, тщательно подбирала слова, прежде чем вынести деликатесу приговор. — Если честно, мне нисколечко не понравилось. Пахнет как непрожаренная свинина. Я почувствовала сырую кровь. И знаешь, какой-то скользкий и влажный привкус.

— Еще как знаю, — воскликнул Битл. — Прекрасное описание. — Он повернулся к Кадиру. — Вот! Видите, у нас уже все готово.

— Что готово? — с подозрением спросил Кадир.

— Попробуйте гринбифо и узнаете.

С некоторым сомнением Кадир выбрал огромную зеленоватую сливу с золотой тарелки рядом с собой и медленно съел ее. Этикет требовал от гостей следовать примеру вождя.

Пока они ели гринбифо, Битл следил за их лицами. Присутствующим женщинам сочная мякоть слив показалась противной. Тем не менее они продолжали есть, а некоторые, прикончив одну, потянулись за следующей. Мужчины ели жадно. Сам Кадир проглотил четыре гринбифо со своей тарелки и хищно выискивал еще. Его соседи по обе стороны, ревностно оглядев собственные исчезающие запасы, предложили ему две свои. Без слов благодарности Кадир принял их подношение.

Битл же спокойно наблюдал за их жадностью и с трудом сохранял беспристрастное выражение лица, чтобы не выдать отвращения. И все же эти люди жаждали плоти. Возможно, стоит их простить за то, что они скорее походили на голодных животных, чем на представителей расы завоевателей, когда впервые за два года вкусили что-то, пахнущее плотью и кровью. Всю свою жизнь, пока катастрофа не поместила их на карантин в Амазонии, эти люди ненасытно поедали плоть во всех ее формах, от дичи до свинины. Теперь же это им было недоступно.

В густых лесах и джунглях Амазонии водились лишь тучи насекомых, ядовитые рептилии, пестрые птицы, пятнистые кошки и редкие колонии

маленьких обезьян. Кошек и обезьян поймать по большей части не удавалось, и после нескольких нерешительных попыток отлова отважные последователи Кадира оставили леса змеям и жалящим насекомым. Шоколадно-коричневые воды великой реки, омывающей Амазонию с севера, кишели рыбой, но она была несъедобной. Даже туземцы не переносили мягкую плоть этих раздутых грязесосов. На вкус они были как речная вода — отвратительный суп из разложившейся растительности и гниющего дерева. Кадиру и его героическим последователям ничего не оставалось, как питаться тропическими фруктами и овощами.

На счастье захватчиков, первые белые поселенцы из Соединенных Штатов расчистили часть земли от джунглей и лесов и сделали ее подходящей для земледелия. Когда прибыл Кадир, все эти поселенцы, кроме Битла и его дочери, бежали. Битл не ушел, отчасти по собственной инициативе, отчасти потому, что Кадир настоял, чтобы он остался и «продолжал борьбу» со змеями. Остальные же отдали Кадиру золотые прииски в обмен на свои жизни.

Сочные плоды гринбифо исчезли. Битл сдержал улыбку, заметив раскрасневшиеся и довольные

лица гостей. Ему вспомнились напутственные слова последнего горного инженера.

— Прощайте, Битл. Вы храбрый человек, и, возможно, вам удастся справиться с Кадиром. Если так, то мы вернемся. Работайте головой и сделайте из этого властного дикаря обезьяну. Помните, мы рассчитываем на вас.

Битл пообещал не забывать своих друзей.

— Дайте мне три года. Если к тому времени мы не встретимся, то всплакните и забудьте обо мне.

– *Синьорина Битл!* — это снова ревел Кадир. Насыщение гринбифо вернуло ему бахвальство.

— Да? — вежливо ответила Консуэло.

— Теперь я знаю, отчего у тебя всегда такие румяные щечки, — выкрикнул Кадир.

Ни Консуэло, ни ее отец вначале не поняли сути обвинения Кадира. Но им все стало ясно, как только Кадир их просветил.

— Ты и твой отец-предатель едите мясофрукты, пока мы тут голодаем.

Битл сохранял спокойствие. Совесть его была чиста, когда дело касалось гринбифо, и он честно мог сказать, что не в них заключается секрет румяных щек Консуэло и его крепкого здоровья. Он опередил дочь с ответом.

— Мясофрукт, как вы выразились, никак не повлиял на цвет лица Консуэло. Тяжелая работа моей лаборанткой поддерживает ее в форме. Что касается гринбифо, то сегодня его пробуют в первый раз все, кроме меня. Вы сами видели, как повела себя моя дочь. Только великая актриса смогла бы изобразить такое неподдельное отвращение. Моя дочь — химик-биолог, а не актриса.

Кадира все равно раздирали сомнения.

— Тогда почему вы раньше не поделились с нами этими мясофруктами?

— По очень простой причине. Я создал их путем гибридизации всего год назад, и на этой неделе на пятидесяти экспериментальных растениях созрел первый урожай. Я собрал спелые плоды и приберег их для этого пира. Я подумал, что после двух лет овощей и фруктов такое угощение будет встречено с радостью. А еще, — продолжил Битл, воодушевленный собственной изобретательностью, — я посчитал, что вкус говядины — даже если это всего лишь зеленая говядина, или «гринбифо», — будет очень кстати для празднования второй годовщины «Новой свободы» в Амазонии.

Сарказма ученого по поводу «Новой свободы» Кадир не заметил; не заметил Кадир и скрытой горечи в глазах Битла. Ученый подумал, каким

же ничтожным человеческим существом был диктатор! Какая глупость, какая жестокость! Пока остается хотя бы один — а Кадир был последним, — Земля не будет чистой.

— У тебя есть еще? — потребовал Кадир.

— Простите, пока это все. Но через месяц или даже меньше у меня будут тонны. Видите ли, — объяснял он, — я использую гидропонику[6], чтобы увеличить продуктивность и ускорить созревание.

Вид у Кадира был озадаченный, но заинтересованный. Признавшись, что он всего лишь простой солдат, не сведущий в науках, он снизошел до просьбы рассказать подробней. Битл был только рад подчиниться.

— Все началось год назад. Помните, когда вы завоевали страну, то попросили меня остаться и продолжить работу в лаборатории противоядий? Что ж, я так и сделал. Но куда мне было девать весь тот змеиный яд, который мы собрали? Никакого способа вывезти его за пределы страны не было, так как весь континент поместил нас в карантин. Мы не можем ничего отправить по реке,

---

[6] Сноски: 6

Гидропоника — метод выращивания растений без почвы, при котором все необходимые для питания вещества они получают из водного раствора.

а это наш единственный выход к цивилизации…

— Да-да, — нетерпеливо перебил его Кадир, — никому здесь не надо напоминать, что горы и джунгли — сильнейшие союзники наших врагов. Какое отношение это все имеет к мясофруктам?

— Самое прямое. Я не мог экспортировать яд и поэтому начал свое собственное биохимическое исследование. Я видел, как ваши люди изголодались по плоти, и решил помочь. Не прошло и месяца, как вы забили и съели всех лошадей в лаборатории противоядий. С ними было покончено, ведь это не скотоводческая страна и никогда ею не станет. Пришлось прибегнуть к химии. Инженеры оставили мне теплицы. До вашего прибытия они выращивали помидоры и огурцы.

— И ты создал эти мясофрукты химически?

Битл сдержал улыбку, вызванную научной наивностью диктатора.

— Не совсем так. Но в самом деле, это было почти так же просто. Ничего поразительно нового в моей идее не было. Чтобы понять, насколько все просто, спросите себя, каковы основные различия между высшими формами растительной жизни и низшими формами животной. И те и другие — живые существа. Но растения не могут перемещаться из одной точки в другую, тогда

как животные могут. Растение буквально «прирастает к месту». Есть, конечно же, очевидные исключения: водяной гиацинт, дрожжевые споры и другие, но они передвигаются не сами, как это делают животные, а переносятся водой и по воздуху. У животных есть некое пространство для свободы, которой нет у растений.

— Но бифо…

— Только что я упомянул разницу между свободами растений и животных, потому что полагаю, что именно она будет иметь первостепенную важность в экспериментах, которые я сейчас провожу. Тем не менее, как вы уже догадались, не свобода ответственна за гринбифо. На мысль о «мясофруктах» меня навело другое, менее принципиальное различие между растениями и животными.

Казалось, Кадир подозревал, что во всех этих разговорах Битла о свободе в стране есть скрытый и нелестный намек на «Новую свободу» под диктатурой Кадира. Но он не мог ничего поделать, поэтому просто кивнул в знак того, что понял.

— И у растений, и у животных, — продолжил Битл, — есть своего рода «кровь». Наиболее важные компоненты «крови» обеих форм различаются главным образом химическими соедине-

ниями металлов. В «крови» растений содержится хлорофилл, в крови животного — гемоглобин. Химически хлорофилл и гемоглобин странным образом похожи. Металл в хлорофилле — это магний; в гемоглобине — железо. Химикам пришло в голову, что, если химически «заменить» магний на железо, хлорофилл сможет превратиться в гемоглобин! И точно так же наоборот: заменяешь железо в гемоглобине магнием и получаешь хлорофилл! Конечно же, все не так просто и однозначно, как я описал. Между гемоглобином и хлорофиллом имеется длинная цепь промежуточных соединений. Многие из них удалось получить в лаборатории, и они являются дефинитивными звеньями в цепи, ведущей от крови растения до крови животного.

— Вот как, — воскликнул Кадир, лицо его сияло энтузиазмом от перспективы неограниченной говядины из зеленых овощей. Он наклонился над столом, чтобы дальше расспрашивать Битла. — Кровь делает плоть такой вкусной и питательной. Вам удалось поменять кровь растения на кровь животного?

Битл не стал ему возражать. На самом деле он уклонился от ответа.

— Ожидаю, — признался он, — что через месяц

у меня будут тонны гринбифо, а затем постоянный запас в необходимом количестве. Лоточная культура[7] — гидропоника — позволит нам выращивать сотни тонн на площади не больше этого банкетного зала.

«Банкетным залом» на деле была ветхая столовая, которой пользовались шахтеры до прихода Кадира. Но она носила ровно то название, которое отвечало амбициям диктатора.

— К счастью, — продолжил Битл, — необходимых для лоточной культуры химикатов в Амазонии более чем хвататет. Мои работники из местных жителей добывают их в больших количествах на протяжении последних четырех месяцев, и для наших нужд этого более чем достаточно.

— А почему вы не выращиваете гринбифо в открытом грунте? — недоверчиво спросил один из офицеров Кадира.

— Слишком неэффективно. Подкармливая растения только теми химикатами, которые им нужны непосредственно, мы можем увеличить

---

[7] Сноски: 7

Имеется в виду система периодического затопления, при которой околокорневая зона растения, помещенного в лоток для выращивания, периодически затапливается и осушается. В результате растение стремительно развивается и приносит обильный урожай.

производство в несколько сотен раз и сократить время между сборами урожая до нескольких недель. Правильно распределяя растения в пространстве, мы можем получать запасы беспрерывно. Времена года не имеют никакого значения.

Кажется, это их удовлетворило, и обсуждение славного будущего, уготованного Амазонии, стало всеобщим и оживленным. Вскоре Битл и Консуэло попросили у диктатора разрешения удалиться. Их ждала работа в лаборатории.

— Гидропоника? — весело поинтересовался Кадир.

Битл кивнул, и они с поклоном покинули банкетный зал.

Консуэло сдерживалась до тех пор, пока они не оказались далеко от любопытных ушей.

— Кадир — чурбан, — начала она, — но это не повод впихивать ему невообразимую чепуху.

— Но она вполне вообразимая и точно не чепуха, — запротестовал Битл. — Ты знаешь не хуже меня…

— Конечно, я знаю о работе над хлорофиллом и гемоглобином. Но ты придал этим грязным зеленым сливам вкус сырой свинины точно не тем, что заменил хлорофилл в растениях на гемо-

глобин. Как ты, кстати, это сделал?

— Послушай, Баглетта, если я расскажу, у тебя прихватит желудок, ведь одну из них ты съела.

— Уж лучше больной желудок, чем невежество. Давай, признавайся.

— Хорошо. История эта длинная, но я попытаюсь сократить. Амазония — это последнее прибежище последнего диктатора на земле. Когда чуть больше двух лет назад собственный народ Кадира одумался и изгнал его, он и важные шишки из его окружения пришли сюда со своей «Новой свободой». Но жителям этого континента не нужна была свобода в понимании Кадира. Конечно, несколько тысяч безумцев в крупных городах приветствовали его и его банду как «освободителей», но впервые в истории народ знал, чего он точно не хочет. Они объединили силы и выдворили Кадира с его приспешниками сюда. Я так и не смог понять, почему Кадира с компанией не прихлопнули, как паразита. Но президенты Объединенных Республик решили, что поступить так — значит использовать тактику диктатора, ту самую, ради борьбы с которой они и объединились. Так что они позволили Кадиру и его шайке жить — более или менее, — но в строгом карантине. Временная потеря несколь-

ких богатых золотых приисков, по их словам, оказалась невысокой платой за мировую безопасность от диктатуры. И вот они мы, узники последней чумной точки цивилизации. И вот он Кадир. Он может диктаторствовать сколько его душе угодно, но начать очередную войну он не может. Он так же бессилен, как Наполеон на том острове. Что ж, когда ушли последние из наших парней, я пообещал им не забывать о них. И ты слышала мое обещание подсобить Кадиру. Это обещание я сдержу, даже если оно будет стоить мне последней змеи.

Они дошли до лаборатории. Жуан, ночной смотритель за рептилиями, совершал обход.

— Все в порядке, Жуан? — радушно спросил Битл.

Ему нравился этот флегматичный португалец, который делал свою работу без лишних слов. Консуэло же недолюбливала этого человека и совершенно ему не доверяла. Она уже давно подозревала, что он — шпион Кадира.

— Да, доктор Битл. Доброй ночи.

— Доброй ночи, Жуан.

Когда Жуан ушел, Консуэло продолжила свою атаку.

— Ты так и не рассказал мне, как придал этим

штукам вкус сырой свинины.

Она подошла к резервуару у северного окна, где пышный гринбифо, как переразвитый помидорный стебель, неумолимо полз по шпалере вверх к потолку. На ветке висело еще около полудюжины огромных зеленоватых «слив».

Консуэло сорвала одну и задумчиво продегустировала ее.

— На вкус ничего, — сказала она. — Что ты сделал с остальными?

— Раз ты настаиваешь, я расскажу. Я взял иглу и вколол в них змеиную кровь. При этом я не доставил неудобств и не причинил вреда здоровью моему домашнему удаву, сока в нем было предостаточно.

Консуэло швырнула недоеденный фрукт отцу в голову, но промахнулась. Она стояла, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Значит, изменить хлорофилл в живом растении на что-то похожее на гемоглобин ты не можешь? А я уже почти поверила тебе.

— Я и не говорил, что могу. Никто не может, насколько мне известно. Но Кадиру история понравилась.

— Но зачем?

— Если захочешь в свободное время проанали-

зировать состав этих гринбифо, то обнаружишь, что содержание магния в них зашкаливает. И, проанализировав химические вещества в резервуарах, поймешь, что это не случайность. Я буду крайне доволен, если у меня получится уговорить Кадира и его друзей объесться до отвала новым урожаем гринбифо. И кажется, Кадир купился на мои россказни о гринбифовой диете, как думаешь? Ты же сама видела, как они повелись. Они и дальше будут вестись, пока хватает запасов змеиной крови.

— Дефицита змей в этой очаровательной стране точно нет, — заметила Консуэло. — Мне надо сейчас же избавиться от этого послевкусия. А потом ты расскажешь, как я могу помочь с этой новой культурой гринбифо, которая настолько тебя увлекла.

Так отец и дочь проводили свои дни при последней диктатуре. Битл объявил, что через неделю созреет богатый урожай гринбифо. Кадир провозгласил следующий четверг «пышным четвергом», праздничным днем, знаменующим «царство изобилия» в Амазонии.

В качестве особой услуги Битл попросил Кадира запретить наблюдение и любое вмешательство в его работу. Кадир охотно согласился, и в течение

трех недель Битл работал по двадцать часов в сутки, собственноручно подготавливая предстоящий банкет.

— Не вмешивайся, — приказал он Консуэло. — Я сам сделаю всю грязную работу. Твоя же задача, как обычно, занять персонал и следить, чтобы никто не воровал фрукты. Я дал строгие указания, чтобы никто не пробовал гринбифо до следующего четверга, и Кадир выпустил соответствующее распоряжение. Так что, если поймаешь кого-то на краже, немедленно доложи мне.

В обязанности местных работников входила ловля змей. Они не видели смысла в этом занятии, так как знали, что яд не экспортируется. Более того, эксцентричный доктор Битл требовал, чтобы они приносили всех найденных рептилий, безобидных и ядовитых, и наседал на людей, чтобы собирали они их активнее. Еще более необычным было то, что он каждое утро настаивал, чтобы они уносили вчерашний улов и сбрасывали его в реку. Змеи, от которых избавлялись, казались полумертвыми. Даже самые агрессивные от природы не сопротивлялись, когда их вытаскивали из садков.

Каждое утро с десяти до одиннадцати Битл уходил из лаборатории и никому не разрешал

следовать за ним. Когда Консуэло поинтересовалась, что лежит в маленькой черной сумке, которую он берет с собой в эти загадочные отлучки, он кратко ответил:

— Змея. Отпущу бедолагу на свободу. — И в доказательство своего утверждения он открыл сумку и показал ей оцепеневшую змею. — Мне нужно прогуляться и побыть одному, — объяснил он, — иначе у меня будет нервный срыв. Пожалуйста, не докучай мне.

Она ему не докучала, хотя и не верила его объяснению. Оставаясь на час в одиночестве, она методично продолжала свой ежедневный осмотр растений, пока отец не приходил обратно, потом она обедала, а он возвращался к своим личным делам.

Во вторник перед «пышным четвергом» Консуэло не видела, как отец ушел на прогулку, потому что в это время совершала обход. Его не было около сорока минут, когда она заметила, что что-то не так. С ее прошлого обхода кто-то, очевидно, повредил одну лозу. Пытаясь понять, что произошло, Консуэло увидела, что два спелых фрукта аккуратно сняты с плодоножек. В итоге оказалось, что украли около тридцати плодов. С каждого растения сорвали не больше двух штук.

Заподозрив Жуана, которому она никогда не доверяла, Консуэло поспешила в лабораторию отца, чтобы там дождаться его возвращения и все рассказать. Но ее ждал неприятный сюрприз. Она открыла дверь и увидела Кадира за столом отца, на лице его читались гнев и подозрительность.

— Где Битл?

— Не знаю.

— Так я тебе и поверил. У меня и не такие упрямые бабенки заговаривали. Где он?

— Говорю же, не знаю. В это время он всегда прогуливается в одиночестве. И вообще, — вспылила она, — какое вам дело до того, где он.

— Такое, — небрежно ответил Кадир. — Все в Амазонии — мое дело.

— Мы с отцом — не граждане и не подданные Амазонии.

— Верно. Но твоя родина в тысяче миль отсюда, синьорина Битл. А если будут спрашивать, так я скажу — с сожалением, естественно, — что оба вы сгинули от несчастного случая, в Амазонии такое часто бывает. Змея, например, укусила.

— Вот как. А могу я узнать причину этой внезапной вспышки гнева?

— Заговорила все-таки? Что ж, ты сойдешь вместо отца, может, так даже лучше. — Его взгляд

остановился на одном из проволочных садков — в нем было с полдюжины маленьких красных змеек. — Зачем они вам, если вы больше не экспортируете яд?

— Да незачем. Вероятно, это просто питомцы.

— Питомцы? Должен сказать, довольно необычные. — Его лицо вдруг исказилось от страха и ярости. — Зачем твой отец впрыскивает змеиную кровь в незрелые мясофрукты? — крикнул он.

Консуэло оставалась спокойной.

— Кто наговорил вам эту чепуху?

— Отвечай! — взревел он.

— Как? Если ваш вопрос настолько абсурден, как кто-то может ответить на него?

— Значит, отказываешься. Я знаю, как заставить тебя говорить. Открывай садок.

— У меня нет ключа. Отец никому не доверяет ключи от садков.

— Да? Что ж, это сойдет. — Он взял тяжелую линейку и склонился над садком. Через несколько секунд замок щелкнул. — Итак, либо ты отвечаешь на мой вопрос, либо я засуну твою руку в садок. Когда вернется твой отец, я сообщу ему, что кто-то сломал замок, ты, очевидно, пыталась его починить, и тебя укусили. Он обязательно мне поверит. Говорить ты не сможешь уже через

три минуты после атаки одной из этих красавиц. Еще раз: зачем твой отец впрыскивает змеиную кровь в зеленые мясофрукты?

— А я еще раз повторяю: вы задаете бессмысленные вопросы. Не смейте…

Но он посмел. Оторвав рукав ее халата, он сжал ее голое запястье в своем огромном кулаке и потащил в сторону садка. Ее отчаянное сопротивление не могло сравниться с его жестокой силой. Инстинктивно она прибегла к единственной оставшейся защите: издала такой крик, что он, должно быть, разнесся на полмили. Невольно вздрогнув, Кадир остановился, но только на мгновение. Она снова закричала. В этот раз Кадир не остановился. Ее рука уже была внутри садка, когда дверь распахнулась. Пунктуальный, как обычно, Битл вернулся ровно в одиннадцать часов, чтобы продолжить свои ежедневные дела. Черная сумка выпала из его рук.

— Какого черта…

Предложение закончил метко брошенный лабораторный стул. Он попал диктатору прямо в грудь. Консуэло упала вместе с ним, но быстро высвободилась и встала, тяжело дыша.

— Вы сумасшедший, — выпалил Битл поверженному мужчине. — Что вы творите? Разве вы

не знаете, что эти змеи — самые смертоносные из всех?

Кадир поднялся на ноги, ничего не ответив, и тяжело водрузился на стол Битла. Доктор смотрел на него с отвращением.

— Ладно, выкладывайте. Что вы хотели сделать с моей дочерью?

— Заставить ее говорить, — хрипло пробурчал Кадир. — Она не…

— Говорить она не стала. Понимаю. Консуэло! Не лезь. Я сам разберусь с нашим другом. Итак, Кадир, что же она должна была вам рассказать?

Кадир, все еще ошарашенный, выдал правду:

— Зачем вы впрыскиваете змеиную кровь в незрелые мясофрукты?

Битл посмотрел на него с любопытством. С большой осторожностью он поставил стул перед диктатором и сел.

— Давайте разберемся. Вы спрашиваете, зачем я впрыскиваю змеиную кровь в мясофрукты. Кто вам это сказал?

— Жуан. Он принес мне три дюжины незрелых фруктов, чтобы доказать.

— Доказать что? — убийственно спокойно спросил Битл. Хватило ли у этого болвана Жуана мозгов на то, чтобы найти следы уколов, сделан-

ных иглой для подкожных инъекций?

— Доказать, что вы отравляете плоды.

— И как, доказал?

— Мне откуда знать? Он все еще был жив, когда я пришел сюда. Я заставил его съесть все три дюжины.

— Силой?

— Естественно. Жуан сказал, что змеиная кровь отравит его.

— Что только доказывает то, насколько невежествен Жуан. — Битл выдохнул с облегчением. — Змеиная кровь не ядовитей коровьего молока.

— Зачем вы впрыскиваете…

— Вы поверили в то, что вам сказал этот невежественный болван? Должно быть, он снова начал пить, и ему мерещится всякое. Я предупреждал его. В этот раз я его уволю. Если, конечно, он уже сам не опомнился и не ушел по собственной воле.

— Ушел? Но куда он отсюда уйдет?

— В лес или в джунгли, — равнодушно ответил Битл. — Он может даже попробовать отделать своей никчемной шкурой плот из гнилых бревен и поплыть вниз по реке. В любом случае, после того как он выставил себя таким болваном, он исчезнет. Поверьте мне на слово, мы еще не скоро

увидим Жуана.

— Наоборот, — возразил Кадир, лукаво улыбаясь. — Думаю, мы увидим его буквально через несколько минут. — Он взглянул на часы. Они показывали десять минут двенадцатого. — Я пробыл здесь чуть больше получаса. Жуан обещал встретиться со мной здесь. После такой трапезы ему трудно было передвигаться. Но когда он придет, мы разберемся, что вы там впрыскиваете.

На мгновение Битл показался напуганным, но быстро взял себя в руки.

— Полагаю, как вы и сказали, Жуан медлителен из-за трех дюжин незрелых гринбифо у него в брюхе. На самом деле я догадываюсь, что в эту самую минуту чувствует он себя довольно дурно.

— Значит, в плодах есть яд? — рявкнул Кадир.

— Яд? Вздор! Как бы вы или кто-либо еще чувствовали себя после того, как вас заставили съесть три дюжины огромных зеленых яблок, не говоря уже о неспелых гринбифо? Ставлю свою репутацию против вашей, что прямо сейчас Жуан прячется в лесу и ему очень-очень плохо. И готов спорить на что угодно, что больше его никто не увидит. Кстати, вы знаете, по какой дороге он должен был идти к вам? По той, что ведет через поляну, или той, что вырублена в лесу?

— Я сказал ему идти по вырубленной, потому что так быстрей.

— Ладно. Пойдемте его встречать, только ничего не выйдет. А что касается того, что я увидел, когда открыл дверь, — я все забуду, если и вы забудете. Уверен, Консуэло уже забыла. Мы тут все вместе на карантине в Амазонии, и нет смысла копить обиды. Нам еще жить вместе.

Кадир почувствовал облегчение оттого, что сумел сохранить лицо, и ответил щедрым обещанием:

— Если мы не найдем Жуана, я признаю, что вы правы, а Жуан — пьяница.

— Справедливо. Что ж, пойдемте.

Их путь во «дворец» диктатора — бывшую резиденцию управляющего золотыми приисками — лежал через тропический лес.

Дорогу на более мрачных участках уже начала сдавливать густая паутина стелющихся растений, пробивающихся к деревьям со всех сторон, взбирающихся по их стволам и в конечном итоге выдавливающих из них жизнь. Последователи Кадира, солдаты, которым тропики были в новинку, позволили природе брать свое. Еще два года некомпетентности, и густые джунгли задушат кропотливый труд американских инженеров.

Часто им приходилось сворачивать на более открытые тропинки, ведущие через лес, но потом они снова возвращались на дорогу. Яркие пятна желтого солнечного света время от времени ослепляли их, когда они пересекали пустынные участки, которые, кажется, поражают все тропические леса как проказа. Внезапно выйдя к одному из таких слепящих пятен, Кадир, идущий первым, издал леденящее кровь ругательство и встал как вкопанный.

— В чем дело? — Консуэло запыхалась, пытаясь обогнать его. Ослепленная светом, она не видела, из-за чего остановился диктатор.

— Я наступил на это. — Голос Кадира стал хриплым от отвращения и страха.

— Наступил на что? — спросил Битл. — Ничего не вижу из-за этого адского света. На змею?

— Не знаю, — хрипло начал Кадир. — Оно двигалось под моей ногой. Фу! Теперь вижу. Смотрите!

Они уставились на то место, куда указывал Кадир, но ничего не увидели. Потом, когда глаза привыкли к яркому свету, они узрели то, на что он наступил. Отвратительный красный гриб, толщиной с мужскую руку и длиной почти в метр, был прямо на пути диктатора.

— Пузырь, полный крови и мягкой плоти, —

пробормотал Кадир, дрожа от испуга и омерзения. — И я наступил на него.

— Чепуха! — пренебрежительно воскликнул Битл, но в его глазах мелькнула горечь. — Возьмите себя в руки. Это всего лишь гриб. И если в нем есть хоть капля крови, я сам его весь съем.

— Но он двигался, — возразил Кадир.

— Вздор. Вы наступили на него, и, естественно, он осел под вашим весом. Вперед. С такой скоростью вам никогда не найти Жуана.

Но Кадир не шелохнулся. Очарованный мерзким объектом у ног, диктатор стоял, глядя на него сверху со страхом и неприязнью в каждой черте лица. Затем, словно в доказательство его утверждения, существо действительно двинулось, медленно, как раненый угорь. Но, в отличие от угря, двигалось оно не в направлении своей длины. Оно начало медленно перекатываться.

Битл присел на корточки, чтобы внимательно проследить за странным движением. Если он видел такое чудо природы не впервые, то ему очень хорошо удалось изобразить ученого, наблюдающего за новым и совершенно неожиданным феноменом. Консуэло присоединилась к отцовскому исследованию. Кадир так и стоял.

— Оно перекатится до конца? — с неподдель-

ным интересом спросила Консуэло.

— Не думаю, — осмелился предположить Битл. — Готов даже держать пари три к одному, что у него получится только наполовину. Вот, как я и сказал. Глядите-ка, Кадир, ваш гриб прирос к месту, как и любое другое растение.

Кадир невольно наклонился и посмотрел. Как только гриб проделал половину пути в попытке перекатиться, по всей его длине прошла дрожь, и он изо всех сил дернул прогнившую растительность. Но дрожание и дергание ни к чему не привели. Толстый обруч мясистых корешков, похожих на грубые зеленые волоски, крепко удерживал его в земле. Вид этой тщетной борьбы за то, чтобы передвигаться как нечто, обладающее сознанием, стало для Кадира последней каплей.

— Я убью его, — пробормотал Кадир, вскакивая на ноги.

— Как? — спросил Битл с легким презрением. — Огонь — единственный известный мне способ избавить это безобразие от страданий, это если оно страдает. Кто знает, может, ему нравится жить. Его нельзя убить, раздавив или покромсав в фарш. На самом деле наоборот — от каждого кусочка родится новый гриб, и вместо одного беспомощного пузырька, приросшего к

месту, вы получите целую колонию. Оставьте его, Кадир, пусть берет от существования все своим собственным способом. Почему мужчинам вроде вас постоянно надо убивать?

— Оно ужасное и…

— И вам страшно? А как бы вам понравилось, если бы кто-то обращался с вами так, как вы предлагаете поступить с безобидным грибом?

— Если бы я был таким, как оно, — выпалил Кадир, — я бы хотел, чтобы кто-нибудь поджег меня.

— А если бы никто не знал, что вы этого хотите? Или если бы никому не было до этого дела? Полагаю, в свое время вы много раз поступали скверно по отношению к очень многим людям.

— Но чтобы так — никогда!

— Конечно же нет. Никто и никогда не делал никому ничего такого. Значит, вы не знали как. Что же вы пытались сделать с моей дочерью час назад?

— Мы договорились забыть об этом, — резко напомнила ему Консуэло.

— Извините. Виноват. Прошу прощения, Кадир. Что же касается научного интереса, этот гриб не такая уж редкость.

— Я такого раньше не видела, — возразила

Консуэло.

— Это потому, что ты, в отличие от меня, не гуляешь по лесу, — напомнил он ей. — Чтобы доказать свою правоту, я обязуюсь найти дюжину перекатывающихся грибов в пределах ста метров отсюда. Что скажете?

Прежде чем они начали спорить, он подтолкнул их со слепящего света в черный туннель леса. Битл выглядел так, будто знает куда идти, хотя его глаза, так же, как и их, еще не привыкли к темноте.

— Догоните меня, когда глаза привыкнут, — призвал он. — Я пойду вперед. Остерегайтесь змей. А вот и первый красавец! Голубой с пурпурным, не красный, как друг Кадира. Пусть его форма вас не смущает. Красота этого бедолаги заключена в цвете.

Бесформенная масса переливающегося гриба, перекрывшая им путь, скорее была еще более отталкивающей, чем то чудище, которое остановило Кадира. Этот был огромным, шириной в полный метр и в длину больше полутора. Он распростерся на гниющем стволе поваленного дерева, как разлагающийся кальмар.

Тем не менее, как утверждал Битл, цвет его был прекрасен в своей неестественной красоте.

Но ни Консуэло, ни Кадир не смогли преодолеть тошноту, вызванную этой живой смертью. Они поспешно ретировались к освещенному солнцем участку. Мясистые пурпурные корни штуковины, бессильно тянущиеся к гниющей древесине, которая питала их, нестерпимо намекали на беспомощное мучение. Битл вольготно последовал за ними, посмеиваясь про себя. Его веселье вызвало острое негодование Консуэло.

— Как ты можешь веселиться? Оно же страдает.

— Как и все мы, — с легкостью ответил он, и впервые в жизни Консуэло усомнилась в добром сердце своего отца.

Никаких следов Жуана они не нашли. К тому моменту, как они дошли до дворца диктатора, Кадир был готов согласиться с чем угодно. Он был сильно напуган.

— Вы оказались правы, — признал он, обращаясь к Битлу. — Жуан соврал и сбежал. Прошу прощения.

— Не стоит, — сердечно заверил его Битл. — Я знал, что Жуан врет.

— Окажите мне честь, оставшись на обед, — умолял Кадир. — Не можете? Что ж, тогда я пойду прилягу.

Они оставили его успокаивать нервы и пошли обратно в лабораторию длинной дорогой, а не через лес. Они проделали половину пути, прежде чем заговорить. Когда Битл прервал длительное молчание, он был серьезнее, чем когда-либо на памяти Консуэло.

— Ты заметила, — начал он, — какие отъявленные трусы все эти жестокие мужчины? — Она не ответила, и он продолжил: — Взять хотя бы Кадира. Он и его банда замучили и убили тысячи людей. Но ты видела, как расстроил его тот безобидный гриб. До смерти испугался пустяка.

— Ты уверен, что это пустяк?

Он странно посмотрел на ее, и она быстро зашагала вперед.

— Постой, — попросил он, слегка запыхавшись. Он пошел быстрей и догнал ее. — Я кое-что скажу тебе, ты должна это запомнить. Если со мной что-то случится — я же вечно вожусь с этими ядовитыми змеями, — я хочу, чтобы ты немедленно сделала то, что я тебе сейчас велю. Ты можешь доверять Фелипе.

Фелипе был португальским бригадиром местных рабочих.

— Иди к нему и скажи, что готова. Он поймет. Я два года к этому готовился, когда пришел Кадир.

Прежде чем уехать, инженеры построили управляемый плот. Фелипе знает, где он спрятан. На нем полно провизии. Команда из шести местных речников готова отплыть в любой момент. Они будут под командованием Фелипе. Путешествие по реке будет долгим и опасным, но эта команда справится. При любом раскладе карантинные офицеры не развернут вас, когда вы достигните цивилизации. Вместе с провизией лежит флаг. Поднимите его, когда увидите первые знаки цивилизации, так вас не потопят. На этом все.

— Зачем ты это мне сейчас говоришь?

— Затем, что диктаторы никогда не принимают лекарство, пока не заставят попробовать его кого-то другого.

— О чем ты? — спросила она, внезапно запаниковав.

— Подозреваю, что Кадир намеревается дать мне дозу своего особого лекарства в тот самый момент, когда я стану не нужен. Как только он и его команда выяснят, как плодить гринбифо, меня может укусить змея. Он же пытался сделать нечто подобное с тобой?

Она долго смотрела на него с сомнением.

— Возможно, — признала она. Она была уверена, что он высказал ей не все, о чем думал.

Они зашли в лабораторию и занялись своими делами в полной тишине.

Чтобы наверстать упущенное время, Консуэло задержалась позже обычного. Ее задача состояла в приготовлении жидкости, в которой росли гринбифо, по формуле Битла. Она как раз добавляла мельчайшие следы хлорида золота в последнюю партию, когда робкий стук в дверь химической лаборатории непомерно напугал ее. Она беспокоилась об отце.

— Войдите, — ответила она.

Зашел Фелипе. Вид его серьезного лица поразил ее до тошноты. Что произошло? У Фелипе в руках была знакомая черная сумка, которую Битл всегда брал с собой на одинокие прогулки по лесу.

— Что такое? — пробормотала она.

В ответ Фелипе разжал свободную ладонь и показал ей дешевые наручные часы. Они были запятнаны чем-то зелено-голубым, похожим на высушенные грибы.

— Жуан, — сказал он. — Когда Жуан не явился сегодня на работу, я пошел его искать.

— И нашли его часы? Где?

— На дороге, вырубленной в лесу.

— Это все, что вы нашли?

— Из того, что принадлежит Жуану, да.

— Но было что-то еще?

— Да. Такого я раньше никогда не видел. — Он положил сумку на стол и открыл ее. — Смотрите. Десятки вот таких, всех цветов, в лесу. Доктор Битл забыл опустошить сумку, когда ходил сегодня утром в лес.

Она уставилась в безмолвном ужасе на раздутое чудище, заполнившее сумку. Оно напоминало то, на которое наступил Кадир, только не красное, а синее с пурпурным. Очевидное объяснение молнией блеснуло в ее разуме, но она не могла убедить себя, что это правда.

— Вы ошибаетесь, — медленно сказала она. — Доктор Битл, как обычно, выбросил змею и принес этот экземпляр для изучения.

Фелипе помотал головой.

— Нет, синьорина Битл. Я, как всегда, когда доктор возвращается с прогулки, приготовил все для завтрашнего дня. Змея была в сумке сегодня утром в двенадцать часов. Он вернулся в обычное время. Я тогда был занят и не смог попасть в его лабораторию до полудня. Сумка валялась у двери. Я открыл ее, чтобы проверить, все ли в порядке. Змея все еще была там. Вся ее нижняя часть превратилась в твердое синее желе. Спина все еще была змеиной, в чешуйках. Голова стала зеленой,

но это все еще была змеиная голова. Я забрал сумку к себе в комнату и наблюдал за змеей, пока не пошел искать Жуана. Змея превратилась в это. Я подумал, что нужно рассказать вам.

— Спасибо, Фелипе. Все хорошо; это просто еще один научный эксперимент отца. Я понимаю. Спокойной ночи и спасибо еще раз, что рассказали мне. Пожалуйста, больше никому не говорите. Выкиньте эту штуковину и положите сумку на место.

Оставшись одна, Консуэло пыталась не верить своим суждениям и выводам, подкрепленным доказательствами. Несущественные замечания, которые отец бросал на протяжении последних двух лет, плюс сегодняшнее замечание о диктаторах, никогда не принимавших первыми свое же лекарство, вспомнились ей и вызвали острую тревогу. В чем был смысл этой новой методики добавления небольших следов хлорида золота в раствор? Он взволнованно рассказывал о каком-то органическом соединении золота, служившем катализатором, который он искал месяцами для ускорения химического изменения в созревающих плодах.

— То, что при старом способе занимало месяцы, — воскликнул он, — теперь можно сделать за

считанные часы. Наконец-то у меня получилось!

Что именно у него получилось? Ее он в свои планы не посвятил. От нее требовалось только следить, чтобы точное указанное им количество хлорида золота добавлялось в раствор. Все, что она сейчас вспоминала, вставало на свои зловещие места в какой-то мрачной схеме.

«Это нужно остановить», — подумала она.

Нужно остановить, да. Но как?

На следующий день был банкет.

«Пышный четверг» ускользнул в прошлое, когда длинные тени наползли на банкетные столы — грубые доски на козлах, — расставленные под открытым небом. Один счастливый чревоугодный час дарители «Новой свободы» отсталому континенту впихивали в себя еду, на вид как зеленые фрукты, а на вкус как сырая свинина. Теперь они были сыты и несколько заторможены. Кто-то украдкой вытирал испарину со лба, но абсолютно все начали проявлять болезненную бледность обжор, переоценивших свою способность поглощать еду. Глаза некоторых странно блуждали. Эти очевидно несчастные гости выглядели слегка опьяненными.

Речь Кадира, восхваляющая Битла и его работу, была неожиданно короткой. Знаменитый ора-

торский гений диктатора, кажется, подвел его, и он слишком резко сел, словно почувствовав себя неважно. Битл встал, чтобы ответить.

— Синьор Кадир! Гости и дарители «Новой свободы» Амазонии, я приветствую вас! Во имя свободы, которой вы никогда не знали, я приветствую вас, как гладиаторы Древнего Рима приветствовали своего тирана, выходя на арену, где их должны были безжалостно убить ему на потеху.

Они уставились на него туманным взглядом. Что он говорил? Все это звучало как начало сна.

— Собственными руками я приготовил пир, и только мои руки накрывали банкетные столы мясофруктами, которые вы вкушали. Один-единственный человек ел фрукты, сделанные природой, а не те, что переделал я. Моя дочь. Вы пробовали холодную влажную змеиную кровь и ошибочно приняли ее вкус за свиную плоть, которая так вам понравилась, а у нее она вызвала бы тошноту. Поэтому ей я дал неосквернённые фрукты, и она разделила с нами трапезу.

Кадир и Консуэло одновременно вскочили на ноги, Кадир бессвязно ругался, Консуэло же потеряла от страха дар речи. Какое безумие сотворил ее отец? Неужели он тоже съел… Должно быть,

съел, иначе Кадир не притронулся бы к фруктам!

Голос Битла был громче диктатора, он его перекрикивал.

— Да, вы были правы, обвиняя меня во впрыскивании змеиной крови во фрукты. Жуан вам не соврал. Но вы начинаете чувствовать себя овощами не из-за змеиной крови. Я впрыскивал кровь во фрукты только для того, чтобы сбить вас, глупцов, с толку, чтобы вы приняли их за мясо. Я месяцами готовился сделать с вами то, чего вы заслуживаете. Месяц назад я полагался на медленные природные процессы, которые с моей помощью должны были уничтожить вас. Только свет, который регулирует химию развивающегося растения и в меньшей степени химию животных, мог бы добиться избавления Амазонии и всего мира от угрозы вашей «Новой свободы» и заставить вас искупить свое жестокое прошлое. Но свету потребовались бы месяцы, чтобы произвести необходимую *замену железа в вашей крови на магний*. Эта трансформация была бы медленной — почти, я бы сказал, томительной смертью. Скармливая вам гринбифо, я мог постоянно насыщать ваши тела магнием в химически доступной форме, заменяя каждый атом железа в вашей крови! При медленной работе

фотосинтеза — химической трансформации под воздействием света — вы бы страдали от томительной болезни. Вы бы не умерли. Нет! Вы бы жили, но не как животные. Возможно, даже не как деградировавшие овощи, а как какая-то новая форма жизни между растением и животным. У вас даже могли сохраниться ваши же воспоминания. Но от этого я вас избавил — насколько я могу это предвидеть. Вы будете жить, но почти ничего не будете помнить. Вместо того чтобы идти вперед, как люди, вы будете перекатываться. Это и будут ваши воспоминания. Три недели назад я обнаружил органический катализатор для ускорения замены железа в крови на магний и таким образом заменил животную кровь в вас на кровь растений, хлорофилл. Катализатор — это всего лишь химическое соединение, которое разгоняет химические реакции, но не изменяет себя. При помощи впрыскивания мельчайших следов хлорида золота в плоды я — и живое растение — получил необходимый катализатор. Я еще не успел проанализировать и определить его точный состав. Но я и не ожидаю, что на это у меня будет время. Ибо я в силу сложившихся обстоятельств принял то же лекарство, что прописал вам! Не так много, но достаточно. Я пробуду

думающим животным чуть дольше вас. Это мое единственной несправедливое преимущество. Еще до заката мы все перестанем быть людьми или даже животными.

Консуэло отчаянно дергала его за руку, но он оттолкнул ее. Он заговорил с ней торопливыми репликами, будто бежал наперегонки со временем.

— Я не соврал, когда сказал, что не могу заменить хлорофилл в живых растениях на гемоглобин. Такое никому не удалось. Но я же не говорил, что не могу превратить *гемоглобин животного в хлорофилл?* Если у меня получилось не это, то нечто очень похожее. Взгляни на Кадира и сама все увидишь. Отпусти мою руку, я должен закончить. — Вырвавшись, он начал кричать наперегонки со временем. — Кадир! Я приветствую тебя. Подними правую руку и ответь на приветствие.

Правая рука Кадира покоилась на голых досках стола. Если он и понял Битла, то отказался приветствовать его. Но, вполне возможно, понимание уже было за пределами его сил. Казалось, кровь отхлынула от голубой плоти, а жесткие волоски на тыльной стороне ладони заметно удлинялись даже в то время, как Битл требовал приветствия.

— Прирос к месту, Кадир! Ты уже приживаешься. Как и все вы. Попробуй встать как человек! Кадир! Слышишь меня? Помнишь тот синий гриб, который ты видел в лесу? У меня есть основания полагать, что это был твой друг Жуан. Меньше чем через час ты и все эти глупцы станут точно такими, как он, с той разницей, что кто-то из нас будет синим, кто-то зеленым, а остальные красными — как тот, на которого ты наступил. Он перекатывался, помнишь, Кадир? Та красная мерзость была одной из моих змей, моих питомцев, с прививкой из солей магния и катализатора, который я извлек из фруктов. Триумф науки. Я — величайший биохимик всех времен и народов! Но мне не укатиться дальше вас. Мы покатимся вместе или хотя бы попытаемся. «Мы весело катимся вместе, катимся вместе»[8] — уже вижу, что ты будешь сине-пурпурным месивом, как твой друг Жуан. — Битл внезапно рассмеялся и обнажил правую руку. — А я буду красным, как та штуковина, на которую ты наступил, Кадир. Но я-то наступил на всех вас сразу!

Он рухнул на стол и больше не двигался. Ни один здравомыслящий человек не мог оставаться

---

[8] Сноски: 8
Отсылка к пьесе Джорджа Кауфмана Merrily we roll along 1934 года.

свидетелем этого до конца. В полубезумном состоянии Консуэло сбежала с места живой смерти.

— Фелипе, Фелипе! Доски, дерево — несите сухие доски, скорее, скорее! Разбирайте постройки и складывайте все на столы. Зовите сюда своих людей, зовите всех!

Четыре часа спустя она мчалась по реке сквозь ночь с Фелипе и его командой. Лишь однажды она оглянулась. Пламя, которое она разожгла, трепетало на фоне черного неба.

Л. Спрэг де Камп (1907–2000). Корявый человек

Перевод Елены Жилиной

Спрэг де Камп, без сомнения, самый заметный представитель научно-фантастического сообщества. Столь же заметно собрание его произведений, которые создавались с начала тридцатых и охватывают широкий спектр форм и тем: это научная фантастика, фэнтези, героическое фэнтези, популярная научная литература, исследования мифов и легенд, научная деятельность. Из-под его пера вышла более чем исчерпывающая биография Ф.Г. Лавкрафта, а также «Мечники и чародеи в литературе» – новаторское исследование авторов, пишущих в жанре героического фэнтези. Его «Карманная книга научной фантастики» (1953, переработана в 1975) уже долгие годы остается лучшим справочником для тех, кто хочет писать в нашем жанре.

Про собранные здесь рассказы так и хо-

чется сказать «классика». Рассказ Спрэга определенно заслуживает этой чести.

(Мы познакомились как раз в то время, когда появилась эта история, и за прошедшие сорок лет он как будто ничуть не постарел. Ему можно дать половину его нынешнего возраста – по крайней мере, увидев его моими, ослепленными завистью, глазами, – так ж, как и его жене, прекрасной Кэтрин. А.А.)

Доктор Матильда Сэддлер впервые увидела корявого человека вечером 14 июля 1946 года, на Кони-Айленде.

Весеннее собрание Восточного сектора Американской антропологической ассоциации закончилось, и доктор Сэддлер обедала с двумя коллегами, Блу из Колумбийского университета и Джеффкотом из Йеля. Она никогда не была на Кони-Айленде и собиралась туда после обеда. Блу и Джеффкота она звала с собой, но те отказались.

Глядя вслед Сэддлер, Блу усмехнулся:

— Дикарка из Уичито. Что, охотится за очередным мужем?

Он был тощий, с маленькой седой бородкой и неизменным выражением лица, как бы говорившим: «А вы еще кто такой?»

— А сколько у нее было мужей? — поинтересовался Джеффкот.

— Пока двое. Не знаю, почему среди ученых именно у антропологов самая беспорядочная личная жизнь. Может, наглядевшись на нравы и обычаи других народов, они размышляют: «Если эскимосам можно, то почему мне нельзя?» Но я уже стар, слава богу.

— Мне тоже охотницы за мужьями не страшны, — сказал Джеффкот. Ему было немного за сорок, он смахивал на фермера, которому неудобно в городской одежде. — Я совершенно неприступно женат.

— Ну да? Застали бы вы ее пару лет назад в Стэнфорде. Сэддлер охотилась на мужских особей, Тутхилл — на женских, ходить по кампусу было просто опасно.

В метро доктору Сэддлер пришлось пробиваться из вагона с боем. Подростки, наводнившие станцию «Би-эм-ти Стилуэлл-авеню», должно быть, самый невоспитанный народ на земле — исключая разве что жителей островов Добу в западной части Тихого океана. Но ее это не слишком беспокоило. Она была высокой, крепко сложенной женщиной под сорок, суровые условия полевой работы поддерживали ее в форме. К

тому же бестолковые замечания Свифта в статье о повышении культурного уровня индейцев арапахо привели ее в боевое расположение духа.

Она шагала к Брайтон-Бич по Серф-авеню, не присоединяясь к веселой суете, а только наблюдая за человеческими типами — одни платили за развлечения, а другие брали деньги.

Она заглянула в тир, но стрелять из двадцать второго калибра по оловянным совам оказалось слишком легко. Работа на дальних дистанциях с армейской винтовкой — вот что она называла стрельбой. Рядом располагался второсортный балаганчик. Аляповатая афиша торжественно обещала диковинки, какими обычно заполняют антракты, вроде двухголового теленка, бородатой женщины, девушки-паука Арахны и прочих чудес. Но гвоздем программы был великан Унго-Бунго, свирепый обезьяночеловек из Конго, пленение которого стоило двадцать семь жизней. На картинке он сжимал в кулаках по беспомощному негру, пока остальные охотники пытались набросить на него сеть. Доктор Сэддлер не сомневалась, что свирепый обезьяночеловек на поверку окажется обыкновенным европеоидом с фальшивой шерстью на груди. Но, повинуясь странной прихоти, она вошла внутрь. «Может, —

подумала она, — будет над чем посмеяться с коллегами».

Перед зрителями выступал громогласный конферансье. Судя по выражению лица, у него болели ноги. Женщина в татуировках не заинтересовала доктора Сэддлер: эти орнаменты, очевидно, не имели культурного значения, не в пример татуировкам полинезийцев. Что до древнего индейца майя, идея выставлять таким образом несчастного микроцефала показалась ей дурным тоном. А вот фокусы профессора Йоки и глотание огня были неплохи.

Клетку Унго-Бунго скрывало полотнище. В нужный момент из-за него донеслось рычание и грохот цепи по металлической пластине. Конферансье заголосил:

— Леди и джентльмены, единственный и неповторимый Унго-Бунго!

Полотнище упало.

Обезьяночеловек сидел на корточках в дальнем углу клетки. Он бросил цепь, поднялся и заковылял вперед. Схватился за прутья решетки и потряс их. Они были нарочно плохо закреплены и пугающе гремели. Унго-Бунго ощерился на посетителей, показывая ровные желтые зубы.

Доктор Сэддлер пристально разглядывала его.

Для обезьянолюдей это что-то новенькое. Приземистый, ростом около пяти футов и трех дюймов, но очень крупный, с мощными сгорбленными плечами. Одет он был в синие плавки, и с головы до пят его покрывали густые волосы с проседью. Короткие мускулистые руки заканчивались большими ладонями с толстыми скрюченными пальцами. Голова выдавалась вперед, и анфас казалось, что она растет прямо из плеч. А лицо… Вообще-то доктор Сэддлер разбиралась во всех современных расах и во всех уродствах, вызываемых дисфункцией желез, но такое лицо наблюдала впервые. Оно было изрезано морщинами. Между линией коротких волос и выпуклыми надбровными дугами круто выдавался лоб. Нос, хотя и широкий, был совсем не обезьяньим — скорее укороченным вариантом толстого, крючковатого арменоидного носа, который ошибочно называют еврейским. Лицо заканчивалось длинной верхней губой и скошенным подбородком. Кожа была желтоватая — и точно не от грима.

Полотнище снова подняли.

Доктор Сэддлер вышла со всеми, но заплатила еще десять центов и вскоре опять оказалась внутри. Не обращая внимания на конферансье, она заняла место прямо перед клеткой Унго-Бун-

го до того, как успела появиться новая партия посетителей.

Унго-Бунго повторил свое выступление с механической точностью. Когда он подходил к решетке, доктор Сэддлер заметила, что он прихрамывает и что на коже под волосами белеет множество шрамов. Ногтевая фаланга на безымянном пальце левой руки отсутствовала. Доктор Сэддлер отметила некоторые особенности в строении его голени и бедра, предплечья и плеча, а также больших плоских ступней.

Она заплатила в третий раз. Догадка напрашивалась сама собой. Принять ее всерьез значило признать, что либо она, доктор Сэддлер, спятила, либо физическая антропология в безнадежном тупике. И все же она знала, что если сейчас поступит разумно и отправится домой, то эта мысль не даст ей покоя.

После третьего представления она заговорила с конферансье:

— Мне кажется, ваш мистер Унго-Бунго и я когда-то были знакомы. Нельзя ли нам увидеться, когда он закончит?

Конферансье удержался от шуточки. Очевидно, что эта дама не из тех, кто просит увидеться с парнями, когда они закончат.

— С Гаффни? — спросил он. — Кларенс Алоизиус Гаффни? Этот парень вам нужен?

— Да, он.

— Думаю, можно. — Он бросил взгляд на часы. — У него еще четыре выхода до закрытия. Спрошу у шефа.

Он сунулся за шторку и позвал: «Эй, Морри!» Потом вернулся.

— Все в порядке. Морри говорит, вы можете подождать в его кабинете. Первая дверь направо.

Морри был толст, лыс и радушен.

— Конечно, конечно, — сказал он, помахивая сигаретой. — К вашим услугам. Мисс Сэддлер, минутку, я сообщу менеджеру Гаффни. — Он выглянул за дверь и гаркнул: — Эй, Паппас! Леди хочет поговорить с твоим обезьяночеловеком. Потом. Я сказал «леди», понял? Хорошо. — Он вернулся и стал рассуждать о трудностях, с которыми сталкивается бизнес балаганных уродов. — Возьмите того же Гаффни. Он лучший обезьяночеловек, черт возьми, эти волосы, они в самом деле у него растут! И физиономия у бедняги какая есть, без прикрас. Но люди верят? Нет! Они выходят, и я слышу, что и волосы наклеены, и все это подделка. Просто оскорбительно. — Он наклонил голову, прислушиваясь. — Ну и грохот!

Нет, это не американские горки — это дождь собирается. Хорошо бы к завтрашнему распогодилось. Вы и представить себе не можете, как дождь бьет по выручке. Если показать наглядно, то вот так. — Он провел пальцем по воздуху и чиркнул вниз, изображая эффект дождя. — Но, как я сказал, люди не ценят, когда для них стараются. И дело не в деньгах. Я думаю, я тоже своего рода артист. Творец. В зрелищах вроде этого должны быть мера и гармония, и как всякий артист…

Должно быть, прошло не меньше часа, прежде чем неспешный глубокий голос сказал:

— Кто-то хотел меня видеть?

В дверях стоял корявый человек. В уличной одежде, с поднятым воротником и надвинутой на лицо шляпой, он выглядел почти обыкновенно, хотя плащ ужасно сидел на его огромных покатых плечах. При нем была толстая узловатая трость с кожаной петлей у верха. Позади него суетился щуплый темноволосый коротышка.

— Да, верно, — сказал Морри, прерывая свою лекцию. — Кларенс, это мисс Сэддлер. Мисс Сэддлер, это мистер Гаффни, один из наших выдающихся артистов.

— Приятно познакомиться, — сказал корявый человек. — Это мистер Паппас, мой менеджер.

Доктор Сэддлер представилась и сказала, что хотела бы поговорить с мистером Гаффни, если можно. Она соблюдала такт. Необходимо соблюдать такт, если, скажем, суешь нос в дела свирепых охотников народа нага. Корявый человек ответил, что с удовольствием выпьет с мисс Сэддлер чашечку кофе — за углом есть одно местечко, куда можно добраться, не вымокнув.

Они собрались идти, но Паппас засуетился еще больше, не желая от них отставать. Корявый человек сказал:

— Шел бы ты домой, Джон. Обо мне не беспокойся. — И он осклабился в сторону доктора Сэддлер. Другой бы занервничал, но только не антрополог. — Каждый как раз, как он видит, что я с кем-то разговариваю, он думает, меня пришел отбить другой импресарио. — Он говорил с общим американским произношением, но в редуцированных гласных был намек на провинциальный ирландский говор. — Юрист подправил наш контракт так, чтобы его можно было расторгнуть в кратчайшие сроки — по моей просьбе.

Паппас отступил, но не усмирил свою подозрительность.

Дождь почти перестал. Корявый человек ступал ловко, несмотря на свою хромоту. Мимо

прошла женщина с фокстерьером на поводке. Пес принюхался к корявому человеку и мгновенно взбесился, залившись лаем и слюнями. Корявый человек перехватил тяжелую трость и негромко сказал:

— Держите его крепче, мэм.

Женщина поспешно отошла.

— Не любят они меня, — объяснил Гаффни. — Собаки, я имею в виду.

Они нашли столик и заказали кофе. Когда корявый человек снял пальто, до доктора Сэддлер долетел крепкий запах дешевого парфюма. Ее собеседник вынул трубку с большой шишковатой чашей. Она весьма шла ему, как и трость. Доктор Сэддлер заметила, что глубоко посаженные глаза под нависшими надбровными дугами были светло-карие.

— Ну? — спросил он гулко, врастяжку.

Она приступила к расспросам.

— Мои родители были ирландцы, — отвечал он. — Но я родился в Южном Бостоне… дайте-ка подумать… сорок шесть лет назад. Могу достать вам копию метрического свидетельства. Кларенс Алоизиус Гаффни, второе мая тысяча девятисотого.

Казалось, он получал какое-то загадочное удо-

вольствие от этих заявлений.

— А не было ли у ваших родителей каких-нибудь физических особенностей?

Он помолчал, прежде чем ответить. Он все время так делал.

— Не-а. Ни у кого. Наверное, железы.

— Оба они родились в Ирландии?

— Ага. В графстве Слайго.

И снова этот странный блеск в глазах.

Она подумала секунду.

— Мистер Гаффни, вы не будете против сделать несколько фотографий и обмеров? Фотографии вы сможете использовать в вашем бизнесе.

— Ну, почему бы и нет. — Он сделал глоток. — Ай! Гаспиде, горячо!

— Что?

— Говорю, кофе горячий.

— Нет, до этого.

Корявый человек как будто немного смутился.

— А, вы про это слово? Ну, я… Знал человека, который так выражался…

— Мистер Гаффни, я ученый, я не пытаюсь выведать у вас что-либо для своей выгоды. Со мной вы можете быть честны.

Было нечто во взгляде, который он бросил на нее, — нечто далекое и отстраненное, отчего у

нее по спине пробежал холодок.

— Имеете в виду, до сих пор я не был?

— Не были. Увидев вас, я решила, что в вашем происхождении есть что-то необыкновенное. И я все еще так думаю. Если я, по-вашему, спятила, так и скажите, и давайте оставим эту тему. Но я очень хочу докопаться до истины.

Он помолчал.

— Зависит от того… — Снова пауза. — Вы с вашими связями, — наконец продолжил он, — знаете хорошего хирурга? Мне нужен самый лучший.

— Но… Да, я знаю Данбара.

— Который носит фиолетовый халат? Который написал книгу «Господь, человек и Вселенная»?

— Да. Он хороший человек, несмотря на его театральные причуды. Зачем он вам? Чего вы хотите?

— Не того, о чем вы подумали. Я доволен своими… э-э… физическими особенностями. Но у меня есть старые травмы — сломанные кости срослись неправильно. Я хотел бы это исправить. Хороший человек — это то, что нужно. В банке у меня лежит пара тысяч долларов, но я знаю, какие гонорары просят эти хорошие люди. Если бы вы могли устроить так…

— Я могу. Уверена, что могу. Более того, я вам это гарантирую. Так, значит, я права? И вы не… — Она запнулась.

— Говорил начистоту? Не-а. Но помните, в случае чего я смогу доказать, что я — Кларенс Алоизиус.

— Кто вы на самом деле?

Снова долгая пауза. Наконец корявый человек произнес:

— Почему бы и нет, я расскажу. Но помните, на кону ваша профессиональная репутация, не болтайте попусту. Прежде всего, родился я не в Массачусетсе. Я родился в верховьях Рейна, недалеко от Момменхайма. И родился, насколько я понимаю, примерно в пятидесятитысячном году до нашей эры.

Матильда Сэддлер гадала, наткнулась ли она на величайшее открытие антропологии, или перед ней сумасброд, который даст фору барону Мюнхгаузену.

Он как будто пытался прочесть ее мысли.

— И доказать этого я, разумеется, не могу. При условии, что вы договоритесь об операции, мне все равно, верите вы мне или нет.

— Но… но как?

— Молния. Я так думаю. Мы пытались загнать

бизона в яму, но налетела страшная буря. Бизоны унеслись не пойми куда, так что мы бросили это дело и стали искать укрытие. Следующее, что я помню, это как я лежу на земле под потоками дождя, а остальные из племени столпились вокруг и воют, что такого они сделали, чтобы прогневать бога бури, поразившего одного из их лучших охотников. Прежде обо мне так не отзывались. Забавно, что, пока ты жив, тебя не ценят. Но я был жив. Несколько недель нервы у меня были ни к черту, но в остальном я был в порядке, не считая волдырей на ступнях. Понятия не имею, что произошло. Хотя пару лет назад я прочел, что ученые определили, где в продолговатом мозге располагается механизм, контролирующий замещение тканей. Думаю, молния что-то сделала с моим мозгом, расшевелила его. В любом случае, с того дня я перестал стареть. То есть физически. Мне было тридцать три или около того. Мы не следили за возрастом. Я выгляжу старше, потому что тысячи лет все-таки оставили на мне морщины и потому что волосы у нас седые на концах. Однако я легко померюсь с силами с каким-нибудь Homo sapiens, если захочу.

— Это значит, вы… вы хотите сказать, что вы… вы говорите, что вы…

— Неандерталец? Homo neanderthalensis? Именно так.

В гостиничном номере Матильды Сэддлер было немного тесно: там расположились корявый человек, ледяной Блу, мужлан Джеффкот, сама доктор Сэддлер, а также Гарольд Макгеннон, историк. Опрятный розоволицый и невысокий Макгеннон больше походил на директора «Нью-Йорк Сентрал», чем на профессора. Глядел он завороженно. Доктора Сэддлер переполняла гордость. Профессор Джеффкот был заинтересован, но и озадачен. Профессор Блу скучал — он вообще не хотел приходить. Корявый человек, развалившись в самом удобном кресле и попыхивая своей корявой трубкой, был, кажется, весьма доволен собой.

Макгеннон задал вопрос:

— Что ж, мистер… Гаффни? Полагаю, это имя принадлежит вам больше, чем какое бы то ни было.

— Можно и так сказать, — отозвался корявый человек. — Мое настоящее имя означает нечто вроде «сверкающий ястреб». Но за тысячи лет я сменил их порядочно. Если снимать комнату в гостинице на имя Сверкающий Ястреб, это привлекает внимание. А я старался не привлекать к

себе внимания.

— Зачем такая предосторожность? — спросил Макгеннон.

Корявый человек оглядел своих слушателей, будто рассевшихся на полу детей.

— Не хочу неприятностей. Лучший способ держаться подальше от неприятностей — не привлекать внимания. Вот почему мне приходится сматывать удочки и переезжать каждые лет десять-пятнадцать. Людям может стать любопытно, почему я не становлюсь старше.

— Патологический лжец, — пробормотал Блу. Слова были едва уловимы, но корявый человек прекрасно все расслышал.

— Вы имеете право на свое мнение, доктор Блу, — сказал он учтиво. — Доктор Сэддлер оказывает мне услугу, а взамен я готов отвечать на ваши вопросы. Я говорю как есть, и плевать я хотел, верите вы мне или нет.

Макгеннон тут же встрял с другим вопросом:

— Откуда у вас, как вы заявляете, метрическое свидетельство?

— Я знал человека по имени Кларенс Гаффни. Его сбил автомобиль, и я взял его имя.

— С какой целью вы придумали ваше ирландское происхождение?

— Вы ирландец, доктор Макгеннон?

— Это не так важно.

— Хорошо. Не хочу никого обидеть. Я ставил наверняка: встречаются всамделишные ирландцы с верхней губой как у меня.

Доктор Сэддлер вмешалась.

— Я хотела спросить, Кларенс. — Она обратилась к нему по имени. — Немало спорят о том, смешивался ли ваш вид с моим, когда мы заселили Европу в конце мустьерской эпохи. Кто-то из ученых предполагает, что у некоторых современных европейцев, особенно жителей западного побережья Ирландии, может быть примесь неандертальской крови.

Он чуть обнажил зубы.

— Что ж… И да, и нет. В каменном веке, насколько я помню, ничего такого не было. А эти длинногубые ирландцы — моя вина.

— Как это?

— Хотите верьте, хотите нет, но за последние пятьдесят веков находились женщины вашего вида, которые не считали меня таким уж безобразным. Обходилось без потомства. Но в шестнадцатом веке я бежал в Ирландию. Остальная Европа без устали жгла людей за колдовство, что меня не устраивало. И была женщина. А в

результате — стайка полукровок, славных дьяволят. Так что ирландцы, похожие на меня, — это мои потомки.

— Что случилось с вашим народом? — спросил Макгеннон. — Их истребили?

Корявый человек пожал плечами.

— Некоторых. Мы были не охочи воевать. Да и Высокие, как мы их называли, тоже. Одни племена Высоких видели в нас законную добычу, другие — старательно обходили стороной. Я думаю, они боялись нас почти так же, как мы их. На самом деле примитивные дикари довольно миролюбивые. Нужно столько трудиться, чтобы добыть еду, и при этом вас так мало, что воевать никакого резона. Это придет позже, когда появится сельское хозяйство и домашний скот, то есть у вас найдется что украсть.

Помню, даже спустя тысячу лет, как пришли Высокие, в округе все еще жили неандертальцы. Но постепенно они вымерли. Мне кажется, из-за того что потеряли волю к жизни. Высокие сами были довольно неотесанные, но ушли далеко вперед нас, а наши орудия и обычаи считали совсем уж нелепыми. В конце концов мы опустились и стали выпрашивать объедки на стоянках Высоких. Можно сказать, вымерли из-за комплекса

неполноценности.

— Но что случилось с вами? — спросил Макгеннон.

— К тому времени среди своих я стал божеством и, естественно, общался от лица племени с Высокими. Их я узнал довольно хорошо, и они готовы были мириться со мной, когда все мое племя сгинуло. Лет за двести они напрочь забыли о моем народе и стали принимать меня за горбуна. Я хорошо работал с кремнем и мог добывать себе хлеб. Когда появился металл, я взялся и за него, а затем и за кузнечное дело. Если сложить в кучу все подковы, что я выковал на своем веку, то… ну, получится чертовски огромная куча.

— Это тогда вы, э-э… покалечились? — спросил Макгеннон.

— Не-а. Ногу я сломал уже в неолите. Упал с дерева. Никого поблизости не оказалось, и пришлось самому вправлять. А что?

— Гефест, — тихо ответил Макгеннон.

— Гефест? — переспросил корявый человек. — Греческий бог, да?

— Именно. Хромой кузнец богов.

— Хотите сказать, кто-то придумал его, глядя на меня? Вот так мысль! Жаль, ее уже никак не проверить.

Блу подался вперед и твердо произнес:

— Мистер Гаффни, ни один настоящий неандерталец не смог бы говорить так бегло и занятно, как вы. Об этом свидетельствуют слаборазвитые лобные доли головного мозга и крепление мышц языка.

Корявый человек вновь пожал плечами.

— Вы можете верить во что хотите. В моем племени я считался умником. Да и как ничему не научиться за пятьдесят тысяч лет.

Доктор Сэддлер просияла.

— Расскажите им о ваших зубах, Кларенс.

Корявый человек ухмыльнулся.

— Они искусственные, разумеется. Мои прослужили долго, но источились где-то в палеолите. Они выросли в третий раз и тоже источились. Так что пришлось изобретать суп.

Молчавший до этого Джеффкот воскликнул:

— Пришлось что?

— Изобретать суп. Чтобы выжить. Ну, знаете, плошка из коры и горячие камни. Через какое-то время десны затвердели, но все-таки не годились для пережевывания пищи. Наконец, через пару тысяч лет суп и каша мне осточертели. Появился металл, и я стал экспериментировать с искусственными зубами. Костяные зубы на медных

пластинках. Получается, их я тоже изобрел. Я пытался продавать эту идею, но до тысяча семьсот пятидесятого она как-то не приживалась. Я тогда жил в Париже и даже имел маленький бизнес, пока не уехал.

Он достал из нагрудного кармана носовой платок, чтобы протереть лоб. Душок парфюма достиг Блу, и тот скривился.

— Ну-с, мистер Сверкающий Ястреб, — подпустил он шпильку, — а как вы находите наш век машин?

Корявый человек не обратил внимания на его тон.

— Неплохо. Много интересного случается. Главная беда — рубашки.

— Рубашки?

— Ага. Поди найди такую рубашку с воротником двадцать дюймов и рукавом двадцать девять. Приходится шить их на заказ. То же со шляпами и башмаками. Я ношу шляпы восьмого с половиной размера, а обувь — тринадцатого. — Он взглянул на часы. — Мне нужно возвращаться на Кони: работа.

Макгеннон подпрыгнул.

— Когда бы я мог снова увидеться с вами, мистер Гаффни? Я хотел спросить у вас еще столько

всего!

— Я свободен по утрам, — ответил корявый человек. — По будням рабочие часы — с двух до полуночи с перерывом на обед. Правила профсоюза, все дела.

— У тех, кто занят в зрелищах, тоже есть профсоюз?

— А как же. Только его называют гильдией. Они, знаете ли, считают себя артистами. У артистов нет профсоюзов, у них есть гильдии. Но по сути это одно и то же.

Блу и Джеффкот наблюдали, как историк и корявый человек вместе не спеша бредут к подземке.

— Бедный старый Мак, — сказал Блу. — Всегда думал, что он с головой на плечах. Похоже, он проглотил эти бредни вместе с крючком и леской.

— Не знаю, что и думать. — Джеффкот нахмурился. — Есть в этой истории нечто странное.

— Только не говори мне, что и ты клюнул! — рявкнул Блу. — Жизнь длиной в пятьдесят тысяч лет? Пещерный человек с парфюмом? Святые угодники!

— Нет-нет, — сказал Джеффкот, — сколько угодно тысяч. Но по мне, это не паранойя или беспардонная ложь. А парфюм очень даже впи-

сывается во все то, что он рассказывал.

— Каким образом?

— Телесный запах. Сэддлер говорила, что его не жалуют собаки. Его запах отличается от нашего. К нашему мы настолько привыкли, что заметим его, только если не будем мыться месяц. Но его запах мы бы заметили.

Блу засопел.

— Ты вот-вот ему поверишь. А ведь это только железы. Он и историю подогнал, чтобы подходила под его случай. Вся эта болтовня про то, что ему плевать, верим мы или нет, — блеф. Ладно, пошли перекусим. Да, а ты видел, как Сэддлер на него смотрела, когда говорила «Кларенс»? Как голодный волк. Интересно, что она собирается с ним делать, а?

Джеффкот помолчал.

— Могу предположить. И если он говорит правду, то во Второзаконии было кое-что на счет этого.

Великий хирург старался поддерживать образ великого хирурга, в помощь были пенсне и бородка клинышком. Он размахивал перед корявым человеком рентгеновским снимком, указывая на то и на это.

— Сперва займемся ногой, — говорил он. — В

следующий четверг, да. Когда вы после этого восстановитесь, сможем заняться плечом. На все нужно время, сами понимаете.

Корявый человек вышел из здания маленькой частной клиники. Макгеннон ждал его в своей машине. Корявый человек рассказал о предварительном расписании операции и сообщил, что собирается бросить работу.

— Эти две операции — самое важное, — сказал он. — Хочу однажды попробовать себя в профессиональной борьбе, но не смогу, если не исправлю плечо, чтобы поднимать левую руку над головой.

— Как вы ее повредили? — спросил МакГеннон.

Корявый человек прикрыл глаза, вспоминая.

— Дайте-ка подумать. Я часто что-то путаю. Немудрено, прожив пятьдесят тысяч лет. Можете, наверное, представить. Это произошло в сорок втором году до нашей эры, я тогда жил с битуригами в Галлии. Цезарь осадил Верцингеторига — или Верцингеторикса по-вашему — в Алезии, и племена собрали ополчение, чтобы идти на выручку, под командованием Кассивеллауна.

— Кассивеллауна?

Корявый человек хохотнул.

— То есть Веркассивелауна. Кассивеллаун — это бритт, правильно? Вечно путаю этих двоих. Как бы там ни было, меня призвали. Ну, говоря вашим языком. Я не хотел идти. Это была не моя война. Но они хотели, чтобы я пошел, потому что я мог натянуть лук в два раза тяжелее обыкновенного.

Когда началась последняя атака на кольцевые укрепления Цезаря, меня послали вперед с другими лучниками, чтобы прикрыть пехоту. Это согласно плану. На самом деле такого бардака я в жизни не видывал. И прежде чем выпустить хоть одну стрелу, я провалился в крытую яму римлян. Не упал на острые колья, но налетел на них и сломал плечо. Помощи ждать не приходилось, галлы были слишком заняты, чтобы заниматься ранеными, — улепетывали от германских всадников Цезаря.

Автор книги «Бог, человек и Вселенная» смотрел вслед своему пациенту.

— Что думаете о нем? — спросил он у своего главного ассистента.

— Думаю вот что, — ответил ассистент. — Я досконально изучил его рентген. Это не человеческий скелет. Невозможно вынести столько переломов, сколько было у него.

— Хм-хм, — промычал Данбар. — Значит, не человеческий, да? Хм-хм. То есть случись с ним что-нибудь…

— Есть Общество по защите животных.

— Не стоит о них волноваться. Хм…

Теряешь хватку, думал он, ни одной весомой статьи за год. Но если опубликовать полное анатомическое описание неандертальца — или хотя бы выяснить причины, по которым его мозг функционирует так, а не иначе, — хм… Конечно, нужно все тщательно подготовить…

— Давайте пообедаем в Музее естественной истории, — предложил Макгеннон. — На вас там хотят посмотреть.

— Хорошо, — протянул корявый человек. — Только после я вернусь на Кони. Мой последний день. Завтра мы с Паппасом встречаемся с нашим юристом насчет расторжения контракта. Юриста зовут Робинетт. Для старины Джона это, конечно, удар, но я предупреждал его с самого начала, что так может случиться.

— Полагаю, мы можем рассчитывать на интервью, пока вы будете… э… поправляться? Чудно. Кстати, вы бывали в музее?

— Конечно, — ответил корявый человек, — выкроил время.

— И как вам… э… зал эпохи человека?

— Вполне. Но есть недочеты в настенной росписи. У шерстистого носорога второй рог должен быть сильнее выставлен вперед. Я думал написать им об этом. Но вы знаете, как оно бывает. Они бы сказали: «Ты там был?» Я бы сказал: «Нет». И они бы сказали: «Еще один псих».

— А изображения и бюсты людей палеолита, как насчет них?

— Вполне. Только представления у них довольно странные. Нас все время изображают в шкурах. Летом мы не носили шкур, а зимой накидывали на плечи, так оно удобнее. А тех Высоких, которых вы называете кроманьонцами, изображают чисто выбритыми. Я помню, они все были с бородами. Чем бы они, по-вашему, брились?

— Мне кажется, — ответил Макгеннон, — что они делают бюсты безбородыми, чтобы… э… показать контур подбородка. С бородами одного не отличишь от другого.

— И зачем? Можно же подписать на табличках. — Корявый человек потер подбородок так, будто он у него был. — Вот бы вернуть моду на бороды. С бородой я куда больше похожу на человека. Когда в шестнадцатом веке у всех были бороды, я жил не тужил. Отчасти так я запоми-

наю, когда что произошло, — по прическам и растительности на лице, принятым в то время. Помню, однажды я перегонял в Милан фургон, у него отлетело колесо, и мешки с мукой высыпались к черту. Стало быть, это шестнадцатый век — до того, как я переехал в Ирландию, — потому что в собравшейся толпе было полно мужчин с бородами. Или нет, погодите… или это был четырнадцатый век. Тогда тоже все носили бороды.

— Ну почему, почему вы не вели дневника? — воскликнул Макгеннон с досадой.

Корявый человек в свойственной ему манере пожал плечами.

— И таскать за собой шесть сундуков, набитых бумагой? Нет уж, спасибо.

— Мне… э-э… наверное, не стоит надеяться, что вы сможете пролить свет на историю Ричарда Третьего и принцев в Тауэре?

— А вы надеялись? Большую часть времени я был бедным кузнецом, или фермером, или кем-то вроде того. Я не водился с большими шишками. Отказался от всякого самомнения еще давным-давно. Иначе никак, если сильно отличаешься от остальных. Единственный король, которого хорошенько рассмотрел вблизи, был Шарлемань, если

мне память не изменяет. Он выступал с речью в Париже. Такой детина с бородой Санта-Клауса и писклявым голосом.

На следующее утро Макгеннон и корявый человек встречались со Сведбергом в Музее. Потом Макгеннон отвез Гаффни к юристу, его офис располагался на третьем этаже убогого офисного здания в Западных Пятидесятых. Джеймс Робинетт был немного похож на киноактера и немного на бурундука. Он сказал Макгеннону, взглянув на часы:

— Это не займет много времени. Если вы подождете где-нибудь, я с радостью пообедаю с вами.

Он чувствовал себя неважно, оставаясь один на один с этим клиентом — цирковым уродом или кем там он был, — который сам похож на бочонок, да еще так странно растягивает слова.

Когда дело было улажено и корявый человек отправился завершить начатое со своим менеджером, а Робинетт с Макгенноном сели обедать, юрист признался:

— С виду он показался мне слабоумным. Но какой же слабоумный сможет так вникать в договор? Будто это контракт на строительство подземки, черт возьми. Кто он вообще такой?

Макгеннон рассказал ему, что знал. Юрист

вскинул брови.

— И вы что, верите его трепу? О, мне, пожалуйста, томатный сок и морской язык под соусом тартар — только без соуса тартар.

— Мне то же самое. Отвечая на ваш вопрос, Робинетт, да, верю. Верит Сэддлер. Верит Сведберг из музея. Оба — первоклассные специалисты в своей области. Сэддлер и я беседовали с ним, а Сведберг его осмотрел. Но это всего лишь мнение. Фред Блу клянется, что это надувательство или… э… какое-нибудь расстройство. Никто из нас не может ничего доказать.

— Почему?

— Потому что… а… как вы докажете, что он жил — или не жил — сотни лет назад? Возьмем один случай: Кларенс говорит, что управлял лесопилкой на Аляске, в Фэйрбенксе, в тысяча девятьсот шестом и тысяча девятьсот седьмом под именем Майкл Шон. Как разузнать, был ли тогда в Фэйрбенксе такой управляющий лесопилки? И даже если наткнешься на записи о Майкле Шоне, как узнать наверняка, что он и Кларенс — одно и то же лицо? Нет ни единого шанса, что найдется фотография или подробное описание, чтобы сверить. А чтобы найти кого-то, кто помнит его с тех пор, надо горы свернуть. И потом, Сведберг вчера

осмотрел его лицо и заявил, что ни у одного Homo sapiens не может быть подобных челюстных дуг. Блу в ответ на мой рассказ об этом заявил, что сфотографирует сколько угодно таких черепов. А я знаю, чем это кончится. Блу скажет, что дуги практически одинаковые, а Сведберг — что совершенно разные.

Робинетт задумался.

— И все-таки он чертовски умен для…

— Он не обезьяночеловек. Раса неандертальцев — отдельная ветвь человеческого рода. В чем-то они более отсталы, в чем-то — более развиты. Кларенс хоть и медлительный, но все-таки дает нужный ответ. Предположу, что он был… э… гениален для своего вида. К тому же у него огромный опыт. Он знает невероятно много. Он знает нас, он насквозь видит нас и наши мотивы. — Макгеннон наморщил розовый лоб. — Надеюсь, с ним ничего не приключится. В этой огромной голове хранятся бесценные знания. Так и есть, бесценные. Не про войны и политику — от них он держался подальше в целях самосохранения. Но мелочи — о том, как люди жили и как мыслили тысячи лет назад. Иногда он путает времена, но, если дать ему подумать, расставляет все по полочкам. Надо бы связаться с Пеллом, лингвистом.

Кларенс знает десятки древних языков, таких как готский и галльский. Я говорил с ним на вульгарной латыни, что, в числе прочего, склонило меня в его пользу. Привлечь археологов, психологов… Но, если его что-то отпугнет, мы в жизни его не разыщем. Не знаю… Не знаю, что у нас получится с этой ученой дамой, помешанной на мужчинах, и хирургом, свихнувшимся на саморекламе…

Корявый человек вошел в приемную, ни о чем не подозревая. Как всегда, занял самое удобное кресло и роскошно в нем устроился. Данбар стоял перед ним. Его колючие глаза за стеклами пенсне блестели предвкушением.

— Придется подождать где-то полчаса, мистер Гаффни, — сказал он. — Обычная суета, ничего не успеваем. Я пришлю Малера. Хотя, вижу, у вас есть все необходимое. — Взгляд Данбара жадно пробежался по коренастому телу корявого человека. Какие удивительные секреты он обнаружит, заглянув внутрь?

Появился Малер, пышущий здоровьем малый. Желает ли мистер Гаффни чего-нибудь? Корявый человек, как обычно, помолчал, чтобы дать время тугим шестеренкам в своей голове. Привыкший все проверять, он пожелал взглянуть на инструменты, которыми его будут оперировать.

У Малера были свои указания, но эта просьба показалась ему безобидной. Он ушел и вернулся с подносом сверкающей стали.

— Видите? — сказал он. — Это скальпели.

Чуть погодя корявый человек спросил:

— А это? — и взял с подноса странного вида инструмент.

— О, это собственное изобретение босса. Чтобы добраться до среднего мозга.

— Среднего мозга? Зачем это здесь, а?

— Чтобы добраться до вашего… Должно быть, попало по ошибке…

Вокруг внимательных карих глаз проступили морщинки.

— Да?

Корявый человек припомнил взгляд Данбара. И славу Данбара.

— Скажите, могу я воспользоваться телефоном?

— Да… Я думаю… Зачем вам телефон?

— Хочу сделать звонок моему юристу. Какие-то возражения?

— Нет, конечно нет. Но здесь нет телефона.

— А это что такое? — Корявый человек поднялся и подошел к столу, на котором у всех на виду стоял аппарат.

Но Малер оказался там прежде него и преградил дорогу.

— Он не работает. Его чинят.

— Могу я попробовать?

— Нет, пока его не починят. Говорю вам, он не работает.

Корявый человек мгновение изучал молодого врача.

— Хорошо, тогда я найду такой, который работает.

Он направился к двери.

— Эй, вы не можете сейчас уйти! — крикнул Малер.

— Это я не могу? Смотри сюда!

— Эй! — во всю глотку гаркнул Малер.

Словно по волшебству появились люди в белых халатах. Позади них стоял великий хирург.

— Будьте благоразумны, мистер Гаффни, — сказал он. — Вам не стоит сейчас выходить. Через несколько минут мы будем к вашим услугам.

— С какой это стати? — Корявый человек повел большой головой, карие глаза блеснули. Все выходы были перекрыты. — Я ухожу.

— Взять его! — сказал Данбар.

Белые халаты придвинулись. Корявый человек схватил стул за спинку и раскрутил над головой.

Стул расплылся бесформенным пятном. Обломки разлетелись, падая с деревянным стуком по всей комнате. Когда корявый человек замер, в его кулаках было по короткой деревяшке, оставшейся от спинки, один из ассистентов был без сознания, а другой привалился к стене, укачивая сломанную руку.

— Не останавливаться! — прокричал Данбар, когда все смогли его слышать.

Белая волна нахлынула на корявого человека, но была разбита. Корявый человек крепко стоял ногах и, ухватив вопящего Малера за лодыжки, размахивал им, расчищая путь к двери. Обернувшись, он, словно метатель молота, раскрутил Малера над головой и отправил его в полет, тот на свое счастье потерял сознание. Нападавшие сбились в кучу. В строю оставался еще один, по приказу Данбара он бросился за корявым человеком. Тот доставал свою трость из подставки для зонтов в вестибюле. Ее шишковатый набалдашник со свистом прошел мимо носа ассистента. Ассистент отпрыгнул назад и упал на одного из пострадавших. Входная дверь хлопнула, и раздался гулкий рев:

— Такси!!

— Не стойте столбом! — вопил Данбар. — Вызы-

вайте скорую помощь!

Джеймс Робинетт был в своем офисе, раздумывая о том, о чем раздумывают юристы в минуты отдыха, когда в коридоре послышался громкий топот, испуганный крик протеста мисс Спевак в приемной, и у стола Робинетта вырос, тяжело дыша, давешний загадочный клиент.

— Я Гаффни, — с трудом прорычал он. — Помните меня? Думаю, они последуют за мной сюда. Они будут в любую минуту. Мне нужна ваша помощь.

— Они? Кто они? — Робинетт содрогнулся от духа проклятого парфюма.

Корявый человек стал пересказывать свои злоключения. Все было тихо, но тут снова раздались возмущенные крики мисс Спевак, и в кабинет ворвался доктор Данбар со своими ассистентами.

— Он наш, — сказал Данбар, сверкнув очками.

— Он обезьяночеловек, — сказал ассистент с подбитым глазом.

— Он опасный психопат, — сказал ассистент с рассеченной губой.

— Мы пришли за ним, — сказал ассистент в рваных штанах.

Корявый человек расставил ноги и перехватил палку как бейсбольную биту. Робинетт выдвинул

ящик стола и достал крупный пистолет.

— Один шаг, и я воспользуюсь этим. Применение крайних форм насилия правомерно в целях предотвращения тяжелых преступлений, в данном случае — похищения человека.

Пятеро чуть отступили. Данбар произнес:

— Это не похищение человека. Он не человек. Я могу это доказать.

Помощник с подбитым глазом хмыкнул.

— Если он хотел укрытия, лучше бы пошел к егерю, чем к юристу.

— Вероятно, вы и правда так думаете, — сказал Робинетт, — но вы не юристы. Согласно закону он является человеком. Даже корпорации, идиоты и нерожденные дети являются людьми по закону, а он, провалиться мне на этом месте, куда больше человек, чем они.

— Тогда он опасный психопат, — повторил Данбар.

— Ну да? Где, в таком случае, приказ о заключении под стражу? Единственные, кто могут его получить, это: а) близкие родственники и б) государственные должностные лица, отвечающие за поддержание порядка. Вы ни к тем, ни к другим не относитесь.

Данбар упорствовал:

— Он впал в бешенство у меня в клинике и едва не убил несколько моих сотрудников. Надо думать, это дает нам некоторые полномочия.

— Разумеется, — отвечал Робинетт. — Вы можете обратиться в ближайший участок и там получить ордер. — Корявому человеку он сказал: — Хотите выдвинуть обвинения против них, Гаффни?

— Я в порядке. — К тому вернулась его обычная медлительность. — Единственное, хочу убедиться, что эти ребята не будут больше мне надоедать.

— Хорошо. Теперь слушайте, Данбар. Одно враждебное действие с вашей стороны, и мы получим ордер на вас за ложный арест, нападение с нанесением побоев, попытку похищения, преступный сговор и хулиганство. И подадим гражданский иск о возмещении убытков за различные правонарушения, а именно: нападение, лишение гражданских прав, подвержение опасности жизни и здоровья, угрозы и еще несколько, которые я также смогу перечислить.

— Вам ничего не добиться, — огрызнулся Данбар, — у нас есть свидетели.

— Неужели? Хорош же будет знаменитый хирург Эван Данбар, отстаивая подобные действия.

Боюсь, кое-кто из ваших поклонниц заподозрит, что не такой уж вы рыцарь в сверкающих доспехах. Мы сможем выставить вас не в лучшем свете, и вы это знаете.

— Вы, Робинетт, пресекаете возможность великого научного открытия.

— Меня это не волнует. Мой долг — защитить моего клиента. А теперь убирайтесь, прежде чем я вызову полицию. — Его левая рука замерла над телефоном.

Данбар ухватился за последнюю соломинку.

— Хм-м… А у вас есть разрешение на оружие?

— Проклятие. Конечно, есть. Хотите посмотреть?

— Неважно, — выдохнул Данбар. — Мы еще разберемся.

Его величайшая возможность прославиться ускользала из рук. Он шагнул обратно к двери.

И тут заговорил корявый человек:

— Если не возражаете, доктор Данбар, я оставил у вас шляпу. Пришлите ее сюда, мистеру Робинетту. Хорошей шляпы сейчас днем с огнем не сыщешь.

Данбар бросил на него молчаливый взгляд, и вся шайка удалилась.

Корявый человек продолжил свой рассказ юри-

сту. Вдруг зазвонил телефон. Робинетт ответил:

— Да… Сэддлер? Да, он здесь… Ваш доктор Данбар пытался убить его, чтобы препарировать… Хорошо. — Корявому человеку он объяснил: — Ваш друг доктор Сэддлер ищет вас. Она на пути сюда.

— Гаспиде! — сказал Гаффни. — Я ухожу.

— Не хотите увидеться с ней? Она звонила из-за угла. Если выйдете сейчас, то как раз встретитесь. Откуда она знала, куда звонить?

— Я дал ей ваш номер. Наверное, она звонила в клинику и в мой пансион, и остались только вы. Эта дверь ведет в зал, да? Значит, когда она зайдет в главную дверь, я выйду через эту. И не говорите ей, куда я ушел. Было приятно иметь с вами дело, мистер Робинетт.

— Но почему? Зачем все это? Вы же не собираетесь сбежать, правда? Данбар обезврежен, а у вас есть друзья. Я ваш друг.

— В яблочко. Я сбегаю. Слишком много неприятностей. Все эти века я оставался цел, потому что держался от них подальше. С доктором Сэддлер я потерял бдительность и обратился к хирургу по ее рекомендации. Сперва он замыслил разобрать меня на части, чтобы посмотреть, как я устроен. Если бы тот инструментик не показался

мне подозрительным, я был бы уже на полпути к банкам со спиртом. Затем драка, и я чудом не укокошил никого из тех интернов — или кто они такие — и не сел за непредумышленное убийство. Теперь Матильда преследует меня с более чем дружеским интересом. Я знаю, что значит, когда женщина так смотрит на тебя и говорит «дорогой». Я был бы не против, не будь она видной персоной и вечно втянута во что-то такое. Это повлечет за собой неприятности, раньше или позже. Поняли уже, наверное, что я не люблю неприятности?

— Послушайте, Гаффни, вы просто расстроены из-за этого треклятого…

— Тс-с-с! — Корявый человек подхватил свою трость и на цыпочках подошел к запасному выходу. Когда в приемной прозвучал ясный голос доктора Сэддлер, он улизнул.

Матильда Сэддлер быстро все схватывала. Робинетт едва успел раскрыть рот, как она бросилась к запасной двери с криком: «Кларенс!»

Робинетт слышал на лестнице топот. Ни преследуемый, ни преследователь не дождались скрипучего лифта. Выглянув в окно, он увидел, как Гаффни садится в такси. Матильда Сэддлер кинулась вслед за машиной и звала:

— Кларенс! Вернитесь!

Но дорога была свободна, а погоня, соответственно, безнадежна.

О корявом человеке они услышали еще раз. Три месяца спустя Робинетт получил письмо. К его огромному удивлению, в конверт было вложено десять купюр по десять долларов. Весь текст был набран на печатной машинке, даже подпись.

Дорогой мистер Робинетт,

не знаю, каков ваш обычный гонорар, но надеюсь, что это вознаградит вас за услуги, оказанные вами мне в этом июне.

Покинув Нью-Йорк, я сменил множество работ. Я, что называется, таксовал в Чикаго, пробовал себя в роли питчера в бейсбольной команде второсортного клуба. Когда-то я кормился тем, что сбивал кроликов и прочую мелочь камнями, и не утратил былой меткости. Дубиной – то есть бейсбольной битой – я тоже неплохо орудую. Но я слишком медленный для бейсбола из-за своей хромоты, а до того, как я снова решусь на операцию, должно пройти время.

Характер моей нынешней работы я

не могу раскрыть, поскольку не хочу, чтобы меня выследили. Не обращайте внимания на почтовый штемпель. Я не в Канзас-Сити, но мой друг отправил письмо оттуда.

Честолюбие глупо для человека в моем положении. Работа меня устраивает, она дает мне все необходимое, позволяет время от времени ходить в кино и дружить с парой человек, с которыми можно выпить пива и поговорить.

Мне было жаль покидать Нью-Йорк, не попрощавшись с доктором Гарольдом Макгенноном, который был очень добр ко мне. Не могли бы вы объяснить ему причину, по которой я так поспешно уехал? Связаться с ним можно через Колумбийский университет.

Если Данбар вернул вам мою шляпу, как я просил, будьте добры, пришлите ее мне: Миссури, Канзас-Сити, до востребования. Мой друг заберет ее. В городе, где я живу, увы, нет шляпного магазина.

Мои наилучшие пожелания.

Искренне ваш,
Сверкающий Ястреб
Элиас Кларенс Алоизиус Гаффни

А.Э. Ван Вогт (1912–2000). Черный хищник

Перевод Анны Плонской

Astounding Science Fiction, июль

Ван Вогт родился в Канаде. «Черный хищник», первый его опубликованный рассказ, тут же поставил его в один ряд с гигантами научно-фантастического мира. Его творчеству суждено было стать выдающимся и неоднозначным; оно вместило в себя и разногласия, и долгий разрыв с НФ (многие сходятся на том, что это могли быть его самые плодотворные годы), и создание множества работ, по сей день вызывающих интерес.

До «Черного хищника» были сотни «космических чудищ» и «пучеглазых монстров»[9], но в большинстве таких историй читателя ужасал и изумлял внешний облик пришельцев. Здесь же мороз по коже вызывают не щупальца керля, а его ненасытный голод. Ван

---

[9] Сноски: 9

Пучеглазые монстры (*англ.* bug-eyed monsters, BEMs) — гротескные инопланетяне, персонажи ранних научно-фантастических рассказов.

Вогт еще не раз вернется к образу опасного инопланетного существа, а этот рассказ позже станет частью его популярного романа «Путешествие „Космической Гончей“» (1950).

(Некоторые считают, что июльский номер Astounding 1939 года положил начало так называемому золотому веку: на следующие два десятилетия пальма первенства перейдет к Джону Кэмпбеллу, абсолютному монарху Научно-Фантастической империи. Почему именно этот номер? Во многом благодаря «Черному хищнику»: всех, кто тем летом читал его впервые, он прошибал, как удар под дых. Откуда я знаю? Сам хорошо помню. А.А.)

Керль искал, и искал, и искал! Неохотно отступала ночь, черная, безлунная, с редкими звездами; а за ней, по левую сторону от него, на небо вползала зловещая бледно-красная заря. Лучи ее, тусклые и слабые, не обещали ни ободрения, ни тепла: один только холодный рассеянный свет медленно обнажал пейзаж, будто из дурного сна. Когда красноватое солнце наконец показалось над жутким горизонтом, перед керлем выросли черные обломки скал и черная безжизненная

равнина. И тогда керль вдруг узнал это место.

Он резко остановился. Напряжение пламенем побежало по нервам. Мышцы вдруг стиснули кости безжалостной хваткой. Его мощные передние лапы — в два раза длиннее задних — свело судорогой, обнажившей изогнутые когти, острые, как бритвы. Толстые щупальца керля, начинавшиеся от лопаток, только что колыхались волнами, а теперь бдительно, беспокойно натянулись. Его огромная кошачья голова в неистовом ужасе завертелась из стороны в сторону, а вибриссы — волоски, выстилавшие уши, — яростно задрожали, прощупывая каждое дуновение ветерка, каждое колебание эфира.

Но отклика не было. Ничто не будоражило его замысловатую нервную систему: нигде ни малейшего намека на ид, в котором он так нуждался. Керль бессильно припал к земле, и над тусклым красноватым горизонтом замер его гигантский кошачий силуэт, точно безобразная гравюра: черная пантера на черной скале в царстве теней.

Он знал, что однажды этот день настанет. День, тенью маячивший перед ним — все ближе, чернее, страшнее, — пока век за веком шел неустанный поиск; неотвратимые день и час, когда он должен был вернуться туда, откуда нача-

лась его методичная охота на идоморфов в мире, где они почти перевелись.

Он не ошибся; осознание бесконечными ритмичными волнами боли пронизывало все его существо. В начале охоты идоморфы встречались по нескольку штук на каждые сто квадратных миль — и он зверски уничтожал их. Но теперь, в час расплаты, керль прекрасно знал, что не упустил ни одного. Идоморфы — его пища — исчезли. Позади были сотни тысяч миль, отбитых по праву сильного в жестоких схватках — до тех пор, пока по соседству не осталось керлей, посмевших бы оспорить его превосходство, — но ида, единственного топлива, в котором нуждалась бессмертная машина его тела, не осталось нигде.

Керль прочесал все, фут за футом. И теперь он узнал скалистый выступ прямо перед собой и природный мост из черного камня, под которым извивался таинственный туннель, уходивший вправо. В этом туннеле он несколько дней пролежал в засаде, карауля идоморфа-змейку, пока та по глупости не выглянула из каменного укрытия — погреться на солнце. Первая его жертва с тех пор, как он понял, что без планомерных зачисток не выжить. Он облизнулся, смакуя тот короткий торжествующий миг: брызжет слюна,

челюсти рвут добычу на драгоценные лакомые кусочки… Но дикий страх перед лишенной ида вселенной прогнал это сладкое воспоминание, оставив в мозгу лишь предчувствие неизбежной смерти.

Керль громко взревел, как непокорная нечисть; его рык сотряс воздух, эхом прокатился по скалам и задрожал в его собственных нервах — так звучало чудовищное, слепое желание выжить.

И вдруг — в тот же миг — показалось оно. Мелькнуло вдалеке и по длинной дуге полетело вниз — керль увидел, как из маленькой светящейся точки быстро вырос металлический шар. Огромный, блестящий, он просвистел у него над головой, резко тормозя и заметно теряя скорость. Пронесся справа, над черной грядой холмов, на мгновение завис почти неподвижно, а потом стал спускаться и скрылся из виду.

Керль рванул с места, стряхнув оцепенение. С тигриной прытью он заскользил вниз по камням. Черные глаза навыкате пылали бешеной жаждой, сжиравшей его изнутри. Вибриссы дрожали, подавая сигнал о таком невероятном количестве ида, что керля замутило от дикого голода, спазмами охватившего все тело.

Карликовое солнце багровым диском горело

в черно-лиловом небе, когда он подобрался к каменной гряде, спрятался в тени и стал наблюдать за разрушенным городом, чьи исполинские обломки лежали в долине внизу. Каким бы огромным ни был серебристый шар, он удивительно неприметно смотрелся на фоне тянувшихся без конца призрачных развалин. И все-таки в нем угадывалось скрытое оживление, обманчивая неподвижность, которая вскоре стала привлекать внимание, и он будто выступил вперед. Тяжесть этой махины могла раздавить камень — приземлившись, она пробила кратер в незыблемо твердом плато, подступавшем прямо к окраинам мертвой столицы, и теперь он служил ей опорой.

Керль уставился на странных двуногих существ, группками стоявших у ярко освещенного отверстия, зиявшего в основании корабля. Горло пересохло, требуя немедленного насыщения; сознание затмил первобытный инстинкт — рвануть вперед, яростно атаковать и растерзать этих слабеньких, беспомощных на вид созданий, от которых расходились вибрации ида. Но не успел он послать мышцам электрический импульс, как этот дикий порыв поглотила дымка воспоминаний. Память принесла с собой страх —

он заструился по нервам, отравляя источники сил кислотой безволия. Он успел заметить, что создания чем-то закрывали настоящие тела — прозрачный переливчатый материал вспыхивал в солнечных лучах странными слепящими бликами. Тут же всплыли другие, полузабытые дни. Дни, когда билось могучее сердце лежащего внизу города, когда он дышал величием прежних времен — но не прошло и ста лет, как огонь орудий обратил былую славу в пепел. Те, кто стрелял, думали только об одном: выжившие завладеют запасами ида, которые таяли уже тогда. Именно память об их оружии удержала его на месте, захлестнув разум волной ужаса. Он живо представил, как его разрывает металлической дробью, как опаляет жгучим пламенем.

И тут его озарило — он догадался, зачем здесь эти существа. Керль только сейчас понял, что это научная экспедиция с другой звезды. Древние керли задумывались о полетах в космос, но беда настигла их слишком быстро, и этому замыслу не суждено было осуществиться. Ученые будут исследовать, а не разорять. Ученые — те еще безумцы. Догадка придала ему смелости, и он вышел из укрытия. И сразу увидел, что его заметили. Существа обернулись и уставились на него. Одно

из них, самое маленькое, вытащило из футляра блестящий металлический прут и небрежно зажало в ладони. Керль отпрянул — движение заставило его вздрогнуть всем телом, — но отступать было поздно.

Хэл Мортон, капитан экспедиции, услышал смешок Грегори Кента — нервное бульканье, которое низенький химик издавал всякий раз, как оказывался в растерянности. Мортон заметил, как его пальцы сжали тонкий металитовый ствол.

— Не стал бы я рисковать, когда противник такого размера, — проворчал Кент.

Тогда Мортон не удержался и тоже хохотнул — по рации эхом прокатился его низкий голос.

— Грегори, — он хмыкнул, — это одна из причин, по которой мы взяли вас в эту экспедицию. Кто, как не вы, укажет на все риски!

Еще один смешок растаял в тишине. Глядя, как монстр идет к ним по черному плоскогорью, Мортон инстинктивно двинулся навстречу — до тех пор, пока не оказался на пару шагов впереди остальных. Его атлетическое тело обтягивал скафандр из прозрачного металита. Рация доносила до его ушей разговоры команды:

— Не хотел бы я повстречать этого котенка в

темном переулке…

— Глупости. Без сомнения, это разумное существо. Может, даже господствующей расы.

— А выглядит всего-то как большая кошка — ну, забудем про щупальца, растущие из лопаток, и сделаем поправку на эти жуткие передние лапищи.

— Такое телосложение, — Мортон узнал голос психолога Зиделя, — свидетельствует о том, что с окружающей средой оно взаимодействует скорее как животное, не наделенное разумом. С другой стороны, необычно, что оно подошло к нам, — это поведение было бы характерно не для зверя, а для создания, способного додуматься, кто мы такие. Обратите внимание, какие у него скованные движения. Это признак осторожности — вероятно, оно испытывает страх, сознавая, что мы вооружены. Вот бы взглянуть поближе на эти щупальца! Увидев, что они сужаются к концу, и отростки, как пальцы, способны сознательно удерживать предметы, мы смогли бы прийти к бесспорному заключению: перед нами потомок обитателей этого города. Если нам удастся наладить контакт, это будет огромным подспорьем — хотя, судя по многим признакам, его сознание деградировало вплоть до первобытного.

Керль остановился еще в десяти футах от первого существа. Близость ида была настолько мучительна, что мысли метались на грани хаоса. Лапы будто бы обдавало жидким огнем, тело рокотало, охваченное чистым желанием, и даже глаза подернулись поволокой.

Люди подошли ближе — все, кроме маленького человечка с блестящим прутом в руках. Керль увидел, что они разглядывают его с нескрываемым любопытством. Они шевелили губами, и их голоса — монотонные ничего не значащие ритмы — отдавались в его вибриссах. Параллельно он уловил волны на другой, более высокой частоте — той, на которой он привык общаться, — но они только раздражали мозг механическими щелчками. Старательно демонстрируя дружелюбие, он передал свое имя при помощи вибрисс, в то же время указывая на себя скругленным щупальцем.

Гурли, главный инженер по связи, протянул:

— Я зафиксировал что-то вроде помех, когда он вильнул этими усиками. Вам не кажется…

— Очень похоже на то, — ответил капитан на повисший в воздухе вопрос. — Гурли, тогда это по вашей части. Если его язык — радиоволны, есть некоторая вероятность, что у вас получится выве-

сти их на экран — или обучить его азбуке Морзе.

— О, — заметил Зидель, — я был прав. Каждое щупальце заканчивается семью сильными отростками. Если у него достаточно развита нервная система, мы можем научить эти пальцы управляться с любым механизмом.

— Думаю, пора вернуться на корабль и пообедать, — сказал Мортон. — А потом надо браться за дело. Те, кто отвечает за образцы! Разворачивайте установки и начинайте искать следы присутствия металлов и других элементов. Остальные! Осмотрите окрестности, но будьте осторожны. Мне нужны сведения о техническом развитии этой расы, о ее архитектуре и особенно о том, что за катастрофа ее уничтожила. У нас на Земле гибла одна цивилизация за другой, но из их праха всегда поднимались новые. Здесь — нет. Нужно понять почему. Вопросы есть?

— Да. А с котенком что делать? Видите, он просится с нами.

Капитан Мортон нахмурился, и всем бросилась в глаза его космическая бледность.

— Найти бы какой-нибудь способ заманить его на корабль без применения силы. Кент, что думаете?

— Пожалуй, сначала нам стоит определиться,

«оно» это или «он», и так дальше и называть. Я за вариант «он». А вот пускать ли его внутрь… — Маленький химик решительно покачал головой. — Абсолютно точно нет. Местная атмосфера на двадцать восемь процентов состоит из хлора. Наш кислород разорвет ему легкие не хуже динамита.

— Кажется, он с вами не согласен. — Мортон усмехнулся, глядя, как чудовищный кот проходит во внешнюю дверь вслед за первыми двумя членами экипажа. Те, стараясь держаться на безопасном расстоянии, вопросительно обернулись к капитану. Тот махнул рукой. — Ладно. Приоткройте второй шлюз, пусть глотнет кислороду. Это его образумит. — Но тотчас выругался от изумления: — Черт побери, он даже не заметил разницы! Получается, у него нет легких — или, по крайней мере, они дышат не хлором. Давайте, впускайте его! Конечно, он идет с нами! Смит, да это же настоящее сокровище для биолога — и вполне безобидное, если не забывать про осторожность. Что бы там ни было, мы с ним управимся. Ну и метаболизм, а!

Смит, тощий высокий малый с угрюмым вытянутым лицом, неожиданно веско произнес:

— Во всех наших экспедициях мы находили

только два типа высокоразвитых форм жизни. Одни не могут существовать без хлора, другие нуждаются в кислороде — оба этих элемента поддерживают процесс горения. Ручаюсь своей репутацией, что ни один сложный организм не способен естественным путем адаптироваться к обоим газам. Сперва я подумал, что мы имеем дело с невероятно продвинутым эволюционным развитием. Но этой расе давным-давно открылись биологические законы, о которых мы едва начинаем догадываться. Мортон, мы не должны упустить этого зверя, если только это в наших силах.

— Если то, как он рвался внутрь, хоть о чем-то говорит, — Мортон рассмеялся, — боюсь, как бы нам не пришлось его выпроваживать!

Он шагнул в переходной отсек, а за ним керль и двое ученых. Загудела автоматика, и пару минут спустя они оказались на площадке, где останавливались лифты, ведущие в кают-компанию.

— Этого берем? — Кто-то ткнул пальцем в сторону чудовища.

— Если сам зайдет — отправим его одного.

Керль не возражал, пока двери не лязгнули у него за спиной; клетка захлопнулась, и ее швырнуло вверх. Он взвился с диким ревом; хаос

воронкой засасывал мысли. Одним прыжком он кинулся на дверь. Металл погнулся от удара, и тупая боль привела его в бешенство. Его поймали, как глупое животное. Он забил лапами по стене, сминая металл, как жестянку. Стальные щупальца выдирали прочные прутья решетки. Подъемный механизм скрежетал, и, хотя торчащие обломки царапали стены шахты, неистовая сила дикими рывками продолжала тянуть клетку вверх. Тут все остановилось, и керль, оторвав последний кусок двери, кинулся в коридор.

Там он дождался Мортона и ученых — все успели выхватить оружие.

— Ну мы и болваны, — сказал капитан. — Он ведь подумал, что это ловушка. Надо было показать ему, как ездить на лифте.

Подманив к себе чудовище, он тщательно продуманным жестом стал открывать и закрывать двери — и, пока он демонстрировал принцип работы, угольно-черные глаза перестали светиться бешенством.

Керль остановил урок, потрусив по коридору направо, в большой зал. Он улегся на ковре, успокаивая наэлектризованные мышцы и нервы. Его затопила чистая ярость — он ненавидел себя за испуг. Воспаленный мозг подсказывал, что рань-

ше он казался им тихим, мирным существом, а теперь утратил это преимущество. Конечно, его сила изумила и ужаснула их. Тем опаснее становился план, который он только что задумал осуществить: убить все живое на корабле и отправиться на нем в обратный полет — в чужой мир, на поиски бесконечного ида.

Керль лежал, немигающим взглядом наблюдая, как двое мужчин разгребают обломки, завалившие портал огромной древней постройки. Каждая его клеточка требовала ида, и тело пронзала боль. Жажда пробегала по напряженным мышцам, беспокойно металась в мозгу, как живое существо. Каждое нервное окончание трепетало, побуждая пуститься в погоню за теми, кто отправился в город. Он точно знал, что один из них ушел без напарника.

Мучительно тянулись минуты — а он так и не дал себе воли, так и лежал, поглядывая на людей и зная, что они это чувствуют. Те принесли с корабля какое-то металлическое устройство, и двое по команде третьего нацелили его на груду камней, завалившую гигантский дверной проем. Их пальцы мельтешили, но ничего не укрылось от жгучего взгляда керля, и его охватило презрение, как только он распознал примитивный

механизм.

Окончательно он понял, чего стоит ждать, когда устройство вспыхнуло безжалостным жаром, жадно впившимся в твердый камень внизу. Но, прекрасно зная, что будет дальше, керль подпрыгнул и заревел в нарочитом ужасе, когда раскаленное добела пламя наконец рвануло. Он уловил вибриссами смех ученых: напускной испуг потешил их любопытство.

Проход освободился, подошел Мортон и шагнул внутрь в сопровождении еще одного человека. Тот покачал головой.

— Все в руинах. Но кое-что узнаваемо. Нет сомнений, что они использовали атомную энергию, но добывали ее… при помощи колеса! Это необычный путь развития. Наша наука никогда не использовала для этой цели колесный ход. Возможно, тут они опередили нас, разработав новые типы колесных механизмов. Надеюсь, библиотеки у них сохранились получше, иначе это навсегда останется тайной. Но что такого могло случиться, чтобы целая цивилизация вот так взяла и исчезла?

Третий голос ответил ему по рации:

— На связи Зидель. Пеннонс, я услышал ваш вопрос. Психологи и социологи скажут вам, что

единственная причина, по которой популяция покидает обжитую территорию, — это голод.

— Но, если их технический прогресс достиг таких высот, почему он не позволил им полететь в космос, добывать пропитание на других планетах?

— Это Лестера надо спросить, — вмешался Мортон. — Мы еще приземлиться не успели, а он уже начал излагать какую-то теорию.

Ганли Лестер, астроном, тут же принял вызов по рации.

— Я бы еще раз сверил все данные, но, похоже, вокруг этого несчастного красного солнца не вращается больше ни одной планеты. Этот пустынный мир — и больше ничего. Не то что луны — даже астероида. А до ближайшей галактики девятьсот световых лет. Это значит, что господствующая раса столкнулась с непосильной задачей — им пришлось бы одновременно разгадывать тайну и межпланетных, и межзвездных путешествий. Только вспомните, как медленно мы сами осваивали космос: Луна, Венера… Одна победа влекла за собой другую, но до ближайших звезд мы добрались только спустя столетия, и уж совсем недавно появились антиускорители, позволившие путешествовать между галактиками.

Все это доказывает, что ни одной расе не удалось бы изобрести антиускоритель без предварительной серии полетов. Но с таким расстоянием до ближайшей звезды у них просто не было стимула осваивать космос, и они не смогли получить нужный опыт…

Керль уже спешил к другому отряду. Но теперь, снедаемый зверским голодом и безумной спесью, он едва ли замечал, чем заняты люди. Тени былых знаний, потревоженные тем, что он увидел, устремлялись в его сознание мощным потоком, делаясь все сильнее и ярче.

Он носился от отряда к отряду, как будто в нем засел неугомонный мотор — лютый голод не давал задерживаться на одном месте. Прикатила какая-то машинка, остановилась перед керлем и застрекотала жутковатой камерой, делая снимок. С вершины каменного холма глядел в небо огромный телескоп. Неподалеку установили бур, и его раскаленное сверло вгрызалось в бесконечно растущую скважину — глубже и глубже, до самого низа.

Все это проплывало мимо сознания керля, едва привлекая его внимание. Он чуял, как приближается неминуемый момент, когда муки притворства станут для него вконец невыноси-

мыми. Мозг без конца изводило беспокойство; в теле яростно кипело стремление броситься по следам того, кто ушел в город в одиночку.

Его терпение лопнуло. Бешенство зеленоватой пеной просочилось в пасть. Он убедился, что в эту долю секунды на него никто не смотрит, — и пулей сорвался с места. Он летел вперед огромными мягкими прыжками, тенью среди теней, отбрасываемых скалами. Минута — и каменные отроги заслонили собой корабль и двуногих существ.

Керль уже позабыл про корабль, позабыл про все, кроме цели, — остальные мысли будто смахнуло заколдованной стирающей память щеткой. Он сделал широкий круг, а потом помчался к городу знакомой дорогой, вниз по пустынным улицам, с легкостью срезая путь — то сквозь бреши в изъеденных временем стенах, то по длинным ходам в разрушенных зданиях. Почуяв вибрации ида, он прижался к земле и побежал медленнее.

Вдруг он замер, выглядывая из-за большого валуна. Человек забрался туда, где когда-то было окно, и стоял в проеме, пронзая темноту внутри яркими лучами фонарика. Фонарик погас; человек пошел дальше. Это был сильный, крепко сбитый малый; шагал он быстро, всегда начеку.

Керлю эта осторожность не понравилась. Она предвещала беду; в ней крылась молниеносная реакция на опасность.

Керль подождал, пока жертва скроется за углом, выбрался из засады и пустился по следу. Он снова побежал, чтобы человек за стеной не смог его опередить, — так подсказывал окончательно сложившийся план. Будто смертоносный дух, он проплыл по следующей улице вдоль длинного квартала. На полной скорости завернул за угол, пополз на брюхе и затаился в полумраке между стеной и огромным обломком. Путь по этой улице преграждали завалы булыжников — проход между ними сужался, как бутылочное горлышко. Этот проход начинался прямо под его укрытием.

Керль уловил вибриссами низкочастотное посвистывание. Оно волнами пробежало по телу, и тут его мозг стиснули ледяные пальцы ужаса. Человек наверняка вооружен. Если он выстрелит, один атомный заряд — всего один — окажется быстрее любого рывка налитых яростью мускулов.

Рядом струйкой посыпался гравий. Человек был прямо под ним. Керль выбросил вперед щупальце и одним сокрушительным ударом проломил прозрачный переливчатый шлем.

Металит лопнул с треском; фонтаном хлынула кровь. Человек согнулся пополам, как складной нож. Еще мгновение мышцы и кости каким-то чудом удерживали его на ногах, потом он осел; загремел металл скафандра.

От страха не осталось и следа, и керль выскочил из укрытия. Подстрекаемый голодом, он накинулся на тело, раздирая его в клочья прямо вместе со скафандром. Он отрывал кусок за куском, и землю усеяли гигантские металитовые стружки. Хрустели суставы, трещала плоть. Раздробив кости, керль с легкостью высосал ид, настроившись на его частоту и жестоко расчленив химические связи. Он вычислил, что больше всего ида именно в костях. Керль воспрял — почти что воскрес. Перед ним лежало больше добычи, чем он сумел поймать за весь прошлый год. Он расправился с ней за три минуты и рванул назад, будто за ним гнался безжалостный враг.

Он осторожно обогнул блестящий шар, сделав вид, что возвращается с другой стороны. Каждый ученый был поглощен своим занятием. Неслышно скользя, керль украдкой подобрался к их отряду.

Мортон уставился себе под ноги, на камень, заляпанный кошмарным месивом — кровью,

кусками плоти, обрезками металла, — и не смог выговорить ни слова из-за комка в горле. Он услышал бормотание Кента:

— Кто бы сомневался, что этот придурок пойдет один!

Маленький химик еле сдержал всхлип, и Мортон вспомнил, что Кент и Джарви стали друг другу как братья за долгие годы путешествий.

— Знаете, что самое страшное? — подал голос один из ученых. — Это убийство без видимой причины. Тело размазано, как комья паштета, но, кажется, ни кусочка не пропало. Я готов побиться об заклад, что, если мы все это соберем, получатся те самые сто семьдесят пять фунтов, которые Джарви весил на Земле. Или сто семьдесят, в пересчете на местную гравитацию.

Вмешался Смит — его и без того унылое лицо помрачнело от горя.

— Убийца напал на Джарви, но вскоре понял, что это чужак и его мясо не годится в пищу. Похоже на нашего котяру, а? Мы ему чего только не предлагали, а он ни в какую… — Его слова повисли в подозрительной тишине. — А если это и правда киса? — медленно сказал он наконец. — Такому огромному зверю явно хватило бы сил, чтобы приложить к этому лапу.

— Хорошая мысль. — Мортон нахмурился. — В конце концов, пока мы встретили только одно живое существо. Конечно, мы не можем взять и убить его — он только подозреваемый.

— К тому же, — сказал один из ученых, — я ручаюсь, что он все время был на виду.

Не успел Мортон ответить, как вмешался Зидель, штатный психолог:

— Уверены?

Ученый задумался.

— Ну, может, отбежал на пару минут. Он так и вился вокруг — пытался увидеть все и сразу.

— То-то, — торжествующе сказал Зидель. Он повернулся к Мортону. — Видите ли, капитан, мне тоже все время казалось, что он где-то рядом. Но сейчас, заново прокручивая события, я нахожу несостыковки. Были моменты — а может, и целые минуты, — когда он совершенно исчезал из поля зрения.

Мортон помрачнел, обдумывая его слова.

— Говорю вам, не искушайте судьбу, — рявкнул Кент. — Эта тварь под подозрением — так убейте ее, пока она не причинила еще больше вреда.

— Корита, — медленно произнес Мортон, — вы, Кренесси и ван Хорн осматривали окрестности. Как думаете, котенок может быть потомком ца-

рившей на этой планете расы?

Археолог, высокий японец, долго глядел на небо, будто собирался с мыслями. Наконец он учтиво заговорил:

— Капитан Мортон, здесь кроется какая-то тайна. Предлагаю вам — всем вам — поглядеть на эту величественную панораму. Обратите внимание, пропорции некоторых зданий напоминают готическую архитектуру. Эта цивилизация, породив город-гигант, в то же время не утратила связи с землей. Строения, которые вы видите, не просто покрыты узорами. Они сами по себе образуют узор. Подобно дорической колонне, египетской пирамиде или готическому собору, они величаво растут из земли, дыша потаенным смыслом. Если представить, что этот пустынный, заброшенный мир был чьей-то родиной, вы поймете, почему ее землю почитали, как святыню, и любили всем сердцем[10].

Еще отчетливее об этом говорят лабиринты улиц. Ни один город этой колоссальной, сложной агломерации не выстроен по линейке. Да, здесь жили искусные математики, об этом свидетель-

---

[10] Сноски: 10

Оба монолога Кориты близко к тексту повторяют одну из глав «Заката Европы» Освальда Шпенглера — философской монографии о цикличности истории.

ствует их техника; но на первом месте стоял не расчет, а искусство. Дома, постройки, широкие улицы — все здесь неправильной формы, и в этих изогнутых линиях читается глубокая радость художника, следы его искренних порывов; здесь кроется сила, чувствуется вера в священные устои. Эта цивилизация не деградировала, не одряхлела с годами — то была молодая процветающая раса, самонадеянная, целеустремленная.

Тогда-то все и исчезло. В один роковой миг, будто здесь прогремела своя битва при Пуатье и вместо арабского халифата начала угасать их культура. Или как будто она одним махом переместилась во времени, на много веков, сразу в эпоху раздробленности. В китайской истории этот период принято отсчитывать с 480-го по 230 год до нашей эры, а сменила его зарождавшаяся тогда империя Цинь, первая во всем Китае. Схожая фаза в истории Египта охватывает 1780–1580 годы до нашей эры. О последнем из этих столетий, когда к власти пришли «гиксосы», папирусы умалчивают. В античном мире этот процесс начался после битвы при Херонее — 338 год до нашей эры, — а апогея достиг в 133–31 годах, от убийства Тиберия Гракха до сражения при Акциуме. Американских выходцев из Западной

Европы эта напасть поразила в XIX–XX столетиях; по оценкам современных историков, события пятидесятилетней давности тоже следует относить к этой фазе — впрочем, нам, конечно, удалось ее преодолеть.

Вам может показаться, капитан, что все это не имеет отношения к вашему вопросу. Но вот к чему я веду: ни в одной исторической хронике вы не найдете резкого перехода к фазе раздробленности. Это медленный, постепенный процесс; и на первом его этапе незыблемые устои общества подвергаются безжалостной переоценке. И вот уже попираются священные истины, пав под натиском ученых умов с их жестокими экспериментами. Видными фигурами в обществе становятся циники.

А эта культура, как я предполагаю, потерпела крах внезапно, на пике развития. Как подобная катастрофа могла бы сказаться на обществе? Вот несколько последствий: упадок нравов; рост преступности; скотство, не сдерживаемое никакими моральными рамками; холодное безразличие к смерти. Если это… эта киса — дитя такой цивилизации, тогда перед нами коварное создание, вор в ночи, хладнокровный убийца, который ради наживы перерезал бы глотку собственному брату…

— Довольно! — оборвал его Кент. — Капитан, я готов взять на себя обязанности палача.

— Мортон, послушайте, даже если он виновен, вы не можете убить его прямо сейчас, — резко вмешался Смит. — Это настоящий клад для биолога.

Кент и Смит сверлили друг друга взглядом. Мортон, глядя на них, задумчиво сдвинул брови, а затем произнес:

— Корита, я склоняюсь к тому, чтобы сделать вашу версию рабочей гипотезой. Но у меня новый вопрос: родная эпоха котенка древнее нашей? Иными словами, мы сейчас на заре высокоцивилизованной эры, а он — дитя золотого века, враз лишившееся исторической памяти. Но какова вероятность, что культура этой планеты в принципе более поздняя, чем та, что сложилась в колонизированной нами галактике?

— Так и есть. Он застал расцвет примерно десятой цивилизации из тех, что населяли эту планету. Земляне же сейчас на закате восьмой; все восемь, в его случае — десять, выросли на обломках предыдущих.

— В таком случае котенок может быть незнаком с понятием скепсиса, дающим нам все основания считать его убийцей и преступником?

— Нет, для него это было бы сродни чуду.

— Тогда будь по-вашему, Смит. — Мортон мрачно улыбнулся. — Оставим котенка в живых; мы поняли, что к чему, а значит, только вопиющая безалаберность может стать причиной новой трагедии. Конечно, есть небольшая вероятность, что мы ошибаемся. Мне, как и Зиделю, все время казалось, что он где-то рядом. Но сейчас мы не можем вот так оставить несчастного Джарви. Нужно переложить его в гроб и похоронить.

— Не хороните его! — гаркнул Кент, и краска тут же прилила к его щекам. — Прошу прощения, капитан. Я не то хотел сказать. Я уверен, что котенку что-то пришлось по вкусу в теле Джарви. Все как будто на месте, но что-то должно было пропасть. Я выясню, что именно, — и тогда вы без тени сомнения признаете, что это убийство на его совести.

Был уже поздний вечер, когда Мортон оторвался от книги и увидел, как Кент выходит из дверей, ведущих в нижние лаборатории. В руках у него была большая плоская тарелка; он встретился с Мортоном усталым взглядом и еле слышно, отрывисто сказал:

— Смотрите!

Он шагнул к керлю — тот растянулся на ковре,

притворяясь, что спит.

— Погодите-ка, Кент, — остановил его Мортон. — В любое другое время я бы не усомнился в вашей правоте, но у вас нездоровый вид; вы перетрудились. Что это у вас там?

Кент обернулся, и Мортон понял, что те признаки усталости, которые он успел заметить, не отражали и сотой доли настоящей картины. Серые глаза маленького химика запали и блестели, как в лихорадке, под ними темнели мешки, а ввалившиеся скулы придавали ему сходство с аскетом.

— Я нашел недостающий элемент, — объявил Кент. — Это фосфор. В костях Джарви не осталось почти ни унции. Каждую частичку вытянула мощная химическая реакция — не знаю, какая именно. Конечно, из человеческого тела можно извлечь фосфор. Помните, например, как погиб рабочий при постройке этого корабля? Родственники доказывали, что он якобы упал в чан с пятнадцатью тоннами расплавленного металита, но компания не хотела выплачивать компенсацию, пока экспертиза не обнаружила в металите высокий процент фосфора. Это один из быстрых способов…

— А кормить-то вы его чем собрались? — пере-

бил кто-то химика.

Ученые откладывали книги и журналы, с интересом следя за происходящим.

— В тарелке фосфор органического происхождения. Киса унюхает его — или что у нее там вместо обоняния…

— Мне кажется, он во всем чует вибрации, — лениво вставил Гурли. — Иногда, когда он шевелит этими усиками, я фиксирую отчетливые радиопомехи. А потом они пропадают — как будто он переключается на другую частоту, то ли выше, то ли ниже диапазона приемника. Похоже, он умеет управлять этими колебаниями.

Кент с явным нетерпением дождался, пока Гурли договорит, и сразу продолжил:

— Как скажете. Так вот, он учует колебания фосфора и набросится на него, как дикий зверь, и тогда мы… мы решим, что конкретно доказывает такое поведение. Мортон, я могу дать ему тарелку?

— В вашем плане есть три слабых места, — сказал капитан. — Кажется, вы не учитываете, что Джарви мог утолить его голод; не допускаете, что он способен заподозрить неладное; и самое главное — исходите из того, что перед нами зверь и только зверь. Но тарелку все равно дайте. Может,

по его реакции мы что-то поймем.

Керль немигающими черными глазами следил, как человек ставит перед ним тарелку. Он тотчас уловил вибрации и понял, что она полна ида, но не удостоил ее даже взглядом. Он узнал двуногое существо — вчера оно первым схватилось за оружие. Угроза! Он вскочил с жутким ревом. Щупальце полетело по дуге — он подцепил тарелку отростками, заменявшими пальцы, и выплеснул содержимое Кенту в лицо. Тот с воплем отшатнулся.

Тарелка тут же полетела в сторону, и толстое, как канат, щупальце стиснуло чертыхавшегося ученого поперек туловища. Керля не пугало, что на поясе Кента болтается кобура. Он определил, что в ней не атомный рассеиватель, а простое вибрационное ружье, работающее на атомной энергии. Он швырнул отбивающегося Кента на ближайшую скамью — и разочарованно зашипел, осознав, что все-таки стоило выбить у него оружие. Да, оно было не таким уж опасным, но человек успел дотянуться до него одной рукой, второй яростно стирая с лица кашицу. Ружье медленно поднялось, керль припал к земле, и в его огромную голову стрельнул луч белого пламени.

Загудели вибриссы, растворяя заряд. Черные

глаза сузились, поймав момент, когда остальные потянулись за металитовым оружием.

— Стоять! — пронзил тишину голос Мортона.

Кент щелкнул предохранителем, и керль сжался, дрожа от ярости: этот человек вынудил его раскрыть часть способностей.

— Кент, — холодно произнес капитан, — вы не из тех, кто легко теряет голову. Вы умышленно попытались убить котенка, зная, что большинство сошлось на том, чтобы оставить его в живых. Вы знаете наш устав: если кто-то несогласен с моими решениями, он должен тут же заявить об этом. Если большинство окажется против, эти решения будут отклонены. Сейчас не возразил никто, кроме вас; таким образом, ваше самоуправство в высшей степени предосудительно и, согласно процедуре, лишает вас права голоса на год.

Кент мрачно всматривался в окружавшие его лица.

— Корита был прав: мы живем в высшей степени цивилизованном обществе. Настал черед упадка. — В его голосе кипел гнев. — Бог ты мой, неужели ни один из вас не сознает весь ужас происходящего? Джарви погиб; не прошло и пары часов, а эта безнаказанная тварь уже лежит и затевает следующее убийство — а его будущая

жертва среди нас, в этой комнате. Что мы тогда за люди — идиоты, циники, упыри? Или, может, сама наша цивилизация так глубоко отравлена здравомыслием, что мы способны закрыть глаза на убийство? — Он озабоченно посмотрел на керля. — Мортон, вы не ошиблись: никакой это не зверь. Это дьявол, рожденный в глубинах ада этой богом забытой планеты, одиноко кружащей вокруг умирающего солнца.

— Не делайте из нас злодеев, — сказал Мортон. — Насколько я могу судить, ход ваших мыслей неверен. Мы не циники, не упыри, а всего лишь ученые, и котенка нам еще предстоит исследовать. Теперь, когда он под подозрением, вряд ли он сможет нас обмануть. Один против ста — без шансов. — Он оглядел отряд. — Я выражаю общее мнение?

— Нет, капитан! — подал голос Смит. Мортон удивленно поглядел на него, и тот продолжил: — Сейчас была суматоха, мы на секунду растерялись, и никто из вас не заметил, что, когда Кент разрядил вибрационное ружье, луч попал ровнехонько в кошачью голову — и не причинил ей никакого вреда.

Мортон перевел изумленный взгляд со Смита на керля и обратно.

— Вы уверены, что выстрел задел его? Все и правда случилось очень быстро — увидев, что котенка не зацепило, я просто посчитал, что Кент промахнулся.

— Он попал прямо в морду, — уверенно сказал Смит. — Конечно, виброружье не убьет человека с одного выстрела, но по крайней мере ранит. А котенка не то что не поцарапало — даже ни шерстинки не упало.

— А что, если его шкура хорошо изолирует любые виды тепла?

— Возможно. Но с учетом наших сомнений я бы предложил запереть его в клетке.

Мортон, задумавшись, мрачно нахмурился.

— Теперь-то вы дело говорите, Смит, — заметил Кент.

— Кент, тогда вас устроит вариант, где мы сажаем его в клетку? — спросил Мортон.

— Да, — наконец признал химик. — Если его не остановят четыре дюйма микростали, проще сразу отдать весь корабль ему на растерзание.

Керль вышел из каюты вслед за людьми. Он послушно засеменил по коридору, и Мортон безошибочным движением подвел его к одной из дверей — до этого керль не замечал ее. Он очутился в квадратной камере, обитой прочным

металлом. Дверь лязгнула у него за спиной, и он почувствовал, как бежит электричество, до упора защелкивая замок.

Он понял, что попался, и обнажил зубы в гримасе ненависти — но внешне больше никак не отреагировал. Он осознал, что проделал долгий путь, оставив позади того погрязшего в невежестве дикаря, который пару часов назад чуть не обезумел от страха в кабине лифта. Теперь его мозг воскресил память о тысяче разных способностей; десятки тысяч умений, забытых на долгие годы, вновь стали неотъемлемой частью его существа.

На секунду он замер почти неподвижно, присев на коротких мощных задних лапах, в которые, сужаясь, переходило тело, и стал прощупывать вибриссами окружение. Наконец он улегся, и его глаза засверкали высокомерным огнем. Глупцы! Жалкие глупцы!

Где-то через час он услышал наверху возню и узнал голос Смита. Вдруг с потолка хлынул поток колебаний, и керля охватил дикий ужас, но только на мгновение. Он подскочил и тут же осознал, что его пронизывают вибрации, а не атомные заряды. Кто-то пытался получить изображение его внутренностей. Керль снова прижался к полу,

но его вибриссы незаметно гудели, и он самодовольно представил, как удивится этот недалекий глупец, когда попытается что-то разобрать на снимках.

Вскоре Смит ушел, и вдалеке еще долго раздавались звуки человеческой возни. Потом и они медленно смолкли.

Керль лежал, выжидая, и слушал, как тишина окутывает корабль. В давние времена, когда бессмертие еще не вступило в свои права, керли тоже спали по ночам; вчера он вспомнил, каково это, увидев, как кто-то из людей дремлет. Наконец в человеческом диапазоне стихли все волны, кроме одной — она гудела у него в вибриссах, предупреждая, что две пары ног без устали кружат по кораблю.

Он сосредоточил все внимание на надзирателях. Один из них как раз был за дверью, чеканя неторопливый шаг. Следом шел его напарник, отставая где-то на тридцать футов. Керль почувствовал, что они начеку, и понял, что не сможет застать их врасплох поодиночке. Значит, он тоже должен удвоить осторожность!

Четверть часа — и шаги вернулись. Когда они миновали дверь, он приглушил человеческие частоты, чтобы его мозг смог подключиться к

другим, более высоким. Разрушительная сила, бившаяся в атомных двигателях, нашептывала ему один секрет за другим. Потаенная мощь электрогенераторов мурлыкала свою тихую песенку. Он слышал, как ее эхо вибрирует в толще стен, унизанной проводами, носится туда-сюда через электронный замок. В напряженной стойке, унимая нетерпеливую дрожь, он изо всех сил искал, перебирал, просеивал частоты, чтобы влиться в этот свистящий смерч. Вдруг он загудел вибриссами, войдя в резонанс, и выцепил из ревущей, пульсирующей волны нарастающий заряд.

Металл отскочил от металла — щелк!

Керль толкнул дверь легким касанием щупальца и нырнул в тускло освещенный коридор. На мгновение в его глазах сверкнула спесь, и он гордо подумал: как эти глупые создания посмели соперничать с его умом — умом керля? И тут он внезапно подумал о своих сородичах. Чувство единения, незнакомое, пьянящее, запульсировало у него в жилах; столетия лютой ненависти и жестокой вражды неохотно померкли перед будущим союзом гордых повелителей вселенной.

Вдруг на него навалилась слабость: тоска по другим керлям напомнила, что он один, один против ста врагов, а на кону вечность; сама все-

ленная, мерцая тысячами звезд, распаляла его алчные, ненасытные амбиции. Проиграв, он лишил бы керлей последней надежды — оживить давно заржавевшие механизмы, разгадать тайну космических полетов.

Он прокрался дальше, бесшумно переставляя лапы: зал — коридор — дверь первой каюты. Приоткрытая. Один бросок, точное движение мышц — и хлестнуло щупальце, целясь в мягкое горло спящего и пронзая его насквозь; мертвая голова бешено покатилась по полу, тело последний раз дернулось и замерло.

Семь кают; семь убитых. На седьмой раз он распробовал вкус крови, и тут в нем снова закипело желание — неутолимая жажда убийства ради убийства, тысячелетняя привычка добывать драгоценный ид, истребляя все живое.

Вот, корчась, испустила дух двенадцатая жертва, и вдруг керль опомнился: сладкое наваждение потревожили звуки шагов. Они доносились издалека — так подсказывал страх, волна за волной вливаясь в водоворот хаоса, внезапно закрутившийся на месте мозга.

Надзиратели шли по коридору, неторопливо приближаясь ко входу в клетку, где керль совсем недавно был заперт. Еще немного, и первый из

них заметит открытую дверь и поднимет тревогу.

Керль собрал последние крупицы здравого смысла. Он помчался с бешеной скоростью, уже не думая про шум: коридор — двери жилого отсека — снова кают-компания. Выскочил в нужный коридор, сжимаясь от страшного предчувствия — ему мерещился атомный заряд, летящий прямо в морду.

Надзиратели стояли рядом, бок о бок. Неслыханная удача — только спустя секунду он убедился, что глаза его не обманывают. Второй — дурак дураком — подбежал к напарнику, увидев, что тот замер перед открытой дверью. Они подняли головы и остолбенели, глядя, как на них несется кошмар наяву: когти, щупальца, пасть хищной кошки, горящие ненавистью глаза.

Один потянулся за ружьем, но второй, застыв перед смертоносным зрелищем, испустил пронзительный дикий вопль, который пронесся по коридорам — и оборвался, неестественно булькнув напоследок, когда керль одним мощным рывком отшвырнул два тела в другой конец коридора. Он хотел, чтобы трупы нашли как можно дальше от клетки. Только на это и оставалось надеяться.

Содрогаясь всем существом, коря себя за непростительный промах, не в силах собраться с мыслями, он юркнул в открытую дверь. Та захлопнулась за ним с тихим щелчком. В замке снова загудел электрический ток.

Керль услышал топот множества ног, уловил колебания напуганных голосов и сжался в комок, притворяясь, что спит. И сразу понял, что кто-то сканирует клетку эхолокатором. Еще пара минут, и они обнаружат остальных жертв.

— Зидель убит! — бесцветным голосом сказал Мортон. — Как мы теперь без него? И Брекенридж! И Колтер, и… Что за кошмар! — Он обхватил голову руками, но только на мгновение. Потом выдвинул вперед мощный подбородок и окинул суровым взглядом мрачные лица собравшихся. — Если кто-то нашел хотя бы малейшую зацепку, самое время ею поделиться.

— Космическое бешенство!

— Я тоже о нем подумал. Но за последние пятьдесят лет ни одного случая не зафиксировано. Конечно, доктор Эггерт проверит нас — прямо сейчас он осматривает тела и не исключает такой вариант…

Как только он договорил, в дверях показался доктор. Ученые расступились, освобождая про-

ход.

— Капитан, я слышал ваш разговор, — начал Эггерт, — и сразу должен сказать, что гипотеза с космическим бешенством отпадает. У каждого убитого кровавое месиво на месте горла. Сильнейший из людей не смог бы нанести эти повреждения голыми руками.

Мортон заметил, что Эггерт то и дело поглядывает в сторону коридора, покачал головой и тяжело вздохнул.

— Доктор, нет оснований полагать, что это котенок. Он по-прежнему в клетке — мечется туда-сюда. Конечно, суматоха его разбудила… Да господи! Говорю вам, он вне подозрений. В этой клетке четыре дюйма микростали, ее специально проектировали, чтобы удержать кого угодно, — и сейчас на двери ни царапины. Кент, даже у вас не хватит духу сказать, что его надо убить как подозреваемого, потому что у нас нет ни малейшей улики — если, конечно, тут не замешана какая-нибудь неведомая технология за гранью человеческого воображения…

— Напротив, — решительно возразил Смит, — все улики уже у нас. Вечером я включал телерентгеновский аппарат — как вы знаете, крыша клетки хорошо оснащена, — хотел сделать несколько

снимков. Но они вышли нечитаемыми. А когда я нажал на кнопку, киса подпрыгнула, будто учуяв телерентгеновские лучи. Помните, что Гурли сказал? Кажется, наш зверь умеет принимать и испускать колебания любой длины. То, как он обезвредил ружье Кента, окончательно доказывает, что у него есть особые силы, позволяющие перераспределять энергию волн.

— Да за какие грехи он свалился на нашу голову?! — запричитал кто-то из ученых. — Если он контролирует эти силы и управляет любыми видами колебаний, ему ничего не стоит нас всех перебить!

— А это, — отрезал Мортон, — доказывает, что у него есть какая-то уязвимость, иначе он давно бы так и поступил.

Он подошел к пульту управления клеткой, как будто что-то задумав.

— Только не говорите, что вы откроете дверь! — Кент нервно сглотнул, хватаясь за ружье.

— Нет. Этот переключатель пускает по полу электрический ток; его сила способна убить любое живое существо. У нас ни разу не было повода им воспользоваться, так что вы, наверное, забыли, что он тут есть.

Мортон резко щелкнул тумблером. Панель

вспыхнула синими искрами, и на щитке у него над головой разом вылетели пробки.

— Странные дела. — Капитан нахмурился. — Пробки не должно было задеть. Что ж, эхолокатор нам уже не помощник: его тоже закоротило.

— Котенок смог открыть дверь, а значит, взломал микросхему замка, — сказал Смит. — Видимо, он проверил всю клетку на предмет возможных опасностей — и, когда вы нажали на переключатель, уже был готов дать отпор.

— Зато мы хотя бы вычислили, где у него уязвимое место. — Мортон мрачно усмехнулся. — Он знал, что ток для него опасен, иначе не стал бы сопротивляться. Но не забывайте, что его сдерживают четыре дюйма прочнейшей микростали. В худшем случае мы откроем дверь и изрешетим его гамма-лучами. Но сначала я бы попробовал запитать кабель телерентгена…

Он осекся — из клетки послышался шум. Тяжелая туша впечаталась в стену с глухим ударом.

— Мортон, он догадался, что сейчас будет. — Смит хмыкнул. — Бьюсь об заклад, у нас там очень сердитая киса. Он хоть понимает, какой глупостью было возвращаться обратно в камеру?

Общее напряжение таяло, все обменивались нервными улыбками, и от красочного описания

Смита кто-то даже мрачно хохотнул, представив сбитого с толку монстра.

— Хотел бы я знать, — сказал инженер Пеннонс, — почему это, когда котенок там завозился, индикатор напряжения телерентгена дернулся и стал зашкаливать? Он у меня прямо под носом, и стрелка подскочила как ошпаренная!

Стало тихо — в клетке и за ее пределами. Потом Мортон сказал:

— Это может значить, что он пытается выбраться. Всем отойти! Ружья держать наготове! Котенок только по глупости мог подумать, что одолеет сотню человек, — но это, бесспорно, самое грозное создание в галактике. Кажется, ему проще выйти к нам, чем сгнить за этой дверью, как в мышеловке. И он достаточно опасен, чтобы забрать на тот свет кого-то из нас, если мы забудем про осторожность.

Люди медленно попятились и встали плотным строем. Вдруг кто-то сказал:

— Странно. Мне одному послышалось, что лифт уезжает?

— Лифт? — эхом повторил Мортон. — Ты уверен, приятель?

Парень, один из членов экипажа, замялся.

— Да вот только что был. Просто все так громко

топали…

— Найди себе напарника и сходи проверь. Кто бы ни посмел удрать, приведите его сюда и…

Корабль вздрогнул, его исполинский корпус дико тряхнуло, и палуба накренилась у них под ногами. Страшная сила опрокинула Мортона на пол; удар оглушил его. Видя, что остальные тоже попадали кто куда, он усилием воли привел себя в чувство.

— Что за черт? Кто запустил двигатели?! — рявкнул он.

Скорость угрожающе нарастала; каждый шаг давался капитану с жутким усилием, но он дотянулся до ближайшего эхолокатора и с трудом набрал код нужного отсека. Увидев, что происходит на экране, Мортон хрипло взревел:

— Это котенок! Он в машинном отделении — а мы мчимся прямо в космос!

Не успел он договорить, как экран погас и все пропало из виду.

Мортон опомнился первым — чудом держась на ногах, он пересек кают-компанию и добрался до подсобки со снаряжением. Он долго почти вслепую возился со скафандром и, как только мучительные перегрузки перестали ощущаться, стал одевать остальных — те лежали на полу,

почти потеряв сознание. Вскоре ему уже помогали другие; не прошло и нескольких минут, как весь экипаж облачился в металитовую защиту, и антиускорители заработали в половину своей мощности.

И тогда за дело снова взялся Мортон — он осторожно заглянул в клетку, потом распахнул дверь и молча встал на пороге; экипаж столпился вокруг, и все уставились на брешь, зияющую в задней стене. Это была жуткого вида дыра с рваными краями из раскуроченного металла; вела она в соседний коридор.

— Мортон, клянусь, так не бывает, — прошептал Пеннонс. — Один удар десятитонного молота из ремонтного отсека и тот едва бы помял четыре дюйма микростали. А тут — мы все слышали — удар был один. У атомного рассеивателя на такое отверстие ушла бы минута, не меньше. Этому созданию нет равных.

Мортон заметил, что Смит ощупывает брешь в стене. Тот поднял глаза.

— Как жаль, что Брекенриджа больше нет! Без металловеда нам не разобраться, в чем тут дело. Смотрите!

Биолог дотронулся до края пролома. Кусочек микростали рассыпался под его пальцами и тон-

кой струйкой стек на пол. Мортон только сейчас заметил кучку стружек и металлической пыли у себя под ногами.

— Вы попали в точку. — Он кивнул. — Чудеса физической силы тут ни при чем. Монстр всего лишь использовал свои способности, чтобы разорвать ионные связи в кристаллических решетках микростали. Это объясняет, зачем ему понадобился кабель телерентгена — помните, Пеннонс заметил утечку? Зверь, как живой трансформатор, пропустил через себя ток, проделал брешь в стене, промчался по коридору, прыгнул в шахту лифта и спустился вниз, к двигателям.

— Капитан, — тихо сказал Кент, — прямо сейчас мы имеем дело с всесильным созданием; оно захватило корабль, полностью контролирует машинное отделение, чьи возможности едва ли не безграничны, и, кроме того, располагает прекрасно оснащенным ремонтным отсеком.

Мортон почувствовал, как стало очень тихо: все обдумывали слова химика. Тревога тяжелой тенью омрачила лица, и на них все отчетливее проступала одна и та же мысль: в эту роковую минуту на кону само их существование — а может, и нечто гораздо большее. Мортон озвучил всеобщее опасение:

— Что, если он победит? Его жестокость не знает границ; наверное, он уже мечтает, как вся галактика окажется в его власти…

— Кент неправ, — отрезал главный штурман. — Зверюга не полностью контролирует машинное отделение. Он не тронул аппаратную, а первичный доступ к технике открывается именно оттуда. Вы, парни, наверное, не знаете всех тонкостей системы управления; но до тех пор, пока зверь не отсоединит нас, мы в состоянии обесточить все машины. Капитан, почему мы надели скафандры? Вы могли просто-напросто отключить двигатели. Или, по крайней мере, снизить скорость и избежать перегрузок.

— Причин две, — ответил Мортон. — Во-первых, силовое поле скафандров дает каждому из вас дополнительную защиту. Во-вторых, поддавшись панике, мы могли бы потерять преимущество.

— Преимущество? Какое еще преимущество?

— Мы кое-что знаем об этом создании, — ответил Мортон. — И прямо сейчас проведем эксперимент. Пеннонс, мне нужны четыре отряда по пять человек, чтобы перекрыть все подходы к машинному отделению. Возьмите атомные рассеиватели и попробуйте подорвать большие двери. Я успел заметить, что они заперты. Он закрылся

изнутри. Селенский, вы в это время подниметесь в аппаратную и обесточите все, кроме двигателей. Их нужно перевести на главный тумблер и отключить как можно неожиданнее. Есть одно «но»: корабль пусть останется на полном ходу. Антиускорители не должны сработать. Задание понятно?

— Так точно, сэр! — козырнул штурман.

— И доложите мне по рации, если хоть одно устройство снова запустится. — Он повернулся к остальным. — Моя пятерка перекроет главный вход. Вторую поведет Кент, третью — Смит, четвертую — Пеннонс. Сейчас станет ясно, с чем мы имеем дело: или с воплощением безграничной силы, или с существом, у которого, как у любого из нас, есть своя ахиллесова пята. Бьюсь об заклад, что на самом деле второе.

Мортон шагал к моторному отсеку, и коридор — блестящая металлическая труба — казался тесным для его могучей фигуры в прозрачном скафандре. Вдруг у него засосало под ложечкой: казалось, он шел и шел, а коридор все никак не заканчивался. Умом он понимал, что уже угадал слабое место чудовища, но ощущение, что противник неуязвим, никак не покидало его.

Он поднес к губам рацию.

— Не пытайтесь подобраться незаметно. Мимо него ни одна муха не пролетит. Так что подкатите туда установки, и все. Он не так давно в машинном отделении и вряд ли уже успел что-то сделать. Как я и говорил, это скорее тренировочная атака. Во-первых, мы никогда себе не простим, что упустили возможность одолеть его сразу, пока он еще не придумал, как будет обороняться. Но, помимо варианта, где нам удается немедленно его уничтожить, у меня есть одна мысль.

Рассуждал я примерно так. У этих дверей есть защита от непредвиденной атомной аварии, и, чтобы пробить их, установкам потребуется минут пятнадцать. В это время в распоряжении монстра не будет никакой энергии. Кроме рассеивателей, конечно, но они задействуют только силу атомного взрыва. Моя гипотеза в том, что эта штука ему не по зубам; надеюсь, через пару минут вы поймете, о чем я. — Его голос вдруг посуровел. — Селенский, готовы?

— Так точно, капитан.

— Тогда перекройте питание.

Коридор — и весь корабль, сразу понял Мортон, — мгновенно погрузился во тьму. Он включил подсветку скафандра, остальные тоже

защелкали кнопками, и в слепящем глаза свете показались их бледные вытянутые лица.

— Огонь! — рявкнул капитан в рацию.

Зажужжали переносные установки, и вырвавшиеся из них вспышки чистой атомной энергии сплошным потоком вгрызлись в крепкий металл дверей. Неохотно оплавилась первая капля, и сопротивление потащило ее вверх. Вторая повела себя как положено: дрожа, она побежала вниз по затейливой траектории. Третья поползла вбок — стоявшую за ней дикую силу не могла укротить даже гравитация. Так, капля за каплей, медленно, зато во все стороны, вскоре заструилась дюжина ручейков; они вспыхивали адским огнем, сверкая, как прозрачные самоцветы, — а питала их пылающая ярость потревоженных атомов, слепо метавшихся, обезумевших от внезапной боли.

Медленно текли минуты, кислотой разъедая шестеренки времени. Наконец Мортон хрипло позвал:

— Селенский?

— Пока тихо, капитан.

— Что-то он должен там делать, — полушепотом сказал Мортон. — Не мог же он замереть, как крыса, загнанная в угол. Селенский?

— Все тихо, капитан.

Семь минут, восемь, потом все двенадцать.

— Капитан! — зазвенел голос Селенского. — Он смог запустить электрогенератор!

Мортон втянул воздух и тут же услышал, как его окликнул кто-то из напарников:

— Шеф, гляньте-ка. Тут что-то странное. Глубже не проходит.

Он присмотрелся. Искристые ручейки застыли на полпути, как будто замерзли. Напрасно бесновались атомные установки — металл вдруг сделался для них неуязвим.

Мортон выдохнул.

— Тест окончен. Двое из каждого отряда остаются охранять свой коридор. Остальные — за мной в аппаратную.

Пару минут спустя он уже сидел за огромным пультом управления.

— Мне кажется, тест прошел успешно. Мы узнали, что из всех устройств машинного отделения монстру в первую очередь нужен электрогенератор. Видимо, пока мы стояли у дверей, он пытался запустить его в паническом ужасе.

— Да, его действия легко угадываются, — сказал Пеннонс. — Получив электричество, он до предела усилил ионные связи металлических дверей.

— И самое главное, — подхватил Смит, — на-

сколько мы можем судить, его особые силы управляют только вибрациями, и для этого ему необходим внешний источник энергии. Чистый атомный заряд — не вибрация по своей природе, и котенку он неподвластен, как и любому из нас.

— Как по мне, самое главное — что он сбил нас на подлете, — мрачно сказал Кент. — Ну, допустим, при помощи вибраций, и что с того? Если этим дверям не страшны наши атомные рассеиватели, мы обречены.

Мортон покачал головой.

— Пока нет, но нам нужно кое-что как следует спланировать. Хотя для начала я бы перезапустил машины. Когда они заработают, ему труднее будет с ними управиться.

Он рывком вернул на место главный тумблер. Раздался шум, и сотней футов ниже, в машинном отделении, свирепая сила оживила тысячи моторов. Потом их звуки слились в ровный гул, в котором тихо пульсировала скрытая мощь.

Три часа спустя Мортон расхаживал туда-сюда перед собравшимися в кают-компании. Его темные волосы были взъерошены, мужественное лицо светилось космической бледностью, которая скорее подчеркивала, чем скрадывала мощную линию подбородка. Когда он заговорил,

его голос звучал резко, почти сурово:

— Чтобы убедиться, что наши действия полностью согласованы, сейчас я попрошу каждого вкратце пересказать свою часть плана, с помощью которого мы одолеем это создание. Пеннонс, начнем с вас.

Пеннонс тут же вскочил. Мортон мельком подумал, что он внушительно выглядит, несмотря на небольшой рост, — видимо, дело было в авторитете. Этот парень знал толк в технике — современной и старинной. Мортон не раз слышал, как он прослеживает весь путь развития какого-нибудь механизма — от простой безделушки до сложнейшего современного устройства. Он учился инженерному делу на сотне планет; ни одно положение теоретической механики не смогло бы поставить его в тупик. И сейчас Мортон с трудом узнал Пеннонса — тот мог часами говорить на одну и ту же тему, не затронув и тысячной ее доли, а сейчас ответил до смешного коротко:

— Мы установим в аппаратной коммутатор, который начнет в определенном ритме подавать и отключать ток. Рычаг расцепления будет срабатывать сотни раз в секунду, приводя к появлению вибраций всех возможных типов. Я допускаю, что в результате одна-две машины

могут взорваться по той же причине, по которой солдатам запрещено переходить мосты строевым шагом[11] — вам, конечно, знаком этот старый пример, — но, на мой взгляд, вероятность мала: металл достаточно крепок. Наша главная задача проста — перекрыть его помехи своими и пробить двери.

— Гурли, теперь вы! — гаркнул Мортон.

Гурли с ленцой поднялся на ноги. У него был сонный вид, как будто все эти обсуждения успели утомить его, но Мортон знал, что он только дурачит людей, притворяясь непутевым разгильдяем, который днем клюет носом, а ночью спит как младенец. Он числился главным инженером по связи, но на этом его познания не заканчивались, распространяясь на все виды вибраций и волн; а соображал он быстрее всех на корабле, кроме разве что Кента. Гурли неторопливо заговорил, и Мортон заметил, что его нарочитая уверенность успокоила команду — лица и позы стали не такими напряженными, кто-то даже откинулся назад.

— Оказавшись внутри, — начал он, — мы установим самые мощные защитные экраны,

---

[11] Сноски: 11

Когда солдаты идут нога в ногу, возникает резонанс, способный разрушить мост.

которые остановят его, что бы он там ни готовил. Они работают по принципу отражателей: все, что он пошлет в нашу сторону, полетит в него же. Кроме того, мы захватим переносные медные катушки с большим запасом электроэнергии и атакуем его. У него должен быть предел проводимости — такая нервная система не в состоянии обойтись без изоляции.

— Селенский! — продолжился опрос.

Штурман уже стоял наготове, словно угадав, кого капитан вызовет следующим. И Мортон подметил, что это очень на него похоже. Внутри он всегда был спокоен как скала — эта главная черта опытного штурмана позволяла ему контролировать каждое движение огромного корабля; но держалось это спокойствие на тонкой прослойке взрывчатки, послушной его воле. Он не отличался глубокими познаниями, зато мгновенно реагировал на внешние стимулы, будто всегда шел на опережение.

— Вот что я вынес из плана: мы должны действовать по нарастающей. Как только зверю покажется, что он на пределе, мы будем давать ему все новые и новые поводы для смятения и паники. Моя задача — включить антиускорители в самый разгар суматохи. Капитан, как и Ганли

Лестер, считает, что этим созданиям неоткуда было узнать об антиускорении. Это открытие неразрывно связано с наукой о межзвездных полетах и не могло быть сделано ни при каких других условиях. Так вот, нам кажется, что, когда зверь почувствует первые симптомы антиускорения — помните, всем первый месяц казалось, что их вот-вот раздавит? — он совсем потеряет способность ясно мыслить и действовать.

— Корита, теперь вы.

— Я могу только изложить свою теорию, — начал археолог, — и надеяться, что она воодушевит вас. Каждая цивилизация на своей заре проходит через этап мародерства. У этого монстра все признаки мародера, и, что еще хуже, он явно деградировал до первобытного состояния. Смит выдвинул гипотезу, что его необъяснимые научные познания могут говорить только об одном: перед нами не потомок обитателей заброшенного города, а сам его обитатель, доживший до наших дней. Это позволяет заподозрить, что наш противник, в сущности, бессмертен; в пользу этой версии говорит его способность дышать одновременно кислородом и хлором — или ни тем, ни другим, — но даже его бессмертие не так уж и важно. Его породил определенный этап раз-

вития цивилизации; он так одичал, что мыслит сплошными пережитками той эпохи.

Несмотря на все удивительные возможности его тела, в первый день он чуть не сошел с ума в лифте, пока к нему не вернулась память. Он сам себя поставил в уязвимое положение и вынужден был показать, что умеет управлять вибрациями. Резня, которую он устроил несколько часов назад, — тоже очень грубая работа. По сути дела, все это происки изворотливого, примитивного, эгоистичного сознания, и оно с трудом вмещает масштабную систему, которой пытается противостоять, — а может, и не вмещает вовсе. Нашего зверя можно сравнить с германским наемником, который упивался превосходством над почтенным римским педантом, хотя того взрастила могущественная цивилизация, повергавшая тогдашних германцев в трепет.

Кто-то может возразить, что в более позднюю эпоху Рим пал под натиском варваров; однако, по оценкам современных историков, эта «гибель» произошла в результате стечения обстоятельств, а не подлинного исторического слома. «Народы моря», чья миграция в направлении Древнего Египта отсчитывается с 1400 года до нашей эры, смогли захватить только островное государство

Крит — их отважные экспедиции к берегам Ливии и Финикии потерпели неудачу, точно так же как экспансия норманнов и нападение хунну на Китайскую империю. Люди все равно оставили бы Рим, неважно, что послужило бы тому причиной. Величественная древняя Самарра опустела к десятому веку; когда китайский путешественник Сюаньцзан посетил Паталипутру в 635 году нашей эры, он увидел только бесконечные заброшенные кварталы, а в правление Ашоки это была славная столица.

Итак, мы имеем дело с варваром, и этот варвар оказался в далеком космосе, за пределами его привычной среды обитания. Поэтому вот вам мое слово: мы прорвемся внутрь и победим.

Когда Корита закончил, один из членов экипажа проворчал:

— Можете сколько угодно болтать, что гибель Рима — стечение обстоятельств, а котенок — дикарь, да только это ничего не изменит. Сдается мне, что Рим вот-вот падет еще раз, и далеко не дикарю суждено его одолеть. У этого создания все козыри на руках.

Мортон мрачно ухмыльнулся в ответ.

— Вот и посмотрим, кто кого, — сейчас же!

Керль трудился, не жалея сил, а вокруг него

сиял и сверкал ремонтный отсек. Космический корабль — в форме сигары, в сорок футов длиной — был почти готов. Тяжело дыша, керль покончил с кропотливой сборкой двигателей и остановился, чтобы оглядеть свое творение.

Внутри было ничтожно мало места — оно просматривалось сквозь дыру в обшивке. Почти все занимали двигатели, оставляя для него самого только тесный закуток.

Он снова яростно взялся за дело, но вдруг услышал, что к отсеку идут люди, и заметил внезапную перемену в бушующем рокоте моторов — теперь ритм сбился, стал резче и визгливее, куда сильнее действуя на нервы, чем ровный басовитый гул до того. Вдруг атомные рассеиватели снова ударили по мощным внешним дверям.

Он отбил атаку, ни на секунду не прекращая работать. Тело надрывалось, напрягая каждую могучую мышцу, пока он перетаскивал горы деталей, механизмов, инструментов и сбрасывал все это в остов своего самодельного корабля. Он не успевал ничего прикрутить и приладить — ничего не успевал, ничего, ни-че-го. Эта мысль билась в его сознании.

Долгие годы силы ни разу не подводили его, но теперь он впервые в жизни чувствовал странное

истощение. Последним исступленным рывком он закинул огромный металлический лист в отверстие, зияющее в обшивке, и завис внутри на целую мучительную минуту, кое-как пытаясь привести конструкцию в равновесие.

Он знал, что двери отсека вот-вот поддадутся. С полдюжины рассеивателей били в одну точку, неумолимо, хоть и медленно, прогрызая оставшиеся несколько дюймов. Керль снова забыл про двери и, задыхаясь, сосредоточил каждую крупицу внимания на внешней стене толщиной в ярд, в которую целился скругленный нос его корабля. Его вибриссы перекачивали нарастающую мощь электрогенератора в эту неподатливую стену, и он всем телом содрогался от напряжения. Внутренности жгло огнем, и он знал, что опасно близко подобрался к предельно допустимой нагрузке. Он трясся от дикой боли, но по-прежнему не двигался с места, и его судорожно сжатые щупальца удерживали незакрепленную металлическую пластину. Чересчур твердая стена как будто гипнотизировала его — он застыл, повернув к ней огромную голову.

Он услышал, как одна из дверей машинного отделения с грохотом осыпается внутрь. Люди что-то кричали, рассеиватели катились вперед —

их свирепую силу больше ничего не сдерживало. До керля доносился протестующий скрип палубы машинного отделения: лучи атомной энергии разносили в клочья все на своем пути. Установки подъехали еще ближе; за их шумом угадывались осторожные шаги. Еще минута, и они подберутся к хлипким дверям, ведущим из моторного отсека в ремонтный.

Вдруг керль понял, что все готово. В его диких зрачках загорелась месть, и, гневно рыкнув, он забрался в свой тесный корабль и задраил металлическую пластину, словно люк. Гудя вибриссами, он подплавил торчащие края. Спустя мгновение пластина была не просто впаяна — она слилась с обшивкой, с ее гладким темным металлом без единого стыка или заклепки, не считая двух прозрачных окошек на носу и в хвосте.

Керль нежно, даже почти страстно обвил щупальцем пусковой рычаг. Сорокафутовое суденышко сорвалось с места, целясь в крепкую внешнюю стену ремонтного отсека. Ткнулось носом — и стена взметнулась сверкающим пыльным облаком.

Керля едва ощутимо отбросило инерцией; и тогда он направил нос корабля вверх, прямо в

холодный космос, повертелся на месте и устремился назад тем же путем, который за эти долгие часы проделал большой корабль.

Он увидел, как люди в скафандрах столпились у зазубренного пролома, зиявшего в нижней части огромной металлической сферы. Она таяла на глазах вместе с человеческими фигурками. Потом люди исчезли, и только их корабль еще слепил глаза тысячей бликующих стекол. Но вот и он стал совсем крошечным: отдельные иллюминаторы уже нельзя было разглядеть.

И тут керль заметил, что впереди, почти прямо по курсу, мерцает крошечный тусклый красноватый шар. Он узнал свое солнце и рванул к нему, включив двигатели на максимум. Показались пещеры, где он мог бы спрятаться и с помощью сородичей тайно построить корабль побольше: теперь он знал секрет и смог бы безопасно переправить керлей на другие планеты.

Мучительные перегрузки сдавливали его тело, но керль ни на секунду не рискнул сбавить скорость. Вдруг он обернулся, борясь с подступающим ужасом. Круглый корабль все еще был у него за спиной — в бескрайней черноте космоса горела его крошечная точка. Вдруг она мигнула и пропала. На мгновение у керля засосало под

ложечкой: ему почудилось, что перед тем, как исчезнуть из виду, корабль пришел в движение. Но теперь это было никак не проверить. Его не покидало ощущение, что люди выключили огни и теперь подбираются к нему в темноте. Напуганный, сбитый с толку, он повернулся к второй прозрачной пластине — проверить, что впереди… И весь затрясся, охваченный смятением. Тусклое красное солнце, на которое он держал курс, никак не хотело увеличиваться. Оно таяло у него на глазах — через пять минут это стало очевидно: совсем уже крошечное, оно сжалось в красноватую точку и пропало точно так же, как до этого корабль.

Тогда пришел ужас — пеленой перед глазами, судорогой во всем теле, — и керль остался наедине с гнетущей неизвестностью. Он несколько минут неистово искал в несущемся впереди небе хоть какой-то ориентир. Но там виднелись только редкие немигающие звезды — они еле поблескивали на черном бархатном фоне в неизмеримой дали.

Стоп! Одна вдруг начала расти. Керль, ощущая каждую мышцу и каждый нерв, смотрел, как точка превращается в пятнышко, а пятнышко — в шар света. Красного света. Он становился все

больше и больше. Вдруг красное свечение замерцало, вспыхнуло белым — и прямо перед ним вырос огромный круглый корабль, тот самый корабль, который пару минут назад исчез у него за спиной, и из каждого его иллюминатора били ослепительные лучи.

И тогда с керлем что-то сделалось. Его мысли завертелись, как колесо маховика, — быстрее, еще быстрее, все более и более путанно. Вдруг это колесо разлетелось на миллионы саднящих осколков. Его глаза едва не выскочили из орбит, пока он в ярости метался в своем тесном закутке, как взбесившийся зверь. Щупальца подхватывали хрупкие приборы и безжалостно швыряли об пол; лапы яростно крушили стены его собственного корабля. Наконец, вспыхнула и погасла последняя разумная мысль: он не вынесет неизбежного столкновения с атомными рассеивателями.

Расчленить химические связи так, чтобы в жизненно важных органах не осталось ни капли ида, было совсем нетрудно.

Они нашли его мертвым в лужице фосфора.

— Бедный котенок, — сказал Мортон. — Хотел бы я знать, что у него было на уме, когда мы появились перед ним, едва он потерял из виду

родное солнце. Не представляя себе принцип работы антиускорителей, он, конечно, не успел бы догадаться, что мы способны резко зависнуть в космосе, в отличие от него, у которого на полное торможение ушло бы больше трех часов, — и все это время его дальше и дальше уносило бы от того места, куда он хотел попасть. Ему неоткуда было узнать, что остановка позволила нам за одну секунду преодолеть тысячи и тысячи миль у него за спиной. Конечно, у него не было ни единого шанса — с тех самых пор, как он сбежал с корабля. Да у него, наверное, весь мир должен был перевернуться.

— А ну-ка, прекратите его жалеть, — сказал Кент за спиной у Мортона. — Наша следующая цель — истребить всех кошачьих на этой убогой планете.

— Это не составит труда, — прошелестел Корита. — Они такие же дикари; не успеем мы приземлиться, а они уже будут виться вокруг, думая, как бы нас половчее перехитрить.

— Эй, вы, у меня уже уши вянут, — проворчал Смит. — Котенок нам задал жару — почище всех, с кем нам приходилось иметь дело. Ему ничего не мешало одолеть нас…

— Вы совершенно правы, дорогой Смит, — мяг-

ко перебил его Корита, и Мортон улыбнулся. — С одним лишь исключением: он поддался звериным инстинктам своей натуры. Его участь была предрешена еще тогда, когда мы безошибочно определили, что перед нами преступник и что породил его определенный исторический период. История, любезнейший мистер Смит, наше знание истории — вот что помогло его победить, — заключил японский археолог с большой учтивостью, унаследованной им от предков.

К.Л. Мур (1911–1987). Превзойти богов

Перевод Марии Губарь

Кэтрин Мур была одной из первых женщин, начавших писать фантастику; в 1940 году вышла замуж за Генри Каттнера и писала с ним совместные произведения. Наибольшую известность и популярность получила благодаря своему женскому фэнтезийному персонажу – Джирел из Джойри, героине серии рассказов из журнала Weird Tales, а также благодаря серии рассказов «Нордуэст Смит», публиковавшихся в научно-фантастических журналах 1930-х годов.

«Превзойти богов» – рассказ об альтернативном будущем. Он повествует о принятии выбора как об одном из самых непростых действий, совершаемых человеком.

(В наше время научная фантастика – как чтение, так и написание – это в равной степени мужское и женское занятие, однако так было не всегда. Еще в начале XX века это заня-

тие было практически исключительно мужским. Но даже в разгар мужского шовинизма 1930-х годов были женщины, осмеливавшиеся успешно конкурировать с мужчинами. К.Л. Мур была, пожалуй, лучшей, однако были и другие, такие как Лесли Ф. Стоун и А.Р. Лонг. Обратите внимание на использование инициалов вместо полных имен – так авторы скрывали свою принадлежность к женскому полу. А.А.)

Над отполированным столом висело зеркало-окно, которое открывалось всякий раз, когда включался зуммер телеприемника. Два хрустальных куба на столе были трехмерными фотографиями — до наступления двадцать третьего века о таких можно было лишь мечтать. А вот содержание письма, лежавшего между ними, было, напротив, древнее самой письменности. На бумаге мужским косым почерком было выведено: «Дорогая…»

Билл Кори отложил ручку и в отчаянии провел рукой по волосам. Он переводил взгляд с одного куба на другой и тихо ругался. «Просто замечательно, когда мужчина даже не может решить, на какой из двух девушек жениться», — раздражен-

но сказал он сам себе. Коллеги из биологического департамента Города наук, которые так безоговорочно доверяли его проницательности и здравомыслию, содрогнулись бы, увидев его сейчас.

Девушки улыбались ему из хрустальных кубов, а он уже в сотый раз за день перевел взгляд с одной на другую и страдальчески закусил губу. В полупрозрачном кубе слева ему улыбалась темноволосая Марта Мэйхью. Ее лиловые глаза поблескивали с трехмерной фотографии. Доктор Марта Мэйхью из химического департамента: кожа цвета слоновой кости и черные гладкие, как атлас, волосы. Совсем не таким представляется ведущий химик Города наук — места, где живут величайшие ученые со всего мира.

Билл Кори нахмурился и перевел взгляд на вторую девушку. С фотографии на него смотрела Салли Карлайл, такая настоящая, такая живая до самых кончиков белокурых кудряшек. Казалось, ее волосы развевались на ветру, да так навечно и застыли в стеклянных недрах. Билл наклонился и повернул куб так, чтобы взгляду открывался ее точеный профиль. Само время остановилось в хрустальных глубинах, и хорошенькая Салли, слегка повернувшись, словно замерла на один

краткий миг, который превратился в вечность.

Наконец, Билл Кори вздохнул, снова взял ручку и после слова «дорогая» решительно написал: «Салли».

— Доктор Кори, — послышался неуверенный голос.

Билл, нахмурившись, поднял взгляд. На него поверх очков нерешительно смотрела мисс Браун.

— Доктор Эшли…

— Не надо обо мне докладывать, Брауни, — лениво перебил ее посетитель, — хочу застать его врасплох. Что, Билл, пишешь любовные письма? Я войду?

— А разве я могу тебя остановить? — На лице Билла появилась улыбка.

В дверях стоял высокий взлохмаченный молодой человек. Это был Чарльз Эшли из департамента телепатии. Хотя их общение строилось на взаимных подшучиваниях, Билл испытывал глубокое уважение к одаренности Эшли: подобное было дано немногим. Его исключительный разум обладал, казалось, безграничной способностью к пониманию. Только такой человек мог возглавлять департамент телепатии.

— Я ужасно заработался, — зевнув, заявил Эшли. — Пойдем в сад, поплаваем, а?

— Не могу. — Билл положил ручку. — Нужно еще проверить щенков…

— К черту щенков! Что, думаешь, весь Город наук только и ждет, пока твои дворняжки тявкнут? Пусть мисс Браун за ними приглядит. Она все равно получше тебя разбирается в генетике. Смотри, скоро Совет узнает, что к чему, и придется тебе опять работать где-нибудь за гроши.

— Заткнись. — Билл ухмыльнулся. — Как там щенки, мисс Браун?

— Все хорошо, доктор. В три часа я их покормила, и сейчас они спят.

— Надеюсь, они выглядят счастливыми? — насмешливо поинтересовался Эшли.

— Ну-ну, смейся. — Билл вздохнул. — Мы с этими щенками скоро войдем в историю, вот увидишь.

Эшли кивнул уже более серьезно. Он знал, что такое и правда может случиться. Эти щенки были живым доказательством успеха Билла в области предродовой детерминации пола: шесть пометов, состоящих только из мужских особей, ни одной женской. Они были плодами долгих кропотливых экспериментов с рентгеновским облучением хромосом с целью отделения и идентификации генов, отвечающих за половую детерминацию. И

еще они были плодами многочисленных неудач и безграничного терпения. Если щенки вырастут в нормальных собак — что ж, это будет еще одним серьезным шагом к тому дню, когда благодаря Биллу количество мужчин и женщин в мире будет идеально сбалансировано в соответствии с изменяющимися потребностями.

Мисс Браун скромно улыбнулась и исчезла за дверью. Как только она ушла, Эшли улегся на диван у стены и начал пристально рассматривать две фотографии на столе. Он еле слышно бормотал:

— Эники-беники-ели-вареники… И кого же ты выберешь, Уильям?

Они слишком хорошо друг друга знали, чтобы Билл мог его не понять или притвориться, что не понял.

— Не знаю, — признался он и тоскливо посмотрел на начало своего письма. — «Дорогая Салли…»

Эшли снова зевнул и полез за сигаретой.

— Знаешь, — спокойно начал он, — интересно порассуждать о версиях твоего будущего. С Мартой или Салли, я имею в виду. Представь, если кто-нибудь когда-нибудь придумает способ увидеть все варианты будущего и осознанно выбрать

именно тот путь, который приведет к желаемой цели. Вот если бы ты сейчас узнал, какой будет твоя жизнь с Мартой или Салли, ты мог бы изменить историю всего человечества. Ну, конечно, если ты и вправду так важен, как сам думаешь.

— Ага. — Билл хмыкнул. — Если ты видишь определенное будущее, значит, оно уже определено, так? А значит, у тебя на самом деле нет выбора.

Эшли аккуратно чиркнул спичкой и зажег сигарету.

— Будущее для меня — это бесконечный резервуар бесконечного числа вариантов, каждый из них определен, но пластичен, как глина. Понимаешь? На нашем пути мы постоянно оказываемся у перекрестков, где каждый раз выбираем из множества возможных путей. И каждый из них ведет к разным вариантам будущего, они все возможны и все определены, но только наш выбор делает их реальными. Представь, что есть… назовем это плоскость вероятностей. Где все эти варианты существуют одновременно. Как бы наброски того, что будет. А когда время заполняет собой один из вариантов, он и становится действительностью. Но, пока этого еще не случилось, пока выбор еще не сделан, бесконечное число

возможных вариантов будущего существует как бы в подвешенном состоянии, ожидает нас в некоем бесконечном пространстве. Представь, каково было бы открыть окно в эту плоскость вероятностей, взглянуть на бесконечные варианты будущего, увидеть последствия наших действий. Мы могли бы вершить судьбу человечества! Мы могли бы делать то, что должны делать боги, Билл! Мы бы превзошли богов! Мы бы заглянули в Космический Разум — тот самый разум, который спланировал нас, — и выбрали бы один из вариантов!

— Проснись, Эш, — мягко оборвал его Билл.

— А ты думаешь, я сплю? Сама идея, кстати, не нова. Еще старый философ Беркли задумывался об этом, когда занимался своей теорией субъективного идеализма. Мы воспринимаем вселенную только благодаря высшему осознанию, бесконечному разуму… Послушай, Билл, если ты представишь себе эти… эти наброски возможных вариантов будущего, то увидишь бесчисленные поколения обычных, как мы с тобой, людей, существующих одновременно друг с другом, каждый в своей реальности. Но все они еще не родились и могут никогда не родиться, если время свернет с их пути. Хотя они, конечно,

уверены в своем существовании так же, как мы в своем. И где-то на плоскости вероятностей, Билл, могут жить две ветви твоих потомков, еще не рожденных поколений, само существование которых зависит от твоего выбора на этом перекрестке. Они — еще только проекции самих себя, их жизни висят на волоске. Поэтому хорошо подумай, прежде чем выбрать!

— А может, ты вернешься в Трущобы и придумаешь, как же мне узнать о планах вселенной? — улыбнулся Билл.

Эшли покачал головой.

— Если бы я мог… Тогда слово «трущобы» тебе и в голову бы не пришло! Если бы мне удалось открыть окно в плоскость вероятностей, департамент телепатии больше не был бы неприкаянным ребенком в этом городе. Но тогда я бы точно не занимался твоими мелкими проблемками. Я бы заглянул в будущее Города. Сегодня он — сердце мира. И когда-нибудь он будет этим миром управлять. А мы необъективны, по-другому быть не может. Когда все науки собраны под одной крышей, они концентрируют такую власть, которая недоступна ни одному королю. Это все может ударить нам в голову. И мы будем… в общем, я бы хотел увидеть это и предотвратить. Даже если

это будет предательством… — Он повел плечами и встал. — Точно не пойдешь со мной?

— Иди-иди, а я человек занятой.

— Да уж, вижу. — Эшли покосился на хрустальные кубы. — А может, и хорошо, что ты не можешь видеть будущее. Груз ответственности бы тебя раздавил. В конце концов, мы ведь не боги. Наверное, опасно было бы браться за их работу. Ладно, увидимся.

Билл выглянул из дверного проема и стал наблюдать, как его гость идет по направлению к платформе. На ней стояли стеклянные машины, уже готовые помчаться по огромным трубам — магистралям Города наук. А дальше, за платформой, виднелась огромная центральная площадь Города, расположенная на сотни ярусов ниже. Билл смотрел на все это невидящим взглядом, гадая, будут ли Марта или Салли вот так же приходить к нему в будущем.

В браке с Мартой они, наверное, могли бы быть настоящими соратниками. Но нужны ли в семье двое ученых? Дома мужчине хочется расслабиться, а кто способен сделать жизнь веселее, чем беззаботная хорошенькая Салли с ее звенящим смехом? Решено, Салли. И если существует плоскость вероятностей, где все возможные варианты

будущего ждут, чтобы воплотиться в реальность или навсегда исчезнуть, пусть все они канут в пустоту.

Словно пробуждая себя ото сна, он захлопнул дверь и улыбнулся девушке в хрустальном кубе. Она казалась такой реальной, будто ее кудряшками действительно играл ветерок. А ресницы будто и правда слегка трепетали. Билл зажмурился и помотал головой, чтобы отогнать это наваждение. Но что-то было не так: кристалл подернулся дымкой, звон в ушах становился все отчетливее, а в глазах помутнело. Где-то вдалеке, но в то же время в его собственных ушах раздался тихий голос. Голос ребенка звал: «Папа… папочка!» Чуть ближе — голос девушки: «Отец». А следом — мягкий монотонный женский голос: «Доктор Кори… Доктор Уильям Кори…»

Сквозь закрытые веки Биллу виделся зыбкий свет. Ему казалось, что он смотрит на освещенные солнцем башни, леса, неторопливых людей в мантиях — все это стремительно проносилось мимо него. Билл открыл глаза, чтобы увидеть… увидеть, как из куба ему все так же улыбается Салли. Только теперь это была не Салли.

Он в недоумении уставился на нее, отказываясь верить в невозможное. Теперь это была не совсем

Салли, в прелестном личике, что улыбалось ему из куба, читались лишь ее черты: те же нежность и мягкость. Но было еще что-то, что-то знакомое. Что-то в этом живом, милом личике с карими глазами и выразительной линией губ напоминало Биллу… его самого?

Руки слегка задрожали. Он сунул их в карманы и сел, не отводя взгляда от девушки в хрустальном кубе. В ее глазах тоже было удивление, а вместе с ним — едва заметная радость, которая усилилась, когда она поймала его взгляд.

А затем девушка заговорила. Губы сочетали в себе мягкость Салли и выразительность Билла. Слова ее звучали отчетливо, они исходили не то из куба, не то откуда-то из глубин его собственного сознания:

— Доктор Кори… Доктор Кори, вы меня слышите?

— Да, — услышал он свой собственный охрипший голос. — Но…

Лицо девушки, так похожей на Салли и на него самого, вспыхнуло радостью, на гладких щеках появились веселые ямочки.

— О, слава богу, это вы! У меня наконец получилось. Это было так сложно, так долго…

— Но кто… что… — Билл от изумления потерял

дар речи, удивляясь той странной теплой нежности, которую испытывал, глядя на знакомое (и в то же время незнакомое) лицо. Билл даже не представлял, что способен на такую трогательную, оберегающую нежность. Он был совершенно сбит с толку и даже не подумал о том, что это все может быть сном.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Как… — еще раз попробовал он.

— На самом деле я не совсем здесь. — Милое личико снова улыбнулось, и сердце Билла наполнилось такой гордостью и нежностью, что перехватило дыхание. Но сейчас он был не в силах это анализировать. — Вернее, я здесь… дома, в Эдеме, и говорю с вами сквозь тысячелетие! Посмотрите…

Пока они разговаривали, Билл не видел ничего, кроме лица Салли. Оно смотрело на него из туманной дымки, хотя до этого куб был совершенно прозрачным. Но сейчас за лицом, которое уже не было лицом Салли, виднелся зеленый склон холма. Странно, но он совсем не выглядел маленьким. Его, конечно, ограничивали рамки куба, но у Билла не было ощущения, что он смотрит на миниатюру. Куб служил как бы окном, из которого была видна лесная опушка. А у подножия белой

стены сада, поросшей зеленым миртом, кружком лежали смуглые мужчины и женщины. С закрытыми глазами они неподвижно распростерлись на блестящих темных листьях. Очевидно, они не просто отдыхали. Напряжение, но не телесное, а духовное, связывало их в единое целое, сосредоточиваясь на светловолосой девушке в центре. А она наклонилась вперед, упершись локтями в колени, и напряженно всматривалась своими карими глазами вперед — в глаза Билла Кори. Он смутно осознавал, что поле его зрения расширялось. Вот он уже видит окрестности за садовой оградой. Куб, служивший пристанищем чудесной улыбке Салли, стал настоящим окном в пространство и время, которые выходили далеко за пределы воображения Билла.

Он знал, что это сон. Он был в этом уверен. Однако слова Эшли беспокойно витали где-то на задворках его сознания, слишком неуловимые, чтобы стать отчетливыми. Но и в этом несбыточном сне он сильно сжал руки в карманах, крепко цепляясь за реальность.

— Кто вы и что вам нужно? И как вы…

Девушка, будто прочитав его мысли, начала отвечать сразу на последний вопрос, взгляд ее блуждал по листьям мирта.

— Я говорю с вами через нашу неразрывную связь… отец. Прошло столько лет, но все же… отец. Эта связь тянется сквозь многие поколения, отделяющие нас друг от друга, но она по-прежнему нас объединяет. Эти люди вокруг помогли мне, их душевные силы наполнили меня, и нам наконец удалось установить контакт. После стольких неудач и блужданий среди загадок, которые даже я не в состоянии постичь, хотя наша семья поколениями обучалась секретам наследственности и телепатии.

— Но зачем…

— Разве само достижение цели не может быть целью? Мне удалось установить двусторонний контакт с прошлым, поговорить с одним из моих предков — это ли не причина для радости? Вы удивляетесь, почему я выбрала вас, верно? Потому что вы мой последний прямой предок по отцовской линии, родившийся до той благословенной случайности, котораяспасла мир от самого себя. Вы так растерялись! — Ее смех зазвенел не то в кубе, не то в его голове. — Вы не спите! Неужели вам кажется настолько невероятным, что неразрывная цепочка воспоминаний, соединяющая ваше сознание с моим, может двигаться назад во времени?

— Но кто вы? Ваше лицо… оно похоже…

— Мое лицо — это лицо дочери Салли Кори, которую она родила вам много лет назад. Такая схожесть — это чудо и неразрешимая загадка, загадка наследственности, явление более необъяснимое, чем наша с вами коммуникация. Может, это своего рода бессмертие. Но ладно, я не буду вас больше мучить!

Ее поразительно родное лицо, которое было омрачилось от раздумий, внезапно снова озарилось, она радостно рассмеялась. Услышав его и заметив, как сильно брови девушки похожи на его собственные, а изгиб мягких губ — на губы Салли, Билл перестал сдерживать растущую в нем теплую привязанность. Он почувствовал, будто это он сам глядит из куба карими глазами Салли и радуется достижению ради достижения. Она назвала его отцом. Значит, это и есть отцовская любовь? Бескорыстная, всеобъемлющая привязанность к любимой дочке?

— Не нужно больше гадать. — Голос в его голове рассмеялся. — Посмотрите, это прошлое, которое лежит между нами. Я хочу, чтобы вы увидели то, что разделяет наши миры.

Постепенно миртовая поляна и милое улыбающееся личико начали растворяться в дымке,

наполнявшей трехмерное пространство куба. В первые секунды ничего не было видно. Но затем туман начал редеть, и Билл понял, что оказался внутри изображения. Он увидел свадебную процессию, направлявшуюся к нему по церковному проходу. Салли загадочно улыбалась сквозь серебристое облако фаты. И, увидев ее, он понял, что, несмотря на всю случайность выбора между ней и Мартой Мэйхью, он будет любить Салли Карлайл-Кори до безумия.

Он видел, как события проносятся одно за другим с быстротой мысли, ясные и последовательные, будто его собственные воспоминания. Он наблюдал свое будущее, жизнь, где Салли стала центром его существования. Он видел, как она то и дело забегала в его лабораторию, пока он работал. Каждый раз, когда она входила, все вокруг будто наполнялось светом, а когда выходила, он едва мог продолжать работу, преодолевая жгучее желание последовать за ней.

Он увидел их первую ссору. Салли кружилась в мерцающем платье из мягкого, как паутина, стеклянного шелка, улыбаясь Биллу Кори, который в этом сне наяву был более настоящим, чем тот Билл, что наблюдал со стороны.

— Посмотри, милый, правда чудесно?

— Хорошо, дорогая. Но оно, наверное, недешевое? — услышал он свой ответ.

— Всего-то пятнадцать тысяч кредитов. Для Скиапарелли, считай, даром. — Она беззаботно рассмеялась.

— Боже, Салли, да мы за целый месяц столько не тратим! — вскричал он.

— О, если ты такой жадный, папочка заплатит за него. Я всего-то хотела…

— Одежду для своей жены покупаю я, — мрачно ответил Билл, — но я не могу позволить себе парижский шик, дорогая.

Симпатичный ротик Салли тревожно надулся. В ее мягких карих глазах блеснули слезы, и его сердце тут же растаяло.

— Только не плачь, любимая! Оставь его себе на этот раз. Но в следующем месяце придется экономить. Больше так не делай, Салли, хорошо?

Она радостно кивнула, сразу же забыв обо всем, словно ребенок.

Но экономить у них не получилось. Салли любила развлекаться, а Билл любил Салли, и теперь за дверью в департаменте биологии, на которой висела табличка «Доктор Уильям Винсент Кори», больше веселились, чем работали. Телевизионные панели теперь показывали музыкальные

концерты, а не лекции и демонстрации опытов, как раньше.

Никому не под силу выполнять хорошо сразу две работы. И в работе над половой детерминацией Билл начал сталкиваться с препятствиями на пути, который, казалось, был почти расчищен. А у него оставалось все меньше времени для работы. Прелестная улыбчивая Салли занимала почти все его мысли.

Салли хотела, чтобы их ребенок родился в доме ее отца, располагавшемся в живописном месте на зеленых холмах у Тихого океана. Салли очень любила этот дом, и, даже когда малышка Сью была уже достаточно большая для путешествий, она и слышать не желала об отъезде. Да и климат для ребенка там был чудесный. Все равно к тому времени Совет уже начал неодобрительно относиться к работам Билла. В конце концов, может, ему все-таки стоит бросить науку. Счастье Салли куда важнее любой работы, а Салли никогда не сможет быть по-настоящему счастлива в Городе наук.

Их вторым ребенком тоже была девочка. В то время девочки стали рождаться чаще. Об этом даже шутили в новостях, говорили, что это хороший знак, ведь преобладание мальчиков всегда

означало войну, а поколение девочек должно было принести мир и благополучие.

Мир и благополучие — вот что было теперь важнее всего для Билла и Салли. А еще две прелестные дочери и дом на зеленых холмах у Тихого океана. Юная Сьюзен росла такой очаровательной, что Билл переполнялся гордостью и нежностью каждый раз, когда думал о ней. Она унаследовала от Салли красоту и светлые волосы, но была в ней и та решимость, которой когда-то давно отличался Билл. Ему нравилось мечтать, что однажды она продолжит работу, которую он сам так и не смог закончить.

Время шло, годы постепенно сменялись годами. Вскоре девочки Кори выросли… стали женами… стали матерями. И у них тоже родились девочки. Когда дедушка Кори воссоединился со своей женой на небольшом кладбище за домом, имя Кори умерло вместе с ним. Однако в спокойном, решительном взгляде его дочерей было гораздо больше от Билла Кори, чем просто имя. Имя может умереть, но какая-то часть человека, который его носил, обязательно останется жить в его потомках.

Поколение сменяло поколение, а девочки все продолжали численно превосходить мальчиков.

Так было по всему миру, и никто не знал почему. Впрочем, это было и неважно. Женщины отлично показали себя на государственных должностях, и уж точно политика при них стала более мирной, чем при мужчинах. Первая женщина-президент победила на выборах благодаря обещанию отказаться от всех войн, пока в Белый дом снова не вернется мужчина.

Разумеется, были и те сферы, которые пострадали от матриархата. Ученый, изобретатель, механик, инженер, архитектор — не женские профессии. Мужчин было достаточно для того, чтобы эти изначально мужские искусства не исчезли, а большего для современного мира было и не нужно. Все вокруг менялось. Например, Город наук. Конечно, он был важен, но не до такой степени, чтобы на него работала вся страна. Жизнь была хороша и без огромного количества технологий.

Общество больше не стремилось к централизации. Города росли вширь, а не ввысь. Небоскребы безнадежно устарели, и теперь между низкими домиками тянулись сады и парковые зоны, где целыми днями резвились дети. А война стала лишь кошмарным воспоминанием о тех варварских временах, когда миром еще управляли

мужчины.

Постаревший доктор Филлипс, глава обветшавшего и никому уже не нужного Города наук, вызвал у президента Уилистон неподдельную ярость, раскритиковав современную тенденцию к немеханизированной аграрной цивилизации. Это произошло на телевидении, поэтому половина мира слышала их разговор.

— Но, госпожа президент, — сказал он, — разве вы сами не видите, куда мы движемся? Мир регрессирует! Наши лучшие умы больше не стараются совершенствовать условия жизни. От гениев просто отмахнулись! Вы понимаете, что ваша администрация вчера категорически отвергла блестящее изобретение одного из наших самых талантливых молодых специалистов?

— Конечно! — Голос Алисы Уилистон зазвенел от внезапного гнева. — Это «блестящее изобретение», как вы его называете, могло бы довести нас до войны! Думаете, мы этого хотим? Помните, что пообещала миру первая женщина-президент? Пока мы будем возглавлять Белый дом, в войне не будет нужды!

В Лондоне королева Елизавета согласно закивала, а Джулианна VII из Амстердама улыбнулась этим словам с телеэкрана: пока у власти жен-

щины, война вне закона. Мир, спокойствие и благополучие будут управлять цивилизацией, занятие искусствами станет лучшим досугом. И тогда, после стольких лет боли и кровопролитий, гуманизм наконец восторжествует.

Так в этом мире садов годы спокойствия и благополучия складывались в века. Наука направила свои усилия на стабилизацию климата, чтобы людям не приходилось прятаться от холода и непогоды. Еды тоже хватало каждому. Сад, утраченный когда-то Адамом и Евой, был снова обретен их далекими потомками, и вся земля стала Эдемом.

В мире, который не требовал более никаких физических усилий, человечество обратилось к развитию духовного. В низеньких белых домиках, гнездящихся среди бесчисленных садов, мужчины и женщины все чаще путешествовали за пределы своего тела, исследуя тайны духа.

Билл Кори, подавшись вперед на своем кресле, уже давно перестал ощущать себя собой. Он стал просто сознанием, наблюдавшим за тем, как разворачивается перед ним время. Надгробие с его именем на калифорнийском холме уже давно погрузилось в дерн, однако если бессмертие вообще существовало, то он видел самого себя,

движущегося вперед через многие поколения потомков. Время от времени он видел, как мимо проносятся лица тех или иных его далеких правнуков. И лица эти были поразительно похожи на его собственное лицо. Его и Салли.

Он видел, как то и дело мелькает прелестная Сью, словно отражаясь в других лицах, как в зеркале. Не всегда это была Сью до мельчайших деталей, иногда — лишь ее карие глаза, озаряющие лицо какой-нибудь далекой правнучки, а иногда — лишь тень ее улыбки или хорошенькая форма носа на совершенно незнакомом лице. Но иногда это была и сама Сью, вся целиком перемещенная в далекое будущее. И каждый раз, когда Билл видел эти знакомые черты, сердце его сжималось от нежности к дочери, которой у него, возможно, никогда и не будет.

Наблюдая за своими любимыми Сьюзен, живущими в этом ленивом райском мире, он начал слегка тревожиться. Люди замедлялись умственно и физически. К чему теперь торопиться или беспокоиться? К чему переживать о том, что какие-то бесполезные знания безвозвратно утеряны? Погодные и продовольственные машины вечны. Что еще может быть действительно важным? Пусть падает рождаемость, пусть выми-

рающее поколение изобретателей и честолюбцев исчезнет, как анахронизм. Тело уже сыграло свою роль в развитии человечества, теперь будущее было за разумом. Необъятные просторы вселенной — непаханое поле для предприимчивого ума. Или можно дни напролет проводить в сладком полусне…

Мечтательные просторы Эдема скрылись за мягкой дымкой. Билл Кори откинулся на своем кресле и потер руками глаза. Невидящим взглядом он уставился на трясущиеся руки, все еще не вполне понимая, что он сейчас увидел. В нем все еще боролось столько эмоций: бесконечная любовь к Салли, умиление Сьюзен, гордость за них обеих. И это странное ощущение, что в его многочисленных дочерях веками жил он сам. И что это он сам так упорно боролся за мир во всем мире, а в конце привел его к конечной цели — к упадку.

Это все было неправильно и потому — плохо. Весь этот мир. Человек великолепен и способен на настоящие чудеса, он не должен закончить свой век вот так — сидя на поляне, поросшей миртом, погруженный в абстрактные раздумья. Только что Билл наблюдал за праздной цивилизацией, которая медленно, но верно скатывается

в пучину забвения. И все это результат, да-да, прямой результат его собственных действий. Он увидел, как сам превратился в ленивого толстого старика, лишенного славы достижений.

Вдруг ему отчаянно захотелось, чтобы Эшли оказался прав, чтобы это будущее можно было изменить. Если сейчас он порвет это письмо, лежащее на столе, если никогда не женится на Салли, разве его работа не будет успешно завершена? И разве он не предотвратит катастрофу нерегулируемой рождаемости? Может ли все-таки человек изменить свое определенное будущее?

Билл с опаской потянулся к письму, лежавшему рядом с затуманенным кубом, в котором только что отразились целые годы. Сможет ли он взять это письмо и порвать пополам — вот так? Звук рвущейся бумаги его успокоил: по крайней мере, пока он был свободным человеком.

И как только он это понял, ему вдруг стало грустно. Не жениться на Салли с ее звонким смехом? Никогда не увидеть, как малышка Сью вырастает в красивую, милую, храбрую девушку? «Старость, лишенная славы достижений», — сказал он себе минутой ранее? Такая дочь, как Сью, сама по себе была бы достижением для любого

мужчины. Его Сью и другие Сьюзен в длинной череде потомков, снова и снова воплощающие в себе все самое лучшее, что было в нем, вечное, как сама жизнь, проходящая сквозь тысячелетия.

Ему не хотелось вновь встречаться взглядом с карими глазами той последней Сьюзен, которая пришла к нему из глубин хрустального куба. Когда он смотрел на нее, любовь затмевала его разум, и он верил, что мир, породивший ее, не может быть несовершенным, просто потому что в нем двигалась и дышала его любимая дочь.

Но письмо было порвано. Он никогда не женится на Салли, как бы ему ни хотелось. Цена была слишком высока, даже с такой наградой, как Сьюзен. И вдруг от осознания собственных действий на него нахлынул почти благоговейный страх. Он сделал то, о чем мечтал Эшли, — он открыл окно в плоскость вероятностей и увидел достаточно, чтобы заставить планы вселенной перестроиться. Он изменил свое будущее и будущее всего человечества. Он превзошел богов, но он не был богом. И Эшли предупреждал, что браться за работу богов может быть опасно. Вдруг ему стало страшно.

Он отвернулся от куба, в котором только что видел свое будущее, и посмотрел через стол пря-

мо в лиловые глаза Марты Мэйхью, лицо которой застыло в неизменной улыбке. Ему показалось, что он не видел ее целую вечность — столько всего успело произойти с тех пор, как он смотрел на нее последний раз. В проницательном взгляде красивой темноволосой девушки что-то таилось. Будто…

Вдруг вспыхнул ослепительный свет, словно белым экраном заслонивший куб, лицо с лиловыми глазами и всю комнату. Билл невольно закрыл руками глаза. В темноте перед ним заплясали цветные пятна света. Все произошло слишком быстро, чтобы он успел удивиться. Не задумываясь, он открыл глаза и посмотрел на куб, где секунду назад встретился взглядом с Мартой.

А потом его накрыло огромной волной благоговейного трепета. Он понял, что Эшли был прав. Альтернативное будущее действительно есть. В какой-то момент человеческий мозг перестает испытывать замешательство или потрясение. Билл больше ничему не удивлялся и не пытался найти логическое объяснение. Он знал только, что стоит здесь, уставившись на куб, из которого мгновением ранее ему так кротко улыбались глаза Марты. Он все еще видел ее лиловые глаза, но теперь — на лице юноши в стальном шлеме,

очень похожего на самого Билла. Каким-то образом другое будущее тоже нашло его. Ему вдруг показалось очень странным, что эти варианты оказались так близко друг к другу, хотя ни в одном из них не могло быть известно о другом. А внутри куба тем временем что-то двигалось.

Трехмерное пространство позади юноши начало проясняться, хрустальный куб словно стал окном, которое внезапно открылось в новый мир. В этом мире из стекла и хромированного металла теснилось множество лиц, все они как будто старались заглянуть в комнату Билла. Лица в стальных шлемах. А впереди всех, почти вылезая из хрустального окна в свое собственное прошлое, стоял юноша, чье лицо были так похоже на лицо Билла. Он нетерпеливо выглядывал наружу, звук учащенного дыхания, срывавшийся с его губ, отчетливо разносился по комнате. Это были губы Билла, лицо Билла. Однако была в его чертах и мягкая решительность Марты, и именно ее глаза смотрели на него из куба.

За мгновение до того, как юноша заговорил, Билл узнал, кто перед ним, и его горло сжалось от немого возгласа — он узнал лицо, которое никогда не видел раньше, и ошибиться он не мог. Нахлынувшие на него гордость и любовь все

равно подсказали бы ему, кем был этот юноша…

— Сын? — услышал он свой собственный сомневающийся голос.

Но юноша если и услышал его, то, кажется, не понял. Он не был обременен эмоциями, захлестнувшими Билла. Его отрывистый металлический голос звучал так отчетливо, словно и правда доносился из открытого окна:

— Уильям Винсент Кори, вас приветствует Объединенный мир! Вас приветствует пятнадцатый лидер пятого столетия новой эры.

За дисциплинированным строгим юношей толпились другие люди в стальных шлемах и со стальными чертами лица. Когда молодой человек замолчал, в воздух поднялась дюжина правых рук с раскрытыми ладонями. Таким знаком приветствовали друг друга римляне во времена Цезаря.

— Приветствуем Уильяма Винсента Кори, — грянула дюжина отрывистых голосов.

Билл сказал что-то бессвязное и начал заикаться. Тогда юноша немного расслабился, на лице появилась улыбка. Он сказал:

— Сейчас мы все объясним. На протяжении многих поколений наши ученые искали путь в прошлое, доктор Кори. Это наш первый успеш-

ный двусторонний контакт, и связь с вами была выбрана наиболее подходящей для демонстрации нашему Совету. Потому что ваше имя для нас свято. Мы знаем все, что можно, о вашей жизни и работе, но мы хотели взглянуть на ваше лицо и выразить благодарность за то, что вы формируете человечество образца Объединенного мира. Первым делом мне необходимо зафиксировать, в какую точку прошлого мы попали. Какое число у вас на календаре?

— Эм… седьмое июля две тысячи сорокового года, — слегка запнувшись, ответил Билл.

Он почувствовал, как его лицо расплылось в широкой довольно глупой улыбке, но он ничего не мог с этим поделать. Это был его сын, который не родится еще много лет, который, может, вообще не родится. Но все же, увидев его, Билл не мог перестать улыбаться от переполнявшей его гордости и теплой радости. Такое строгое лицо, такое понимание своей ответственности! Их с Мартой сын… Только, конечно, не совсем сын, ведь эти события наверняка происходят в далеком будущем.

— Две тысячи двести сороковой! — воскликнул юноша, который все же был не совсем сыном. — Так, значит, великое изобретение еще даже не

завершено! Мы попали раньше, чем думали!

— Кто же ты, сынок? — не выдержал Билл.

— Я Джон Уильямс Кори IV, сэр, — гордо ответил юноша, — ваш прямой потомок по линии Уильямсов и первый в классе кандидатов. — Он сказал это с почти благоговейным обожанием, осветившим его решительное лицо. — Это, разумеется, значит, что я буду шестнадцатым лидером, когда великий Данн уйдет в отставку. А из рода Кори я буду шестым, сэр, шестым, занимающим высшую из всех возможных должностей — должность Руководящего! — Лиловые глаза, казавшиеся слегка неуместными на этом строгом лице, загорелись почти фанатичным восторгом.

Когда юноша договорил, из-за его спины вышел серьезный мужчина в стальном шлеме, он по-римски поприветствовал Билла и холодно ему улыбнулся.

— Я Данн, сэр. — Голос его был таким же серьезным, как его лицо. — Мы позволили кандидату Кори связаться с вами, поскольку он ваш родственник, но теперь моя очередь поприветствовать вас от лица всей системы, которую вы сделали возможной. Я хочу показать ее вам, но сначала позвольте поблагодарить вас за основание величайшего рода во всем Объединенном

мире. Члены ни одной другой семьи не занимали пост лидера более двух раз, однако лидеров с фамилией Кори у нас было целых пять. И лучший из них еще впереди!

Билл увидел, как гордое благородное лицо юноши залилось краской, и его собственное сердце забилось сильнее от любви и гордости. Ибо, как бы его ни звали, это был его сын. Воспоминания о его любимой дочке мгновенно смылись потоком гордости за этого высокого юношу с таким строгим лицом и лиловыми глазами, полными решимости. Теперь в этом лице читалась напористость, сила и воля.

Билл едва слышал, что говорил ему Данн своим серьезным голосом. Так усердно он вглядывался в лицо сына, которого, возможно, у него никогда не будет, так жадно пытался запомнить каждую деталь уже знакомых черт, одновременно жестких, нетерпеливых и восторженных. Прямые тонкие губы юноши были губами Билла, как и щеки, на которых от улыбки появлялись ямочки, но лиловые глаза были от матери. А нежная, но непреклонная решительность Марты делала его лицо одновременно грубее и мягче. Юноша унаследовал от каждого из родителей самое лучшее, но сейчас в нем горело и нечто большее — почти

фанатичная преданность некой великой цели, священная и непреложная.

— Ваше собственное будущее, сэр. Но для нас это, конечно, прошлое, — продолжал Данн. — Хотите его увидеть, доктор Кори? Чтобы вы смогли понять, насколько наш мир вам обязан.

— Д-да, очень. — Билл усмехнулся своему заиканию.

Он вдруг почувствовал недоверие и облегчение. Это все сон. Конечно, так оно и было. Такого совпадения не могло быть наяву. А точно ли это совпадение? В его голове крутилась мысль, которую он все никак не мог облечь в слова, мысль необъятная и необъяснимая. А все-таки он наверняка спит… В реальности эту ситуацию нельзя было бы назвать простым совпадением. Двое его детей, которые слепо нащупывали путь к нему, не могли случайно преуспеть в одно и то же время. Этому должна быть причина, причина, недоступная его пониманию. Он открыл рот, чтобы заговорить, но Данн опередил его:

— Тогда смотрите, Уильям Винсент Кори! Смотрите на ваш собственный триумф!

Изображение в кубе подернулось дымкой. Родное лицо с лиловыми глазами, лицо сына, которого у него может никогда не быть, рас-

творилось, словно сон… «Сон растворился во сне», — пронеслась в голове мысль. На этот раз по церковному проходу к нему шла Марта, похожая на мадонну с лиловыми глазами, скрытую от него за белым кружевом. Он знал, что пока не любит ее. Его сердце все еще тосковало по Салли. Но любовь придет — рядом с такой женщиной не могло быть иначе. В ее восторженном взгляде читались нежность, веселость, страсть и сила, которая пробуждала силу и в нем самом. Это была совсем не та скрытая слабость, которую вызывали в нем ямочки на лице Салли. Ведь слабость тоже жила внутри него, он знал это. И от женщины рядом с ним зависело, какое качество в нем будет преобладать.

Жизнь с Мартой была хороша. Он видел, как непрерывным потоком проходят дни, наполненные работой, развлечениями и теплым дружеским общением, которое раскрывало их обоих с лучшей стороны. И воспоминания о том странном видении, где ему казалось, что он любит Салли, померкли. На самом деле он любит Марту. Ее храбрость, чувство юмора, ее лиловые глаза, пылающие гордостью за него… Жизнь пронеслась — ярко, насыщенно, быстро. Он видел, как его работа постепенно движется к успеху, а

горячая поддержка Марты помогала ему преодолевать все трудности. Она так гордилась своим выдающимся молодым супругом, что ее энтузиазм лился через край. Именно она настояла на обнародовании его открытия.

— Я хочу похвастаться тобой перед всем миром! — настаивала она. — Давай сейчас же доложим Совету. Ну, пожалуйста, Билл!

— Но мы еще не готовы, — слабо сопротивлялся Билл. — Давай подождем…

— Чего? Вот, смотри, — она потрясла записями у него перед носом, — в последней дюжине экспериментов у нас стопроцентный успех! Чего тебе еще нужно? Пора сделать официальный доклад, рассказать миру, что ты для него сделал! Ты прошел весь путь от мух до обезьян. Тебе все равно придется сделать доклад для Совета, чтобы приступить к следующему этапу. И помни, милый, когда дойдет до экспериментов с людьми, я буду первой в числе кандидатов.

Нахмурившись, он крепко сжал ее плечи и заглянул в ее глаза, пылающие энтузиазмом.

— В этой семье не будет подопытных кроликов! Когда Кори-младший появится на свет, он или она сделают это без помощи рентгеновского облучения. Поняла?

— Но, милый, разве смысл не в том, чтобы дать родителям возможность выбирать, кто у них родится?

— Эта технология еще не настолько совершенна, чтобы я был готов рискнуть собственной женой. И знаешь, может, это забавно… но я бы лучше просто принял то, что будет. Не знаю почему, но…

— Билл, да ты просто суеверный! Ладно, поспорим об этом потом. А сейчас ты выступишь с официальным докладом перед Советом, а я буду самой довольной женой во всем Городе. И точка!

Итак, доклад был обнародован, он произвел огромный фурор. Люди требовали чуда, которое позволило бы им самим управлять своим будущим. Билл Кори краснел и улыбался восторженной публике с телеэкранов, обещая, что его подарок скоро будет готов. А Марта сияла от гордости за супруга.

К тому времени, как прошли эксперименты на людях, его вдруг начали тревожить те самые щенки — первый удачный опыт с млекопитающими. Мисс Браун первая заметила, что что-то идет не так. Как-то раз она вышла из питомника, и ее глаза за стеклами очков выражали беспокойство.

— Доктор Кори, этих собак кто-то дрессировал?

— Дрессировал? — удивился Билл. — Конечно нет. А что?

— Что ж, у них есть задатки самых лучших дрессированных псов на Земле. Либо все они чрезвычайно умны… либо что-то еще. Они друг друга чуть с ног не сбивают, чтобы выполнить любую команду, которую только могут понять.

— Хм-м. — Билл выпрямился из-за микроскопа. — Интересно. Обычно одна или две собаки в помете немного умнее и послушнее остальных. Но если каждая особь в шести пометах — гений собачьего мира, это весьма странно. А вы что об этом думаете?

— На самом деле сомневаюсь, что они гении. Как я и сказала, не знаю, можно ли назвать это высоким интеллектом или… может, сильным стремлением к послушанию, или отсутствием инициативности, или… Слишком рано что-то утверждать. Но это не нормальные собаки, доктор Кори.

Слишком рано было что-то утверждать. Тесты всего лишь показывали, что щенки невероятно хорошо поддаются дрессировке. Но было трудно определить, какие качества за это отвечали. Билл не знал точно, что это может значить, но в нем поселилось беспокойство, которое никак не

хотело уходить.

Начали рождаться первые «рентгеновские» младенцы. Все без исключения хорошенькие, крепкие, здоровые младенцы, все предопределенного пола. Совет был в восторге, родители были в восторге, все были в восторге, кроме Билла. Его преследовали воспоминания о тех странно послушных щенках… Через три года система Кори стала доступна для всех.

Младенцы, рожденные в ходе экспериментов, показывали такие замечательные результаты, что в конце концов Билл сдался под натиском настойчивого мира. Хотя что-то в глубине его сознания требовало подождать еще. Этого он и сам не мог объяснить. Дети рождались нормальными: здоровыми и умными. Да, на редкость послушными, но это было скорее преимуществом, чем недостатком.

Вскоре малыши, рожденные по системе Кори, начали появляться по всему миру, и постепенно опасения Билла отступили. К тому времени на свет родился Билл-младший, который отвлек его от мыслей о чужих детях. Но даже тогда он смутно радовался тому, что маленький Билл родился мальчиком по воле случая, а не потому что так захотели его родители. И хотя никаких причин

отказываться от выбора пола ребенка у Билла не было, когда дело касалось его собственных детей, он настойчиво следовал этому принципу.

Зато в последующие годы у него было много причин для радости. Билл-младший рос быстро. Лиловые глаза достались ему от Марты, а темно-русые волосы — от отца. А еще в нем была его собственная решимость. Он собирался стать архитектором, и ни возмущенные крики матери о том, что он предает семейное дело, ни плохо скрываемое разочарование отца не могли его остановить. Но он был отличным парнем. Вместе с отцом они прекрасно проводили школьные каникулы. Весь мир Билла вращался вокруг его любимого талантливого и решительного сына. Билл готов был жить на этом свете только ради него.

Ему даже нравилось упрямство сына. Потому что теперь его не волновал вопрос о слабостях детей, рожденных по системе Кори. Они были вполне обычными во всех отношениях, за исключением одного: отсутствия инициативности. Как будто предопределение пола отобрало у них возможность самостоятельно принимать любые решения. Они были превосходными последователями, но среди них не рождались лидеры. Самые

сильные люди становились беспрекословными последователями. И было опасно наполнять ими мир, в котором Соединенными Штатами управлял генерал Джордж Гамильтон. Шел его четвертый срок на посту президента, когда первое поколение детей системы Кори подросло. Генерал яростно и искренне верил в идею подчинения интересов большинства государству, и новое поколение увидело в нем правителя, практически ниспосланного Богом.

Генерал Джордж мечтал о создании Объединенного мира, где все расы жили бы в слепом повиновении и жаждали пожертвовать всем во имя общего блага. А если он чего-то хотел, он этого добивался. Конечно, он понимал, что сначала будут несогласные, что, возможно, будут и кровопролитные войны. Но в своих прекрасных мечтах он искренне верил, что никакая цена не может быть слишком высокой и что конечная цель оправдывает любые средства. И когда выросло целое поколение людей, готовых безоговорочно принять лидерство генерала, ему показалось, что его поддерживают сами Небеса.

Конечно, он знал и настоящую причину. Эффект, который система Кори оказывала на детей, уже ни для кого не был секретом. Они всегда

слепо следовали за сильнейшим. Но генерал Джорджзнал: всего одно поколение последователей, и он сможет построить великое будущее в соответствии с его великими мечтами. Чтобы воевать, генерал Джорджунужна была нация солдат, огромное количество мальчиков, из которых вырастут целые армии. Удивительно, но немногие видели реальную мотивацию генерала, когда он призывал рожать больше мальчиков. Отцы нескольких сыновей поощрялись и награждались. Все понимали, что за подобными действиями кроется неизбежность войны. Однако не каждый осознавал, что лучшим способом обеспечить появление на свет исключительно мальчиков являлась система Кори. А это значит, что все люди нового поколения будут слепыми последователями, такими же, как их отцы. Может быть, от системы Кори отказались бы из-за единственного, но существенного недостатка. Однако генерал Джорджочень настойчиво требовал от своих последователей рождения сыновей.

Генерал Джорджне дожил до окончания первой Великой войны. Его последние слова «Продолжайте объединять мир!» были едва слышны за разрывами бомб, падающих на Вашингтон. Его заместитель, вице-президент Филипп Сполдинг,

принял эстафету и стал дальше бороться за объединение мира.

Когда закончилась Великая война, половина Соединенных Штатов лежала в руинах. Но генералу Джорджуудалось построить самый прочный из всех фундаментов — веру людей. Он приказал своим последователям плодиться и размножаться, и они подчинялись беспрекословно. Поэтому Сполдинг располагал огромными ресурсами человеческой силы и послушания.

Великий генерал был рад умереть за свою мечту, и умер он не зря. За десять лет после его смерти половина мира объединилась под его звездно-полосатыми знаменами. А Объединенный мир, который генерах видел в своих мечтах, стал реальностью менее чем через пятьдесят лет.

Мир, процветание и всеобщая преданность сделали Город наук по-настоящему великим. Но власть развратила лидеров, и они обратили свои ненасытные взгляды к звездам. Во время правления четвертого лидера (после смерти незабвенного Джорджа Гамильтона) был совершен первый успешный космический полет. Первый живой человек ступил на покрытую космической пылью мертвую поверхность Луны. Это стало огромным шагом вперед для всего человечества.

Но то был лишь первый шаг. Спустя три поколения за Луной последовал Марс. После короткой, но кровопролитной войны земляне поработили его увядающее население, а седьмого лидера начали одолевать головокружительные мечты об Объединенной Солнечной системе.

Время стремительно неслось вперед. Поколение сменяло поколение, каждое из них казалось неотличимым от предыдущего из-за неизменной синей униформы, которую носили со времен генерала Джорджа. Люди действительно стали неотличимы друг от друга. Все человечество формировалось по единому шаблону — шаблону, подходящему для военной диктатуры Объединенного мира. Система Кори уже давно стала обязательной, и количество мужчин и женщин строго устанавливалось лидерами. При этом дети класса лидеров появлялись на свет старым способом и не регулировались с помощью легендарного открытия доктора Кори.

Фамилия Кори была причиной для гордости. По давно сложившейся традиции в семье великого изобретателя его система не использовалась, а сами Кори занимали очень высокое положение в обществе. Некоторые из лидеров носили фамилию Кори, хотя эта должность, конечно,

по наследству не передавалась. Лидерами становились самые достойные юноши из класса кандидатов после серьезной подготовки и строгих экзаменов, когда предыдущий лидер уходил в отставку.

Фамильное сходство между представителями Кори было поразительным. И хотя со временем оно неизбежно ослабевало, некоторые черты Кори упрямо проявлялись в каждом приходящем поколении. То темно-русые волосы первого, великого Билла, то лиловые глаза прелестной Марты, которые унаследовал ее сын, а то лицо Билла-младшего целиком. При виде него сердце Билла-старшего каждый раз сжималось от любви и гордости.

Теперь глаза Кори смотрели на мир, великолепно организованный до малейшей детали. Человечество доказывало превосходство над самим собой — над своими слабостями и сентиментальными, эгоистичными стремлениями к личному счастью в противовес всеобщему благу. Немногие поддавались столь постыдным желаниям, но, когда такие находились, каждый сосед становился шпионом. И каждый, подобно самому лидеру, был непреклонен, уничтожая угрозы власти Объединенного мира. Каждый член общества

должен был быть одержим праведной мечтой пожертвовать своим счастьем во благо лидера и Объединенного мира, а те, в свою очередь, существовали для того, чтобы эту жертву принять.

Человечество достигло поистине удивительного прогресса. Стихии были давно повержены, атом покорился и отдал свою неисчислимую мощь для работы механизмов, а космос стал транспортной магистралью Объединенного мира.

Под иссиня-черным небом Марса на красной раскаленной почве, словно на шахматной доске, расположились человеческие города. На Венере под плотным покровом серых облаков те же одинаковые города разрослись среди знойных тропических джунглей. А лидеры в своих высоченных городах из стекла и стали алчно взирали на Юпитер и его многочисленные спутники.

Сквозь одинаково расчерченные города трех миров шли своими путями непоколебимые последователи лидера. Их лица, все как одно, выражали решительность.

Но они не выражали счастья. Здесь не было места смеху. Помимо того же возбуждения, что горело в глазах самого лидера, эти лица выражали одну-единственную эмоцию — едва заметную

скрытность, инстинктивное недоверие к своим ближним. Билл заметил его. Долгом каждого человека была жертва во имя великой цели. Люди жертвовали не только своими желаниями и счастьем, но и своим достоинством. Каждый должен был неустанно следить за предательскими слабостями своих друзей, коллег и родственников.

Панорама веков постепенно начала таять и растворяться, а перед ним вновь появилось лицо с лиловыми глазами, облаченное в голубую сталь. Юноша улыбнулся Биллу. Это была натянутая, выжидательная улыбка невероятно уверенного в себе человека.

Билл откинулся в кресле и глубоко вздохнул, он избегал смотреть на гордо улыбающегося сына. «Это я был там! — думал он. — Это я рождался снова и снова, работал не покладая рук, чтобы разрушить человеческое счастье… Но были и целые поколения Сью… То есть мои… Да, там я стремился к совершенно противоположной цели — к миру без войны. Я в ловушке. Если я не закончу свою работу, мир скатится к матриархату. Если я ее закончу, человечество превратится в машину. Это плохо. И то и то плохо».

— Доктор, конечно, ошеломлен осознанием собственного величия, — пробормотал Данн.

Билл понял, что это было своего рода извинением. Он попытался выпрямиться, чтобы посмотреть в горящие глаза юноши, который когда-то может стать его сыном. В его лице читалось лишь радостное ожидание похвалы, но Данн, похоже, уловил тень сомнения на лице Билла и, словно намереваясь разрушить эти сомнения, с нажимом произнес:

— Мы все движемся к одной общей цели — к завоеванию Солнечной системы во имя величия человеческой расы! Никто и не помышляет о меньшем. И вы стремитесь к этой великой цели не меньше нашего, доктор Кори.

— Вы ведь знаете, сэр, что самое главное — это человеческие ресурсы, — подхватил Билли-младший. — У нас уже есть огромные резервы, и мы накапливаем еще больше. На Марсе еще много свободного места, а Венера вообще почти нетронута. А потом мы, возможно, выведем людей, которые будут адаптированы к гравитации Юпитера. О, нашему величию не будет границ, сэр! И мы будем продолжать идти вперед! Кто знает, может, придет день, когда мы создадим Объединенную Вселенную!

Услышав, как голос юноши дрожит от нетерпения, Билл на мгновение засомневался в собствен-

ном сомнении. Могущественная раса людей! И он был частью этого, он жил в далеком будущем не меньше, чем жил сейчас в своем теле. Он жил в этом юноше с железным лицом и пламенеющем сердцем. На мгновение он забыл об удивлении и недоверии, которые испытывал, находясь в своем двадцать третьем веке, смотря через окно на тридцатый и разговаривая со своим еще не родившимся сыном. Сейчас это было для него свершившейся реальностью, великолепным подарком, будоражащим кровь, созданным благодаря его усилиям.

— Отец… отец! — прозвучал нежный звонкий голос у него в голове.

Воспоминания нахлынули на него ошеломляющим потоком и на мгновение заглушили все, кроме особенной отцовской любви к любимой дочери.

— Да, Сьюзен… Да, дорогая, — пробормотал он вслух, повернувшись к другому кубу.

Сью наклонилась вперед, по-прежнему стоя на коленях среди листьев мирта, ее карие глаза были широко открыты и слегка испуганы. Между ее сдвинутыми бровями образовалась складка, такая же появилась на лице самого Билла, когда он посмотрел на дочь. Казалось, что каждый из

них видит друг в друге себя, словно в зеркальном отражении. Затем на лице далекой правнучки Салли заиграла ее улыбка, и Сьюзен неуверенно рассмеялась:

— Что случилось, отец? Что-то не так?

Билл открыл было рот, чтобы ответить. Но что он мог сказать? Что он мог сказать девушке, которая даже не предполагала, что ее реальность не была чем-то неизбежным? Как он мог объяснить живому человеку, что его еще не существует, что он, возможно, никогда не будет существовать? Он грустно смотрел на нее, пытаясь отыскать нужные слова. Но не успел он заговорить, как…

— Доктор Кори, сэр? Что-то случилось?

Он снова повернулся к нахмурившемуся Билли, а затем в отчаянии перевел взгляд с одного лица на другое. Как они могли не слышать друг друга? Но, очевидно, Билли из своего окна в прошлое видел лишь фотографию, на которой застыла улыбающаяся Салли, в то время как Сью смотрела на неизменное лицо Марты. Биллу казалось, что девушка и юноша говорили почти одинаковыми голосами, использовали почти одинаковые слова, хоть и сами этого не осознавали. Как такое возможно? Они ведь даже не могут существовать вдвоем в одном мире. У него может быть только

кто-то один из этих прекрасных детей, не оба. Он любил их одинаково, и ему нужно было выбирать. Но как тут выберешь?

— Отец, — в голосе Сью нарастала тревога, — что-то не так. Я… чувствую это в вашем сознании… Ох, что же случилось, отец?

Билл безмолвно переводил взгляд с одного лица на другое. Его дети, которые не могли существовать одновременно, стояли сейчас перед ним, а за спинами у каждого был целый мир. Они взволнованно смотрели на него и в недоумении хмурились. И Билл даже не мог заговорить с одним из них, чтобы не предстать перед другим сумасшедшим, разговаривающим с пустотой. Ему вдруг безумно захотелось рассмеяться. Он был в тупике. И все же он должен был им ответить, должен был сделать выбор. Пока он сидел, тщетно подбирая нужные слова, в его голове начала формироваться любопытная мысль. Как странно, что из всех возможных поколений именно эти двое сумели связаться с ним. И почему они установили контакт почти одновременно, когда у них была вся жизнь, чтобы пытаться нащупать эту связь? По таким разным причинам, такими разными способами. Это было явно нечто большее, чем просто совпадение (если это, конечно, не

было сном). Билли и Сью — они были так похожи, несмотря на огромные различия между их словами, между их мирами — столь огромные, что кажутся непостижимыми, ибо как можно измерить расстояние между двумя несовместимыми вещами? Билли, который унаследовал от Билла Кори смелость, решительность и амбициозность. Сью, в которой были его мягкость, нежность и стремление к миру. Они были как разные полюса планеты! Соединения положительных и отрицательных качеств, которые вместе составляли самого Билла Кори. Даже их миры были будто половинками единого целого. Один — олицетворение силы и жестокости, другой — воплощение мягкости и абстрактного идеализма. И оба мира были плохими, как не может быть хорошим ничто, возведенное в абсолют.

Если бы он только мог понять, почему две эти крайности человеческой судьбы одновременно устремились в свое собственное прошлое и нашли его… Если бы он только мог понять, почему две половинки его души со своими плюсами и минусами, облаченные практически в его собственную плоть, терзают его муками неопределенности. Тогда, возможно… Он просто не мог выбирать между ними, ибо выбора и не было. И

сам вопрос был намного глубже. Билл пытался нащупать его, гадая, не может ли в ответе на этот вопрос крыться ответ на все вопросы мира. Ибо во всем этом была грандиозная цель, описать которую не хватит слов. Она лишь смутно прорисовывалась на границах сознания, достигая таких туманных вершин, которые разум был не в состоянии постичь.

Он попытался сказать что-то сразу обоим своим детям:

— Но почему… Как вы… почему именно сейчас…

Для Билли это прозвучало как полная бессмыслица. Но Сью, кажется, поняла, о чем он хотел спросить, потому что, немного подумав, она неуверенно ответила:

— На самом деле… я не знаю. Это точно была не просто удача. Я… чувствую это. Я чувствую, что за моими действиями стоит нечто большее… Это меня пугает. Что-то направляет меня, контролирует мое сознание… Отец, мне так страшно!

В тот момент стремление защитить свою дочь затмило его разум, и Билл воскликнул:

— Не бойся, родная! Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось!

— Доктор Кори! — Голос юного Билли дрог-

нул. Для него это, должно быть, прозвучало как полное безумие. Лица за его спиной застыли в настороженном изумлении, гул сзади нарастал.

Сью в отчаянии выкрикнула:

— Отец!

В то время как Билли испуганно спросил:

— Доктор Кори, вам плохо, сэр?

— Ради бога, подождите вы оба! — воскликнул Билл. Затем, запинаясь, он попытался остановить поток вопросов, которые посыпались от Билли: — Твоя… твоя сестра… Сью, дорогая, я тебя слышу! Все будет хорошо! Подожди минутку!

Лицо юноши в глубине куба застыло, в лиловых глазах под стальным шлемом читалось недоумение, Билли едва смог выговорить:

— Но ведь у вас никогда не было дочери…

— Нет, но могла бы быть, если… Если бы я женился на Салли, и тогда ты бы даже не… О боже!

Билл сдался и закрыл глаза руками, чтобы только не видеть изумленного недоверия на лице юноши. Он знал, что сказал слишком много, но сейчас он был слишком сбит с толку, чтобы продолжать диалог. Единственной четкой мыслью в его голове было осознание того, что он должен был поступить справедливо по отношению к обоим — и к юноше, и к девушке. Они должны

понять, почему…

— Доктору нездоровится, кандидат Кори? — послышался из куба тяжелый голос Данна.

— Нет… Он… Я не… — Билл слышал, как голос юноши задрожал, а затем он спросил уже более мягко: — Лидер, а великий доктор точно не был… сумасшедшим?

— Бог с тобой, юноша!

— Но… поговорите с ним сами, лидер!

Билл изможденно поднял голову в ответ на приказной тон Данна:

— Соберитесь, сэр! У вас никогда не было дочери! Разве вы сами не помните?

— Помню? — Билл рассмеялся. — У меня и сына никогда не было! Я еще не женат и даже не помолвлен! Как я могу помнить то, чего еще не произошло?

— Но вы женитесь на Марте Мэйхью! Вы женились на ней! Вы — основатель великой династии Кори, и вы изобрели…

— Отец! Отец, что происходит? — снова услышал он в своей голове плач Сьюзен.

Он тут же повернулся к другому окну и, увидев ужас в ее нежных карих глазах, пробормотал:

— Тише, родная… подожди, пожалуйста! — Затем он повернулся назад к лидеру и, стараясь

сохранять спокойствие, произнес: — Ничего из этого не случилось… пока что.

— Но оно случится… должно… Оно случилось!

— Даже если я не женюсь на Марте и у меня не будет сына?

Суровое лицо Данна исказила гримаса раздражения и гнева.

— Боже мой, да посмотри же сюда! — Он обеими руками схватил Билли за плечи и толкнул вперед к окну. — У тебя был сын! Вот его потомок, он как две капли воды похож на Кори-младшего! Этот мир… я сам… все мы… все это результат твоего брака! И у тебя никогда не было дочери! Ты что, хочешь сказать, что нас всех не существует? Что это все какой-то… сон? — Он тряхнул юношу за плечи. — Ты видишь нас, слышишь нас, разговариваешь с нами! Разве ты не понимаешь, что точно женишься на Марте Мэйхью?

— Отец, пожалуйста! Вернись! — настойчиво вопила Сью.

Билл застонал.

— Подождите минуту, Данн. — Он повернулся к Сью. — Что такое, родная?

Наклонившись вперед, Сью стояла на коленях среди прохладных листьев мирта и умоляла:

— Отец, ты же… ты не веришь им? Я слышала…

я все слышала через тебя, через нашу ментальную связь я смогла немного понять, что они говорили. И я знаю, о чем ты думаешь… Но это не может быть правдой! Ты говоришь себе, что мы все еще находимся на плоскости вероятностей… Но это лишь теория! Бездоказательные рассуждения о будущем! Как я могу быть ненастоящей? Это же глупо! Посмотри на меня! Услышь меня! Я существую! О, только не заставляй меня думать, что, возможно… что, возможно, это правда. Но ведь ты женился на Салли Карлайл, разве не так, отец? Пожалуйста, скажи, что это так!

— Подожди, милая. Мне нужно сначала объяснить все им.

Билл сглотнул. Он знал, что не должен был начинать этот бесполезный спор. Невозможно убедить живого человека в том, что его не существует. Он лишь посчитает тебя сумасшедшим. Хотя Сью, вероятно, сможет понять. Она обучалась метафизике и телепатии — это ей поможет. А вот Билли… Он глубоко вздохнул, мысленно расправил плечи и повернулся к нему. Билл решил хотя бы попробовать. Это будет справедливо. Он начал:

— Данн, вы когда-нибудь слышали о плоскости вероятностей?

Изумленный взгляд лидера натолкнул его на неприятную мысль: а вдруг его собственный мир — тоже всего-навсего красочная иллюзия. От таких размышлений сам временной фундамент словно закачался под его ногами. Но сейчас ему было не до этого. Он должен был все объяснить юному Билли, и неважно, насколько сумасшедшим посчитает его Данн. Сью тоже должна была понять, почему он поступит так, как поступит. Правда, он и сам пока не знал как. От всей этой путаницы трещала голова.

— Плоскость вероятностей? — В глазах Данна на мгновение вспыхнула четкая уверенность, что, в каком бы времени и реальности ни находился этот человек, он был сумасшедшим. Лидер с сомнением произнес: — Хм-м… да, кажется, где-то слышал. Ага, вспомнил. Какое-то словечко, которым пользовались шарлатаны из департамента телепатии, пока мы не вытурили их из Города наук. Но какое отношение этот бред имеет…

— Это не бред.

Билл закрыл глаза. Ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы его оставили в покое и дали подумать о том, что же ему делать. Но нет, все должно было решиться сейчас, времени на раздумья у него не было. Может, оно и к лучшему. Человеческий

мозг просто не выдержит, если будет долго думать о таком безумии. Он должен был что-то сказать юному Билли. Но что он мог сказать? Как мог он посмотреть в непонимающие, умоляющие глаза любого из своих детей и отобрать у них жизнь? Если бы он только мог разорвать связь, которая привела их троих на один временной перекресток. Но он не мог. Он должен был все объяснить Билли.

— Это не бред, — повторил он с нажимом. — Вы и ваш мир — это лишь один из вариантов будущего. Я никому ничего не должен. Если я не женюсь на Марте и не доведу до ума идею предопределения пола, будущее изменится… пойдет по другому пути. Который так же плох, как и ваш, если не хуже! — Последние слова он сказал уже самому себе.

— Он сошел с ума, — послышался с экрана шепот Билли.

— Я… Я не… — начал лидер дрожащим, заикающимся голосом. Он будто говорил сам с собой. — Это какая-то нелепость! Но все же он не женат и великое изобретение еще не доделано. А что, если он никогда… Но ведь мы существуем! Состоим из плоти и крови, ведь так? — С этими словами он постучал ногой по полу, словно прове-

ряя на прочность фундамент своего мира. — Мы все произошли от этого… этого сумасшедшего. Господи, неужели мы все тоже сумасшедшие?

— Отец! Вернись! — Голос Сью пронзительно звенел у Билла в ушах.

Он в отчаянии повернулся к ней, радуясь возможности избежать преследующих его взглядов из другого окна. Хоть взамен ему и придется столкнуться с ее глазами. Теперь Сью уже стояла на тихой и прохладной поляне, поросшей мирто́м, посреди залитого солнцем праздного мира. Она рыдала.

— Не слушай их, отец! Я чувствую, как ты сомневаешься. Я слышу, что они говорят! Но они ненастоящие, отец, они не могут быть настоящими! У тебя ведь никогда не было сына, помнишь? А все, что ты говоришь… Это ведь просто слова, так? Все эти глупости про плоскость вероятностей — это лишь гипотеза! Отец, скажи, что я права! У нас такой прекрасный мир, нам нравится так жить… Я хочу жить, отец! Я настоящая! Мы столько веков боролись за мир, счастье и наш замечательный цветущий Эдем. Не дай ему кануть в небытие! Ты… — Она неуверенно рассмеялась. — Ты этого не сделал, ведь этот мир вокруг нас, и он такой уже тысячу лет! Я…

Отец! — Ее голос сорвался, и она всхлипнула, отчего сердце Билла сжалось, ее слезы делали ему больно. Он должен был защищать ее и лелеять, всегда. Как же он…

— Доктор Кори, вы меня слышите? Пожалуйста, послушайте! — Знакомый голос Билли доносился до него из другого будущего.

Билл взглянул в его сторону, а затем закрыл руками уши и отвернулся от них обоих. Их голоса слились в один умоляющий голос.

Сью на миртовой поляне из далекого будущего, дитя увядающего мира, скользящего в пучину забвения. Мир Билли, возможно, и вправду такой прекрасный, как он говорит, но цена его слишком высока. Билл вспомнил застывшие несчастные лица, которые он видел на улицах городов этого мира. Его собственное изобретение лишило этих людей инициативности, которая принадлежала им по праву рождения. Счастье тоже принадлежало им по праву рождения, как и способность принимать решения, от которых зависело их будущее.

Нет, даже во имя великих достижений человечество не должно было лишаться неотъемлемого права делать собственный выбор. И если во власти Билла Кори было не допустить появления

системы, которая уничтожает в человеке свободу, честь и радость (даже во имя всеобщего прогресса), у него не было выбора. Цена была слишком высока. Смутно вспоминались ему слова из забытого прошлого: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит…»

Но какой была альтернатива… Билл тяжело вздохнул. Счастье, мир, свобода и честь. Да, в мире Сью было все, чего не хватало миру Билли. Но каков итог? Праздность, упадок и вымирание человеческой расы, которая в мире Билли станет великой и покорит космическое пространство.

— Но мне нужно сделать выбор, — простонал Билл. — А выбора нет! Если я женюсь на Салли и не закончу свое исследование — последует одно будущее. Если женюсь на Марте и исследование будет завершено — последует другое. И оба варианта плохие. Что же мне делать? Человек или человечество, что имеет большее значение? Счастье и вымирание или несчастье и прославленное бессмертие? Что же лучше?

— Кори! Доктор Кори! — Суровый голос Данна ворвался в оцепеневшее сознание Билла, и он обернулся.

Жесткое, словно каменное лицо лидера под

стальным шлемом источало уверенность. Билл понял, что Данн принял какое-то решение, и ощутил внезапное восхищение этим человеком. Все-таки недаром его выбрали лидером.

— С вашей стороны было очень глупо рассказывать нам это, Кори. Вы или чудак, или глупец, или и то и другое. Вы разве не понимаете? Вы думаете, что, устанавливая контакт, мы не подготовились к возможным проблемам? Мы переносим в ваше время изображение и звук, таким же способом мы можем перенести и уничтожение! В наших записях о прошлом не сказано, что Уильям Кори, находясь в своем кабинете, был убит выстрелом из атомной пушки. Но, ей-богу, сэр, если вы можете менять прошлое, то можем и мы!

— Но тогда вы уничтожите и себя, — заметил Билл, стараясь сделать свой голос максимально твердым. Он вглядывался в сердитые глаза человека, который раньше, должно быть, никогда не сталкивался с решительным сопротивлением, и задавался вопросом, смог ли этот человек принять ту истину, которая казалась ему невозможным безумием. Ему ужасно хотелось рассмеяться, однако где-то внутри росло холодное убеждение, что дети его нерожденного сына из несуществующего будущего действительно могут

его уничтожить. Он продолжил: — Вы и весь ваш мир исчезнете, если я умру.

— Но мы будем отомщены! — свирепо ответил лидер, а затем немного помедлил. — О чем это я… Вы чуть было не сделали из меня такого же сумасшедшего! Послушайте, да будьте же благоразумным! Вы можете представить себя растворяющимся в небытии? Вот и я не могу!

— Но если вы убьете меня, как ваш мир вообще сможет появиться?

— К черту это все! — взорвался Данн. — Я не философ! Я военный! И я готов рискнуть!

— Доктор Кори, пожалуйста… — Билли прижался к самой поверхности куба, словно хотел вернуться в свое собственное прошлое и положить руки на плечи этому человеку, который был так похож на него, бледному, упрямо смотрящему в будущее. Возможно, в его дрожащем голосе было нечто большее, чем просто стремление уладить конфликт. Ведь если Билл Кори, глядя в это юное лицо, столь похожее на его собственное, чувствовал привязанность, не должен ли юноша чувствовать нечто подобное, когда узнавал в Билле Кори себя? Возможно, именно от этого осознания голос юноши слегка задрожал. Он будто впервые засомневался в своей

правоте, сам того не осознавая. Он горячо воскликнул: — Пожалуйста, постарайтесь понять! Мы не боимся смерти. Каждый из нас добровольно умер бы прямо сейчас во имя всеобщего блага. Чего мы не можем вынести, так это смерти нашей великолепной цивилизации, которая делает человечество бессмертным. Подумайте об этом, сэр! Есть лишь одно правильное решение! Разве мы чувствовали бы себя такими сильными, если бы были неправы? Неужели вы можете обречь собственную расу на вечное прозябание на одной маленькой планетке, когда в ваших силах дать ей целую вселенную и множество хороших вещей, созданных наукой?

— Отец… отец! — откуда-то издалека его снова отчаянно звала Сью.

Но прежде чем Билл успел к ней повернуться, на него обрушился голос Данна, перекрывая собой все остальные голоса:

— Подождите! Я все решил!

Билли немного отошел, с внезапной надеждой повернувшись к своему лидеру. Билл уставился на Данна.

— Насколько я понимаю, — продолжал Данн, — весь этот абсурд сводится к вашему браку. Я, конечно, даже представить не могу, что вы жени-

тесь на ком-то, кроме той женщины, на которой вы женились… Но если у вас действительно есть на этот счет какие-то сомнения, то я все решу за вас.

Он повернулся, чтобы кивнуть в сторону того угла комнаты, который был скрыт от глаз Билла. Через мгновение смотрящая на него толпа людей в синей униформе расступилась, и вперед скользнул устрашающий ствол на низком лафете из блестящей стали. Он подъехал вплотную к поверхности куба, служившего окном между прошлым и будущим. Билл никогда раньше не видел ничего подобного, но сразу догадался, что это оружие было смертоносным. Оно пригнулось к основанию, словно зверь, готовящийся к прыжку, а его дуло смотрело прямо на Билла, будто чья-то зияющая пасть. Данн наклонился к стволу и положил руку на едва видимый рычаг.

— Итак, — произнес он сурово, — вы, Уильям Кори, вероятно, задаетесь вопросом, сможет ли наше оружие добраться до вас. Позвольте вас уверить, что силовой луч, который соединяет нас, может доносить в ваш мир не только звук и картинку! Надеюсь, мне не придется это демонстрировать. Надеюсь, вы будете достаточно благоразумным, чтобы включить телеэкран на

стене позади вас и позвонить Марте Мэйхью.

— М-Марте? — Билл уловил дрожь в своем голосе. — Зачем?

— Вы позвоните ей на наших глазах и сделаете предложение. Теперь ваш выбор таков: брак или смерть. Вы меня услышали?

Биллу безумно захотелось расхохотаться. Свадьба под дулами пушек из мифического будущего.

— Вы ведь не можете вечно угрожать мне своей хлопушкой. — Его голос дрожал от еле сдерживаемого смеха. — Откуда вы знаете, что я женюсь на ней, когда вас не будет?

— Вы сдержите свое слово, — спокойно ответил Данн. — Не забывайте, Кори, мы знаем вас лучше, чем вы сами себя. Мы знаем о вашем будущем гораздо больше, чем вы видели. Мы знаем, как с годами будет развиваться ваш характер. Да-да, вы честный человек. Как только вы сделаете ей предложение и она согласится (а она точно согласится), пути назад у вас не будет. Ваше обещание жениться подтверждает брак так же точно, как сама церемония. Видите, мы доверяем вашему слову, Уильям Кори.

— Но… — Билл не успел произнести ничего больше, потому что в этот момент в его мозг во-

рвался звонкий всхлипывающий голос:

— Отец! Отец, что ты делаешь? Что случилось? Почему ты не говоришь со мной?

Во всей этой суматохе Билл почти забыл о Сью, но знакомый голос пронзил его острой, почти невыносимой болью. Сью… Он вспомнил обещание защищать ее, невольно сорвавшееся с его губ при одном лишь упоминании опасности. Это был глубоко укоренившийся инстинкт защищать беспомощных и любимых. На мгновение он забыл о пушке, направленной на него из другого окна. Он забыл о Билли и его мире. Он осознавал только, что его дочь отчаянно зовет на помощь… зовет, чтобы он защитил ее от самого себя. От такой неразберихи кружилась голова.

— Сью… — начал он неуверенно.

— Кори, мы ждем! — В голосе Данна прозвучала угроза.

Но вот оно — решение. Билл не знал, в какой момент оно пришло ему в голову. Это обещание, возможно, уже давно начало формироваться в его подсознании. Билл не понял, когда впервые осознал его, но ему казалось, что он знал, откуда оно пришло. Он чувствовал уверенность, исходившую извне. Похоже, это действительно был Космический Разум, в котором барахталась его

собственная маленькая душа. И именно из этого непостижимого глобального плана, который был источником его проблемы, наконец, пришло решение. Во всем должен быть баланс… Сила, управляющая мирами, не может оставить ни одного вопроса без ответа.

Никакой путаницы на самом деле нет и никогда не было. Это все не случайность. У этого была цель. Внезапно на него нахлынула необъяснимая уверенность. Он повернулся с такой спокойной решимостью на лице, что Билли выдохнул и улыбнулся, а напряженное лицо Данна расслабилось.

— Слава богу, сэр. — В голосе Билли послышалось облегчение. — Я знал, что вы образумитесь. Поверьте, сэр, вы не пожалеете.

— Подождите, — сказал Билл им обоим и дотронулся рукой до кнопки под столом — в лаборатории прозвенел звонок. — Сейчас вы все увидите.

Три мира, три времени, три человека, похожие не только внешностью (возможно, три грани одной и той же личности, кто знает), ждали в напряженном молчании. Казалось, прошла вечность, прежде чем дверь открылась и в комнату вошла мисс Браун. Она замерла на пороге, лицо

ее выражало спокойную заинтересованность.

— Вы меня звали, доктор Кори?

Некоторое время Билл молчал. Он вложил всю свою душу в этот последний, долгий взгляд, которым он прощался со своим сыном, которого у него никогда не будет. Некий источник бесконечного понимания наполнял его разум, и теперь он знал, что и почему произойдет дальше. Он посмотрел через стол на знакомое лицо Сью — на плод их с Салли любви, которой тоже никогда не случится. А затем, набрав в грудь побольше воздуха, он сглотнул и произнес:

— Мисс Браун, вы выйдете за меня?

Данн сам подсказал ему решение: обещание, данное друг другу им и его женщиной, будет непреложным. Оно направит будущее в русло, ведущее к тому миру, в котором не может быть ни Билли, ни Сью. У Билла появилась надежда на такое будущее, когда женщина в дверях ответила на его предложение. Она не уставилась на него в недоумении, не захихикала и не начала заикаться. Она лишь посмотрела в его глаза долгим, глубоким взглядом. Он впервые заметил, что ее глаза за стеклами очков серые и спокойные. Она ответила:

— Спасибо, доктор Кори. Я буду рада стать ва-

шей женой.

Вот и все. Где-то в самой глубине его разума душераздирающее отчаяние взорвалось долгим пронзительным криком потерянной веры, когда хорошенькая Сью, его любимая дочь, канула в небытие, из которого она уже никогда не вернется. Праздный зеленый Эдем исчез навсегда. Этой прелестной белокурой девушки, сидящей на коленях посреди поляны, поросшей миртом, никогда не было — никогда не будет.

В другом окне в последней невыносимой вспышке он увидел Билли, который взирал на него неверящим взглядом. А позади любимого сына, которого он предал, Билл увидел лицо лидера, искаженное гримасой злобы. Когда будущее, которого никогда не будет, в последний раз мелькнуло в кубе, Билл увидел взрыв раскаленной добела жестокости, которую источало пушечное дуло. Жар и жестокость, прожигающие насквозь. Дошли бы они до него, смогли бы ему навредить? Этого он никогда не узнает, потому что прошел еще один миг, и исчезающий мир накрыла безмолвная, всепоглощающая волна пустоты.

Там, где секунду назад простирался такой живой и настоящий мир, теперь смотрели на

комнату лиловые глаза Марты. А в кубе напротив нее улыбалась своей неизменной беззаботной улыбкой хорошенькая Салли. Фотографии были порталами в будущее, но эти порталы закрылись. Будущее теперь уже точно не будет таким. В Космическом Разуме, в великом плане Вселенной две наполовину сформированные идеи погасли, словно пламя сгоревшей свечи.

Билл глубоко потрясенно вздохнул и повернулся к стоящей в дверях девушке с серыми глазами. Он смотрел на нее, а в голове проплывали разные неопределенные мысли: «Теперь я знаю то, о чем раньше можно было лишь догадываться: мы все — часть плана Вселенной. Есть множество вариантов будущего. Я не могу увидеть их все, но думаю… верю, что наше будет самым лучшим. Она не позволит мне бросить наше исследование, но и не станет торопить меня, чтобы я обнародовал его недоделанным. Может, вместе с ней мы сможем избавиться от того, что лишает эмбрионы инициативности. А там уж… кто знает?

Кто знает, почему все случилось именно так? У всего этого была причина, но я никогда ее не пойму. Знаю только, что вариантов будущего бесконечно много, и я не потерял ни Билли, ни Сью. Я бы этого не сделал, не будучи уверенным

в правильности своих действий. Я не мог их потерять, ведь они — это и есть я, все лучшее, что есть во мне. Может, я, настоящий я, на самом деле никогда не умру. Пока эти воплощения всего лучшего во мне, какую бы форму они ни принимали, не определят великое предназначение человечества в каком-то далеком будущем, которого я не увижу. У всего этого была причина. И, может, однажды… я ее пойму».

Но вслух он не сказал ничего. Он протянул руку женщине у порога и уверенно улыбнулся, глядя в ее спокойные серые глаза.

Айзек Азимов (1920–1992). Маятник

Перевод Арюны Доржихандаевой

Astounding Science Fiction, июль

«Маятник» – не первый мой изданный рассказ. Он был третьим. Первые два текста не в счет, ведь они не публиковались на страницах Astounding Science Fiction. Это был первый рассказ, который купил у меня Джон Кэмпбелл, и так я стал самым юным членом «команды» писателей, которых он собрал вокруг себя.

Хотя после пришли совсем молодые литераторы, не думаю, что когда-либо в своей карьере Джон встречал новичка настолько наивного и настолько не от мира сего, каким был я. Полагаю, это забавляло его, и ему было приятно иметь возможность воспитать юного писателя. Во всяком случае, я всегда считал себя его любимчиком: он тратил на меня больше времени и сил, чем на кого-либо еще. Хочется верить, что это до сих пор заметно.

Я всегда гордился тем, что мой первый рассказ был напечатан в том самом выпуске Astounding, с которого начался золотой век научной фантастики, хотя ясно, что никакой связи здесь нет. На самом деле я сомневаюсь, что кто-то заметил мерцание моего рассказа в блеске «Черного хищника» Ван Вогта, открывавшего выпуск. А.А.

Когда я вошел в офис, Джон Харман сидел за столом в глубокой задумчивости. Наблюдать за тем, как он, подперев голову рукой, хмуро смотрит в окно на Гудзон, стало привычным делом. Даже слишком привычным. Казалось несправедливым, что Харман, похожий на энергичного маленького петуха, день за днем изводил себя, а ведь ему по праву полагались похвала и восхищение всего мира.

Я плюхнулся в кресло.

— Босс, видели передовицу в сегодняшнем «Кларионе»?

Он поднял на меня усталые воспаленные глаза.

— Нет, не видел. Что пишут? Снова насылают на меня божью кару? — спросил он с горьким сарказмом.

— Теперь им и этого мало, босс. Вот, послушайте:

«Завтра — день, когда Джон Харман попытается осквернить небеса. Вопреки мировому правопорядку и морали завтра этот человек собирается бросить вызов Богу. Разве может смертный всюду следовать лишь за своими амбициями и желаниями? Есть вещи, в которых человеку навсегда отказано, и стремление к звездам — одна из них. Подобно Еве, Джон Харман жаждет вкусить запретный плод. Подобно Еве, он будет страдать и понесет заслуженное наказание.

Однако порицания недостаточно. Если мы позволим ему избежать божьей кары, этот грех останется на совести не только Хармана, но и всего человечества. Позволив ему осуществить свой коварный замысел, мы станем соучастниками преступления, и кара божья обрушится на всех нас. Поэтому завтра необходимо помешать Харману взлететь на его так называемом космическом корабле. Бездействие власти приведет к насилию. Если корабль не конфискуют, а Харман останется на свободе, то вполне возможно, что разъяренным гражданам придется взять дело в свои руки…»

Вскочив, Харман в порыве ярости вырвал газету из моих рук и швырнул ее в угол комнаты.

— Ты только посмотри! Да это же прямой при-

зыв к самосуду! — взревел он.

Он кинул мне пять или шесть конвертов. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что это.

— Снова угрозы? — спросил я.

— Они самые. Пришлось в очередной раз запросить усиление полицейского патруля у офиса и мотоциклистское сопровождение на завтра, когда мы отправимся к полигону. — Он взволнованно ходил взад-вперед по комнате. — Я не знаю, что делать, Клиффорд. Я работал над «Прометеем» почти десять лет. Я вкалывал, потратил уйму денег, отказался от всех радостей жизни, и ради чего? Ради того, чтобы кучка религиозных фанатиков натравила на меня общественность? Чтобы моя жизнь висела на волоске?

— Вы опередили свое время, босс. — Я пожал плечами.

Мой безразличный вид разозлил его, и он в ярости на меня накинулся:

— В каком смысле? На дворе тысяча девятьсот семьдесят третий год! Человечество готово к космическим путешествиям уже полвека. Пятьдесят лет назад люди только мечтали о дне, когда человек освободится от земных оков и покорит глубины космоса. Пятьдесят лет наука шла к этой цели, и вот… и вот наконец она в моих руках! И

ты говоришь, что человечество еще не готово?

— Если вы помните, то в двадцатые и тридцатые годы царила анархия, страна была в упадке, а правительство охватил хаос, — осторожно напомнил я ему. — Нельзя судить по меркам пятидесятилетней давности.

— Да знаю я, знаю. Еще прочитай мне лекцию о Первой и Второй мировых войнах. Я хорошо знаю историю. Во Второй мировой сражался мой отец, а в Первой — дед. И все же то было время расцвета науки. Люди не боялись мечтать и идти на риск, не задавались вопросами о важности технологического прогресса и науки, не отказывались ни от одной самой невероятной теории, смело трубили о научных открытиях. Сегодня мир охватила чума, раз такое великое достижение, как путешествие в космос, объявляют святотатством. — Он медленно опустил голову и отвернулся, чтобы скрыть дрожащие губы и слезы. Вдруг он выпрямился, его глаза горели. — Но я им еще покажу! Я пойду до конца, пройду огонь, воду и медные трубы. Я вложил слишком много сил, чтобы сдаться.

— Не принимайте все близко к сердцу, босс, — посоветовал я. — Завтра на корабле пустые переживания вам ни к чему. Ваши шансы вы-

браться живым и так невелики, а каковы же они будут, если вы отправитесь в космос в таком волнении?

— Ты прав. Не будем об этом думать. Где Шелтон?

— В институте. Договаривается, чтобы нам прислали специальные фотопластинки.

— Что-то он там застрял.

— Да нет. Но знаете, босс, с ним творится что-то странное. Не нравится он мне.

— Ерунда! Он работает на меня уже два года, и я им доволен.

— Как скажете. — Я развел руками в примирительном жесте. — Не слушайте, если не хотите. Просто как-то раз я застал его за чтением одной из чертовых брошюр Отиса Элдриджа. «Берегитесь, сыны человеческие, страшный суд близок. Грядет наказание за ваши грехи. Покайтесь, дабы спастись», и прочая чепуха в этом духе.

Харман презрительно фыркнул.

— Брехня фанатиков! В мире такие типы всегда найдутся, пока хватает идиотов, ведущихся на их речи. Но нельзя осуждать Шелтона только за то, что он читает брошюры. Я сам листаю их время от времени.

— Он сказал, что подобрал ее на улице и про-

читал лишь из праздного любопытства. Хотя я уверен, что видел, как он вытаскивал ее из бумажника. Да и вообще, он каждое воскресенье ходит в церковь.

— Разве это преступление? В наше время все туда ходят!

— Конечно, но не на собрания Евангелического общества двадцатого века под руководством Элдриджа.

Харман был потрясен. Разумеется, он впервые об этом слышал.

— Плохо дело. Надо за ним приглядывать.

Но после этого разговора дела пошли своим чередом, а мы и думать забыли о Шелтоне. Пока не стало слишком поздно.

В последний день перед испытаниями делать было особо нечего, и я забрел в соседний кабинет, где наткнулся на итоговый отчет Хармана для института. В мои обязанности входила проверка всех недочетов и ошибок, которые могли закрасться в документы, но, боюсь, выполнял я работу не слишком качественно. По правде говоря, мне было сложно сосредоточиться. Каждые пять минут я отвлекался на собственные раздумья.

Вся эта суета вокруг полета Хармана вызыва-

ла недоумение. Когда он впервые объявил, что строительство «Прометея» почти завершено, научные круги возликовали. Ученые, конечно, высказывались осторожно и неопределенно, но всеобщий энтузиазм был налицо.

Однако массы отнеслись к достижению иначе. Вам, людям двадцать первого века, это покажется странным, но в семьдесят третьем году нам следовало ожидать подобной реакции. Народ в то время был не столь прогрессивен. Долгие годы в мире правила религия, и, когда церкви единодушно выступили против корабля Хармана, все было решено.

Поначалу недовольство ограничивалось только церковными собраниями, и мы думали, что все как-нибудь уладится. Но этого не произошло. Газеты подхватили шумиху и принялись трубить о проповедях. Бедняга Харман в считаные дни стал козлом отпущения. С этого и начались его неприятности.

Каждый день он получал письма с угрозами и обещаниями божьей кары. Ходить по улице стало небезопасно. Десятки сект, ни к одной из которых он не принадлежал (Харман вообще отличался редким вольнодумством, что тоже ставилось ему в вину), отлучили его от церквей и наложили

на него особый интердикт. Но хуже всего было то, что Отис Элдридж со своим Евангельским обществом принялся мутить воду.

Элдридж был странным типом — одним из так называемых светил, которые встречаются на каждом шагу. Он был так красноречив и остроумен, что мог буквально загипнотизировать толпу. Стоило ему поднести ко рту микрофон, как двадцать тысяч человек становились в его руках податливыми, как воск. Четыре месяца он обрушивал на Хармана проклятия и угрозы, четыре месяца изливал в ораторском запале нескончаемый поток обличений. Четыре месяца в мире нарастали ожесточение и злоба.

Но Харман был не из пугливых. Силы духа в его щуплом маленьком тельце хватило бы на пятерых великанов. Чем громче народ требовал расправы, тем упорнее он стоял на своем, не отступая ни на шаг и проявляя нечеловеческое (а по словам его противников — «дьявольское») упорство. Но я хорошо его знал и видел, что за напускной твердостью скрывается горькое разочарование и печаль.

Звонок в дверь прервал мои размышления, и я подскочил от неожиданности. Посетители в те дни были редкостью.

Я выглянул в окно и сразу узнал высокого грузного человека, беседующего с сержантом полиции Кэссиди. Это был Говард Уинстед, глава института. Харман выбежал ему навстречу, и они прошли в офис. Я последовал за ними, гадая, что же привело сюда Уинстеда, который был скорее политиком, чем ученым.

Обычно очень учтивый и обходительный Уинстед, казалось, чувствовал себя неуютно. Он смущенно избегал взгляда Хармана и бормотал что-то о погоде. Но вдруг совершенно недипломатично перешел прямо к делу:

— Джон, — сказал он, — не лучше ли отложить испытания?

— Вы ждете, что я откажусь от них полностью, так ведь? Не дождетесь. Я не стану этого делать — и точка!

Уинстед поднял руку.

— Погодите, Джон, не нужно так волноваться. Дайте я объясню, в чем дело. Я знаю, что институт согласился предоставить вам полную свободу действий. И я знаю, что по крайней мере половину затрат вы покрыли из своего кармана, но… испытания все же придется отложить.

— Неужели? — Харман презрительно фыркнул.

— Послушайте, Джон, вы человек науки, но ничего не смыслите в человеческой природе, а я, в отличие от вас, в ней разбираюсь. Осознаете вы это или нет, но «безумные десятилетия» уже давно в прошлом. Многое изменилось с тысяча девятьсот сорокового. — С этого момента речь Уинстеда полилась рекой, и стало ясно, что он подготовил ее заранее. — После Первой мировой человечество отвернулось от религии и шагнуло навстречу будущему, свободному от старых порядков. Люди очерствели, лишились иллюзий, стали циничны и прозорливы. Элдридж зовет таких «нечестивыми грешниками». И тем не менее это был золотой век науки. Говорят, она расцветает в такие сложные времена.

Однако вы знаете, что творилось с политикой и экономикой. В мире царили хаос и анархия. То было саморазрушительное, дикое, чудовищное время, кульминацией которого стала Вторая мировая война. И если Первая мировая привела к рефлексии и цинизму, то Вторая вернула нас в лоно религии.

Люди с ужасом вспоминают «безумные десятилетия». Они достаточно натерпелись и не хотят повторения. Поэтому и отказались от того, во что верили в то время. Понимаете, их мотивы ясны и

похвальны. Эта свобода, эта прозорливость, этот отказ от старых порядков — все они в прошлом. Напрочь забыты. Сейчас мы живем во вторую викторианскую эпоху. И в этом нет ничего удивительного, ведь история подобна маятнику, и сейчас он качнулся обратно, в сторону религии и традиций.

С тех пор сохранилось одно — уважение человечества к научному знанию. У нас появились запреты: разводы не одобряются, женщинам нельзя курить, пользоваться косметикой, носить открытые платья и короткие юбки. Но ограничения не коснулись науки. Пока не коснулись. Поэтому заниматься ею следует с осторожностью, чтобы избежать народного гнева. Скоро людей несложно будет убедить, что именно наука виновата в ужасах Второй мировой. Отис Элдридж в своих речах подошел к этому выводу очень близко. Они станут говорить, что наука вытеснила культуру, а технологии — социологию и отсутствие равновесия чуть не привело мир к гибели. И мне кажется, в некоторой степени будут правы.

Знаете, что нас ждет, если все-таки дойдет до этого? Научные исследования могут запретить вовсе. В лучшем случае наука окажется под пол-

ным контролем государства и сама задохнется. На то, чтобы справиться с последствиями катастрофы, уйдут тысячелетия. Ваши испытания могут стать последней каплей. Вы настолько взволновали общественность, что с каждым днем успокоить ее все сложнее. Я предупреждаю вас, Джон. Последствия лягут на ваши плечи.

На мгновение воцарилась тишина. Харман выдавил из себя улыбку.

— Бросьте, Говард, вы боитесь собственной тени. Вы что, всерьез считаете, будто весь мир готов вернуться к Темным векам? В конце концов, разве умные люди не понимают, как важна наука?

— По моим наблюдениям, таких осталось не так уж и много. — Уинстед достал из кармана трубку и принялся набивать ее табаком. — Элдридж основал Лигу праведников — сокращенно ЛП, — и за пару месяцев она разрослась до невероятных размеров. Только в Соединенных Штатах насчитывается двадцать миллионов последователей. Элдридж возомнил, будто после выборов Конгресс окажется в его руках, и, похоже, это не просто дешевый блеф. Уже сейчас вовсю лоббируется законопроект, запрещающий испытания ракетно-космической техники. Подобные уже приняли в Польше, Португалии и Румынии. Джон, не за

горами открытые гонения на науку. — Уинстед быстро и нервно курил.

— Но если у меня получится, Говард, если получится?! Что тогда?

— Ну согласитесь — вероятность невелика. Вы ведь сами рассчитали, что шанс вернуться живым — один к десяти.

— Какая разница! Будущие испытатели учтут мои ошибки, и шансы на успех возрастут. Это называется научный метод.

— Толпа о ваших методах не знает и знать не хочет! Ну, что скажете? Вы отмените испытания?

Харман вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Вы понимаете, о чем просите? Хотите, чтобы я взял и отказался от дела всей своей жизни, от своей мечты? Думаете, я буду сидеть сложа руки и ждать, когда ваши драгоценные массы проявят благосклонность? Да я буду ждать до самой смерти! У меня есть неотъемлемое право стремиться к знаниям. У науки — неотъемлемое право свободно развиваться. Я прав, а мир, пытаясь мне помешать, ошибается. И пусть мне придется непросто, я никогда не откажусь от собственных прав. Вот вам мой ответ!

Уинстед только грустно покачал головой.

— Джон, вы заблуждаетесь, когда говорите о

«неотъемлемых» правах. То, что вы зовете «правом», на самом деле привилегия, данная вам с общего согласия. То, что общество принимает, считается правильным, а что нет — ошибочным.

— И ваш приятель, Элдридж, согласился бы с подобным определением «праведности»? — с горечью спросил Харман.

— Нет, не согласился бы, но это и неважно. Возьмите, например, африканские племена каннибалов. Они были воспитаны в традициях каннибализма, и их общество поощряло эту практику. Для них людоедство было правомерно, и почему бы нет? Видите, насколько все относительно, насколько бессмысленны разговоры о «неотъемлемых» правах на проведение испытаний.

— Знаете, Говард, вам надо было пойти в адвокаты. — Харман не на шутку разозлился. — Ваши аргументы стары как мир. Боже, вы что, пытаетесь доказать мне, будто это преступление — быть несогласным с толпой? Вы отстаиваете серость, однообразие и полную ортодоксальность? С такими, как вы, наука загнется скорее, чем под давлением правительственных запретов. — Харман с упреком ткнул пальцем в главу института. — Вы предали науку и традиции

славных бунтарей: Галилея, Дарвина, Эйнштейна и их собратьев. Что бы вы с вашими индюками ни говорили, завтра моя ракета взлетит, как и планировалось. На этом все. Я не стану слушать вас ни секунды. Убирайтесь!

Глава института весь побагровел и повернулся ко мне.

— Молодой человек, будьте свидетелем, я предупреждал этого упрямого олуха, этого… пустоголового фанатика, — договорил он, захлебываясь, и с негодующим видом удалился.

Харман посмотрел на меня.

— Ну, а ты? Что-то мне подсказывает, что ты с ним согласен.

Я мог ответить только одно:

— Вы платите мне за то, чтобы я выполнял ваши поручения, босс. Я за вас.

В этот момент вошел Шелтон, и Харман отправил нас в сотый раз перепроверять траекторию полета, а сам пошелспать.

Следующий день, пятнадцатое июля, выдался замечательным. Я, Шелтон и Харман переправились через Гудзон в приподнятом настроении и направились к полигону, окруженному отрядом полицейских, в центре которого сверкал в своем величии «Прометей».

Вдоль ограждения, установленного на безопасном расстоянии от ракеты, собралась несметная толпа. Сотни людей выкрикивали проклятия. На один короткий миг, когда толпа расступилась перед сопровождавшими нас полицейскими мотоциклами, на нас обрушились проклятия такой силы, что я, честно говоря, почти пожалел, что мы не последовали совету Уинстеда.

Но Харман не обращал на них внимания, только раз презрительно ухмыльнулся в ответ на выкрик:

— Вот и Джон Харман, сын сатаны!

Он с невозмутимым спокойствием руководил приготовлениями. Я проверил герметичность внешних стен толщиной в один фут, осмотрел шлюзы и удостоверился в исправности очистителя воздуха. Шелтон отвечал за состояние защитного экрана и топливных баков. Наконец, Харман влез в неуклюжий скафандр, убедился, что тот в порядке, и объявил о своей готовности.

Толпа заволновалась. Кто-то наспех сколотил дощатый помост, и теперь на нем возвышался человек необычной наружности: худой, высокий, с изможденным лицом, как у аскета, и белоснежной гривой волос. Его глубоко посаженные горящие глаза смотрели исподлобья. Это был

Отис Элдридж. Народ узнал его мгновенно. Раздались аплодисменты. Энтузиазм возрастал, и вскоре бурлящая масса людей выкрикивала его имя до хрипоты.

Он поднял руку, требуя тишины, и повернулся к Харману, который наблюдал за ним со смесью изумления и отвращения. Элдридж ткнул в него длинным, костлявым пальцем.

— Джон Харман, сын дьявольский, отродье сатаны, тебя привел сюда греховный замысел. Ты хочешь совершить кощунство и приподнять покров божий, недоступный простому смертному. Ты вкусишь запретный плод Эдема. Берегись! Горек будет плод греха!

Толпа, словно эхо, подхватила его слова. Он продолжал:

— Перст Божий покарает тебя, Джон Харман. Он не допустит осквернения Его творения. Ты умрешь сегодня! — Его голос набирал силу и последние слова прозвучали мрачным пророчеством.

Харман с презрением отвернулся. Он громко и отчетливо обратился к сержанту полиции:

— Офицер, можно ли как-то избавиться от этих зевак? Запуск наверняка приведет к разрушениям, а люди столпились слишком близко.

— Если вы боитесь толпы, так и скажите, мистер Харман, — отрезал полицейский. — Хотя вам не о чем беспокоиться, мы сумеем ее сдержать. А что до опасности этой штуковины… — Он громко фыркнул, бросив взгляд в сторону «Прометея», чем вызвал поток насмешливых криков.

Харман не ответил и молча поднялся на борт. Тут повисла странная тишина. Чувствовалось ощутимое напряжение. Никто не пытался взять ракету штурмом, хотя мне казалось, что подобный исход неизбежен. Напротив, Отис Элдридж приказал людям отойти. Он закричал:

— Пусть грехи обрушатся на грешника. Как сказал Господь: «Мне отмщение, и аз воздам».

Момент запуска близился, Шелтон подтолкнул меня локтем.

— Давай-ка отойдем, — прошептал он напряженно, — а то еще надышимся выхлопами. — И он бросился бежать, призывая меня последовать за ним.

Не успели мы выбраться из толпы, как позади раздался страшный рев. Меня окатило волной горячего воздуха. Мимо уха что-то пронеслось с ужасающим свистом, и меня с силой швырнуло на землю. Несколько минут я лежал в беспамятстве, в ушах звенело, а голова шла кругом.

Когда я, пошатываясь, поднялся на ноги, передо мной явилось ужасное зрелище. Похоже, взорвались топливные баки «Прометея», и там, где еще мгновение назад возвышалась ракета, зияла глубокая яма. Земля была усыпана обломками. Душераздирающие крики раненых, изуродованные тела… Пожалуй, я воздержусь от описаний.

И тут послышался слабый стон. Я оглянулся и пришел в ужас. На земле лежал Шелтон с окровавленным затылком.

— Я сделал это, — прохрипел он торжествующе, но его голос был настолько тих, что я едва мог расслышать. — Я сделал это. Я вскрыл баки с жидким кислородом, и, как только искра коснулась ацетиленовой смеси, вся эта проклятая махина взорвалась. — Он хватал ртом воздух, пытался пошевелиться, но не мог. — Кажется, в меня попал обломок, но мне все равно. Я умру, зная, что… — Голос его звучал сдавленно и хрипло, но на лице застыло восторженное выражение мученика.

Он умер, и я не смог найти в себе силы осудить его.

И тут я вспомнил о Хармане. На место происшествия прибыли машины скорой помощи из Манхэттена и Джерси-Сити. Одна из них помчалась к рощице примерно в пятистах ярдах от нас,

где, застряв в верхушках деревьев, лежала раздробленная носовая часть «Прометея». Я бросился туда со всех ног, но они уже вытащили Хармана и увезли прежде, чем я успел добежать до них.

Я не стал там задерживаться. Взволнованная толпа кружилась вокруг погибших и раненых, но скоро она очухается и воспылает жаждой мести. Тогда моя жизнь не будет стоить ни цента. Я прислушался к здравому смыслу и под шумок ускользнул.

Следующая неделя прошла будто в горячке. Я прятался у друга, прекрасно понимая: если меня найдут, я рискую поплатиться жизнью. Харман лежал в больнице в Джерси-Сити — он отделался легкими порезами и ушибами, так как взрывная волна отбросила кабину «Прометея» на деревья, что и смягчило удар. Теперь на Хармана обрушился гнев всего человечества.

Нью-Йорк, да и весь остальной мир, словно сошел с ума. Газеты все как одна вышли с огромными кроваво-красными заголовками: «Двадцать восемь убитых, семьдесят три раненых — такова цена греха». Газетчики развернули за Харманом настоящую охоту: требовали арестовать его и судить за убийство первой степени.

Со всех районов Нью-Йорка стекалась обезумев-

шая многотысячная толпа. Скандируя «Казнить его!», она хлынула через реку прямо к Джерси-Сити. Возглавлял их, конечно же, Отис Элдридж. Обе его ноги были в гипсе, поэтому он обращался к народу из машины с откидным верхом. Марширующая толпа стала самой настоящей армией.

Мэр Джерси-Сити Карсон созвал всех свободных полицейских и умолял власти направить к ним армию из Трентона. Туннели и мосты, ведущие из города, перекрыли слишком поздно — когда толпа уже покинула Нью-Йорк.

Шестнадцатого июля на побережье Джерси шли ожесточенные бои. Полиция размахивала дубинками без разбора, но, несмотря на численное превосходство, отступила под натиском толпы. Группа конных полицейских попыталась наехать на демонстрантов, но и ее оттеснили. Лишь слезоточивый газ сдержал протестующих — и все равно столкновения продолжались.

На следующий день было объявлено военное положение, и армия вошла в Джерси-Сити. Это положило конец призывам к самосуду. Элдридж был вызван к мэру и после разговора с ним приказал своим последователям разойтись.

Газетчикам мэр Карсон заявил:

— Джон Харман должен понести наказание

за свое преступление, но важно сделать это в соответствии с законом. Правосудие свершится, и правительство штата Нью-Джерси примет все необходимые меры.

К концу недели жизнь вернулась на круги своя, и скандал вокруг Хармана поутих. Спустя еще две недели его имя почти исчезло из газет: его лишь мельком упомянули при обсуждении нового закона Зиттмана о запрете ракетостроения, единогласно принятого обеими палатами Конгресса.

Харман все еще лежал в больнице. Уголовное дело против него не возбудили, но стало казаться, будто теперь его жизнь пройдет в бессрочном заключении «ради его же блага». Поэтому я решил, что пора действовать.

Больница «Темпл» находилась в глухом районе на окраине Джерси-Сити, и в темную, безлунную ночь мне не составило большого труда проникнуть туда незамеченным. С удивительной для самого себя ловкостью я забрался в подвальное окно, оглушил сонного дежурного и прокрался к палате 15Е, которая в книге регистрации значилась за Харманом.

— Кто здесь? — Испуганный возглас Хармана музыкой прозвучал в моих ушах.

— Тсс! Тихо! Это я, Клифф Маккенни.

— Ты! Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь вытащить вас отсюда. Или хотите остаться тут до конца своих дней? Пойдемте, нужно выбираться.

Я поторопил Хармана, чтобы он скорее переодевался. Через минуту мы уже крались по коридору и вскоре сели в машину. Только тогда Харман собрался с мыслями и начал задавать вопросы.

— Что произошло в тот день? — первым делом спросил он. — Последнее, что я помню, — как дернул за рычаг. Очнулся я уже в больнице.

— Разве они вам не сказали?

— Ни слова, — прошипел он. — Я забросал их вопросами, но без толку.

Я рассказал ему все с самого начала. Его глаза расширились от ужаса, когда я назвал число раненых и погибших. Узнав о предательстве Шелтона, он покраснел от ярости, а в ответ на мой рассказ о беспорядках и попытках устроить самосуд тихо выругался сквозь зубы.

— Конечно же, газеты сообщили об «убийстве», — продолжал я, — но им не удалось повесить это на вас. Тогда они стали говорить о непредумышленном убийстве, но нашлось немало свидетелей, которые слышали, как вы просили разогнать толпу и как сержант отказал

вам. Поэтому всю вину с вас сняли. Тот полицейский погиб при взрыве, и они не смогли сделать из него козла отпущения. Но, пока Элдридж продолжает требовать вашей казни, вы никогда не будете в безопасности. Надо затаиться, пока есть возможность.

Харман кивнул в знак согласия.

— Элдридж выжил, так ведь?

— К сожалению. Он переломал обе ноги, но этого мало, чтобы заставить его замолчать.

Спустя еще неделю мы добрались до нашего убежища — фермы моего дяди в Миннесоте. В этой деревенской глуши мы выжидали, пока шумиха вокруг исчезновения Хармана уляжется окончательно, а вялые поиски прекратятся. Искали его, кстати, недолго: по поводу пропажи Хармана правительство испытало скорее облегчение, чем тревогу.

Тишина и покой сотворили с Харманом чудо. За полгода он как будто переродился и снова рвался в космос. Казалось, ничто в мире не заставит его свернуть с намеченного пути.

— В первый раз моя ошибка была вот в чем, — сказал он одним зимним днем. — Когда я объявил об испытаниях, я, как и говорил Уинстед, совсем не думал о настроениях в обществе. Однако в этот

раз, — он потирал руки и задумчиво вглядывался в даль, — я поступлю хитрее. Испытания пройдут втайне ото всех, и никто о них не узнает.

Я мрачно усмехнулся.

— Да уж придется. Вы слышали, что любая деятельность в сфере ракетостроения, даже теоретические исследования, теперь считается преступлением и карается смертной казнью?

— Боишься, что ли?

— Конечно нет, босс. Я просто констатирую факт. Кстати, вот вам еще один: вы же понимаете, что мы не сможем построить ракету своими силами?

— Я уже думал об этом и нашел выход. Главное, что мне хватит на это денег. А тебе, Клифф, придется отправиться в небольшое путешествие. Сначала нужно поехать в Чикаго, наведаться в фирму Робертса и Скрэнтона и снять со счетов все, что осталось мне в наследство от отца. Правда, большая часть этого состояния ушла на строительство первой ракеты, — добавил он с досадой. — Затем надо отыскать наших старых друзей. Гарри Дженкинса, Джо О'Брайена, Нила Стентона — всех, кого сможешь. И постарайся вернуться как можно скорее. Я не могу больше ждать.

Через два дня я отправился в Чикаго. Уговорить дядю на это дело было проще простого.

— Семь бед, один ответ, — проворчал он, — валяйте. Я и так влип. Одной авантюрой больше, одной меньше — какая уже разница?

Поездить пришлось немало, но еще больше пришлось умасливать и упрашивать четырех человек поехать со мной на ферму: троих, о которых говорил Харман, и еще одного, Сола Симоноффа. В такой компании, с полумиллионом, оставшимся от богатства Хармана, мы приступили к работе.

Строительство «Нового Прометея» — это другая история, длиною в пять лет, полных сомнений и неуверенности в успехе. Шаг за шагом мы собирали стройматериалы по всей Америке: детали каркаса закупали в Чикаго, листы бериллиевого сплава для обшивки — в Нью-Йорке, ванадиевые батареи — в Сан-Франциско. И вот наконец свершилось — мы достроили брата злополучного «Прометея».

Трудности казались непреодолимыми. Чтобы не навлечь на себя подозрений, нам приходилось закупать детали раз в несколько недель и указывать разные адреса. Мы просили помощи у друзей со всей страны. Они, конечно, понятия не имели, зачем именно совершались эти покупки.

Самым трудным было самостоятельно синтезировать десять тонн топлива — на это ушло больше всего времени. Деньги Хармана буквально таяли на глазах, так что нам приходилось экономить на всем. С самого начала мы понимали, что «Новый Прометей» не будет столь же просторным и хорошо оборудованным, каким был первый, но вскоре выяснилось, что недостаток денег делает нашу затею довольно-таки опасной. Защитный экран функционировал кое-как, а от радиосвязи и вовсе пришлось отказаться.

Пока мы работали не покладая рук в глухих лесах северной Миннесоты, мир изменился, и пророчества Уинстеда оказались поразительно близки к реальности.

События тех пяти лет, с 1973 по 1978 год, сегодня хорошо известны всем школьникам: этот период стал кульминацией «неовикторианской» эпохи. В то, что тогда происходило, теперь трудно поверить.

Запрет на космические исследования и полеты был лишь началом. За несколько лет правительство приняло кучу антинаучных мер. После выборов 1974 года сформировался Конгресс, где Элдридж подчинил себе и палату представителей, и сенат. Он тотчас взялся за дело. На первой

сессии Конгресса 93-го созыва приняли знаменитый закон Стоунли — Картера. В соответствии с ним учредили Федеральное бюро исследований науки, ФБИН, которое должно было следить за научными изысканиями по всей стране. Все промышленные и исследовательские лаборатории теперь обязаны были докладывать о своих проектах ФБИН. Бюро имело право запретить — и, разумеется, запрещало — все, что считало нужным.

Протесты не заставили себя долго ждать. 9 ноября 1974 года в Верховный суд был подан иск по делу Уэстли. Джозеф Уэстли из Стэнфорда требовал сохранить за ним право продолжать исследования в сфере атомной энергетики на основании того, что закон Стоунли — Картера противоречит конституции.

С каким любопытством мы впятером, затерянные в снегах Среднего Запада, следили за развитием событий! Мы выписывали все газеты из Миннеаполиса и Сан-Паулу, хоть и получали их на два дня позже положенного, и проглатывали каждое слово, написанное об этом деле. На два месяца напряженная работа над «Новым Прометеем» приостановилась.

Поначалу ходили слухи, что суд может при-

знать закон антиконституционным, и потому во всех крупных городах начались массовые протесты. Лига праведников пустила в ход свой авторитет, и Верховный суд сдался. Пятью голосами против четырех закон признали не противоречащим конституции. Выбор одного человека задушил всю науку. В этом не было никаких сомнений. Члены Бюро принадлежали Элдриджу душой и телом, и все, что не имело непосредственного промышленного применения, тут же запрещалось.

— Наука зашла слишком далеко, — говорил Элдридж в своей знаменитой речи. — Мы должны остановить ее раз и навсегда и дать миру вздохнуть. Только наше сопротивление и вера в Бога приведут нас к всеобщему и стабильному процветанию.

Однако это стало одним из последних выступлений Элдриджа. Изматывающий образ жизни довел его до истощения; он так до конца и не оправился от травм, полученных в тот роковой июльский день. 2 февраля 1976 года он умер. Никого со времен убийства Линкольна не оплакивали так горько, как его.

Смерть Элдриджа мало что изменила. С годами порядки ФБИН становилось все жестче. Наука

была столь слаба, что колледжам пришлось снова преподавать классические языки и философию в качестве основных дисциплин — и все равно количество студентов упало до минимума.

В остальном цивилизованном мире царили примерно те же порядки. В Англии дела шли еще хуже, чем у нас, а вот в Германии, наоборот, все складывалось не так плохо — она последняя поддалась влиянию «неовикторианства».

Надир науки наступил весной 1978 года, когда до конца работы над «Новым Прометеем» оставалось около месяца. Тогда был опубликован «Пасхальный эдикт» — прямо накануне самой Пасхи. Согласно ему все независимые исследования и испытания категорически запрещались. Теперь ФБИН разрешало только те исследования, которые само и заказывало.

В то Пасхальное воскресенье мы с Харманом стояли перед сверкающим металлическим корпусом «Нового Прометея». Я пребывал в глубоком унынии, а Харман почти светился от радости.

— Ну вот, дорогой Клиффорд, — сказал он, — остались последние штрихи, еще одна тонна топлива — и все готово для моей второй попытки. На этот раз никакие Шелтоны нам не помешают.

Он напевал гимн. В те дни по радио только

его и крутили, поэтому даже мы, вольнодумцы, насвистывали этот мотив.

Я угрюмо пробормотал:

— Все напрасно, босс. Ставлю десять к одному, что вы погибнете в открытом космосе, а даже если каким-то чудом вернетесь, велика вероятность, что вас тут же повесят. Нам не выиграть. — Я обреченно покачал головой.

— Ерунда. Не может же это долго продолжаться, Клифф.

— А я думаю, может. Уинстед был прав. Маятник качнулся, и с сорок пятого года он удаляется от нас все дальше. Мы либо опередили свое время, либо наоборот, слишком отстали от него.

— Не слушай этого Уинстеда! Ты совершаешь ту же ошибку, что и он. Веяния эпохи живут столетия, даже тысячелетия, а не меняются каждый год. Пятьсот лет мы двигались навстречу науке. Невозможно повернуть все вспять за какие-то тридцать лет.

— И что же происходит сейчас? — саркастично спросил я.

— Болезненная реакция на слишком быстрый технологический прогресс в «безумные десятилетия». Точно так же отреагировали романтизм и первая Викторианская эпоха на слишком быст-

рый прогресс восемнадцатого века, века Разума.

— Вы правда так думаете? — Меня потрясло, насколько уверен он был в своей правоте.

— Конечно. В наше время происходят те же «возрождения», что случались в городках Библейского пояса около века назад. На неделю американцы ударялись в религию и чтили добродетель превыше всего. Но потом один за другим начинали грешить, и дьявол снова забирал их души. Поверь мне, совсем скоро мы вернемся к нормальной жизни. После смерти Элдриджа в Лиге наступил разлад. Уже откололось полдюжины ересей. Даже то, что власти ударяются из крайности в крайность, нам на руку: народ быстро устает от этого.

Наш спор закончился моим поражением — как это обычно и бывало.

Спустя месяц мы закончили работу над «Новым Прометеем». Он был далеко не так великолепен, как его первая версия, и следы кустарного производства были заметны невооруженным глазом, однако мы им гордились, гордились и ликовали.

— Друзья, это моя вторая попытка, — сказал Харман хриплым голосом, он весь трепетал от счастья, а его глаза светились в предвкушении, — возможно, я не вернусь, но мне все равно.

Я устремлюсь в глубины космоса, и мечта человечества наконец исполнится. Я обогну Луну и первым увижу ее обратную сторону. Ради этого стоит рискнуть!

— Жалко, что вам не хватит топлива, чтобы высадиться на Луне, — сказал я.

— Это не имеет значения! Мой полет не последний — когда-нибудь испытатели подготовят и оборудуют корабли гораздо лучше нашего.

При этих словах среди нас пробежал пессимистичный шепот, на который Харман не обратил внимания.

— Ну пока! — сказал он. — Скоро увидимся! — И с широкой улыбкой поднялся на борт.

Четверть часа спустя мы впятером хмуро сидели за столом в гостиной и, погрузившись в раздумья, смотрели в окно — на выжженную землю, где несколько минут назад стоял «Новый Прометей».

Симонофф произнес то, о чем думали мы все:

— Наверное, будет лучше, если он не вернется. Вряд ли его встретят с распростертыми объятиями.

Мы мрачно кивнули.

Какой глупостью мне кажется это предположение теперь, спустя три десятилетия!

Конец истории я знаю со слов других, ведь сам я встретился с Харманом только спустя месяц после его благополучного приземления.

Прошло почти тридцать шесть часов после взлета, когда ревущий блестящий снаряд пронесся над Вашингтоном и упал в грязь на противоположном берегу Потомака.

Через пятнадцать минут вокруг собрались любопытствующие, а еще через пятнадцать приехала полиция — когда стало ясно, что это не снаряд, а космический корабль. Люди с невольным благоговением глядели на уставшего взъерошенного человека, который, шатаясь, выбрался из ракеты.

В полной тишине он грозил кулаком глазеющей толпе и кричал:

— Давайте, вешайте меня, идиоты! Я достиг Луны, и с этим-то вы ничего не сделаете! Звоните ФБИН! Пускай они объявят мой полет вне закона и скажут, что его не было! — Он слабо рассмеялся и вдруг рухнул на землю.

Кто-то закричал:

— Скорую! Ему плохо!

Потерявшего сознание Хармана усадили в полицейскую машину и увезли, а место приземления оцепили.

Прибывшие чиновники обследовали корабль, прочли судовой журнал, просмотрели рисунки и фотографии Луны и затем молча удалились. Люди стекались к кораблю — слух о том, что человек побывал на Луне, облетел весь город. Как ни странно, новость не вызвала большого негодования. Люди притихли от изумления. Толпа перешептывалась и бросала любопытные взгляды на тонкий серп Луны, едва различимый в ярких лучах солнца. В воздухе повисло неловкое выжидательное молчание.

В больнице Харман раскрыл свою личность, и переменчивая общественность возликовала. Сам Харман был поражен тем, как быстро она сменила гнев на милость. Казалось, он спит — но все происходило наяву. Молчаливый протест в сочетании с героическим подвигом человека, бросившего вызов судьбе, — вот какие истории с незапамятных времен будоражили человеческую душу. В конечном счете мир захлестнула волна антивикторианства. Элдридж был мертв, и ему не нашлось равноценной замены.

Вскоре после этого я навестил Хармана в больнице. Он сидел, опираясь на спинку кровати, заваленной газетами, письмами и телеграммами. Он с улыбкой кивнул мне и прошептал:

— Видите, Клифф, маятник качнулся в нашу сторону.

Л. Спрэг де Камп (1907–2000). Голубой жираф

Перевод Алисы Атаровой

Astounding Science Fiction, август

Спрэг обладает острым умом и тонким чувством юмора, которые ярче всего проявились в этой очаровательной истории.

(Между прочим, мастерство автора рассказов никоим образом не равно мастерству писателя-романиста. Многим превосходным авторам рассказов написание романов дается с трудом, если они вообще за них берутся. Это верно и в обратную сторону. Спрэг же одинаково хорош и в том, и в другом, и, на мой взгляд, романы у него даже выразительнее рассказов. Хотел бы я включить в эту антологию «Разделяй и властвуй», «Ревущую трубу» или «Да не опустится тьма», но увы, нам придется довольствоваться рассказами. А.А.)

Ательстан Кафф, мягко говоря, удивился, застав сына в слезах. Дело было не в том, что он считал

Питера образцом стоицизма, а в том, что Питер никогда не плакал. Для двенадцатилетнего мальчика он был до безобразия хладнокровен. А сейчас, вне всякого сомнения, всхлипывал. Похоже, случилось что-то по-настоящему ужасное.

Кафф отложил в сторону рукопись, которую читал. Он трудился редактором «Биологического обозрения». Это был полноватый рано поседевший англичанин с выпуклыми голубыми глазами и цветом лица, похожим на оттенок, в который красят товарные вагоны. Он чем-то напоминал лобстера, который как-то раз угодил в кипяток и поклялся больше не попадать в подобные ситуации.

— Что случилось, дружок? — спросил он.

Мальчик вытер глаза и пытливо посмотрел на отца. Иногда Каффу казалось, что Питер для своих лет ведет себя слишком по-взрослому. Ему бы не помешала капелька мальчишеской взбалмошности.

— Давай, братец, выкладывай. Какой толк от отца, если с ним нельзя поговорить по душам?

Наконец Питер произнес:

— Пацаны… — Он замолчал и высморкался.

От слова «пацаны» Кафф слегка поморщился. Единственным его сожалением по поводу пере-

езда в Америку было то, что Питер нахватался подобных словечек. Поскольку он понимал, что попрекать этим сына бесполезно, ему приходилось страдать молча.

— Так вот, пацаны говорят, что на самом деле ты мне не отец.

«Вот оно что», — подумал Кафф. Рано или поздно это должно было случиться. Не стоило откладывать разговор так надолго.

— Что ты имеешь в виду, дружок? — Он притворился, что ничего не понимает.

— Они говорят, — всхлип, — что я приемыш!

— Ну и что? — выдавил Кафф.

В этой ситуации ему, как назло, полезли в голову только презираемые им американизмы.

— В каком смысле — ну и что?

— В самом прямом. Какая разница? Для нас с мамой абсолютно никакой, уверяю тебя. Так почему тебя это волнует?

Питер задумался.

— А вы меня не выгоните из-за того, что я «приемыш»?

— А, так вот что тебя беспокоит? Мой ответ — нет. По закону ты наш сын в той же мере, что и… что и любой другой мальчик — сын своих родителей. Но как тебе вообще могла прийти в

голову мысль, что мы тебя выгоним? Хотел бы я посмотреть на того, кто попробовал бы забрать тебя у нас!

— Ну, мне просто стало интересно.

— Что ж, надеюсь, твой интерес исчерпан. Мы не собираемся выгонять тебя из дому и не смогли бы, даже если бы захотели. Это в порядке вещей, уверяю тебя. Многих усыновляют, и никто не обращает на это внимание. Ты же не станешь расстраиваться, если над тобой посмеются за то, что у тебя нос и два глаза?

К Питеру вернулось хладнокровие.

— А как это произошло?

— О, это длинная история. Если хочешь, я расскажу.

Питер кивнул.

— Я ведь уже рассказывал тебе, — начал Ательстан Кафф, — о том, как до приезда в Америку несколько лет работал в Южной Африке. Как работал со слонами, львами и другими животными, как перевозил белого носорога из Свазиленда в парк Крюгера. Но я никогда не рассказывал тебе о голубом жирафе…

В 1940-е годы правительства ряда южноафриканских территорий задумались о создании природного парка — не просто охотничьих

угодий, открытых для туристов, а настоящего заповедника, куда не пускали бы никого, кроме смотрителей и ученых. В конце концов было решено основать такой заповедник в дельте реки Окаванго в Нгамиленде, территории достаточно обширной и в то же время малонаселенной.

Понятно, почему люди селились здесь неохотно: кому захочется жить в месте, где в одно прекрасное утро можно проснуться и обнаружить, что твой дом и ферму затопило на три фута. И крайне обидно отправиться порыбачить на любимое озеро и увидеть, что оно превратилось в травянистую равнину, по краям которой растут деревья мопане.

Неудивительно, что племя батавана[12], проживавшее в дельте реки Окаванго, в большинстве своем было счастливо уступить капризные болота слонам и львам. Тех немногих батавана, которые все-таки жили в дельте и вокруг нее, подкупили и заставили переехать. Нарушив свои же правила, направленные против отчуждения племенных земель, власти королевского про-

[12] Сноски: 12

Батавана (досл. «народ Тавана») — племя, изначально проживавшее на территории у озера Нгами.

тектората Бечуаналенд[13], забрали у батавана дельту и прилегающие к ней территории в бессрочную аренду, назвав все это «Заповедником Яна Смэтса»[14].

Когда в сентябре 1976 года Ательстан Кафф сошел с поезда во Франсистауне, платформа будто дымилась от проливного весеннего дождя. Высокий чернокожий в хаки вышел из серой дымки и спросил:

— Вы мистер Кафф из Кейптауна? Меня зовут Джордж Мтенгени, я смотритель в «Смэтсе». Мистер Опдайк сообщил мне, что вы приедете. Машина из заповедника уже ждет.

Кафф последовал за ним. Он был наслышан о Джордже Мтенгени. Этот человек происходил из племени не чуана, а из зулу близ Дурбана. Когда заповедник открыли, батавана думали, что смотрителем следует назначить тсвана. Но макоба, которые гордились независимостью от своих бывших хозяев батавана, настаивали, что эта

---

[13] Сноски: 13

Бечуаналенд — протекторат Великобритании в Южной Африке, существовавший в 1885–1966 годы. Он состоял из двух частей: южная — Коронная колония Бечуаналенда, в 1895 году вошедшая в состав голландской Капской колонии; и северная — сам протекторат. В протекторате сохранялась местная власть вождей из народа тсвана.

[14] Сноски: 14

Ян Смэтс (1870–1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза.

земля принадлежит их народу. В конце концов британские власти устали от споров и наняли человека со стороны. У Мтенгени была темная кожа и узкий нос, характерные для многих кафрских банту. Кафф полагал, что тот, вероятно, невысокого мнения о народе чуана и о батавана в частности.

Они сели в машину. Мтенгени сказал:

— Простите, что заставил вас приехать. Жаль, что вы не смогли выбраться к нам до того, как начался сезон дождей. Кастрюля уже выходит из берегов.

— Уже? — спросил Кафф. — И как поживает Мабабе в этом году?

Он говорил о низине, которую называли поразному: озеро Мабабе, Болото или Кастрюля, — в зависимости от того, много в ней было воды, мало или не было совсем.

— Да, Мабабе — все еще озеро, настоящее озеро, полное утонувших деревьев и бегемотов. Думаю, что Окаванго снова смещается на север. Значит, озеро Нгами опять высохнет.

— Похоже на то. Однако расскажи-ка, что это за голубой жираф? Из твоего письма я ничего не понял.

Мтенгени улыбнулся, обнажив белые зубы.

— Полтора года назад его видели на опушке леса Мопане. Тогда-то все и началось. С тех пор здесь творятся странные вещи. Если бы я поведал вам всю правду, вы бы сразу сообщили британским властям, что у их смотрителя нервный срыв. Мне не хотелось вас в это втягивать, но в правительстве говорят, что не могут никого к нам отправить.

— Все в порядке, — сказал Кафф. — В любом случае я рад вырваться из Кейптауна. После того как исчез старина Хики, там не происходит ничего интересного.

— Кто исчез, простите? Вы же меня знаете, у себя в глуши я совсем не слежу за новостями.

— О, это случилось много лет назад. До твоего рождения, да и до моего, если уж на то пошло. Один ученый, Хики, вместе со своим помощником из племени коса отправился на грузовике в Калахари и исчез. Его искали по всей пустыне, но так и не нашли, а следы от шин грузовика занесло песком. Страннейшая была история.

Дождь лил стеной, пока они тащились по грунтовой дороге. Впереди, за серой завесой, лежали бескрайние равнины северного Бечуаналенда с широкими низинами. А за ними, по слухам, скрывался голубой жираф и прочие «странные вещи».

Стальной каркас башни, похожий на паука, поскрипывал, пока они поднимались. Оказавшись на вершине, Мтенгени сказал:

— Гляньте туда… на запад… по ту сторону леса. Около двадцати миль отсюда.

Кафф пристально вгляделся в бинокль.

— Отсюда и правда открывается прекрасный обзор. Но за лесом слишком туманно, чтобы что-то разглядеть.

— Туман у нас — обычное дело, если только нет сильного ветра. Вон там — окраина болот.

— Подумать только, ты в одиночку патрулируешь всю территорию!

— Что вы, эти бечуаны не доставляют особых хлопот. Они народ честный. Даже мне приходится признать, что у них есть кое-какие достоинства. Как бы там ни было, а далеко отсюда не уйдешь — увязнешь в болотах. Тропы есть, но о них знаю только я. Я вам их покажу, но, пожалуйста, не рассказывайте бечуанам. Смотрите, мистер Кафф, а вот и наш голубой жираф.

Кафф вздрогнул. Мтенгени, судя по всему, был из тех людей, которые о землетрясении сообщают тем же тоном, что и об утренней почте.

В нескольких сотнях ярдов от башни через кусты медленно шли полдюжины жирафов,

обгладывая верхушки низкорослых деревьев. Кафф направил на них бинокль. В середине стада виднелось нечто голубое. Кафф моргнул и снова уставился в окуляры. Сомнений не оставалось: животное и в самом деле было ярко-голубого цвета, будто кто-то облил его краской. Это было первое, что заподозрил Ательстан Кафф. Он поделился своей догадкой с Мтенгени.

Смотритель пожал плечами.

— Что ж, весьма своеобразное развлечение. К тому же опасное. А у других жирафов вы не заметили ничего странного?

Кафф снова посмотрел в бинокль.

— И правда… ей-богу, у одного из них козлиная борода. Только в длину по меньшей мере шесть футов. Что же тут творится, Джордж?

— Сам не знаю. Если хотите, завтра я покажу вам путь в дельту. Но это далековато, так что не забудьте запастись едой на пару дней.

По пути к Тамалакане[15] они проехали мимо четырех батавана — печальных красновато-смуглых мужчин в одежде, представляющей собой смесь традиционного и европейского костюма. Мтенгени притормозил и с подозрением их огля-

---

[15] Сноски: 15

Тамалакана — река в южной части дельты Окаванго.

дел, но ничто не указывало на то, что четверка занималась браконьерством.

Он сказал Каффу:

— С тех пор как их рабы-макоба получили свободу, дела батавана, можно сказать, пришли в упадок. Они слишком горды, чтобы работать.

Они подъехали к реке.

— Из-за дождей мы не сможем проехать по переправе, — объяснил смотритель, запирая машину. — Но чуть ниже по реке есть порог, по которому можно перейти вброд.

Они пошли по тропе с рюкзаками на плечах. Смотреть было не на что: весь вид закрывали высокие мягкие болотные заросли. Слышалось только жужжание насекомых. Уже стало жарко и душно, хотя солнце взошло всего полчаса назад. Мухи кусали до крови, но к ним Кафф с Мтенгени давно привыкли. Они машинально хлопали себя ладонями по бокам и смиренно ждали очередного укуса.

Впереди раздался низкий булькающий звук, словно в наутофон[16] попала вода. Кафф спросил:

— Как дела у твоих бегемотов в этом году?

---

[16] Сноски: 16

Наутофон — прибор, который устанавливается на маяке для подачи сигналов кораблям во время тумана или пасмурной погоды.

— Неплохо. Парочку из них я, кстати, хотел вам показать. Ага, вот мы и на месте.

Они вышли к полосе спокойной воды. Перед ними стоял ревущий гиппопотам. Кафф разглядел и других; из воды торчали лишь глаза, уши и ноздри. Один бегемот направился к берегу — Кафф мог различить небольшие V-образные следы, расходящиеся от его почти полностью погруженной головы. Он выплыл на мелководье и стал с шумом выходить на берег.

Кафф моргнул.

— У меня, должно быть, что-то с глазами?

— Нет, — сказал Мтенгени. — Эта бегемотиха как раз одна из тех, кого я хотел вам показать.

Бегемотиха была зеленая с розовыми пятнами. Заметив их, она настороженно фыркнула и соскользнула обратно в воду.

— Глазам своим не верю, — сказал Кафф. — Черт побери, это же невозможно!

— Вы еще и не такое увидите, — отозвался Мтенгени. — Пойдем дальше?

Они нашли порог, с трудом перебрались на другой берег, а затем двинулись по тому, что с некоторой натяжкой можно было назвать тропой. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь их хлюпающими шагами, жужжанием насекомых,

случайным криком птицы или топотом оленя в камышах.

Они шли несколько часов. Вдруг Мтенгени сказал:

— Осторожнее. Тут неподалеку носорог.

Кафф задумался — как, черт побери, зулу его унюхал? — но насторожился. Вскоре они вышли на поляну, где пасся носорог.

Тот не мог заметить их на таком расстоянии, и не было ветра, который донес бы их запах. Однако он, должно быть, услышал шаги, потому что перестал щипать траву и резко фыркнул, словно локомотив. У него было две головы.

Раздувая ноздри, он помчался в их сторону. Кафф с Мтенгени подняли винтовки.

— Господи! — воскликнул Ательстан Кафф. — Надеюсь, нам не придется в него стрелять. Господи!

— Не придется, — сказал смотритель. — Это Ляля. Я его знаю. Если подойдет слишком близко, стреляйте ему в основание рога, и он… убежит.

— Ляля?

— Да. Правая голова — это Траляля, а левая — Труляля, — с серьезным видом сказал Мтенгени. — А всего носорога я зову Лялей.

Носорог бежал к ним на всех парах.

— Глядите! — бросил Мтенгени и замахал шляпой. — Прочь, фу[17]!

Ляля остановился, снова фыркнул и закружился, как танцующая мышь. Он вертелся не переставая.

— Идемте дальше, — сказал Мтенгени. — Он может часами так кружиться. Видите ли, Траляля свиреп, а Труляля миролюбив, если не сказать трусоват. Так что стоит мне накричать на Лялю, как Траляля готов броситься в атаку, а Труляля — дать деру. Поэтому правые ноги мчатся вперед, а левые — пятятся назад, и Ляля начинает кружиться на одном месте. Пройдет некоторое время, прежде чем головы договорятся между собой.

— Ого! — воскликнул Ательстан Кафф. — И много в твоем зоопарке таких диковинок?

— Еще как. И вот с этим, я надеюсь, вы разберетесь.

Разберетесь! Кафф задумался. Что это — трогательное свидетельство веры туземца во всеведение белого человека или же ловушка, в которую Мтенгени заманил его забавы ради, чтобы понаблюдать, как он кругами бегает по болотам? Но по виду смотрителя невозможно было понять, о

---

[17] Сноски: 17

В оригинале footsack — слово, употребляемое племенем зулу для отпугивания собак.

чем он думает.

— Не понимаю, Джордж, — сказал Кафф, — почему никто не занялся ими раньше.

Мтенгени пожал плечами.

— Я давно прошу начальство кого-нибудь прислать, но оно ни в какую; а научные экспедиции… Да их тут уже давно нет. Не знаю, почему.

— Кажется, я догадываюсь, — ответил Кафф. — Раньше путешествие даже по так называемым цивилизованным странам было непростой задачей, поэтому люди готовы были терпеть некоторые неудобства. Но теперь, когда почти до любого уголка земли можно добраться на мягких подушках, они больше не желают прилагать усилия, чтобы добраться до такой глуши, как Нгамиленд.

Болотный запах смешался с чем-то еще — с вонью падали. Мтенгени указал на тушу водяного олененка, которая, похоже, еще не попалась на глаза стервятникам.

— Вот почему я хочу, чтобы вы положили этому конец, — сказал он. В его голосе звучала неподдельная тревога.

— О чем ты, Джордж?

— Видите его ноги?

Кафф взглянул на них. Передние конечности

были вдвое длиннее задних.

— Этот олень, — сказал зулу, — конечно же, долго не протянул. По всему заповеднику рождаются такие вот уроды. Большинство из них быстро умирают. Еще лет десять, может, двадцать, и все мои животные вымрут от этой заразы. Что тогда станет с моей работой?

На закате они сделали привал. Кафф выдохнул. Давненько он не проходил пятнадцать миль за день и теперь боялся, что наутро ноги не будут его слушаться. Он посмотрел на карту, пытаясь понять, где они остановились. Но картографы особо не пытались разобраться в бесчисленных ответвлениях Окаванго и вместо этого просто закрашивали всю дельту синими черточками; местами из них торчали синие пучки, означающие «болото». Куда ни глянь — повсюду однообразное чередование воды и суши. Две стихии были тесно спаяны.

Зулу нашел сухое место, где не было змей. Вдруг Кафф услышал, как он крикнул «фу» и бросил в бревно ком земли. Бревно раскрыло пасть, сердито зашипело и соскользнуло в воду.

— Нужно разжечь костер поярче, — сказал Мтенгени, собирая сухие дрова. — Будет неприятно, если в нашу палатку по ошибке заберется

крокодил или бегемот.

После ужина они включили опрыскиватель от насекомых, надули матрасы и попытались уснуть. Где-то на западе рычал лев. Ни один африканец, будь он абориген или африканер, не пожелал бы услышать этот звук ночью в лесу. Но Кафф и Мтенгени не волновались: львы не заходили в болота. А вот комары казались куда более насущной проблемой.

Несколько часов спустя Ательстан Кафф услышал, как Мтенгени встает.

— В полумиле отсюда есть пригорок, — сказал смотритель. — Там полно дров. Я схожу принесу.

Кафф прислушивался к его удаляющимся шагам по мягкой земле, а затем к собственному дыханию. Вдруг он услышал что-то еще — нечто похожее на человеческий крик. Он вскочил и быстро натянул ботинки. Оглядевшись в поисках фонарика, Кафф понял, что Мтенгени унес его с собой.

Крик раздался снова.

Кафф нашел в темноте свою винтовку и патронташ и вышел. Звездного света хватало, чтобы осторожно пробираться сквозь заросли. Костер почти погас. Крики как будто бы доносились с другой стороны, противоположной той, куда

ушел Мтенгени. Похоже, там истошно кричала женщина.

Кафф пошел на крик, спотыкаясь о кочки и то и дело проваливаясь по колено в воду, неожиданно возникающую на пути. Теперь голос звучал отчетливее. Кричали не по-английски. Рядом что-то фыркало.

Наконец он нашел источник звука. Женщина залезла на невысокое деревце, а под ним рыскала огромная фыркающая тварь. Кафф разглядел очертания изогнутых рогов и понял, что перед ним буйвол.

Он ненавидел стрелять. Для работника заповедника убить одного из своих подопечных было совершенно немыслимо. К тому же в темноте Кафф не мог как следует прицелиться и убить его одним выстрелом, а уворачиваться от раненого буйвола ему не хотелось. Тот мог бежать со скоростью скаковой лошади через самые густые заросли. С другой стороны, не мог же он бросить на дереве загнанную туда туземку. Если буйвола по-настоящему разозлить, он будет выжидать несколько дней, пока жертва не ослабнет и не свалится вниз, или примется бодать дерево, пытаясь ее сбросить, а может, встанет на дыбы и попытается зацепить бедняжку рогами.

Кафф выстрелил в буйвола. Тот зашатался и рухнул.

Туземка быстро слезла вниз, изливая на языке коса поток благодарностей. На коса она говорила ужасно, даже хуже него, англичанина. Кафф недоумевал, что она здесь забыла, почти в тысяче миль от поселений макоса. Он предположил, что она местная, хотя в темноте не мог ее разглядеть. Он спросил, говорит ли она по-английски, но та, похоже, не поняла вопроса, поэтому он перешел на банту.

– *Uveli phi na?* — строго спросил Кафф. — Откуда ты здесь? Разве ты не знаешь, что в заповедник запрещено входить без специального разрешения?

– *Izwe kamafene wabantu*, — ответила она.

— Что? Никогда не слышал об этом месте. Вот уж и в самом деле земля бабуинов! Кто ты?

— Ингвамза.

— Белый аист? Ты со мной шутки шутишь?

— Я не говорила, что я белый аист. Меня зовут Ингвамза.

— Я не спрашивал, как тебя зовут. Я хочу знать, кто ты.

— Умфене умфази.

Кафф с трудом сдерживал раздражение.

— Ладно-ладно, ты женщина-бабуинка. Мне

все равно, к какому клану ты принадлежишь. Из какого ты племени? Из батавана, бамангвато, бангвакетсе, баролонга, гереро или откуда? И не говори мне, что ты из коса: ни один коса не говорит с таким акцентом.

— Амафене абанту.

— Черт возьми! Да кто такие люди-бабуины?

— Племя, которое живет в заповеднике.

Кафф готов был рвать на себе волосы.

— Да говорю же тебе, никто в заповеднике не живет! Не позволено! Ну же, отвечай, откуда ты, какой у тебя родной язык и почему ты пытаешься говорить со мной на коса?

— Я уже сказала тебе, я живу в заповеднике. И говорю на коса, потому что мы, амафене абанту, говорим на нем. Это язык, которому нас научил Мкхави.

— Кто такой Мкхави?

— Человек, который научил нас говорить на коса.

Кафф сдался.

— Пойдем, отведу тебя к смотрителю. Может, у него получится разобраться в твоей болтовне. Надеюсь, дорогая, у тебя была веская причина забраться в заповедник, иначе тебе влетит. Тем более из-за тебя был убит отличный буйвол.

Он направился к лагерю, убедившись, что Ингвамза послушно следует за ним.

Вдруг Кафф заметил, что не видит света костра, который мог бы помочь ему вернуться назад. Либо он ушел от лагеря дальше, чем думал, либо костер потух, пока Мтенгени собирал дрова. Еще четверть часа он шагал в том направлении, которое считал правильным, и наконец остановился. Он понял, что не имеет ни малейшего представления о том, где находится.

Кафф обернулся.

– *Sibaphi na?* — рявкнул он. — Где мы?

— В заповеднике.

Кафф начал сомневаться, приведет ли он эту туземку к Мтенгени или не выдержит и задушит ее голыми руками.

— Да знаю я, что в заповеднике, — прорычал он. — Но где именно?

— Точно не знаю. Недалеко от земли моего народа.

— Откуда мне знать, где он? Слушай, я покинул лагерь, услышав твой крик. Я хочу вернуться назад. Как мне это сделать?

— А где лагерь?

— Я не знаю, дура. Если бы знал, то не спрашивал бы.

— Если ты не знаешь, где он, то как, по-твоему, я должна тебя туда отвести? Я ведь тоже не знаю.

Кафф сдавленно застонал. В глубине души он знал, что она права, и это выводило его из себя еще больше. Наконец он сказал:

— Ладно, забудь. Отведи меня к своим людям. Может, среди них найдется кто-нибудь поумнее.

— Хорошо, — сказала туземка и пошла быстрым шагом.

Спотыкаясь, Кафф направился за ее расплывчатым силуэтом. Он задумался — а вдруг в заповеднике и правда живет племя? Казалось, Ингвамза знала, куда идет.

— Подожди, — сказал он. Нужно было оставить Мтенгени записку, объяснить, куда он направился, и прикрепить ее к дереву на видное место. Но в карманах не было ни карандаша, ни бумаги. Не нашлось даже зажигалки или спичечного коробка. Он вынул все, когда ложился спать.

Они снова двинулись в путь. Кафф обдумывал, как бы ему связаться с Мтенгени. Не хотелось бы неделю искать друг друга по болотам. Может, правильнее было бы остаться на месте и развести костер, но, опять же, спичек у него не было, а пытаться добыть огонь трением в этой проклятой сырости казалось ему безнадежной затеей.

Вдруг Ингвамза сказала:

— Стойте. Впереди буйволы.

Кафф прислушался. Где-то тихо хрустели стебли травы, поедаемой животными.

— Придется дождаться рассвета, — добавила она. — Возможно, к тому времени они уже уйдут. Если нет, нам придется сделать крюк, но в темноте я могу не найти дорогу.

Они нашли самую высокую точку, какая только была поблизости, и уселись ждать. Какое-то существо с лапками заползло Каффу под рубашку. Он его прихлопнул.

Кафф напряг глаза в темноте.

Невозможно было сказать, как далеко находились буйволы. Козодой с отчетливым хлопком сложил крылья у них над головами. Кафф пытался успокоиться. Ему отчаянно хотелось закурить.

Небо начало светлеть. Вскоре Кафф смог различить черные массы, двигающиеся меж камышей. Они шли по крайней мере в двухстах ярдах от него. Он бы предпочел, чтобы расстояние между ними было вдвое больше, но лучше так, чем столкнуться с буйволами нос к носу.

Становилось все светлее. Кафф не сводил глаз с буйволов. В животном, которое находилось ближе всего к нему, он заметил что-то странное:

у того было шесть ног.

Кафф повернулся к Ингвамзе и зашептал:

— Это их-то ты называешь буйволами…

Вдруг он издал вопль чистого ужаса и отпрыгнул назад. Винтовка выстрелила, проделав дыру в ботинке.

Только сейчас, благодаря стремительно светлеющему небу, он впервые смог рассмотреть туземку. Голова Ингвамзы была точь-в-точь как у переросшего чакма-бабуина[18].

Перепуганный буйвол пронесся сквозь камыши. Кафф и Ингвамза уставились друг на друга. Затем Кафф посмотрел на правую ногу. Из рваной дыры в сапоге текла кровь.

— Что случилось? Зачем ты в себя выстрелил? — спросила Ингвамза.

Кафф не знал, что ответить. Он сел и снял ботинок. Нога онемела, но пуля, похоже, не причинила большого вреда — только сорвала кусок кожи размером с шестипенсовик. Впрочем, в этих болотах даже с пустяковой раной можно было подхватить любую заразу. Он перевязал ногу платком и снова надел ботинок.

— Просто случайность, — сказал он. — Идем

---

[18] Сноски: 18

Чакма-бабуин (или *медвежий павиан*) — вид приматов с длинной вытянутой мордой.

дальше, Ингвамза.

Ингвамза зашагала вперед, Кафф похромал за ней. Солнце должно было взойти с минуты на минуту. Было уже достаточно светло, и Кафф мог различать цвета. Он увидел, что Ингвамза, называя себя бабуинкой, не лукавила, хотя ростом, сложением и осанкой походила на человека. Ее тело, если не считать зеленовато-желтых волос и короткого хвоста, издалека вполне можно было принять за человеческое. Но странная голова с длинной синеватой мордой придавала ей вид египетского бога с головой животного. Каффу пришла в голову мысль: что, если эти афене абанту — гибриды человека и обезьяны? Конечно, это было невозможно, но за последние пару дней он повидал столько всего невозможного.

Она оглянулась на него.

— Нам идти еще час или два. Я хочу спать.

Она зевнула. Кафф подавил дрожь при виде четырех клыков, таких больших, что они могли сойти за леопардовые. Этими зубами Ингвамза могла разорвать человеку горло так же легко, как он кусает банан. А он в темноте говорил с ней своим самым грозным колонизаторским тоном! Кафф поклялся себе быть вежливым с собеседниками, которых нельзя разглядеть.

Ингвамза указала на баобаб, торчавший морковкой на фоне неба.

– *Izew kamagene wabantuI*.

По пути им пришлось перейти вброд небольшой ручей.

Двухметровый варан вышел на дорогу и, заметив их, быстро скрылся.

Деревня афене абанту напоминала самую обычную деревню народа банту, разве что круглые хижины с соломенными крышами были меньше и грубее сколочены. Люди-бабуины выбежали поглазеть на Каффа и теперь дергали его за одежду. Он крепко сжал винтовку. Они не были настроены враждебно, но происходящее все равно вызывало у него смешанные чувства. Самцы были крупнее самок, с еще более длинными мордами и острыми выступающими клыками.

В центре деревни перед самой большой хижиной сидел, почесываясь, большой умфене умнту[19].

— Это мой отец, вождь, — сказала Ингвамза. — Его зовут Индлову.

Она рассказала отцу о своем спасении.

Из всех умфене умнту только вождь был хоть

---

[19] Сноски: 19

Умнту означает «человек».

как-то одет: на шее у него висел галстук. Когда-то тот был пестрым, но теперь совсем истрепался.

Вождь встал и произнес речь, суть которой сводилась к тому, что Кафф совершил подвиг и потому будет их гостем, пока его рана не заживет. Теперь Кафф понял, почему язык коса был так труден для афене абанту. Щелчки получались нечеткими, а вместо цоканья выходило что-то вроде причмокивания — неудивительно с такими-то челюстями.

Но эта мысль ненадолго задержалась в его голове. Нога болела адски. Кафф обрадовался, когда его отвели в хижину, где он смог снять ботинок. Хижина была почти без мебели. Кафф спросил афене абанту, нельзя ли принести ему немного соломы, которой тут покрывают крыши. Они, казалось, были озадачены его просьбой, но выполнили ее, и он соорудил себе нечто вроде постели. Кафф ненавидел спать на земле, особенно когда та кишела членистоногими. Он терпеть не мог паразитов и знал, чем опасно такое соседство.

Перевязать ногу было нечем — разве что носовым платком, который к тому времени весь пропитался кровью. Его следовало сначала постирать и высушить, прежде чем снова при-

кладывать к ране. Но где в Окаванго найти чистую воду? Можно, конечно, попробовать ее вскипятить. Но в чем? С громадным облегчением Кафф узнал, что в деревне есть большой железный котел, взявшийся бог знает откуда.

Рана слегка затянулась, и он очень осторожно снял повязку. Пока вода кипела в котле, вошел вождь Индлову, чтобы с ним поговорить. Боль в ноге несколько утихла, и Кафф начал понимать, что столкнулся с настоящим чудом. Он засыпал вождя вопросами.

Индлову рассказал все, что знал о себе и своем народе. Похоже, он был основателем рода, а остальные — его потомками. Не только Ингвамза, но и все остальные амафена абафази приходились ему дочерьми. Ингвамза была младшей. Вождь был уже немолод. Он путался в датах, но у Каффа сложилось впечатление, что продолжительность жизни этих существ короче, чем у людей, а взрослеют они гораздо быстрее. Вполне естественно, если они и в самом деле бабуины.

О своих родителях Индлову ничего не помнил. Его первое воспоминание было связано с Мкхави. Стэнли Х. Мкхави был чернокожим, он работал на человека с машиной, такого же розовощекого, как Кафф. У него была какая-то машина на окра-

ине болота Чобе. Звали его Хики.

«Хики, ну разумеется!» — подумал Кафф. Теперь он начал понимать. Хики со своим грузовиком исчез по пути в Нгамиленд, никому не сообщив, куда направляется. Это было еще до основания заповедника и до того, как Кафф приехал из Англии. Наверное, Мкхави был его помощником из племени коса. Мысли Каффа опережали слова Индлову.

Затем Индлову рассказал о том, как умер Хики и что Мкхави, не зная, как управлять машиной, пожелал вернуться к цивилизации и взял с собой его, Индлову, и его к тому времени уже многочисленное потомство. Однако они заблудились в дельте. Потом он где-то порезал ногу и заболел, серьезно заболел. Мкхави, похоже, оправился, но был слишком слаб, чтобы продолжать путь. Поэтому он поселился у Индлову и его семьи. Бабуины научились ходить прямо и заговорили на языке коса, которому их научил Мкхави. Кафф пришел к выводу, что ранние семейные отношения среди афене абанту неизбежно включали близкородственное скрещивание. Мкхави научил их всему, что знал, а затем умер и перед смертью запретил им подходить к машине ближе чем на милю. Она, насколько им было известно,

все еще находилась на берегу Чобе.

Кафф предположил, что эта проклятая машина представляет собой электронную трубу, излучающую короткие волны, которые каким-то образом влияют на гены животных. Вероятно, Индлову был одним из ранних экспериментов Хики. А потом Хики умер, и… все вышло из-под контроля. Кафф понятия не имел, на чем работало это устройство; возможно, тот придумал что-то вроде солнечной батареи.

Предположим, Хики умер, не успев выключить эту штуковину. Мкхави мог вытащить его тело, оставив дверь открытой. Может, побоялся к ней прикасаться, а может, забыл. Тогда каждое животное, проходившее мимо дверного проема, получало дозу облучения и в результате порождало чудовищное потомство. Сверхбабуины были тому примером; и никто никогда не узнает, была ли эта мутация контролируемой или случайной. На каждую полезную мутацию приходилось множество бесполезных и даже вредных. Мтенгени прав: машину нужно остановить, пока в заповеднике еще остались здоровые животные. Кафф снова задумался, как ему связаться со смотрителем, учитывая, что сейчас ничто, кроме угрозы смерти, не могло заставить его сдвинуться

с места.

Вошла Ингвамза с деревянной миской, наполненной странного вида кашей. Ательстан Кафф смирился с тем, что должен ее съесть. По виду нельзя было определить, животного или растительного происхождения эта жижа. Проглотив первую ложку, он уверился: ни то и ни другое. Ничто ни в животном, ни в растительном мире не могло быть таким отвратительным на вкус. Жаль, что Мкхави происходил не из племени бамангвато: тогда бы он умел готовить и мог бы научить этих обезьян. В любом случае Каффу нужно было поесть, чтобы не умереть с голоду. Он ковырялся деревянной ложкой в тарелке, едва сдерживая рвотные позывы и с опаской разглядывая твердые комочки. Ему пришлось даже придавить парочку ложкой, чтобы те не выскользнули из тарелки.

— Как на вкус? — спросила Ингвамза. Индлову уже ушел.

— Неплохо, — солгал Кафф, пытаясь подцепить очередной слизистый кусок, который, как он подозревал, был кишкой водяного оленя.

— Я рада. Мы будем тебя этим кормить. Тебе нравятся скорпионы?

— На вкус?

— Конечно. На что еще они годятся?

Он сглотнул.

— Нет.

— Тогда я не буду тебе их давать. Видишь ли, я хочу знать, что нравится моему будущему мужу.

— Что? — он решил, что ослышался.

— Я сказала, что хочу знать, что тебе нравится. Ведь так я смогу радовать тебя после того, как ты станешь моим мужем.

Ательстан Кафф ничего не говорил целую минуту. Когда он понял смысл ее слов, его от природы выпуклые глаза чуть не выскочили из орбит. Наконец он заговорил.

— Пха…

— Что?

— Кхе. Ба. Боже мой. Отпустите меня! — Его голос сорвался на визг.

Он попытался встать. Ингвамза схватила его за плечи и осторожно, но настойчиво толкнула обратно на постель. Кафф пытался вырваться, но афене умфази без видимых усилий держала его в тисках.

— Ты не можешь уйти, — сказала она. — Если будешь ходить с такой ногой, то заболеешь.

Его румяное лицо побагровело.

— Дай мне встать! Да пусти меня, говорю! Что

же это такое!

— Обещаешь мне, что не попытаешься сбежать, если я отпущу тебя? Отец придет в ярость, если я позволю тебе сделать что-то неразумное.

Кафф пообещал, пытаясь взять себя в руки. Он уже чувствовал себя несколько глупо из-за того, что поддался панике. Ситуация, конечно, неприятная, но подданный его величества не должен закатывать истерику, точно плаксивая школьница.

— Что все это значит? — спросил он.

— Отец так благодарен тебе за мое спасение, что решил выдать меня за тебя, не дожидаясь выкупа.

— Но… но… я уже женат, — солгал он.

— И что? Я не боюсь других твоих жен. Если они будут наглеть, я разорву их на куски. Вот так. — Она оскалила клыки и сделала вид, что разрывает на части миссис Кафф.

Он прикрыл глаза от ужаса.

— Среди моего народа, — сказал он, — разрешается иметь только одну жену.

— Это очень плохо, — сказала Ингвамза. — Получается, ты не сможешь вернуться к своему народу после того, как женишься на мне?

Кафф вздохнул. Эти афене абанту сочетали в

себе умственные способности необразованных макоса с такой физической силой, которая даже льва заставила бы дважды подумать перед тем, как на них напасть. Что ж, по всей видимости, придется пробиваться на свободу самому. Кафф осторожно огляделся. Его винтовки нигде не было. Он не осмелился спросить о ней, опасаясь вызвать подозрения.

— И твой отец намерен довести дело до конца?

— О да, разумеется. Отец хороший умнту, но, если ему что-то взбредет в голову, его невозможно переубедить. К тому же характер у него ужасный. Если ты ему воспротивишься, когда он принял решение, он разорвет тебя на куски. На мелкие кусочки. — Казалось, она смакует эту фразу.

— А ты что об этом думаешь, Ингвамза?

— О, я сделаю так, как скажет отец. Он намного умнее всех нас.

— Да, но я говорю о твоих собственных мыслях. Забудь на секунду об отце.

Она не сразу поняла, что он имеет в виду, но после некоторых объяснений сказала:

— Я не возражаю. Для моего народа будет большим счастьем, если кто-то из нас вступит в брак с человеком.

Это окончательно добило Каффа.

Вошел Индлову с двумя другими амафена абанту.

— Выйди, Ингвамза, — сказал он.

Трое бабуинов уселись на корточки вокруг Ательстана Каффа и начали расспрашивать его о людях и мире за пределами дельты.

Когда Кафф споткнулся на какой-то фразе, один из амафене абанту, парень со шрамами по имени Сондло, спросил, почему он запнулся. Кафф объяснил, что коса — не его родной язык.

— Люди могут говорить на других языках? — спросил Индлову. — Теперь я припоминаю: что-то подобное мне однажды сказал великий Мкхави. Но он никогда не учил меня другим языкам. Возможно, они с Хики говорили на одном из них, но, когда Хики умер, я был еще слишком мал, так что не запомнил.

Кафф рассказал немного о лингвистике. Его тут же попросили «сказать что-нибудь по-английски». Затем гости изъявили желание выучить английский, прямо здесь и сейчас, за один вечер.

Кафф покончил с ужином и с тоской посмотрел на свою соломенную постель. В хижине не было искусственного освещения, так что туземцы вставали и ложились вместе с солнцем. Кафф растянулся на соломе. Та зашуршала. Он вскочил,

сильно ударившись раненой ногой, взвизгнул, выругался и ощупал повязку. О нет, снова кровотечение! Ну и черт с ним! Вытряхнув мышь, шесть тараканов и бесчисленное количество мелких жучков, Кафф взбил солому и снова улегся. Подняв глаза, он почувствовал, как по спине бегут мурашки. Под самой крышей десятидюймовая сколопендра неторопливо охотилась за своей добычей. Если она потеряет равновесие, когда будет прямо над ним… Кафф расстегнул рубашку и натянул ее на голову. Комары тут же атаковали его живот. Нога пульсировала от боли.

Его разбудили шаги. Это была Ингвамза.

— Что на этот раз? — спросил он.

– *Ndiya kuhlaha apha*, — ответила она.

— Ну уж нет! Ты тут не останешься. Мы не… во всяком случае, у моего народа так не принято.

— Но, Асельтаф, кто-то должен присматривать за тобой, на случай если тебе поплохеет. Мой отец…

— Нет уж, прости, но в этом вопросе я буду тверд. Если ты хочешь стать моей женой, тебе нужно научиться, как вести себя среди людей. И начать нужно прямо сейчас.

К его удивлению и облегчению, она не стала возражать и ушла, хотя и надулась. Он никогда

бы не осмелился выгнать ее силой.

Оставшись один, Кафф подкрался к двери хижины. Солнце только что зашло, а луна появится на небе через пару часов. Большинство афене абанту разошлись спать. Но двое остались сидеть на корточках возле своих хижин, охраняя его временное жилище.

«Хе-хе-хе, — подумал он. — Они решили не рисковать. Возможно, старик и в самом деле благодарен мне до гроба и все такое. Но, думается мне, моя невеста выпустила кота из мешка, когда сказала, что племя жаждет повязаться с человеком. Беднягам, конечно, невдомек, что такая свадьба не будет иметь юридической силы. Но этот факт не спасет меня от неприятнейшего опыта, который мне предстоит пережить совсем скоро. Предположим, у меня не выйдет сбежать до начала церемонии. Мне что, придется через это пройти? Бр-р-р! Ну уж нет! Я англичанин и подданный короны. Но если они станут угрожать мне смертью… даже не знаю. Ах, черт меня подери, если я пойду на это. Возможно, у меня получится их уговорить… так, чтобы они не разозлились…»

Кафф был привязан к соломе, и с потолка ему на лицо падали огромные сколопендры. Потом

он бежал через болота, а Ингвамза с разгневанным папашей гнались за ним по пятам. Его ноги увязли в грязи, и он не мог пошевелиться, как вдруг ему в глаза ударил свет фонаря. Мтенгени — старина Джордж — верхом на двухголовом носороге! Но вместо того чтобы броситься ему на помощь, смотритель сказал:

— Кафф, разберитесь же наконец с этими бечуана! Они переловили всех моих животных и раскрасили их в красный цвет с зелеными полосками!

Кафф проснулся.

Ему потребовалось мгновение, чтобы осознать, что свет исходит от луны, а не от восходящего солнца, а значит, он проспал не более пары часов. Еще мгновение у него ушло на то, чтобы понять, что именно его разбудило. Солома, из которой была сделана стена хижины, разошлась в стороны, и в образовавшуюся щель лез афене умнту. Пока Кафф недоумевал, по какой причине один из его хозяев — или пленителей — выбрал такой странный способ, чтобы проникнуть внутрь, человек-бабуин уже встал во весь рост. В слабом лунном свете он казался огромным.

— Что ты тут делаешь? — спросил Кафф.

— Если будешь шуметь, я тебя убью, — ответил

незнакомец.

— Что? Зачем? Почему ты хочешь меня убить?

— Ты украл мою Ингвамзу.

— Э-э… но… — Кафф растерялся. С одной стороны, если он не женится на этой девице, ее отец разорвет его на куски (на мелкие кусочки!), с другой, если он все-таки это сделает, его убьет ее поклонник. — Почему бы нам сперва не поговорить, — предложил он, надеясь, что его голос не дрожит. — Как тебя зовут, кстати?

— Мое имя Чуката. Я должен был жениться на Ингвамзе в следующем месяце. А потом появился ты.

— Что… что…

— Я тебя не убью. Если ты не будешь шуметь. Я просто кое-что в тебе исправлю, чтобы ты не женился на Ингвамзе. — Чуката направился к нему.

Кафф решил не тратить время на выяснение страшных подробностей этого «исправления».

— Постой, — воскликнул он, чувствуя, как холодный пот выступает не только на лбу, но и по всему телу. — Друг мой, этот брак — не моя идея. Это затеял Индлову. У меня и в мыслях не было красть твою невесту. Меня даже не спросили — просто поставили перед фактом. А я не хочу

на ней жениться. По правде говоря, я хочу этого меньше всего на свете.

Афене умнту на мгновение замер, задумавшись. Затем тихо спросил:

— Ты хочешь сказать, что ни за что на свете не женился бы на Ингвамзе? По-твоему, она некрасива?

— Ну-у…

— Клянусь у-Кваматой, я не потерплю оскорблений! Никто не может думать так о моей Ингвамзе! Теперь я точно тебя убью!

— Стой-стой! — Голос Каффа, приятный низкий баритон, сорвался на писк. — Ты не так понял! Она красивая, умная, трудолюбивая — словом, в ней есть все, о чем только может пожелать умнту. Но я никак не могу на ней жениться! — поймав вдохновение, затараторил Кафф. Никогда еще он не говорил на коса так бегло. — Ты же знаешь, что, если лев соединится с леопардом, у них не будет потомства. — Кафф не знал наверняка, но решил рискнуть. — То же самое с моим народом и твоим. Мы слишком разные. У нас не будет потомства в браке. И Индлову не сможет в старости понянчить внуков.

После некоторых раздумий Чуката, казалось, понял.

— Но как я могу помешать этому браку, не убив тебя? — спросил он.

— Ты мог бы помочь мне сбежать.

— Хм. А это мысль. Куда ты хочешь пойти?

— Ты знаешь, где находится машина Хики?

— Да, хотя я никогда не подходил к ней близко. Это запрещено. Примерно в пятнадцати милях к северу отсюда, на краю болота Чобе, есть скала. У скалы вплотную друг к другу растут три баобаба. Между деревьями и болотом стоят две хижины. В одной из них находится машина.

Он снова помолчал.

— Но с такой ногой ты не сможешь передвигаться быстро. Они тебя поймают. Может, Индлову разорвет тебя на куски, а может, приведет обратно. Если он приведет тебя обратно, то мы потерпим неудачу. Если он разорвет тебя на куски, то я расстроюсь, потому что ты мне нравишься, пусть ты и слабенький изи-фам-фам.

Кафф взмолился, чтобы обезьяний мозг поскорее добрался до сути дела.

— Придумал. Через десять минут я свистну. А ты тихо выползешь через эту дыру в стене. Понял?

Оказавшись на улице, Ательстан Кафф обнаружил Чукату на тропинке между двумя рядами хижин. В воздухе тошнотворно пахло репти-

лиями. Позади человека-бабуина Кафф увидел нечто большое и черное. Существо двигалось, покачиваясь. Оно коснулось Каффа, и тот чуть не вскрикнул, почувствовав холодную шершавую кожу.

— Этот самый крупный, — сказал Чуката. — Мы надеемся, что когда-нибудь соберем целое стадо. На них удобно путешествовать по болотам, потому что они умеют бегать и плавать. И растут они намного быстрее обычных крокодилов.

Да, это и вправду был крокодил, но какой! Хотя его длина не превышала пятнадцати футов, у него были длинные мощные ноги, которые поднимали его тело на добрых четыре фута над землей, придавая ему сходство с динозавром. Он потерся о Каффа, и тот задумался, какая же удивительная мутация заставила безмозглую прожорливую рептилию полюбить людей.

Чуката вручил Каффу кнобкерри[20] и объяснил:

— Свистни громко, чтобы он подошел. Ударь дубинкой по хвосту один раз, чтобы он двинулся вперед. Чтобы остановился, ударь по носу. Чтобы заставить его повернуть налево, ударь его по пра-

---

[20] Сноски: 20

Кнобкерри — деревянная дубинка с круглым утолщением на одном конце, распространенная в Южной и Восточной Африке.

вой стороне шеи, но не слишком сильно. Чтобы повернуть направо, ударь его…

— По левой стороне шеи, но не слишком сильно, — закончил за него Кафф. — Что он ест?

— Любое мясо. Но не думай об этом в ближайшие два-три дня: его недавно кормили.

— А как насчет седла?

— Седла? Что это такое?

— Неважно. — Кафф забрался на спину крокодила, и, морщась, уселся между острыми выступами, торчащими на его спине.

— Подожди, — сказал Чуката. — Сейчас луна полностью исчезнет. Запомни: если тебя поймают, я скажу, что ничего не знаю о твоем побеге и что ты сам нашел крокодила и украл его. Его зовут Сога.

Итак, баобабы и хижины.

На пути всадника и его странного скакуна встретилась дюжина слонов с огромными растопыренными ушами. Ательстан Кафф настолько привык к странным вещам, что едва отметил про себя, что у двух слонов было по два хобота; что кожа одного из них была причудливо окрашена в шотландскую клеточку, а у другого были короткие, как у гиппопотама, ноги, так что выглядел он как чудище из ночного кошмара заводчика

такс. Слоны, в свою очередь, казалось, не знали, бежать им или напасть на путешественников, и в конце концов решили остаться на месте. Уже миновав их, Кафф понял, что с его стороны было безрассудно подходить к ним так близко, не имея при себе никакого оружия, кроме бесполезной дубинки. Но слоны почему-то не произвели на него особенного впечатления. Последние два дня вся его жизнь была похожа на сон. Возможно, он и правда спит. А может, его загипнотизировали или что-то вроде того. Впрочем, пульсация в ноге и острая боль в ягодичных мышцах указывали на то, что все это наяву.

Сога, будучи крокодилом, при ходьбе раскачивался из стороны в сторону. Сначала голова и хвост шли вправо, а тело влево, затем наоборот. И для его наездника это было неприятнее всего.

Кафф готов был поклясться, что проехал не пятнадцать миль, а пятьдесят. На самом деле он преодолел около тридцати, поскольку двигался не по прямой и был вынужден ориентироваться сначала по звездам, а потом по солнцу, когда то взошло. Значительную часть пути он провел, прижимаясь к Соге, пока тот с помощью большого хвоста гнал по воде, как гоночный катер. Ни бегемоты, ни другие крокодилы к ним не при-

ближались — похоже, они знали, что не стоит нервировать Согу.

Кафф соскользнул со спины животного и, чуть не упав, поковылял к одной из хижин. Опытным глазом он заметил цистерну на крыше, солнечный коллектор, паровую установку, батарею и, наконец, трубу внутри. Он вошел. И правда: спустя столько лет труба все еще работала! Похоже, у Хики был весьма необычный источник питания. Кафф без труда нашел главный выключатель и опустил рычаг. Ничего не произошло, только в трубе погасло слабое оранжевое свечение.

Не считая еле слышного гудения коллектора, в доме было так тихо, что Каффу стало не по себе. Опираясь на керри вместо костыля, он прошелся по дому, поднимая пыль, лежавшую на полу слоем толщиной в шесть дюймов. Возможно, думал он, в хижине остались книги или тетради, которые можно взять с собой. Вскоре он наткнулся на их остатки: термиты съели всю бумагу и даже обложки из искусственной кожи, оставив только металлические кольца и рамки. Та же участь постигла и книги.

Что-то белое привлекло его внимание. Это были листы, лежащие на небольшом столике с металлическими ножками, на который термиты,

очевидно, не додумались забраться. Он нетерпеливо захромал к нему. Но это оказалась всего лишь газета Umlindi we Nyanga, «Ежемесячный сторож», издававшаяся в Ист-Лондоне. Похоже, ее выписывал Стэнли Х. Мкхави. От прикосновения Каффа бумага рассыпалась в пыль.

Ну а чего он ждал? Когда он вернется, надо сказать ребятам, биофизикам, чтобы забрали отсюда аппаратуру.

Он вышел на улицу, подозвал Согу и направился на восток. По его расчетам, к северу от Мабабе он сможет выйти на старую дорогу для фургонов и по ней добраться до главной станции Мтенгени.

Что там — человеческие голоса? Кафф, как индийский факир, беспокойно заерзал на своем невидимом сиденье. Он проехал уже около четырех миль после того, как покинул научную станцию Хики.

Это и впрямь были голоса, но не человеческие. Они принадлежали дюжине афене абанту, которые во главе со старым Индлову неслись через заросли.

Кафф потянулся назад и ударил Согу по хвосту. Если ему удастся разогнать крокодила, то он сможет сбежать от своих «гостеприимных» хозяев. Сога был не так быстр, как лошадь, но мог идти

рысью. Кафф с облегчением заметил, что туземцы не взяли с собой его винтовку. Они размахивали керри и копьями, как и подобает рассвирепевшим абанту. Возможно, из страха причинить вред своему питомцу они не решались метать в него оружие. По крайней мере, Кафф на это надеялся.

Знакомый голос крикнул ему в спину:

— Сога!

Крокодил замедлил шаг и попытался повернуть голову, но Кафф безжалостно ударил его дубинкой. Индлову снова закричал, а затем послышался свист. Теперь крокодил явно отказывался слушаться Каффа. Попытки удержать Согу подальше от его настоящих хозяев привели к тому, что крокодил принялся вилять зигзагами. Противоположные указания путали его и раздражали. Он открыл пасть и зашипел. Люди-бабуины были совсем близко.

«Что ж, — подумал Кафф, — вот мне и конец. Черт, обидно умереть, не написав отчет. Но я не должен показывать слабость. Это недостойно англичанина и подданного короны. Интересно, что подумает бедняга Мтенгени?»

Что-то пролетело мимо него; через долю секунды раздался грохот винтовки. Большой клуб пыли взметнулся перед его преследователями.

Они отскочили назад, будто смертельную опасность представляла пыль, а не пуля, которая ее подняла. Из-за соседнего колючего кустарника появился Джордж Мтенгени и закричал:

— Стойте, где стоите, или я снесу вам головы!

Хотя афене абанту не понимали английского, тон его голоса был им ясен.

«Старый добрый Джордж, — рассеянно подумал Кафф. — Он мог бы отстрелить им уши с такого расстояния, но поступил разумнее и решил сначала выяснить, что произошло». Кафф соскользнул с Соги и чуть не рухнул на землю.

Смотритель подошел к нему.

— Что… что, черт возьми, с вами произошло, мистер Кафф? Кто это такие? — Он указал на людей-бабуинов.

— Насмешка. — Кафф хихикнул. — Насмешка над тобой, Джордж. Ты столько лет прожил в своем чертовом заповеднике и даже не подозревал… Погоди-ка, мне надо кое-что сказать этим ребятам. Индлову!.. Ах, черт, он же не знает английского. Придется перейти на коса. Ты говоришь на коса, Джордж? — Он снова хихикнул.

— Ну, я… чуть-чуть понимаю. Коса очень похож на язык зулу. Боже мой, а что с вашими брюками?

Кафф ткнул дрожащим пальцем в бугристую спину Соги.

— Это все старина Сога… Жаль, у меня не было седла. Ужасное оскорбление — не предоставить седла подданному его величества!

— Такое ощущение, что с вас содрали кожу! Я должен отвезти вас в больницу… А что с вашей ногой?

— Черт с ней, с ногой. Очередная насмешка. Я не могу ни стоять, ни сидеть. И что же делать, черт возьми! Придется спать на животе. Эх, Индлову! Мне очень жаль, что пришлось сбежать! Я не могу жениться на Ингвамзе. Честное слово. Потому что… Потому что… — И Ательстан Кафф покачнулся и рухнул на землю маленькой бесформенной кучкой.

Питер Кафф вылупил глаза. Как всякий мальчишка, он, разумеется, спросил:

— И что же было дальше?

Ательстан Кафф принялся набивать трубку.

— О, все было именно так, как ты думаешь. Индлову был крайне раздосадован, скажу я тебе, но не осмелился ничего сделать, пока Джордж стоял над ним со своей винтовкой. Он успокоился, когда понял, чего я добивался, и мы даже стали хорошими друзьями. После его смерти

место вождя занял Чуката. Я до сих пор получаю от него открытки на Рождество.

— Рождественские открытки от бабуина?

— Именно. На следующее Рождество, когда придет еще одна, я тебе покажу. Открытка всегда одна и та же. Он парень экономный — купил по скидке сотню одинаковых открыток.

— А ты потом поправился?

— Да, месяц лежал в больнице. Я до сих пор удивляюсь, что не получил по меньшей мере шестнадцать видов заражения крови. Что тут скажешь, дуракам везет.

— Но какое это имеет отношение к тому, что меня усыновили?

— Питер! — Кафф издал звук, который на языке абанту обозначался символом «Х», а в английском был чем-то вроде цоканья. — Ты так и не понял? Когда я вошел в хижину Хики, его машина работала, так что я получил огромную дозу радиации. Она вызывает опасные мутации в зародышевой плазме. Ты ведь знаешь, что это такое? Поэтому я так и не осмелился обзавестись потомством — из страха, что родятся какие-нибудь монстры. А я ведь не сразу понял, какие могут быть последствия. И, поверь мне, от одной мысли об этом пришел в ужас. Вернее, совсем расклеился и да-

же потерял работу в Южной Африке. Но теперь, когда у меня есть ты и твоя мать, я понимаю, что, в конце концов, все это не так уж и важно.

— Отец… — Питер замялся.

— Да, дружок.

— Если бы ты подумал об облучении, тебе бы хватило смелости войти в хижину?

Кафф закурил трубку, глядя в даль.

— Я сам часто задаюсь этим вопросом. Черт его знает. Интересно… как бы все повернулось…

Генри Каттнер (1915–1958). Чужой нимб

Перевод Надежды Волковой

Unknown, август

Генри Каттнер за свою короткую жизнь добился многого, но не все его труды были оценены по достоинству. Большинство любителей научной фантастики считали, что свои лучшие произведения он создал вместе со своей талантливой женой К.Л. Мур под общим псевдонимом Льюис Пэджетт. Хотя на самом деле сложно понять, кто держал первенство в этом дуэте, многим казалось, что именно Мур привела их к успеху. Это вечная проблема соавторов, а жаль, поскольку Каттнер, хотя и писал для бульварных журналов (и вовсе не гордился этим), был очень талантливым писателем, особенно в жанре научной фантастики.

Отличительной чертой Каттнера было то, что он невероятно точно использовал иронию – прием, столь же тонкий и сложный

для писателя, как и любой другой. «Чужой нимб» – отличный тому пример.

(Я виделся с Генри Каттнером всего лишь один раз, в середине 1940-х, на вечеринке, в центре внимания которой были Боб Хайнлайн, Спрэг де Камп и я сам. Он молча сидел рядом со своей женой, держа ее за руку и слушая нас с явным удовольствием. Должно быть, он что-то говорил, но я не помню что. А.А.)

Младшего ангела едва ли можно было обвинить в том, что случилось. Ему вручили новенький сияющий нимб и указали на конкретную планету. Он беспрекословно следовал инструкциям, испытывая немалую гордость от возложенной на него ответственности. Впервые младшему ангелу поручили даровать человеку святость.

И вот он спустился на Землю, отыскал Азию и остановился у входа в пещеру, зияющую неподалеку от гималайских вершин. Он шагнул внутрь, его сердце бешено стучало, ведь ему предстояло материализоваться и даровать святому ламе честно заработанную награду. В течение десяти лет тибетский аскет Кай Юнг сидел неподвижно, занятый святыми помыслами. Еще десять лет он пребывал на вершине столпа, стремясь к благода-

ти. А последние десять лет этот отшельник жил здесь, отказавшись от земных наслаждений.

Младший ангел переступил порог пещеры и в изумлении замер. Ну конечно, он попал не туда. Резкий запах рисового вина ударил ему в нос, и он ошеломленно уставился на тощего пьяного человечка, с довольным видом сидящего на корточках у костра, на котором жарился кусочек козлятины. Вот оно, логово греха!

Разумеется, младшему ангелу, мало что знающему о земной жизни, было невдомек, что привело к нравственному падению ламы. Огромный кувшин вина, оставленный неким заблудившимся паломником у входа в пещеру, был подношением, и однажды лама пригубил его содержимое, а потом еще раз и еще. И теперь он никак не подходил на роль новоиспеченного святого.

Младший ангел колебался. Координаты совпадали. Но этот пьяный нечестивец не мог быть избранным. Лама громко икнул и потянулся за еще одной порцией вина, что окончательно убедило ангела. Он расправил крылья и с оскорбленным видом вылетел из пещеры.

Забавно, но в одном из штатов американского Среднего Запада есть город под названием Тиб-

бетт. Кто посмел бы упрекнуть ангела в том, что он спустился туда и после непродолжительных поисков нашел достойного святости человека, чье имя, как гласила табличка на двери его небольшого загородного дома, было К. Янг?

«Возможно, я что-то не так понял, — подумал младший ангел. — Они сказали, его имя Кай Юнг. Но вот я в Тиббетте. Наверное, это и есть тот самый человек. По крайней мере, выглядит достаточно свято. Ну что ж, — продолжил он, — приступим. Итак, где нимб?»

Мистер Янг, опустив голову и задумавшись, сидел на кровати. Выглядело это довольно печально. Наконец он встал и облачился в свои одежды. После этого он побрился, умылся, причесался и спустился к завтраку.

Джилл Янг, его жена, сидела за столом, листая газету и потягивая апельсиновый сок. Это была невысокая довольно симпатичная женщина средних лет, давно переставшая искать смысл жизни. «Все слишком сложно, — решила она. — Вокруг постоянно происходит что-то непонятное. Куда как проще оставаться в стороне и ничего не делать». Благодаря такой философии она сохранила гладкость своего личика, а ее муж обзавелся кучей седых волос.

Скажем еще пару слов о голове мистера Янга. За ночь она значительно преобразилась. Но пока ее владелец об этом и не подозревал, а Джилл пила апельсиновый сок и самозабвенно любовалась рекламой какой-то несусветной шляпы.

— Привет, Вонючка, — сказал Янг. — Доброе утро.

Он обращался не к жене — ему навстречу бросился маленький шустрый шотландский терьер. Пес бешено вертелся у ног хозяина и пришел в экстаз, когда Янг потрепал его за лохматые уши. Озорная собака запрокинула голову и стала кататься по ковру, тихонько повизгивая от восторга. Утомившись от этого занятия, шотландский терьер по кличке Вонючка Максвинтус принялся биться головой об пол, явно намереваясь вышибить себе мозги, если таковые имелись.

Подобные выкрутасы Янга не интересовали. Он сел, развернул салфетку, посмотрел на содержимое тарелки и, одобрительно хмыкнув, приступил к завтраку.

Тут он заметил, что жена как-то странно, растерянно смотрит на него. Он торопливо промокнул губы салфеткой, но Джилл продолжала пялиться на него. Янг внимательно посмотрел на свою рубашку. Если уж она и не поражала чистотой,

то, по крайней мере, кусочков бекона или яйца на ней не было. Взглянув на жену, он понял, что она смотрит куда-то чуть выше его макушки. Он поднял голову.

Джилл слегка вздрогнула. Она прошептала:

— Кеннет, что это?

Янг пригладил волосы.

— Э-э… что, дорогая?

— Что у тебя на голове?

Он осторожно провел рукой по макушке.

— На голове? Что ты имеешь в виду?

— Твоя голова светится, — пояснила Джилл. — Что, черт возьми, ты с собой сделал?

Мистер Янг начал терять терпение.

— Я ничего с собой не делал. Все рано или поздно лысеют.

Джилл нахмурилась и сделала глоток сока. Словно завороженная, она снова посмотрела вверх. Наконец она сказала:

— Кеннет, может быть, ты…

— Что?

Джилл указала на зеркало на стене.

Раздраженно ворча, Янг встал и подошел к зеркалу. Поначалу он не заметил ничего особенного. Вот оно, то самое лицо, которое он годами видел в отражении. Совершенно обычное лицо — не

одно из тех, что можно было бы гордо демонстрировать окружающим и говорить: «Смотри. *Мое лицо*». Но, с другой стороны, и ужаса его лик точно не вызывал. Короче говоря, обычное чистое лицо, румяное и гладко выбритое. Совместно прожитые годы внушили мистеру Янгу чувство терпимости к нему, если не настоящей симпатии. Но теперь, когда это лицо обзавелось нимбом, оно стало выглядеть немного жутковато.

Нимб парил примерно в пяти дюймах над головой. Сияющее, светящееся белым кольцо размером с небольшую тарелку. Пытаясь потрогать его, Янг несколько раз изумленно провел сквозь него рукой.

— Это… нимб, — заключил он наконец и обернулся к Джилл.

Вонючка Максвинтус тоже заметил светящееся нечто над головой хозяина. Его охватило любопытство. Разумеется, он и понятия не имел, что это за штуковина, но вдруг ее можно съесть? Особым умом пес не отличался.

Вонючка заскулил. Никто не обращал на него внимания. Громко залаяв, он подпрыгнул и начал бешено карабкаться по хозяину, пытаясь достать нимб и растерзать его. И поскольку загадочная штука не предпринимала никаких враждебных

действий, она должна была стать легкой добычей.

В целях самообороны Янг схватил визжащего пса за шкирку и отнес его в другую комнату. Потом Янг вернулся и снова посмотрел на Джилл.

Наконец она сказала:

— У ангелов есть нимбы.

— Я похож на ангела? — спросил Янг. — Это… научный феномен. Как… как та девочка, у которой кровать все время прыгала. Ты же о ней читала.

Джилл действительно о ней читала.

— Ну так та девочка делала это сама.

— А я вот нет, — твердо ответил Янг. — Как такое вообще можно сделать? У всего должно быть научное объяснение. Многие вещи светятся сами по себе.

— Ну да. Поганки, например.

Янг поморщился и потер лоб.

— Спасибо, дорогая. Надеюсь, ты понимаешь, что помощи от тебя ноль.

— У ангелов есть нимбы, — не унималась Джилл.

Янг снова подошел к зеркалу.

— Дорогая, может, заткнешься на минутку? Я и так чертовски напуган, а тут еще ты…

Джилл разрыдалась, выбежала из комнаты, и вскоре он услышал, как она шепотом разговаривает с Вонючкой.

Янг допил кофе, но вкуса его не почувствовал. На самом деле нимб не слишком его испугал. Да, ситуация странная, необычная, но ужасной ее не назовешь. Вот рога, наверное, повергли бы его в отчаяние. Но нимб — другое дело. Мистер Янг регулярно читал воскресные газеты и знал, что наука может объяснить все на свете. Он даже слышал, что вся мифология строится на научных фактах. Так он успокаивал себя до тех пор, пока не пришло время собираться на работу.

Янг нацепил на голову котелок. Но, к несчастью, для нимба тот был маловат. Со стороны казалось, что шляпа обзавелась новыми светящимися полями.

— Черт побери! — выругался Янг.

Он копался в шкафу и надевал на себя одну шляпу за другой. Ни одна из них не скрывала нимб. Естественно, он никак не мог зайти в переполненный автобус в таком виде.

Его взгляд упал на пол, на что-то большое и мохнатое. Янг поднял непонятный предмет и с отвращением повертел в руках. Им оказалась огромная бесформенная шерстяная шапка, напо-

минающая кивер, которая когда-то была частью маскарадного костюма. Сам костюм уже давно канул в Лету, а вот шапку оставили для Вонючки: он иногда на ней спал.

Вот она может скрыть нимб. Янг брезгливо натянул этот кошмар себе на голову и подкрался к зеркалу. Едва взглянув на себя, он пробормотал: «Господи, помоги», — открыл дверь и выбежал из дома.

Из двух зол всегда выбирают меньшее. Сев в автобус, Янг постоянно думал о том, что выбрал не то зло. И все же почему-то он не решался сорвать с себя шапку и растоптать ее, хотя руки так и чесались. Забившись вглубь автобуса, он пристально рассматривал свои ногти и мечтал провалиться сквозь землю. Он слышал насмешливое хихиканье и чувствовал, что его голова находится в центре внимания всего автобуса.

Маленький ребенок насыпал соль на рану Янга и беспощадно поковырялся в ней розовыми пальчиками.

— Мама, — пронзительно завопил он, — смотри, какой смешной дядя.

— Да, зайка, — ответил женский голос. — Веди себя потише.

— Что это у него на голове? — не унимался

гаденыш.

Воцарилась звенящая тишина. Наконец женщина растерянно произнесла:

— Ну, я не знаю.

— Для чего он это напялил?

Ответа не последовало.

— Мама!

— Да, зайка.

— Он с ума сошел, да?

— Помолчи, — сказала женщина, не зная, что ответить.

— Но что с ним?

Это было невыносимо. Янг встал и, гордо подняв голову, пошел к дверям, не замечая ничего на своем пути. Стоя у выхода, он старался не смотреть на изумленного кондуктора.

Когда автобус затормозил, Янг почувствовал чью-то руку на своем плече. Он обернулся. Позади стояла недовольная мамаша того самого мальчика.

— Что? — злобно спросил Янг.

— Мой сын Билли, — ответила женщина. — Я стараюсь всегда говорить ему правду. Может, скажете, что это у вас на голове?

— Это борода Распутина, — отрезал Янг. — Он мне ее завещал.

Не обращая внимания на следующий вопрос, Янг выпрыгнул из автобуса и решил затеряться в толпе.

Это было непросто. Все таращились на его немыслимую шапку. Но, к счастью, до офиса было всего несколько кварталов, и наконец, тяжело дыша, Янг ввалился в лифт, смерил мальчика-лифтера убийственным взглядом и прохрипел:

— Девятый этаж.

— Прошу прощения, мистер Янг, — тихо сказал мальчик. — У вас что-то на голове.

— Я знаю, — ответил Янг. — Я сам это надел.

Казалось, вопрос решен. Однако после того как пассажир вышел из лифта, мальчик широко улыбнулся. Спустя несколько минут он уже разговаривал с уборщиком:

— Знаешь мистера Янга? Он…

— Ну знаю. И что?

— Пьяный вдрызг.

— Он-то? Да ну, ты брешешь!

— Да, в стельку, — утверждал лифтер, — чтоб мне провалиться.

Тем временем новоиспеченный святой направлялся к доктору Френчу, знакомому врачу, кабинет которого как нельзя кстати находился в этом же здании. Ему не пришлось долго ждать.

Медсестра, едва взглянув на немыслимую шапку, исчезла и почти сразу же вернулась, чтобы проводить пациента в святая святых.

Доктор Френч, крупный добродушный мужчина с напомаженными рыжими усами, бодро, почти восторженно поприветствовал Янга:

— Входите-входите. Как ваши дела? Надеюсь, все в порядке? Позвольте вашу шляпу.

— Погодите, — сказал Янг, отстраняясь от врача. — Дайте объяснить. У меня кое-что на голове.

— Порез, ушиб, рассечение? — оживился доктор, поняв все буквально. — Сейчас мы вас подлатаем.

— Я в *порядке*, — сказал Янг. — По крайней мере, я на это надеюсь. У меня… э-э-э… нимб.

— Нимб? — Доктор Френч расхохотался и похлопал в ладоши. — Ну, вряд ли вы его заслужили.

— Да черт с вами! — рявкнул Янг и сорвал с себя шапку.

Доктор отступил назад. Затем любопытство взяло верх: он подошел поближе и попытался потрогать нимб. У него ничего не вышло.

— Это… это странно, — произнес он наконец. — И вправду очень похоже на нимб, да?

— Вот и мне хотелось бы знать, что это такое.

Френч задумался. Он подергал себя за усы.

— Ну, это немного не по моей части. Может, вам к физикам… Нет, или лучше к Майо[21]. Оно снимается?

— Конечно же, нет. Я даже не могу прикоснуться к нему.

— А, ну да. Понимаю. Что ж, интересно, что сказали бы специалисты. А пока дайте-ка взглянуть…

Началась всякая медицинская суматоха. Янгу проверили сердце, измерили температуру, взяли на анализ кровь, слюну и эпидермис. Все было в порядке.

Наконец доктор Френч заключил:

— Вы в отличной форме. Приходите завтра в десять. Я приглашу специалистов.

— Вы… э-э… Вы не можете его убрать?

— Я бы не стал торопиться. Полагаю, это как-то связано с радиацией. Возможно, потребуется лечение радием…

Янг не стал слушать болтовню доктора об альфа- и гамма-лучах. Он растерянно нацепил свою удивительную шапку и отправился на работу.

Рекламное агентство «Атлас» было самым консервативным из всех рекламных агентств. Два

---

[21] Сноски: 21

Фрэнк Р. Майо (1908–1987) — американский химик.

брата с седыми бакенбардами основали его аж в 1820 году, и казалось, компания все никак не могла избавиться от этих невидимых старомодных бакенбардов. Любые изменения принимались в штыки советом директоров, который только в 1938 году окончательно смирился с тем, что радио прочно вошло в жизнь человека, и разрешил заключать контракты на рекламные трансляции. А однажды вице-президента компании уволили за красный галстук.

Янг прошмыгнул в свой кабинет. Там никого не было. Опустившись в кресло, Янг снял шапку и брезгливо уставился на нее. Ему показалось, что шапка стала еще противнее, чем раньше. Она линяла и к тому же издавала едва уловимый, но при этом легко узнаваемый аромат немытого Вонючки.

Увидев, что нимб все еще висит над его головой, Янг решил приняться за работу. Однако сегодня норны[22] ему явно не благоволили, поскольку в следующий момент дверь распахнулась, и в кабинет вошел Эдвин Дж. Кипп, президент «Атласа». Янг еле успел по-утиному нырнуть под стол,

[22] Сноски: 22

Норны — в скандинавской мифологии три волшебницы, управляющие судьбами людей и способные заглядывать в будущее. Аналог древнегреческих мойр.

чтобы спрятать нимб.

Кипп представлял собой невысокого горделивого франта, носящего пенсне и бородку а-ля Ван Дейк и напоминавшего важную рыбу. По его венам вместо крови уже давно тек едкий нашатырь. Рядом с ним почти физически ощущалась давящая консервативная аура.

— Доброе утро, мистер Янг, — начал он. — Э-э… это же вы?

— Да, — сказал невидимый Янг. — Доброе утро. Я… шнурок завязываю.

Кипп ничего не ответил, только легонько кашлянул. Время шло. Стол все так же безмолвствовал.

— Э-э… мистер Янг?

— Я… я тут, — ответил несчастный Янг. — Запутался. Я имею в виду шнурок. Вы что-то хотели?

— Да.

Нетерпение Киппа с каждой минутой росло. Ничто не предвещало скорого возвращения Янга из своего убежища. Президент даже подумал, может, ему подойти поближе и заглянуть под стол. Но такой причудливый диалог даже представить себе было трудно. Наконец он сдался и объяснил Янгу, в чем дело:

— Только что звонил мистер Девлин. Он скоро

прибудет. Он желает, чтобы… э-э… чтобы ему показали город, как он выразился.

Невидимый Янг кивнул. Девлин — один из лучших клиентов агентства. Или, точнее, он был им до прошлого года, когда неожиданно стал пользоваться услугами другой фирмы, что привело Киппа и совет директоров в замешательство.

Президент продолжил:

— Мистер Девлин сказал, что переживает по поводу нового контракта. Он планировал заключить его с компанией «Уорлд», но у нас с ним завязалась переписка по этому вопросу, и я подумал, что нам стоит поговорить лично. Итак, он приезжает к нам в город и хочет… э-э… осмотреть достопримечательности. — Кипп перешел на более доверительный тон. — Скажу вам по секрету: мистер Девлин ясно дал мне понять, что предпочитает менее консервативный подход. «Менее занудный» — так он выразился. Мы ужинаем сегодня вечером, и я постараюсь убедить его, что он останется доволен нашими услугами. И все же, — Кипп снова кашлянул, — определенные меры предосторожности не помешают. Я буду вам очень признателен, если вы сегодня обеспечите досуг мистеру Девлину.

Во время этого патетического монолога стол все

так же безмолвствовал. Теперь же он судорожно повторял:

— Я болен. Я не могу…

— Вы больны? Мне позвать врача?

Янг поспешил отказаться от предложения, но из-под стола не вылез.

— Нет, я… но я…

— Вы ведете себя крайне странно, — сказал Кипп с завидной выдержкой. — Вам кое-что следует знать, мистер Янг. Я, правда, пока не собирался вам говорить, но… вы знаете, руководство вами интересуется. На последнем совещании мы приняли решение предложить вам должность вице-президента компании.

Тут стол совсем затих.

— Вот уже пятнадцать лет вы трудитесь на благо нашего агентства, — сказал Кипп. — Ваша репутация безупречна. Поздравляю вас, мистер Янг.

Президент направился к Янгу, протягивая ладонь. Из-под стола высунулась рука, ответила на рукопожатие и снова исчезла.

Но после этого все осталось по-прежнему. Янг прочно засел в своем убежище. Кипп понял, что вытащить его оттуда можно только силой, то есть сегодня он вряд ли увидит Кеннета Янга целиком.

Многозначительно кашлянув, он ретировался.

Бедолага Янг вылез из-под стола и с трудом размял затекшее тело. Ну и дела! Как он будет водить Девлина по городу с нимбом на голове? А Девлина обязательно нужно умаслить, иначе замаячившая на горизонте должность вице-президента сразу же испарится. Янг слишком хорошо понимал, что сотрудники рекламного агентства «Атлас» вступили на скользкую дорожку.

Размышления Янга прервались внезапным появлением ангела на книжном шкафу. Шкаф был невысоким, и неземной гость сидел там достаточно спокойно, свесив ножки и сложив крылья. Скромное одеяние из белой парчи составляло весь его наряд, а над головой ангела сиял нимб, при виде которого на Янга накатил приступ тошноты.

— Ну все, — обреченно пробормотал Янг, — это конец. Нимб еще можно объяснить массовым гипнозом, но если уже мерещатся ангелы…

— Не бойся, — произнес ангел. — Я вполне реален.

Янг ошалело повел глазами.

— Откуда мне знать? Может, я сам с собой разговариваю. Шизофрения какая-то. Исчезни.

Ангел смущенно поболтал ножками.

— Пока не могу. Видишь ли, я совершил ужасную ошибку. Вероятно, ты уже заметил нимб над своей головой…

Янг горько усмехнулся:

— Да уж. Я заметил.

Не успел ангел ответить, как открылась дверь и внутрь заглянул Кипп. Увидев, что Янг занят, он пробормотал: «Извините» — и удалился.

Ангел почесал свой кудрявый затылок.

— Понимаешь, на самом деле твой нимб предназначался кое-кому другому — тибетскому ламе. Но по странному стечению обстоятельств я пришел к выводу, что именно ты больше всего подходишь на роль святого. И вот… — Гость сделал жест в сторону Янга.

Тот был ошарашен.

— Я не совсем…

— Лама… э-э-э… согрешил. А грешникам нимб не полагается. И, повторюсь, я дал его тебе по ошибке.

— Значит, ты можешь его забрать?

На лице Янга отразилась радость. Но ангел великодушно поднял руку.

— Не бойся. Я связался с небесной канцелярией. Ты вел безгрешную жизнь. В качестве награды тебе разрешили сохранить нимб.

Перепуганный Янг вскочил, беспомощно махая руками.

— Но… но… но…

— Да снизойдет на тебя благодать, — сказал ангел и исчез.

Янг плюхнулся в кресло и потер ноющий висок. В эту же секунду открылась дверь, и на пороге появился Кипп. К счастью, Янг успел прикрыть нимб руками.

— Мистер Девлин прибыл, — сказал президент. — Э-э… мне показалось или кто-то сидел на книжном шкафу?

Янг уже был не в состоянии что-либо выдумывать. Он пробормотал:

— Да, ангел.

Кипп машинально кивнул.

— Да, конечно… Что? Вы сказали — ангел… ангел? О господи! — Он стал белее мела и поспешил удалиться.

Янг посмотрел на свою шапку. Она все еще лежала на столе, распушившись под его недобрым взглядом. Постоянно носить эту мерзкую шапку было лишь немногим лучше, чем светить нимбом над головой. Янг со злостью стукнул кулаком по столу.

— Я этого не вынесу! Я… Я не обязан… — Тут

он резко замолчал. И вдруг на него снизошло озарение. — Я стану… Точно! Я не обязан это терпеть. Если лама избавился от него… Вот оно что. «Грешникам нимб не полагается». — Круглое лицо Янга исказилось жуткой гримасой. — Тогда я стану грешником! Нарушу все заповеди…

Он задумался. Как назло, в голову ему ничего не приходило. Наконец всплыло: «Не желай жены ближнего твоего». Янг вспомнил жену ближнего своего — миссис Клэй, соседку, огромную даму за пятьдесят, лицом напоминавшую засохший пудинг. Нет, эту заповедь он точно не станет нарушать.

Но, может, один качественный, добротный грех вернет ангела и тот заберет нимб? Какие злодеяния повлекут за собой наименьшие последствия? Янг нахмурился. Но в голову так ничего и не шло. Он решил пойти прогуляться. По дороге точно подвернется возможность согрешить.

Он с трудом заставил себя надеть шапку и уже почти дошел до лифта, но вдруг сзади его окликнул хриплый голос. По коридору мчался крупный мужчина. Янг сразу понял, что это мистер Девлин.

Прилагательное «крупный» не передавало истинных размеров Девлина. Его всего словно

раздуло. Из темно-желтых ботинок подобно бутонам вздымались вверх пухлые щиколотки. Они плавно перетекали в икры, затем в бедра, которые, казалось, становились все масштабнее и масштабнее по мере того, как, расширяясь и поднимаясь все выше, будто колоссы, в конце концов упирались в необъятный живот. Его силуэт напоминал ананас, страдающий слоновой болезнью. Огромная масса плоти выпирала у него из воротника и представляла собой бледный бесформенный комок, в котором Янг едва различил некое подобие лица.

Да, это был Девлин, и теперь он, словно стадо мамонтов, мчался по коридору, сотрясая пол грохотом своих ботинок.

— Вот вы где, Янг! — прохрипел он. — Чуть не разминулись, да? Я ждал в офисе... — Девлин замолчал и удивленно уставился на шапку. Затем, сделав над собой усилие, он отвел взгляд и фальшиво рассмеялся. — Что ж, я готов к выходу.

В этот момент Янг особенно остро почувствовал, что он стоит перед судьбоносным выбором. Если Девлин останется недоволен их встречей, то вице-президентства ему не видать. Но и нимб не давал покоя его голове, которая уже изрядно болела. Янг думал только об одном: ему необходимо

избавиться от неземного подарочка. Тогда уже все будут решать удача и дипломатия. В таком виде он не может водить Девлина по городу. Одна только шапка чего стоит.

— Прошу прощения, — буркнул Янг. — У меня срочное дело, я вернусь за вами, как только освобожусь.

Хрипло рассмеявшись, Девлин крепко схватил его за руку.

— Нет, вы никуда не пойдете. Вы покажете мне город прямо сейчас!

И тут Янг учуял запах, который ни с чем не спутаешь, — запах алкоголя. В его голове сразу созрел план.

— Отлично, — сказал он. — Пойдемте. Внизу есть бар. Может, немного выпьем?

— Вот это разговор, — оживился Девлин и хлопнул Янга по спине так, что тот чуть не отправился в нокаут. — А вот и лифт.

Они втиснулись внутрь. Янг закрыл глаза: ему хотелось провалиться сквозь землю, чтобы не чувствовать пристальных взглядов, прикованных к его шапке. Он словно впал в кому и пришел в себя только на первом этаже, когда Девлин вытащил его из лифта и поволок в ближайший бар.

Хитроумный план Янга заключался в следую-

щем: вливать в бездонное чрево своего спутника стакан за стаканом, дожидаясь удобного момента, чтобы ускользнуть. Но Янг не предусмотрел одного — Девлин отказался пить в одиночку.

— Один тебе, один мне, — приговаривал он. — Вот так, вот так. Еще по стаканчику.

При всем желании Янг не мог отказаться. И хуже всего было то, что алкоголь, казалось, впитывался в каждую клеточку огромного тела Девлина и никак не влиял на него: он все так же сиял как начищенный таз. А вот бедняга Янг, мягко говоря, уже поднабрался.

Он неподвижно сидел за столиком, злобно уставившись на Девлина. Каждый раз, когда к ним подходил официант, Янг замечал, что его взгляд прикован к шапке. И с каждым разом эта мысль раздражала Янга все больше и больше. Кроме того, ему не давал покоя нимб. Янг мысленно перебирал грехи. Поджог, кража со взломом, диверсия и убийство мелькали в его хмельной голове. Он даже попытался выхватить у официанта сдачу, но тот был начеку. Молодой человек любезно улыбнулся и поставил перед Янгом новую порцию спиртного.

Новоиспеченный святой посмотрел на выпивку с отвращением. Вдруг он встал и, пошатываясь,

решительно направился к двери. Девлин догнал его на улице.

— Ты куда? Давай посидим еще…

— Мне работать надо, — отрезал Янг.

Он выхватил трость у прохожего и угрожающе размахивал ей до тех пор, пока тот не поспешил скрыться. Взвешивая палку в руке, Янг нахмурился.

— Как работать? — опешил Девлин. — Покажи мне город.

— У меня важное дело.

Янг пристально смотрел на ребенка, стоявшего неподалеку на тротуаре и с интересом разглядывавшего его в ответ. Мальчик был поразительно похож на гаденыша, который так надоел ему в автобусе.

— Важное? — не унимался Девлин. — Важное дело, да? Какое же?

— Избиение младенцев, — воскликнул Янг и кинулся на перепуганного ребенка, размахивая тростью.

Мальчишка завизжал и понесся прочь. Янг побежал за ним, но зацепился за фонарный столб. Столб повел себя вызывающе: он отказался пропустить Янга. Тот пытался сопротивляться и даже спорить, но это ни к чему не привело.

Ребенок уже давно скрылся из виду. Резко и довольно грубо отчитав фонарный столб, Янг вернулся к своему оторопевшему спутнику.

— Что, черт возьми, ты делаешь? На нас уже коп смотрит. Пойдем. — Девлин взял Янга под руку и потащил его по оживленному тротуару.

— Что я делаю? — Янг усмехнулся. — Разве неясно? Я хочу согрешить.

— Э-э… согрешить?

— Согрешить.

— Зачем?

Янг многозначительно указал пальцем на свою шапку, но Девлин неверно понял его жест.

— Ты спятил?

— Да заткнись уже, — взвыл Янг и в порыве ярости метнул трость под ноги проходившему мимо знакомому — президенту банка.

Запнувшись, несчастный растянулся на асфальте, но тут же поднялся. Он совсем не пострадал, если не считать его уязвленной гордости.

— Прошу прощения! — рявкнул Янг.

Дальше началось что-то совсем необъяснимое. Янг подбежал к витрине и стал вытворять какие-то фокусы со своей шапкой, осторожно приподнимая ее так, чтобы увидеть макушку: не исчез ли злополучный нимб? В конце концов он

громко выругался, обернулся, смерил президента банка презрительным взглядом и удалился, утягивая за собой ошеломленного Девлина, словно воздушный шарик.

Янг неразборчиво бормотал себе под нос:

— Надо согрешить, согрешить по-настоящему. Сильно. Поджечь сиротский приют. Убить тещу. Убить… — Он покосился на Девлина, и тот с ужасом отшатнулся. Подумав, Янг с отвращением хмыкнул. — Нет. Слишком много жира. Ни пистолет, ни нож здесь не помогут. Придется взрывать. Слушай! — воскликнул Янг, хватая Девлина за руку. — А воровство — это ведь грех, да?

— Конечно, — осторожно ответил Девлин. — Но ты же не будешь…

Янг покачал головой.

— Нет. Здесь слишком людно. Не хотелось бы сесть в тюрьму. Пойдем!

Он двинулся вперед. Девлин — вслед за ним. И Янг выполнил свое обещание: он показал гостю город, — да вот только потом никто из них не мог точно вспомнить, что произошло в тот день. Девлин заглянул в винный магазин, чтобы подзаправиться, и вернулся с торчащими из-под одежды бутылками.

Часы проходили в алкогольном бреду. Для бе-

долаги Девлина сон и явь уже давно смешались воедино. Вскоре он впал в забытье, смутно различая события, которые сменяли друг друга в течение всего дня и ночи. Когда Девлин наконец пришел в себя, он понял, что они с Янгом стоят напротив деревянного индейца, дружелюбно приглашающего прохожих в магазин сигар. Наверное, это был последний деревянный индеец на свете. Казалось, потертый истукан, этот призрак прошлого, уставился тусклыми стеклянными глазами на деревянную пачку сигар, зажатую в вытянутой руке.

Янг уже давно снял шапку. Но только сейчас очнувшийся Девлин заметил странные изменения в его внешности.

Он тихо сказал:

— У тебя нимб.

Янг слегка вздрогнул.

— Да, у меня нимб. Этот индеец… — Янг задумался.

Его спутник с неприязнью посмотрел на истукана. Для пьяного Девлина деревянный индеец выглядел куда более жутко, чем этот странный нимб. Девлин поежился и быстро отвел взгляд.

— Воровство — это грех, — пробормотал Янг себе под нос, а затем с ликующим возгласом

попытался поднять индейца. Не выдержав его тяжести, Янг растянулся на асфальте и разразился потоком крепких ругательств, когда попробовал сбросить с себя истукана. — Тяжеленный, — сказал он, вставая. — Дай мне руку.

Девлин уже и не надеялся найти здравый смысл в действиях этого сумасшедшего. Янг абсолютно точно решил согрешить, а сияющий нимб над его головой приводил в замешательство даже пьяного Девлина. И вот сообщники пошли дальше по улице, унося с собой безмолвное тело деревянного индейца.

Владелец магазина вышел на улицу и посмотрел им вслед, потирая руки. Он с нескрываемым восторгом следил за тем, как истукан удаляется все дальше и дальше.

— Десять лет я пытался избавиться от этой штуковины, — радостно прошептал он. — И вот… хе-хе!

Вернувшись в магазин, он раскурил «Корону», чтобы наконец-то отпраздновать свою свободу.

Тем временем Янг и Девлин подходили к стоянке такси. Там была всего одна машина: водитель слушал радио, попыхивая сигаретой. Янг окликнул его.

Водитель оживился.

— Такси, сэр? — Он выскочил из машины и распахнул дверцу, но вдруг застыл на месте, дико выпучив глаза.

Он не верил в привидения. Он был скептиком. Но, увидев пузатого упыря и падшего ангела с окоченевшим трупом индейца, водитель испытал внезапный шок от осознания того, что после смерти нас ждет черная бездна, кишащая невообразимыми кошмарами. Издав пронзительный вопль, перепуганный таксист запрыгнул в машину, завел ее и был таков.

Пузатый упырь и падший ангел печально посмотрели друг на друга.

— Что теперь? — спросил Девлин.

— Ну, — Янг вздохнул, — я живу недалеко отсюда. Где-то кварталов десять. Идем!

Дело шло к ночи, и людей на улице было немного. Дабы избежать неприятностей, эти редкие прохожие обходили подозрительную троицу стороной. Наконец Янг, Девлин и деревянный индеец прибыли к финальной точке своего путешествия.

Входная дверь была заперта, и Янг не смог найти ключ. Ему очень не хотелось будить Джилл. Но почему-то он счел жизненно необходимым спрятать у себя деревянного индейца. Самым

подходящим местом был подвал. Янг подтолкнул Девлина и истукана к небольшому окошку на уровне ног, как можно тише разбил стекло и просунул туда украденный трофей.

— Ты и вправду здесь живешь? — спросил Девлин, начиная сомневаться.

— Тише! — шикнул Янг. — Полезли!

Он нырнул вслед за деревянным индейцем и с грохотом приземлился на кучу угля. Девлин долго пыхтел, пытаясь протиснуться в окно, но в конце концов тоже очутился внутри. Неожиданно в подвале словно включился свет: нимб светил почти так же, как лампочка в двадцать пять ватт.

Пока Девлин потирал ушибленные места, Янг занялся поисками индейца: тот странным образом исчез. В итоге Янг нашел истукана под корытом, вытащил его и поставил в угол. Затем новоиспеченный святой отошел назад и, слегка покачиваясь, уставился на статую.

— Да, это грех. — Он усмехнулся. — Кража. И дело не в количестве. Важен сам принцип. Деревянный индеец или миллион долларов, какая разница, а, Девлин?

— Я бы с огромным удовольствием изрубил его на куски, — с пылом ответил Девлин. — Мы тащили его целых три мили. — Вдруг он прислу-

шался. — Что это, черт возьми, такое?

К ним приближался какой-то шум. Вонючке, из которого всеми силами старались сделать сторожевого пса, теперь представилась прекрасная возможность проявить себя. В подвале кто-то возится. Грабители, сомнений нет. Беспокойный Вонючка кубарем скатился по лестнице, угрожая ворам оглушительным лаем. Звонко предупреждая о намерении выпотрошить незваных гостей, он набросился на Янга, который судорожно пытался успокоить разбушевавшегося пса.

У Максвинтуса было другое мнение на этот счет. Он метался, как дервиш, призывающий к кровавой резне. Янг потерял равновесие и, безуспешно пытаясь найти опору, растянулся на полу. Он так и лежал лицом вниз, когда Вонючка, увидев нимб, бросился хозяину на голову и стал прыгать по ней.

Только сейчас бедолага Янг почувствовал, как много он выпил. Он хотел сбросить с себя пса, но вместо этого случайно схватил за ноги индейца. Истукан угрожающе закачался. Вонючка притих и уже собрался удрать, но на полпути вспомнил о своих сторожевых обязанностях. С глухим рычанием он вонзил зубы хозяину в ногу и попытался стянуть с него штаны. А Янг так и лежал лицом

вниз, вцепившись в ноги деревянного индейца и потеряв всякую надежду на пощаду.

Вдруг раздался оглушительный раскат грома. Белый свет пронзил мрак подвала. Появился ангел.

У Девлина подкосились ноги. Он шлепнулся на пол, закрыл глаза и начал бормотать что-то себе под нос. Вонючка зарычал на неземного гостя и решил схватить его за плавно машущее крыло, но попытка не увенчалась успехом. Пройдя сквозь перья, зубы Вонючки с силой сомкнулись, после чего он забился в угол.

Ангел парил над Янгом, его глаза излучали теплое сияние, а благородное лицо светилось добротой и радостью.

— Этот поступок, — тихо промолвил он, — зачтется тебе как первое доброе дело с момента обретения святости. — Кончиком крыла он коснулся чумазого индейца. Индеец тут же исчез. — Ты помог ближнему своему — хоть и немного, но все же это стоило тебе большого труда. Целый день ты шел к тому, чтобы освободить его от бремени, даже не помышляя о награде. И пускай завтра тебя ждут страдания, иди вперед, К. Янг, и да защитит тебя от всех грехов твоя награда, твой нимб.

Младший ангел бесшумно растворился в воздухе, и за одно только это новоиспеченный святой был ему благодарен. У Янга уже начинала болеть голова, и он бы не пережил еще одного раската грома.

Максвинтус злобно оскалился и снова ринулся на нимб. Сделав усилие, Янг поднялся на ноги. Несмотря на то что у него перед глазами все бешено кружилось в дьявольском танце, теперь разъяренный Вонючка никак не мог достать до его головы.

Наутро Янг, к своему глубочайшему сожалению, проснулся совершенно трезвым. Он лежал в холодной постели, солнечный свет, проникая сквозь окна, слепил глаза и причинял ему ужасные мучения. Во рту у Янга пересохло, а содержимое желудка так и просилось наружу. Едва успев проснуться, Янг сразу понял три вещи: обещанные страдания действительно наступили, нимб все так же отражается в зеркале, а прощальные слова ангела не выходят у него из головы.

Он трижды тяжело вздохнул. Головная боль пройдет, а вот нимб не исчезнет. Только согрешив, Янг мог избавиться от него, но именно благодаря нимбу — его награде — он теперь так сильно отличается от других. Ведь отныне все его

деяния будут добрыми, все его поступки будут служить на благо людям. Он больше не сможет грешить!

Милтон Ротман (1919–2001). Тяжелая планета

Перевод Марии Териной

Astounding Science Fiction, август

Ли Грегор – под таким псевдонимом читатели узнали Милтона Ротмана, большого поклонника научной фантастики, соучредителя Филадельфийского научно-фантастического общества и настоящего физика-ядерщика. Ротман учился в Пенсильванском университете, а в 1952 году получил докторскую степень по физике. Его рассказ «Тяжелая планета» стал, вероятно, лучшим произведением «твердой» научной фантастики, опубликованным в 1939 году, когда автору было всего двадцать лет.

(Милт рискует стать обыденностью в Голливуде, но редкостью в мире научной фантастики, а еще основателем целой писательской династии. Дети писателей-фантастов редко идут по стопам родителей – возможно, из-за страха навсегда остаться в их тени. Но

сын Милтона, молодой Тони Ротман, – весь в отца, разве что чуточку выше ростом. И сейчас он начинает свой собственный путь в мире научной фантастики. А.А.)

Эннис заканчивал патрулирование сектора ЕМ, четыреста двадцать шестой дивизии Восточного океана. Погода стояла необычайно хорошая. Он несся вперед на своем небольшом судне сквозь вязкий гудящий воздух. Скорость была такая, что, казалось, он летел. Летел, рассекая короткие, прерывистые волны, которые вздымались и опускались с пугающей быстротой. Внезапно начался шторм. Крупные капли дождя, как миллион молоточков, били по поверхности океана, порывистый ветер бешено швырял лодку из стороны в сторону. Эннис вцепился в штурвал. Твердые, как гранит, мускулы рельефно выступали на его мощном коренастом теле, а кожа блестела, как чешуя, от острых водяных брызг. Солнце огромным красным фонарем висело над горизонтом. Несмотря на бурю, жара стояла адская.

Взгляд Энниса привлекла крошечная яркая точка на небе, словно пылинка, блестевшая в лучах света. «Похоже на глайдер», — озадаченно подумал он. Но что он забыл здесь, вдали от берега?

При таком сильном ветре управлять глайдером было нелегко.

Точка снова блеснула в небе. Она стремительно снижалась. Что-то явно было не так. Воздушная волна поднялась вверх и затормозила падение. Какое-то время точка плавно опускалась, но тут в нее врезался очередной завывающий поток ветра и исказил ее очертания.

Эннис повернул лодку навстречу падающему судну. «Интересно, где крылья? — подумал он. — Убраны или сломаны?» Аппарат быстро терял высоту. Это был не глайдер: слишком массивный, с корпусом странной формы — такой не мог удержаться на ветру. Неопознанный объект со страшным всплеском рухнул в океан. Проводив его взглядом, Эннис задумался. Ему в голову пришла мысль. Мысль, которая была важнее всего на свете, по крайней мере для него. Если это то, о чем он подумал, — а иначе и быть не могло, — значит, сейчас он видел то, что так упорно искал Шейден все эти годы. Какая невероятная удача свалилась на него прямо с неба!

Серебристое судно легко покачивалось на бурлящих волнах. Эннис рванул вперед и, ловко лавируя, подплыл к упавшему судну. Металлический корпус погнулся так, словно был слеплен

из пластилина. Эннис с изумлением разглядывал странный летательный аппарат. Он провел рукой по поверхности, и палец продавил металл внутрь. Зачем строить летательные корабли из мягкого материала?

Эннис пришвартовался и залез на судно. Корпус прогнулся под его весом. Нужно быть осторожным: металл слишком пластичный. Долго корабль не продержится, так что придется действовать быстро. Атмосферное давление давно бы его расплющило, если бы не дыра в корпусе, уравнивающая давление внутри и снаружи.

Он добрался до пробоины, но та оказалась слишком узкой. Тогда Эннис взялся за края обеими руками, раздвинул податливый металл и осторожно забрался внутрь корабля. Спускаясь вниз, он с недоверием оглядывал тонкие панели и перекрытия. По меркам его мира они были не толще папиросной бумаги. Внутри почти ничего не уцелело. Искореженные механизмы и оборудование, разбитые электронные лампы, торчащие провода — все было разрушено давлением и гравитацией.

На полу Эннис заметил странную бесформенную массу, но подойти ближе не решился. Масса напоминала красное волокнистое желе. Такой

она стала из-за плотной атмосферы и гравитации в сотни раз сильнее, чем в ее мире.

Стены были усеяны кнопками и приборами. Похоже, это была кабина управления. На столе в центре кабины лежала карта планетной системы. В ней было девять планет, тогда как в системе Энниса — всего пять.

Он понял, что оказался прав. Если корабль прибыл из другой системы, значит, то, что он ищет, находится здесь. Ошибки быть не могло.

Эннис нашел лестницу и спустился ниже. Все пространство занимало громоздкое оборудование. Света на корабле не было, но Эннис отлично видел в инфракрасном спектре, а кожа излучала свечение из-за энергии, которая циркулировала по его небольшому, но крепкому телу и защищала его от гигантского давления. Открыв массивную дверь, словно сделанную на его планете, он двинулся дальше. То, что он искал, было здесь, Эннис сразу это понял. Вот оно — большое, плотное, мощное. Как и весь корабль, устройство было сделано из мягкого металла, но внушительная толщина позволяла ему выдерживать огромное давление этого мира. Катушки, магниты, приборы странных форм и размеров — ничего подобного Эннис никогда раньше не видел. А вот

Шейден наверняка в этом разбирался. Шейден и бесчисленное количество других ученых, которые до него пытались соорудить нечто подобное и потерпели неудачу. Без этой технологии человеческая раса Тяжелой планеты была обречена оставаться в мире, который навсегда приковал ее к своей поверхности цепями сильнейшей гравитации.

Перед ним был источник атомной энергии. Эннис сразу понял, что найдет его здесь. Ничто, кроме атомной энергии и свирепых ураганов, не могло поднять тело с поверхности Тяжелой планеты. Химия была бессильна. Взрывные реакции невозможны, если атмосфера давит с большей силой, чем может дать взрыв. Из всех возможных источников энергии лишь энергия атома была способна оторвать корабль от этой планеты. У других попросту не хватало мощности.

Да, надо показать его Шейдену и остальным ученым. И поскорее, иначе волны и шторм быстро разорвут корабль в клочья. Или, что еще хуже, ученые из народов Бантина и Марака могут завладеть технологией раньше их. А это будет означать потерю векового господства и гибель всей нации Энниса. Бантины и мараки отличались воинственностью. Если они получат технологию, то

сразу направят ее против других миров.

Вселенная необъятна. Вот почему Эннис был уверен, что здесь замешана атомная энергия. Даже если корабль прибыл с крошечной планеты, где гравитация столь мала, что для запуска ракеты достаточно химической энергии (хотя это сложно себе представить), преодолеть межзвездное пространство под силу только с атомным двигателем.

Эннис вышел из кабины и стал осматривать корабль, пытаясь понять, что произошло.

Рядом с наружной стеной, из которой торчали длинные трубки, лежала груда хлама. Эннис распознал в нем оружие. Оно могло ему пригодиться.

Похоже, тут была битва. Он попытался восстановить ход событий. Мощь атомной энергии, вероятно, исказила само пространство. Корабль подбит, члены экипажа мертвы, управление потеряно, судно с бешеной скоростью летит в неизвестность. Наконец, оно слишком близко подходит к Тяжелой планете и попадает в сети ее сильнейшего гравитационного поля.

Уи-иу-у-уи-иу-у! Резко заревела сирена. Эннис вздрогнул и бросился к своей лодке. Вдалеке среди вздымающихся волн он увидел длинный

узкий корабль, который плыл прямо к упавшему судну. Заметив яркий знак на серой округлой надстройке, он понял, что это линкор мараков. Судьба, как всегда, была справедлива: за удачей последовали неприятности. На своей небольшой лодке Эннис легко мог ускользнуть от линкора, но он не мог покинуть разбившееся судно. Оставив его врагам сегодня, он потеряет его навсегда. Этого нельзя было допустить: слишком ценной была находка.

Ветер завывал и наносил все новые удары по могучему телу Энниса. Ему пришлось напрячь все мышцы, чтобы, стоя в полусогнутом положении, не свалиться в воду. Одной ногой он стоял на лодке, другой — на космическом корабле. Солнце село, и к вечеру ветер разыгрался еще сильнее. Громадный линкор мчался вперед, разрезая носом бушующие волны.

Соображать нужно было быстро. Одним резким движением Эннис щелкнул выключателем радиотелефона, набрал Шейдена и с бьющимся сердцем стал ждать ответа. Наконец он услышал знакомый голос.

— Шейден! Это Эннис. Хватай свой глайдер и лети к участку a45j на моем маршруте! Я нашел его, Шейден! Но времени мало! Быстрее!

Выключив радиотелефон, он открыл клапан и перелез на космический корабль. Океан быстро поглотил маленькое судно, похоронив его под толщей воды. Так Эннис сможет скрыть свое присутствие хотя бы на время.

Он снова погрузился в темноту космического корабля. Вряд ли его заметили, когда он пролезал внутрь. Так все-таки где ему прятаться? И стоит ли? Победить целый линкор в одиночку и без оружия он не мог. Оружие с корабля было не вынести. Ультрафиолетовый луч, разъедающий глаза и нервную систему, пришлось бы заряжать всеми генераторами линкора. Ни холодное, ни огнестрельное оружие не имело смысла в мире, где плоть тверже металла. Эннис был хорош в рукопашном бою, но справится ли он со всеми, кто ступит на борт корабля?

Он спустился ниже, в темную комнату, где стоял огромный атомный генератор. В этот раз он стал осматривать его внимательнее: ползал вокруг, разглядывал каждый уголок. Наконец, чуть выше он заметил углубление и осторожно выпрямился, стараясь не повредить драгоценное устройство. Через темно-прозрачную густую субстанцию проникало тусклое свечение. Эннис обрадовался. Каким-то образом реакция распада

все еще продолжалась. Осталось только понять, как извлечь оттуда энергию.

Генератор окружали всевозможные провода, электрошины и тяжелые трубки, которые прогибались под собственным весом. Какие-то из них подавали энергию, какие-то выводили ее. Соваться туда было опасно. Эннис решил поступить иначе. Он снова поднялся в отсек, где до этого заметил оружие.

Оно было закреплено на крепких массивных шарнирах. Эннис стал осторожно отсоединять цилиндрические модули, но не рассчитал силу и случайно сломал часть излучателя. После этого он действовал более аккуратно. Оружие было довольно внушительным: в два раза длиннее его руки и толщиной чуть больше запястья. Из нижнего края тянулись тяжелые провода, а рядом торчал рычаг. Эннис надеялся, что оружие не повреждено, но проверять не стал. Сейчас он мог только осмотреть провода и убедиться, что они целы.

Медлить было нельзя. Сбоку раздался глухой удар, за ним последовало несколько послабее — экипаж линкора с грохотом спрыгнул на металлическую поверхность. Через мгновение послышался еще удар: словно кто-то пробил суд-

но насквозь.

— Идиоты! — пробурчал Эннис и с оружием в руках двинулся к лестнице.

Прямо над головой он услышал тяжелые шаги, а затем оглушительный треск — часть перекрытия вместе с двумя мараками рухнула вниз. Пол начал медленно проседать. Эннис высвободился, схватил отломанную балку и прицелился мараку в голову. Но тот быстро пришел в себя и первым набросился на Энниса. Он принял удар и нанес ответный с такой силой, что отбросил марака к противоположной стене, оставив на его толстой бронированной коже здоровенный синяк. Тут же на Энниса налетел второй марак, но тот быстро развернулся и ловким движением скинул его с себя. Для человека, который привык маневрировать под давлением в десять тысяч атмосфер, это было несложно. Марак упал без сознания.

Тем временем первый противник снова накинулся на Энниса. Эннис старательно уворачивался от ударов и всерьез переживал за целостность корабля. Они бились не на жизнь, а на смерть, пол под ногами ходил ходуном. Перила опасно накренились, и через секунду оба кубарем полетели вниз. Их вес и ускорение свободного падения сделали свое дело — металлический пол

провалился. Отпустив марака, Эннис ухватился за торчащую балку. Его противник полетел вниз, протаранивая отсек за отсеком. В конце концов он с громким треском пробил внешний корпус и плюхнулся в океан.

Эннис посмотрел в зияющую дыру, оставшуюся от марака, тяжело вздохнул и спустился. Вода быстро поднималась, заполняя нижний отсек корабля. Он оттолкнулся от балки, которая прогнулась под его рукой, и двинулся навстречу хлынувшей воде. Та мощным потоком вырывалась из пробоины, сбивая Энниса с ног. Напрягаясь из последних сил, он медленно шел сквозь бурлящие волны и наконец добрался до пробоины. Стремительные потоки воды загнули ее края внутрь, из-за чего дыра в корпусе стала походить на зубастую пасть чудовища. Эннис схватился за зазубрины и начал с силой давить на них. Он растягивал их и сгибал, возвращая в прежнее положение. Металл в его руках становился мягким и податливым: от давления концы рваных зубьев плавились и запаивались в месте стыков. Наконец, дыра была полностью заделана и течь остановлена. Эннис поднялся на ноги и стал разминать затекшие руки. Мышцы болели от напряжения: даже его могучее тело было не

всесильно.

Сверху раздался топот — отряд мараков сбежался на шум. После секундного замешательства Эннис протаранил ближайшую стену. Оказавшись в другом отсеке, он заделал образовавшуюся дыру — вернул отвалившиеся балки и пластины на место. Оттуда он спустился в другой конец корабля и поднялся по лестнице. В коридоре наверху никого не было. Эннис тихонько крался по нему, пытаясь понять, где оставил оружие. Вдруг впереди послышалась суматоха — это мараки нашли одного из своих людей без сознания.

Двое бежали по коридору. Эннис едва успел проскользнуть в ближайший дверной проем. Это оказался спальный отсек. На полу лежали знакомые красные массы и ничего, что могло бы ему пригодиться. Задерживаться тут он не стал и, убедившись, что рядом никого нет, вернулся в коридор. Он старался ступать как можно тише. Треск и шум впереди были очень кстати; судя по звукам, эти недоумки разрывали корабль на части. Эннис снова подумал о том, какие же они идиоты. Неужели им неясно, насколько ценной была их находка?

Мараки толпились в кабине управления. С детским любопытством они рвали и ломали

устройства, удивляясь тонкому, как бумага, металлу. Похоже, они даже представить не могли, что существует мир, где прочности этого металла хватает, чтобы выдержать все этапы обработки и отправиться в космос.

Странное оружие, которое Эннис успел подготовить, лежало на полу прямо рядом с кабиной управления. Он с тревогой посмотрел на тянущиеся провода. Что, если на них наступили? Вдруг оружие не работает? Проверить это он бы не успел, нужно было хватать его и поскорее убираться.

Шум за спиной заставил Энниса снова скрыться в ближайшем отсеке. Здоровый марак с пестрым поясом на талии пронесся по коридору прямо к кабине управления. Оттуда раздались громкие приказы, мараки прекратили ломать оборудование и все, кроме нескольких человек, разбежались по кораблю. Эннис сердито нахмурился. Плохо дело. В одиночку ему их не одолеть. И если это то, что он думает (а судя по толстым проводам, так оно и есть), воспользоваться оружием внутри корабля было никак нельзя.

Прямо перед дверью, за которой прятался Эннис, стоял марак. Выход был перекрыт. Он оглядел комнату, других дверей в ней не было. Единствен-

ным спасением был крошечный иллюминатор во внешней стене. Эннис подошел к нему, ощупал со всех сторон и сунул руки внутрь. Так тихо, как только мог, он раздвигал края иллюминатора, пока проем не стал достаточно большим, чтобы через него можно было пролезть. На зазубренные края Эннис не обращал внимания. На ощупь они были мягкими, как масло.

К счастью, свой линкор мараки пришвартовали с другой стороны космического судна. С этой стороны печально завывал ветер, а острые, зубчатые волны тянулись до самого горизонта, на много миль вперед. Эннис медленно огибал блестящий корпус корабля, безмолвно сражаясь с яростным течением. Сбоку показался темный горб линкора. Эннис свернул и поплыл по узкому пространству между двумя судами. Заметив выступы на корпусе вражеского корабля, он ухватился за них и стал карабкаться вверх. Ветер и гравитация тянули его вниз, отчего твердые, как карборунд, мускулы напрягались изо всех сил. Почти на самом верху Эннис наконец нашел то, что искал, — гладкую, обтекаемую выпуклость, за которой скрывалось оружие. Он нащупал небольшой рычаг и тут же нажал на него. Металлический купол ушел внутрь, а за ним показался небольшой цилин-

дрический излучатель на крепкой вращающейся опоре.

Он развернул установку и выпустил короткую вспышку белого света прямо в незащищенную палубу линкора. Оттуда послышались громкие голоса, мараки выбежали наружу. Их крики так и застряли в глотках, когда Эннис направил на них новую разрушительную вспышку. Для существ, привыкших к инфракрасным лучам и защищенных от актинического света пятью тысячами миль атмосферы, такая ужасающая концентрация ультрафиолета была весьма болезненна.

Теперь шум и крики поднялись на космическом корабле. Грохочущий ветер, который в этот момент налетел с новой силой, уносил их в океан. Из пробоин в корпусе высунулись озадаченные головы.

Эннис выпрямился во весь рост. С трудом удерживая равновесие под ударами плотных воздушных потоков, он издал протяжный вопль. Отряд мараков кинулся на звук. Как только они преодолели сложный, скользкий путь с космического корабля на линкор и вместе столпились на палубе, Эннис пригнулся, направил на них ультрафиолетовый излучатель и нажал на рычаг. Таков был его план: наделать шуму, собрать

всех на палубе и нанести сокрушительный удар. Мощная струя вырвалась из дула излучателя, и мараки как по команде упали на пол. Эннис вдруг понял, что луч ультрафиолета не достает до них. Он быстро развернул излучатель и направил его на корабль. Белый луч протянулся вперед, а затем дрогнул и погас. Кто-то отключил энергию на распределительном щите.

Эннис бросил излучатель и ринулся прочь с линкора. Вдруг сзади на него набросились два марака, и они вместе упали в воду. Эннис яростно отбивался. Он был на финишной прямой и напряг все свои силы. Вода кружилась вокруг них хаотичными волнами, вздымаясь и опускаясь слишком быстро, почти неуловимо для глаз. Порывы ветра били по голове сильнее отбойного молотка. Из-за неудобной позиции Эннис никак не мог нанести ответный удар. Тогда он притворился, что оглушен, и ушел под воду. Давление на глубине было невыносимым и с каждой секундой усиливалось. Через толщу воды виднелись расплывчатые очертания корабля. От нехватки воздуха легкие сжались до предела. Представление пора было заканчивать, и Эннис принялся изо всех сил грести наверх. Он плыл и плыл, но металлическое днище все не кончалось.

А из-за отсутствия воздуха обогнуть его казалось невыполнимой задачей.

Наконец Эннис смог сделать спасительный вдох, но времени на отдых не было. Пока его никто не заметил, преимущество было на его стороне, но ненадолго. Эннис поплыл вдоль корабля в поисках подходящего проема — окна, люка или пробоины. В пределах его досягаемости ничего не нашлось, поэтому он подтянулся повыше и стал ковырять металл короткими сильными пальцами.

Эннис оказался на втором уровне, в одном из аппаратных блоков. Он вышел в коридор, поднялся по полуразрушенной лестнице и побежал по центральному коридору к кабине управления. Там никого не было, хотя, судя по возне наверху, мараки снова спускались в отсек. На полу Эннис обнаружил приготовленное им оружие. К счастью, мараки до него не добрались. Хоть что-то он сможет передать ученым.

Громкий топот сменился гневными криками, когда мараки увидели Энниса. На мгновение они замерли от изумления. Только что он тонул в океане, а теперь волшебным образом оказался здесь, внутри корабля! Воспользовавшись их замешательством, Эннис схватил оружие.

Поколебавшись пару секунд, он все-таки решил рискнуть. Насколько мощным было оружие, он не знал, но с атомной энергией его мощности наверняка хватит. Эннису не хотелось использовать его внутри корабля. Было бы здорово сохранить судно в целости до прибытия Шейдена, но мараки наступали. Он должен был что-то предпринять.

Эннис нажал на рычаг. Цилиндрический модуль у него в руках резко дернулся назад, а из дула вырвался ослепляющий поток неудержимой энергии. Она пронеслась по коридору со скоростью света.

Когда к Эннису снова вернулось зрение, коридора перед ним уже не было. Все, что стояло на пути луча, обратилось в пыль.

Излучатель сильно нагрелся, но Эннису было все равно: он направил его на линкор, который из-за отсутствия стен теперь отлично просматривался. Не успели мараки на палубе опомниться, как он снова нажал на рычаг.

Ветер на мгновение успокоился. Стихия замерла в страхе перед невероятной силой ядерного распада. А затем ураган с неистовым воем ударил снова и пронесся там, где только что стоял линкор.

Высоко в небе Эннис заметил движение. Это

был Шейден на своем глайдере.

Начиналась самая важная часть работы. Скоро Шейден разберет генератор до последнего винтика и поймет, как он устроен. Этот момент навсегда войдет в историю.

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1987). Линия жизни

Перевод Андрея Белеванцева

Никто – конечно, если не считать Джона Кэмпбелла – не смог в одиночку повлиять на современную фантастику больше, чем Роберт Хайнлайн. Он родился в городке Батлер, штат Миссури, начал писать фантастику, когда ему было уже за тридцать, и стал светилом ее золотого века.

Серия рассказов «История будущего» (собранных в сборнике 1967 года «Прошлое через будущее») – это фундаментальное произведение канона научной фантастики. Хоть за последние двадцать лет политические и общественные взгляды Хайнлайна вызвали немало споров, сделанный им в начале карьеры акцент на порядке, дисциплине и индивидуализме не привел к особым разногласиям – в то время Америка боролась с незаконным, неорганизованным и буйным фашизмом.

«Линия жизни» – первый рассказ этой серии и первое опубликованное произведение одного из отцов-основателей современной фантастики. После его выхода Хайнлайн мгновенно стал знаменит.

(Боб Хайнлайн был первым, кто дал мне попробовать алкоголь. Это был коктейль «Куба либре». Я недоверчиво понюхал его, но Боб уверил меня, что это «Кока-кола», а я даже и не подумал усомниться в словах человека, который в считанные месяцы, по общему мнению, прослыл лучшим писателем-фантастом. Я выпил коктейль, словно это и вправду была кола, и меня немедленно атаковали весьма неприятные ощущения. Хоть до того момента я, как и всегда, был очень смирным, тут я сразу забился в угол, чтобы прийти в себя. Боб прокричал: «Понятно, почему он не пьет. От выпивки он только трезвеет!» Я и сейчас не пью. А.А.)

Председатель вовсю стучал молоточком, призывая к порядку. Несколько человек, взявших на себя роль приставов, уговорили присесть особо возмущенных людей, и постепенно свист и гул неодобрения стали стихать. Докладчик, стояв-

ший на кафедре рядом с председателем, словно не слышал общего возмущения. Его вежливое, немного надменное лицо выражало полную безмятежность. Председатель повернулся к докладчику и заговорил голосом, полным с трудом сдерживаемого раздражения и гнева.

— Доктор Пинеро, — он слегка выделил слово «доктор», — прошу извинить за неподобающие выкрики во время вашего выступления. Я поражен, что мои коллеги настолько забывают о своем достоинстве людей науки, что позволяют себе перебивать докладчика — независимо от того, — он помедлил и поджал губы, — насколько сильно их провоцируют.

Пинеро широко улыбнулся — улыбкой, которая сама по себе была открытым оскорблением. Председатель видимым усилием сдержал свой гнев и продолжил:

— Всеми силами я стремлюсь завершить наше собрание в полном порядке, как и подобает. Я прошу вас закончить ваш доклад. Тем не менее я также хотел бы, чтобы вы воздержались от попыток оскорбить наш интеллект, высказывая идеи, которые, как известно любому образованному человеку, являются ложными. Будьте любезны ограничиться изложением вашего открытия —

если таковое имеется.

Пинеро развел свои толстые белые руки, повернув их ладонями вниз.

— Как же мне вложить новые мысли вам в головы, если сначала не убрать оттуда ваши заблуждения?

В зале забормотали и задвигались. С галерки кто-то прокричал:

— Довольно! Выгоните шарлатана!

Председатель застучал молоточком.

— Джентльмены! Будьте любезны! — Затем обратился к Пинеро: — Следует ли напомнить вам, что вы не являетесь членом академии и что вас сюда не приглашали?

Брови Пинеро поднялись.

— Разве? Мне казалось, я видел приглашение на официальном бланке академии.

Председатель прикусил губу, затем ответил:

— Это правда. Я сам написал это приглашение. Но сделал это по просьбе одного из попечителей, замечательного джентльмена, который заботится об общественной пользе. Правда, он не ученый и не член академии.

Пинеро улыбнулся своей раздражающей улыбкой.

— Вот что? Как же я сразу не догадался. Это ведь

старик Бидуэлл из «Объединенной компании страхования жизни»? Хотел, чтобы его мальчики на побегушках разоблачили меня как мошенника? Ведь если я любому смогу назвать день его смерти, кто тогда будет покупать его замечательные полисы! Но как же вы меня разоблачите, если не желаете сначала выслушать? Даже если поверить, что у вас хватит мозгов меня понять. Вздор! Он послал шакалов сразиться со львом. — И Пинеро нарочно повернулся к ним спиной.

Бормотание толпы усилилось и приняло зловещий тон. Председатель тщетно призывал к порядку. Затем в первом ряду встал человек.

— Господин председатель!

Председатель улучил момент и прокричал:

— Джентльмены! Слово доктору ван Рейн Смитту.

Волнение улеглось.

Доктор прочистил горло, пригладил прядь красивых седых волос и засунул руку в боковой карман превосходно сшитых брюк. Он стал говорить в манере женского клуба.

— Господин председатель, уважаемые коллеги по Академии наук, давайте проявим терпение. Даже убийца имеет право высказаться перед тем, как государство взыщет его долг. Разве можем

мы не дать такого права? Даже если рассудком убеждены в нашем заключении? Я бы отнесся к доктору Пинеро со всем вниманием, которое должно быть проявлено нашим благородным собранием к любому не входящему в него коллеге — даже если, — он слегка поклонился в сторону Пинеро, — нам незнаком университет, выдавший ему степень. Если его слова — ложь, то нам она не повредит. Если же они истина, то нам нужно ее знать. — Его мягкий, культурный голос журчал, умиротворяя, успокаивая. — Хоть манеры уважаемого доктора и представляются несколько грубоватыми нашему вкусу, нужно иметь в виду, что доктор может быть из того места или той общественной прослойки, где не столь придирчивы к таким вопросам. Сейчас наш добрый друг и благотворитель попросил нас выслушать этого человека и тщательно оценить его утверждения. Давайте же сделаем это с достоинством и как подобает.

Он сел под гром аплодисментов с приятным чувством, что укрепил свою репутацию в качестве интеллектуального лидера. Завтра в газетах снова упомянут благоразумие и способность убеждать, присущие «самому красивому президенту американского университета». Кто знает,

быть может, теперь старик Бидуэлл сдержит свое обещание и пожертвует на бассейн.

Когда аплодисменты стихли, председатель повернулся туда, где сидел источник возмущения, руки сложены на круглом животике, лицо безмятежное.

— Продолжайте, доктор Пинеро.

— А зачем?

Председатель пожал плечами.

— Вы же для этого пришли.

Пинеро встал.

— Верно. Совершенно верно. Но было ли мудрым мое решение? Найдется ли здесь кто-нибудь непредвзятый, кто может без смущения посмотреть в лицо голым фактам? Мне кажется, нет. Даже этот приятный джентльмен уже меня осудил и приговорил. Он не ищет правды, он ищет порядка. А что, если правда бросит вызов порядку, примет ли он ее? А вы? Мне кажется, нет. Но если я не выскажусь, вы автоматически выиграете очко. Маленький человек с улицы решит, что ваши маленькие люди вывели меня на чистую воду — меня, Пинеро, посчитали жуликом, обманщиком.

Я еще раз расскажу о своем открытии. Говоря простыми словами, я изобрел метод для определе-

ния продолжительности жизни человека. Я могу показать вам авансовый счет ангела смерти. Я могу сказать, когда у ваших ворот преклонит колени черный верблюд[23]. Я могу сказать любому из вас, сколько песчинок осталось у него в часах.

Он замолк и сложил руки на груди. С минуту все молчали. В зале нарастало беспокойство.

Наконец, вмешался председатель:

— Вы уже закончили, доктор Пинеро?

— А что еще говорить?

— Вы не рассказали нам, как работает ваше изобретение.

Брови Пинеро взлетели.

— Вы предлагаете, чтобы я сделал плоды трудов своих детской игрушкой? Друг мой, это опасное знание. Я храню его для того, кто его понимает, — для меня. — Он постучал себя по груди.

— Как же мы поймем, что под вашими сумасбродными заявлениями кроется что-то стоящее?

— Элементарно. Вы организуете комиссию для оценки моей демонстрации. Если она сработает, отлично — вы это признаете и расскажете об этом публике. Если не сработает, я опозорен и принесу

---

[23] Сноски: 23
Парафраз арабской поговорки о смерти.

извинения. Даже я, Пинеро, принесу извинения.

В глубине зала встал худощавый сутулый человек. Председатель дал ему слово, и он начал говорить:

— Господин председатель, как может уважаемый доктор всерьез это предлагать? Неужели он считает, что мы будем ждать двадцать, тридцать лет, пока кто-то из нас не умрет, чтобы подтвердить его заявления?

Пинеро не обратил внимания на председателя и сразу ответил:

— Фу! Какая чушь! Разве вы так несведущи в статистике, что не знаете, что в любой большой группе найдется тот, кто умрет в самом ближайшем будущем? Я вам предлагаю следующее. Давайте я проверю всех в этом зале и назову того, кто умрет в ближайшие две недели, а также день и час его смерти. — Он яростно осмотрелся. — Вы согласны?

Поднялся еще один человек, дородный мужчина, и заговорилтщательно отмеренными словами.

— Лично я не могу одобрить такой эксперимент. Как врач, у многих наших коллег в возрасте я со скорбью отмечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний. Если доктору Пинеро

известны эти симптомы, что вполне возможно, и он выберет в качестве объекта своего опыта кого-то из их числа, то такой человек вполне может умереть в отмеренный срок, независимо от того, работает или нет механическая игрушка уважаемого докладчика.

Сразу же его поддержал другой выступающий:

— Доктор Шепард совершенно прав. Зачем нам тратить время на магические фокусы? Я убежден, что этот так называемый доктор Пинеро просто использует нашу академию, чтобы придать вес своим заявлениям. Участием в этом фарсе мы играем ему на руку. Не знаю, в чем состоит его афера, но бьюсь об заклад, что он придумал какой-то способ вовлечь нас в рекламу своих замыслов. Я предлагаю, господин председатель, заняться нашей обычной повесткой.

Предложение встретило шумное одобрение, но Пинеро не стал садиться. Под крики «К порядку! К порядку!» он помотал своей непричесанной головой и заговорил:

— Варвары! Болваны! Идиоты! С начала времен ваш род мешал признанию всех великих открытий. От такого невежественного отребья даже Галилей завертится в гробу. Вон тот толстый дурак, который крутит олений зуб, называет себя

врачом. Правильнее было бы сказать «знахарь»! А вон тот лысый коротышка — да, вы! Выдаете себя за философа и несете чепуху о жизни и о времени аккуратненькими категориями. Да что вы понимаете! Как вы можете познать хоть что-то, если не исследуете истину, когда вам выпадает шанс? Вздор! — Он плюнул на сцену. — Вы называете себя Академией наук. Я бы назвал вас собранием гробовщиков, что только и делают, что бальзамируют идеи своих деятельных предшественников.

Он прервался, чтобы набрать воздуха. Тут же его подхватили двое членов программного комитета и вывели за кулисы. Несколько репортеров торопливо поднялись из-за стола для прессы и последовали за ним. Председатель объявил заседание закрытым.

Газетчики догнали Пинеро, когда он выходил из здания через боковую дверь. Он шел легким танцующим шагом и насвистывал песенку. В нем не было ни следа воинственности, которую он демонстрировал минуту назад. Они столпились вокруг него.

— Док, как насчет интервью?

— Что думаете о современном образовании?

— Ну, вы им выдали. Что насчет жизни после смерти?

— Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка.

Он ухмыльнулся им всем.

— По очереди, парни, и не так быстро. Я сам когда-то был газетчиком. Как насчет поехать ко мне?

Через несколько минут они уже рассаживались в неряшливой комнате — то ли спальне, то ли гостиной Пинеро — и раскуривали сигары. Пинеро осмотрелся и просиял.

— Что вам, парни? Скотч или бурбон? — Когда с этим разобрались, он перешел к делу. — Итак, парни, что вы хотите знать?

— Говорите начистоту, док. Есть у вас что-то или нет?

— Разумеется, мой юный друг, у меня кое-что есть.

— Так расскажите, как оно работает. Чепуха, которую вы всучили профессорам, здесь не поможет.

— Ну что вы, мой юный друг. Это мое изобретение. Я хочу на нем заработать. А вы хотите, чтобы я раскрыл его первому встречному?

— Послушайте, док, дайте нам хоть что-то, если хотите попасть в утренний выпуск. Чем вы пользуетесь? Хрустальным шаром?

— Не совсем. Хотите посмотреть на мой аппарат?

— Еще бы. Вот это уже лучше.

Он провел их в соседнюю комнату и протянул руку.

— Вот он, парни.

Они увидели массивное устройство, отдаленно напоминающее рентгеновский аппарат из врачебного кабинета. Помимо очевидного: что ему требуется электричество и что некоторые шкалы были помечены знакомыми единицами измерения, — поверхностный осмотр никак не помогал определить его назначение.

— Какой у него принцип работы?

Пинеро поджал губы и задумался.

— Вы наверняка слышали трюизм о том, что жизнь имеет электрическую природу. Этот трюизм ни черта не стоит, но он поможет вам понять идею моего метода. А еще говорят, что время — это четвертое измерение. Может, вы этому верите, а может, и нет. Это говорили так часто, что смысл совсем стерся. И теперь это клише, которым пользуются краснобаи, чтобы производить впечатление на олухов. Но попробуйте себе это представить, попробуйте ощутить своими чувствами. — Он подошел к одному репортеру. —

Давайте возьмем вас как образец. Вас же зовут Роджерс? Отлично, Роджерс, вы — пространственно-временное явление, простирающееся в четырех измерениях. Вы почти шести футов ростом, шириной дюймов двадцать и толщиной, пожалуй, еще десять. Позади вас во времени тянется часть этого явления и доходит, скажем, до 1905 года, где мы видим поперечное сечение под прямым углом к оси времени и той же толщины, что и в настоящем. В том конце находится ребенок, пахнущий кислым молоком и отрыгивающий свой завтрак на слюнявчик. На другом конце, примерно в 1980-х — старик. Представьте это пространственно-временное явление — будем звать его Роджерсом — в виде длинного розового червяка, не прерывающегося все эти годы. Он тянется мимо нас сейчас, в 1939 году, и наблюдаемое нами сечение предстает отдельным дискретным телом. Но это лишь иллюзия. Этот розовый червь физически непрерывен и остается таким все время. Вообще физическая непрерывность в этом подходе присуща целой расе, потому что наши розовые червяки ответвляются от других червяков. И выходит, что род наш — словно лоза, ветви которой переплетаются и пускают побеги. Наблюдая только поперечное сечение

этой лозы, мы впадаем в заблуждение о том, что побеги ее — отдельные индивидуумы.

Он остановился и посмотрел на их лица. Вмешался один из них, суровый, строптивый малый:

— Это все очень мило, Пинеро, если это правда. Но что это вам дает?

Пинеро отметил его улыбкой, показывая, что не обиделся.

— Терпение, мой друг. Я просил вас помыслить жизнь как электрическую систему. Теперь представьте, что наш длинный розовый червяк проводит электричество. Быть может, вы слышали, что инженеры-электрики могут, проделав определенные измерения, вычислить точное место обрыва трансатлантического кабеля, даже не вставая с дивана. Ровно это я делаю с нашими червяками. Я применяю свой прибор к поперечному сечению в этой комнате и вычисляю, где происходит обрыв; другими словами, где наступает смерть. Или, если изволите, я подключу прибор наоборот и определю дату вашего рождения. Но это неинтересно — вы ее и так знаете.

Суровый малый презрительно улыбнулся.

— Док, я вас поймал. Если ваши слова о нашем роде как лозе из розовых червей — правда, то дни рождения вычислить вы не можете, ведь

связь с родом при рождении не прерывается. Ваш электрический проводник тянется назад через родителей к отдаленным человеческим предкам.

Пинеро просиял.

— Это верно, мой друг, и очень умно. Но вы завели аналогию слишком далеко. Измерение происходит не ровно так, как меряют длину проводника. В каком-то смысле оно больше похоже на измерение расстояния в очень длинном коридоре по отражению эха от его дальнего конца. Во время рождения коридор делает что-то вроде поворота, и, правильно настроив свой аппарат, я могу уловить эхо от этого поворота.

— Посмотрим, как вы это докажете.

— Непременно, мой друг. Вы готовы служить объектом эксперимента?

Заговорил другой репортер:

— Он понял твой блеф, Люк. Или соглашайся, или заткнись.

— Я согласен. Что мне делать?

— Сначала напишите на листочке дату вашего рождения и отдайте его вашим коллегам.

Люк подчинился.

— А теперь что?

— Снимите верхнюю одежду и встаньте на

эти весы. Теперь скажите, вы когда-нибудь были сильно худее или толще теперешнего? Нет? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный упитанный малыш. Теперь таких больших не делают.

— Что это за трепотня?

— Я пытаюсь приблизительно оценить среднее сечение вашего розового проводника, мой милый Люк. Сядьте здесь, пожалуйста. А теперь подержите во рту вот этот электрод. Нет, больно не будет; напряжение очень мало, меньше одного микровольта, но мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от него и встал за свой аппарат. Прежде чем взяться за пульт управления, он опустил на голову заслонку. Часть из видимых шкал ожила, послышалось тихое жужжание. Затем оно прекратилось, и доктор высунулся из своего маленького укрытия.

— У меня выходит где-то в феврале 1902 года. Где там бумажка с датой?

Ее достали и раскрыли. Хранивший прочитал:

— 22 февраля 1902 года.

Последовавшую за этим тишину прервал голос откуда-то с краю небольшой группки:

— Док, можно еще налить?

Напряжение спало, и заговорили сразу несколь-

ко человек: «Попробуйте на мне, док», «Док, сначала на мне, я сирота и мне очень нужно знать», «Может, дадите нам всем порезвиться, док?»

Улыбаясь, он подчинился, исчезая под заслонкой и снова появляясь, словно суслик из норы. Когда у всех было по две одинаковые бумажки, показывающие мастерство доктора, наступила долгая тишина. Затем Люк заговорил:

— Не пора ли предсказать смерть, Пинеро?

— Если пожелаете. Кто вызовется?

Все молчали. Некоторые подталкивали Люка вперед.

— Давай, умник. Ты этого хотел.

Он позволил усадить себя на стул. Пинеро переключил часть ручек, затем опустил заслонку. Когда жужжание смолкло, он вылез, оживленно потирая руки.

— Ну что ж, парни, вы все видели. Хватит на статью?

— Эй, что насчет предсказания? Когда Люк встретит свой конец?

Люк повернулся к нему лицом.

— Да, как там оно?

Пинеро принял обиженный вид.

— Я вам удивляюсь, джентльмены. Эти сведе-

ния я продаю. Кроме того, это вопрос профессиональной этики. Я никому это не рассказываю, кроме обратившегося ко мне клиента.

— Мне все равно. Давайте, говорите в открытую.

— Мне очень жаль, но я вправду должен отказаться. Я согласился только показать вам аппарат, а не выдавать ответы.

Люк раздавил окурок о пол.

— Парни, это все обман. Он просто разузнал возраст всех репортеров в городе, чтобы устроить это шоу. Неубедительно, Пинеро.

Пинеро грустно посмотрел на него.

— Вы женаты, мой друг?

— Нет.

— Иждивенцы есть? Или близкие родственники?

— Нет, а что? Хотите меня усыновить?

Пинеро покачал головой.

— Дорогой Люк, мне очень-очень жаль. Вы не доживете до завтрашнего дня.

СМЕРТЬ ДАЕТ ФИНАЛЬНЫЙ СВИСТОК

…через двадцать минут после странного предсказания на Тимонса упала вывеска, когда он шел по Бродвею на работу, в офис «Дейли Геральд». Доктор Пинеро отказался от комментариев, но

подтвердил, что спрогнозировал смерть Тимонса посредством своего прибора под названием «хроновитаметр». Начальник полиции Рой…

Вас беспокоит БУДУЩЕЕ? Не тратьте деньги на гадалок. Обратитесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту. Он поможет вам спланировать будущее с помощью безошибочных НАУЧНЫХ МЕТОДОВ. Никаких фокусов. Никаких посланий от «духов». 10 тысяч долларов неустойки, выплачиваемых при ошибке в прогнозе. Брошюра по запросу. Компания «Пески времени, инкорпорейтед». Здание «Маджестик», офис 700. Реклама.

Официальное уведомление

Всем заинтересованным лицам

Я, Джон Кабот Уинтроп Третий, из юридической фирмы Уинтроп, Уинтроп, Дитмарс и Уинтроп, сим подтверждаю, что Хьюго Пинеро, проживающий в этом городе, передал мне десять тысяч долларов в денежных знаках, имеющих хождение в Соединенных Штатах Америки, и поручил мне поместить их на ответственное хранение в банк по моему выбору со следующими условиями:

полная сумма на хранении должна

быть выплачена немедленно первому клиенту Хьюго Пинеро и/или компании «Пески времени, инкорпорейтед», срок жизни которого превысит прогноз Хьюго Пинеро на один процент, или правопреемнику первого клиента, который не доживет до прогнозного срока на тот же промежуток времени, в зависимости от того, что произойдет ранее.

Подписано и удостоверено,

Джон Кабот Уинтроп Третий

Подлинность удостоверена в моем присутствии,

Альберт М. Суэнсон,

публичный нотариус округа и штата. Мои полномочия истекают 17 июня 1939 года.

Добрый вечер, дорогие радиослушатели! Перейдем к новостям[24]. Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, кудесник из ниоткуда, сделал свой тысячный прогноз по датам смерти, и до сих пор никто не истребовал сумму, который он

[24] Сноски: 24

Намек на вступительную фразу новостных радиопередач известного американского журналиста, колумниста и радиоведущего Уолтера Уинчелла.

предложил первому уличившему его в неверном предсказании. Уже скончались тринадцать его клиентов, что с математической точностью доказывает: он владеет выделенной телефонной линией в головной офис старухи с косой. Для меня это событие не из тех, о которых хочется знать заранее. Ваш американский корреспондент не будет записываться к пророку Пинеро…

Бесцветный баритон судьи прорезал спертый воздух судебного зала.

— Будьте так любезны, мистер Уимс, вернуться к сути дела. Суд удовлетворил ваше ходатайство о временных запретительных мерах, а теперь вы просите сделать их постоянными. Опровергая обвинение, доктор Пинеро утверждает, что вы не привели никаких законных оснований, и просит отменить ограничение и предписать вашему клиенту прекратить вмешиваться в дело, которое Пинеро описывает как простой и законный бизнес. Вы не перед присяжными выступаете, а потому прошу вас избегать риторики и объяснить простым языком, почему мне не стоит удовлетворить его ходатайство.

Мистер Уимс нервно дернул подбородком, так что дряблая серая складка на шее проехала по крахмальному воротничку, и продолжил гово-

рить:

— Уважаемый суд, я представляю народные…

— Погодите, вы же представляете «Объединенную компанию страхования жизни».

— Формально да, ваша честь. Но в более широком смысле я представляю и другие крупные страховые, попечительские и финансовые институты, их акционеров и держателей полисов, которые в совокупности составляют большую часть гражданского населения. Кроме того, мы считаем, что представляем интересы всего народа, за который никто не говорит и у которого нет другого защитника.

— Мне казалось, что народ представляю я, — сухо заметил судья. — Боюсь, я вынужден вас рассматривать как представителя вашего зарегистрированного клиента. Но продолжайте, выскажите вашу мысль.

Пожилой адвокат, казалось, проглотил свой кадык. Затем начал снова:

— Ваша честь, мы заявляем, что есть два не связанных друг с другом аргумента в пользу того, чтобы сделать введенные меры постоянными, и больше того, что достаточно любого из них в отдельности.

Во-первых, этот человек занимается предска-

занием будущего, деятельностью, запрещенной как общим правом, так и законами страны. Это обычный гадатель, бродячий шарлатан, живущий за счет людского легковерия. Он более умен, чем рядовой астролог, хиромант или медиум, а потому и более опасен. Его ложные утверждения о применяемых им современных научных методах направлены на то, чтобы придать своему чародейству сомнительный вес. Мы пригласили в суд ведущих ученых из Академии наук, которые дадут экспертные заключения об абсурдности его утверждений.

Во-вторых, даже если допустить, что утверждения эти правдивы — чисто теоретически предположить такую нелепость, — Уимс позволил себе чуть улыбнуться, — мы заявляем, что его деятельность идет вразрез с общественными интересами в целом и наносит незаконный ущерб интересам моего клиента в частности. Совместно с законными попечителями мы можем предоставить множество доказательств того, что этот человек публично призывал граждан — а также служил причиной таких призывов — отказываться от неоценимых удобств страхования жизни, что приводит к существенному ущербу как для граждан, так и для финансового благопо-

лучия моего клиента.

Пинеро поднялся.

— Ваша честь, можно мне сказать?

— Что у вас?

— Думаю, что могу упростить дело, если вы позволите провести краткий анализ.

— Ваша честь, — встрял Уимс, — это против всех правил.

— Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут защищены. Я считаю, что в этом деле нужно меньше шума и больше определенности. Если выступление доктора Пинеро поможет сократить разбирательство, я намерен его разрешить. Продолжайте, доктор.

— Благодарю, ваша честь. Начну с последнего аргумента мистера Уимса. Я готов признать, что отправлял в газеты заявления, о которых он говорит…

— Минуточку, доктор. Вы решили самостоятельно защищать свои интересы в суде. Вы уверены в вашей компетентности на этот счет?

— Готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья могут легко доказать то, что я признаю.

— Ну что ж, продолжайте.

— Я признаю, что в результате моих заявлений многие отказались от полисов страхования жиз-

ни, но я требую от моих оппонентов доказать, что такие действия привели к какому-либо ущербу или убыткам для отказавшихся. Я согласен с тем, что из-за моей деятельности «Объединенная» лишилась клиентов. Но это — очевидное следствие моего открытия, сделавшего ее полисы такими же устаревшими, как лук со стрелами. Если на этом основании будут введены запретительные меры, я открою фирму по производству керосиновых ламп, а затем подам иск к «Эдисон» и «Дженерал электрик» о запрете производства электрических ламп накаливания.

Я признаю, что предсказываю даты смерти, но отрицаю, что делаю это с помощью магии, черной, белой или же разноцветной. Если делать научно обоснованные предсказания незаконно, тогда страховщики «Объединенной» годами занимаются незаконной практикой, предсказывая ежегодный процент смертей в любой заранее заданной большой группе. Я прогнозирую смерть в розницу, тогда как «Объединенная» делает то же самое оптом. Если их действия законны, как могут мои быть незаконными?

Я также признаю, что существо дела в том, могу ли я выполнить то, что заявляю. И я полагаю, что так называемые эксперты из Академии дадут

показания, что не могу. Но они ничего не знают о моем методе и не могут выступать как эксперты по его поводу…

— Постойте, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты некомпетентны в теории и методах доктора Пинеро?

Уимс выглядел обеспокоенным. Он забарабанил по столу, затем ответил:

— Может ли суд предоставить нам несколько минут на ответ?

— Разумеется.

Торопливым шепотом Уимс посовещался со своей свитой, затем повернулся к судье.

— Ваша честь, мы вносим предложение. Если доктор Пинеро даст показания о теоретической основе и реализации предложенного им метода, то присутствующие здесь именитые ученые смогут объяснить суду, правдивы ли утверждения доктора.

Судья вопросительно посмотрел на Пинеро. Тот ответил:

— По своей воле я на такое не соглашусь. Неважно, работает или нет мой метод, — его опасно делать достоянием дураков и шарлатанов, — сделав паузу, он показал рукой на сидевших в первом ряду профессоров и ядовито ухмыльнулся, — как

прекрасно известно этим джентльменам. Притом совсем необязательно понимать мой метод, чтобы убедиться в его работоспособности. Разве нужно разбираться в сложнейшем биологическом явлении репродукции, чтобы заметить, что курицы несут яйца? Нужно ли мне заново обучить всех этих самоназначенных хранителей науки, чтобы показать, что мои предсказания верны?

Науке известно только два способа прийти к заключению. Один — это научный метод, другой — академический. Вы или делаете выводы из экспериментов, или слепо следуете авторитетам. Для научного ума главное — это экспериментальные данные, а теория — просто удобное описание, которое выбрасывается тогда, когда перестает работать. Для академического ума главное — авторитеты, и выбрасываются факты, когда они начинают противоречить разработанной авторитетами теории.

Именно такой подход — когда академики мертвой хваткой цепляются за опровергнутые теории — всегда мешал продвижению научного знания. Я готов доказать свой метод экспериментально, и как сказал Галилей в другом суде: «Я настаиваю, она все-таки вертится!»

Однажды я предлагал этот эксперимент тем же самовыдвинутым экспертам, и они его отклонили. Я снова делаю это предложение: я вычислю продолжительность жизни всех членов Академии. Пусть они организуют комиссию для оценки результатов. Свои предсказания я разложу по двум наборам конвертов: в одном наборе снаружи я напишу на каждом конверте фамилию и имя академика, а внутри — дату его смерти. В другом наборе я напишу имя внутри, а дату поставлю снаружи. Пусть комиссия хранит конверты в сейфе и периодически встречается, чтобы вскрыть соответствующие конверты. Если верить статистикам «Объединенной», в такой большой группе людей кто-то умирает раз в одну-две недели. Таким способом очень быстро наберутся данные, показывающие, лжет ли Пинеро. — Он замолк и выпятил грудь так сильно, что она почти поравнялась с его круглым животиком. — Ну что? — Он взглянул на вспотевших ученых мужей.

Судья поднял брови и встретился взглядом с Уимсом.

— Вы согласны?

— Ваша честь, я считаю это предложение чрезвычайно неуместным…

Судья прервал его:

— Я вас предупреждаю, что вынесу решение в пользу доктора Пинеро, если вы не примете его предложение или не предложите настолько же разумный способ установить истину.

Уимс открыл рот, чтобы что-то сказать, затем передумал, смерил взглядом ученых мужей и повернулся к судье.

— Мы согласны, ваша честь.

— Отлично. О деталях договоритесь между собой. Временные меры снимаются, запрещается препятствовать доктору Пинеро в отправлении его дел. Решение по иску о постоянных мерах откладывается до появления доказательств. Перед тем как мы разойдемся, мистер Уимс, я хотел бы высказаться насчет теории, на которую вы намекали, когда заявляли, что ваш клиент потерпел ущерб. В определенных кругах нашей страны утвердилось такое мнение: если отдельный человек или корпорация много лет получали прибыль от работы на общество, то государство и суды обязаны им гарантировать такую прибыль и в будущем, даже если изменились обстоятельства дела и возникли противоречия с общественными интересами. Это очень странная доктрина, и она не поддержана ни общим правом, ни государственными законами. Будь то корпорации

или частные лица — никто не может требовать от суда остановить движение истории или же повернуть его вспять.

Бидуэлл раздраженно заворчал.

— Уимс, если вы не можете придумать ничего лучше, «Объединенной» скоро понадобится другой главный юрист. Уже прошло больше двух месяцев, как вы проиграли иск, а этот мелкий прыщ все гребет деньги лопатой. Тем временем все страховые фирмы страны на полпути к банкротству. Хоскинс, какой сейчас у нас коэффициент убыточности?

— Трудно сказать, мистер Бидуэлл. С каждым днем хуже. На этой неделе мы заплатили по тринадцати крупным полисам, и все они были расторгнуты после того, как Пинеро начал свое дело.

Заговорил маленький худой человечек:

— Послушайте, Бидуэлл, мы в «Юнайтед» не будем заключать новые договоры страхования, пока не сможем убедиться, что заявитель не консультировался с Пинеро. Разве мы не в состоянии подождать, пока ученые его не разоблачат?

Бидуэлл фыркнул.

— Да вы чертов оптимист! Они не смогут его разоблачить. Олдрич, неужели вы не можете

посмотреть фактам в лицо? Этот маленький толстый паразит что-то нашел; что и как — я не знаю. Это борьба не на жизнь, а на смерть. Если будем тянуть — с нами покончено. — Он швырнул сигару в плевательницу и яростно вцепился зубами в следующую. — Убирайтесь отсюда, вы все! Я сам с этим разберусь. Пусть «Юнайтед» ждет, если угодно, «Объединенная» ждать не будет.

Уимс с опаской откашлялся.

— Я надеюсь, мистер Бидуэлл, вы посоветуетесь со мной, если соберетесь радикально менять линию поведения?

Бидуэлл хмыкнул. Все вышли. Когда за последним человеком закрылась дверь, Бидуэлл щелкнул переключателем интеркома.

— Порядок, позовите его.

Открылась наружная дверь. На пороге на мгновение задержался худощавый подвижный человек. Его маленькие темные глазки быстро обежали комнату, затем он прошел внутрь и быстрой плавной походкой подошел к Бидуэллу. Он стал говорить ровным бесцветным голосом; лицо его, если не считать горевших бегавших глаз, оставалось бесстрастным.

— Вы хотели со мной поговорить?

— Да.

— Что за дело?

— Садитесь, обсудим.

Пинеро встретил молодую пару у двери внутренней комнаты.

— Заходите, дорогие мои, заходите. Присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома. Расскажите, что вам нужно от Пинеро? Таких молодых людей вряд ли беспокоит мысль о своем конце?

На приятном молодом лице юноши появилось легкое смущение.

— Понимаете, доктор Пинеро… Меня зовут Эд Хартли, а это Бетти, моя жена, и у нас будет… в общем, Бетти ждет ребенка, ну и мы…

Пинеро ласково улыбнулся.

— Понимаю. Хотите узнать, сколько вы проживете, чтобы наилучшим образом обеспечить маленького. Очень мудро. Будем проверять обоих или только вас одного?

Ответила девушка:

— Пожалуй, обоих.

Пинеро широко улыбнулся.

— Разумеется. Я согласен. С технической точки зрения сейчас проверить вас будет довольно сложно, но какую-то информацию я вам дам. Заходите в лабораторию, дорогие мои, и начнем.

Он подробно их расспросил, затем провел в

мастерскую.

— Будьте добры, сначала миссис Хартли. Пожалуйста, зайдите вон за ту ширму, снимите верхнюю одежду и обувь.

Он отвернулся и что-то немного покрутил в аппарате. Эд кивнул жене, та исчезла за ширмой и почти сразу вышла в одном белье. Пинеро поднял голову.

— Сюда, дорогая. Сначала вас надо взвесить. Вот так. Теперь встаньте сюда. Возьмите в рот вот этот электрод. Нет, Эд, пока она в цепи, вам нельзя ее касаться. Это не займет и минуты. Стойте тихо. — Он опустил заслонку, и шкалы аппарата ожили. Почти сразу он появился с озабоченным видом. — Эд, вы ее не трогали?

— Нет, доктор.

Пинеро снова скрылся за заслонкой и оставался там подольше. Появившись, он попросил девушку спуститься и одеться. Затем повернулся к мужу.

— Подготовьтесь, Эд.

— А какие показания у Бетти?

— Там возникла трудность, сначала нужно проверить вас.

Проверив юношу, Пинеро появился с еще более озабоченным видом. Эд спросил, что случилось.

Пинеро пожал плечами и заставил себя улыбнуться.

— Не беспокойтесь, мой мальчик. Наверное, слегка сбилась регулировка. Но сегодня я не смогу отдать вам результаты. Придется тщательно проверить аппарат. Можете снова прийти завтра?

— Ну да, конечно. Поверьте, мне очень жаль, что так получилось с аппаратом. Надеюсь, ничего серьезного.

— Уверен, что ничего. Не хотите вернуться в мою контору и немного посидеть?

— Спасибо, доктор, вы очень любезны.

— Но, Эд, мне нужно встретиться с Эллен.

Пинеро применил все свое обаяние.

— Только несколько минут, моя юная леди. Я уже стар и люблю бывать в оживленной компании молодых людей. Но у меня так редко это получается. Будьте так добры.

Слегка их подталкивая, он провел их в свою контору и усадил. Затем попросил принести печенье и лимонад, предложил сигареты и сам закурил сигару.

Сорок минут спустя в полном оцепенении Эд слушал, как доктор рассказывал историю о своих молодых приключениях в Тьерра дель Фуэго, тогда как Бетти явно очень нервничала и сильно

хотела уйти. Стоило доктору прерваться, чтобы снова зажечь сигару, как она встала.

— Доктор, нам правда очень нужно уйти. Давайте дослушаем завтра.

— Завтра? Завтра не будет времени.

— Но у вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша звонила уже пять раз.

— Может, посидите еще хоть несколько минут?

— Я совсем не могу, доктор. У меня назначена встреча, меня ждут.

— И вас никак не уговорить?

— Боюсь, что нет. Пойдем, Эд.

Когда они ушли, доктор подошел к окну и стал смотреть на город. Вскоре он нашел внизу две маленькие фигурки, выходящие из офисного здания. Он смотрел, как они торопливо подошли к углу, дождались зеленого света и начали переходить улицу. На полпути послышался вой сирены. Фигурки заколебались, пошли было назад, остановились и обернулись. Затем их накрыла машина. Когда она с визгом затормозила, они показались из-под нее — уже не фигурки, а попросту бесформенная куча одежды.

В конце концов доктор отвернулся от окна. Он поднял трубку и заговорил с секретаршей:

— Отмените весь прием до конца дня. Нет… Никого — мне все равно; просто отмените.

Потом он уселся в кресло. Сигара его погасла. Уже давно стемнело, а сигара, так и не зажженная, все торчала у него изо рта.

Пинеро сидел за столом и задумчиво рассматривал поданный ему изысканный обед. Он выбирал все кушанья с особой тщательностью и вернулся домой чуть заранее, чтобы сполна им насладиться.

Несколько позже он позволил себе глоточек ликера «Фиори д'Альпини»[25], окутавшего его язык и медленно спустившегося по горлу. Густой пахучий сироп согрел ему рот и напомнил о маленьких горных цветочках, в честь которых назвали напиток. Это был прекрасный, изысканный обед, и он заслуживал необычного ликера.

Раздумья Пинеро были прерваны шумом у входной двери: его пожилая служанка с кем-то спорила на повышенных тонах, ее перебивал низкий мужской голос. Суматоха прокатилась по прихожей, затем распахнулась дверь столовой.

---

[25] Сноски: 25
Итальянский ликер, настоянный на альпийских травах.

— Мадонна миа! Non si puo entrare[26]! Хозяин обедает!

— Не беспокойтесь, Анжела. У меня есть время поговорить с этими джентльменами. Идите. — Пинеро повернулся к человеку с грубым лицом, говорившему за всех ворвавшихся. — У вас ко мне дело?

— Еще бы. Приличные люди по горло сыты твоей чепухой.

— И что?

Вошедший не ответил. Из-за его спины вышел подвижный субъект поменьше и встал напротив Пинеро.

— Можем начинать. — Председатель комиссии вставил ключ в маленький сейф и открыл его. — Уэнзелл, будьте любезны, помогите мне отобрать конверты на сегодня… — Он прервался: кто-то дотронулся до его руки.

— Доктор Бэйрд, вас к телефону.

— Хорошо. Принесите аппарат. — Когда появился телефон, он поднес трубку к уху. — Алло… Да, слушаю… Что?.. Нет, мы ничего не знали… Говорите, уничтожили аппарат?.. Мертв! Что случилось?.. Нет, никакого заявления. Ничего!..

---

[26] Сноски: 26
Не смейте входить (*ит.*).

Перезвоните попозже. — Он грохнул трубкой по телефону и отпихнул его в сторону.

— Что такое?

— Кто мертв на этот раз?

Бэйрд поднял руку.

— Джентльмены, прошу тишины! Несколько минут назад убили Пинеро, у него дома.

— Убили!

— Это еще не все. Примерно в это же время в его мастерскую вломились вандалы и разнесли его аппарат.

Все молчали. Члены комиссии смотрели друг на друга, никто не хотел высказаться первым. Наконец, кто-то заговорил:

— Достаньте его!

— Кого его?

— Конверт Пинеро. Он тоже там, я его видел.

Бэйрд нашел конверт и медленно разорвал. Он развернул единственный листок бумаги и просмотрел его.

— Ну? Выкладывайте!

— Тринадцать минут второго, сегодня.

Молча они переваривали услышанное.

Напряженную тишину прервал человек, сидящий через стол от Бэйрда. Он потянулся за сейфом; Бэйрд выставил руку навстречу.

— Что вы хотите?

— Мое предсказание. Оно там — мы все там есть.

— Да, да!

— Мы все там есть.

— Давайте откроем!

Бэйрд положил обе руки на сейф. Он молчал и не сводил глаз с человека напротив. Он облизал губы. Уголок его рта дернулся, руки задрожали. Он по-прежнему молчал. Человек напротив обмяк в кресле.

— Конечно, вы правы, — сказал он.

— Дайте мне вон ту корзину для мусора. — Голос Бэйрда был тихий, напряженный, но твердый.

Он взял жестяную корзину и высыпал мусор на ковер. Поставил ее на стол перед собой. Разорвал напополам штук пять конвертов, поднес к ним горящую спичку и бросил в корзину. Затем он стал брать полную пригоршню конвертов, разрывать их и постоянно подбрасывать в огонь. От дыма он закашлялся, глаза резало, на них выступили слезы. Кто-то поднялся и распахнул окно. Когда Бэйрд закончил, он отодвинул от себя корзину, опустил взгляд и заговорил:

— Похоже, я испортил столешницу.

Теодор Старджон (1918–1985). Фибра эфира

Перевод Татьяны Долотовой

***Astounding Science Fiction*, сентябрь**

До начала семидесятых Теодор Старджон (настоящее имя – Эдвард Г. Уолдо) был самым печатаемым писателем в мире научной фантастики. Этот титул он справедливо заслужил, создав целую вереницувыдающихся, мастерски написанныхисторий с запоминающимися персонажами. Он преуспел как в жанре фэнтези, так и в жанре научной фантастики, и его работы оказали влияние на целое поколение писателей, в том числе на Рэя Брэдбери.

Здесь представлен его первый опубликованный рассказ, и он в полной мере демонстрирует талант, который писатель разовьет в последующие годы.

(Боже мой! Я знаю Теда Старджона сорок лет и не подозревал, что это не настоящее имя. Ты уверен, Марти? Как бы то ни было,

однажды один редактор спросил у меня: «Если бы вы издавали сборник рассказов Теодора Старджона[27], как бы вы его назвали?» Я немного подумал и ответил: «Икра!» Редактор победным тоном сказал кому-то, кто еще был в кабинете: «Видите!!!» Так сборник и назвали. А.А.)

Да, Айзек, я уверен. Он официально сменил фамилию на Старджон, когда его мать вышла замуж во второй раз.

Это случилось с «Ракушкой». Конечно, это случилось с «Ракушкой». Сначала она была рассказом, и ее не приняли. Потом я переделал ее в повесть, потом в роман. Потом в миниатюру. Потом в анекдот на три строчки. Ее никак не хотели покупать. Переписывание «Ракушки» стало моей идеей фикс. Спустя какое-то время редакторы так к ней привыкли, что забраковывали не глядя. У меня было столько письменных отказов от одного этого сюжета, что я мог бы обклеить

---

[27] Сноски: 27
Фамилия писателя Sturgeon по-английски значит «осетр».

ими весь «дом завтрашнего дня»[28]. Поэтому, когда ее купили… это было сравнимо со смертью друга. Настоящий удар. Я ужасно не хотел с ней расставаться.

К тому времени она превратилась в пьесу, но изменилась несильно. Все та же приторная сказка, где двое детей взрослеют и за всю жизнь видятся всего три раза, а маленькая ракушка каждую их встречу меняет хозяина. Сюжет, если он и был, не важен. Диалоги — естественно — приторные. Наивные. Незамысловатые. Очень миленькие и практически непродаваемые. Но так вышло, что она понравилась молодому пылкому рецензенту «Телевизионного объединения», который искал сюжет примерно такой продолжительности, из которого можно было сделать художественный фильм; что-то, не требующее большой умственной работы со стороны публики, чтобы упомянутая публика могла расслабиться и по достоинству оценить новую технологию полихромной телевизионной трансляции. Ну, вы понимаете, — сказку.

---

[28] Сноски: 28

Имеется в виду проект The House of Tomorrow архитектора Джорджа Фреда Кека, созданный в 1933 году для выставки «Век прогресса» в Чикаго. Это трехэтажный десятиугольный дом, на двух этажах внешние стены сделаны полностью из стекла.

В тот вечер я сидел в доисторическом кресле, смотрел усовершенствованную версию моего неповоротливого детища и не мог не восхищаться постановкой. Местами она была даже почти хороша, эта «Ракушка». И как раз подходила случаю. Объединение бесплатно выделило часовую программу парфюмерному дому, чтобы попробовать новую цветную трансляцию как средство рекламы. Первые два акта мне понравились (хотя хвалить себя и не принято). Но спустя полчаса я получил первый удар под дых. От двухминутной миниатюры во время рекламной паузы.

Высокая элегантная пара стоит на мраморных ступенях в богато украшенном вестибюле театра.

Она ему:

— Как вы находите пьесу, мистер Робинсон?

Он ей:

— Отвратительной.

Вот так вот. Как и любой радиослушатель, я если и обращал внимание на рекламу, то очень мало. Но тут буквально подскочил в кресле. В конце концов, это была моя пьеса, пусть и «Ракушка». Со мной так поступать было нельзя.

Но девушку, игриво улыбавшуюся с экрана телевизора, казалось, ничего не смутило. Она

ласково произнесла:

— Я тоже так думаю.

Мужчина слащаво смотрел ей в глаза. Он сказал:

— Это относится и к вам, дорогая. Какой на вас парфюм?

— «Ду Рев» от Бербело. Что вы о нем думаете?

— Вы слышали, что я сказал о пьесе, — сказал он.

Я не стал дожидаться конца рекламы, заставки вещательной станции и третьего акта. Я пошел к своему визифону и набрал номер Объединения. Я кипел от злости. Когда бойкая телефонистка появилась на экране, я рявкнул:

— Гриффа мне! Сейчас же!

— Линия мистера Гриффа занята, мистер Гамильтон, — пропела она. — Подождете или мне вам перезвонить?

— Прекрати, Доротея! — бушевал я. Мы с Доротеей вместе учились в школе; к слову, это я помог ей устроиться к Гриффу — главе сценарного отдела Объединения. — Мне плевать, с кем говорит Гриффа. Отключи его и соедини меня. Он не смеет так со мной поступать. Я пойду в суд, даже не сомневайся. Я разрушу компанию. Я…

— Успокойся, Тед, — сказала она. — Да и что на

вас всех нашло? Если уж так хочешь знать, сейчас Гриффу на уши присел сам Бербело. Похоже, он тоже хочет судиться с Объединением. Так в чем дело?

К этому моменту я уже едва мог связать два слова.

— Бербело, говоришь? Я и его засужу. Вот крыса! Мерзкий… Над чем ты смеешься?

— Он хочет засудить тебя! — Она захихикала. — Готова поспорить, тебя и Грифф засудит, только чтобы заткнуть Бербело. Вот будет умора!

Прежде чем я смог осознать смысл ее слов, она соединила меня с Гриффом. Он ответил, вытирая платком свои массивные подбородки.

— Да? — сказал он дрожащим голосом.

— Считаешь себя самым умным? — заорал я. — Что это за финт ты выкинул в рекламном ролике во время моей пьесы? Чья это идея? Бербело? Ах он…

— Так, Гамильтон, — сказал по-простому Грифф, — не горячитесь. — Его руки тряслись, я видел, — очевидно, старик Бербело всыпал ему по первое число. — Ничего неуместного там не было. Вы, должно быть, ошиблись. Заверяю вас…

— Ты напыщенный социофаг, — прорычал я, ввернув хитроумное словечко, — не смей звать

меня лжецом. Я слушал программу и помню, что там сказали. Я тебя засужу. И Бербело. И если ты попытаешься перевести стрелки на актеров в ролике, я и их засужу. А если ты и дальше будешь насмехаться надо мной, я приду и скормлю тебе твои же зубы. А потом засужу тебя лично вместе с Объединением.

Я отключился и вернулся к телевизору, клокоча от негодования. Программа продолжалась как ни в чем не бывало. Пока я остывал — а остываю я медленно, — я начал понимать, что вторая часть «Ракушки» даже лучше, чем первая. Вы знаете, влюбиться в собственное произведение для писателя губительно, но ей-богу, иногда выходит что-то особенное. Ты пытаешься быть критичным, и не выходит. Таким был эпизод в Понта-Делгаде.

Девочка была в круизе, а мальчик — на учебном судне. Они вместе оказались на Азорских островах. Очень трогательно. В прошлый раз они встречались еще совсем детьми, но все это время видели друг друга во снах. Понимаете общий тон, да? Приторнее некуда. И сделано все было замечательно. Кадры Понта-Делгады и виды Азорских островов смотрелись чудесно. Наступил момент, когда после четырех минут примитивного диа-

лога он смотрит на нее — момент истины, зрелая любовь озаряет юное лицо.

Она говорит застенчиво:

— Что ж…

Дальше его реплика — уж мне ли не знать! — четко по тексту:

— Розалинд… это правда ты? Ах, я боюсь… — Он хватает ее за плечи. — Боюсь, что это сон. Как часто мне казалось, что я вижу тебя, но то была не… Розалинд, Розалинд, ангел-хранитель, смысл жизни, возлюбленная… возлюбленная… — Объятия.

Как я и говорю, все шло по тексту, прямо до самых объятий. Но потом настало время расплаты. Он оторвался от ее губ, зарылся носом в ее волосы и четко произнес:

— Какая же ты уродская б…

И это «б…» было самым внятно выговоренным матерным словом, которое мне только доводилось слышать.

Что было дальше, я сказать не могу. Наверное, я тронулся умом. Я разбил телевизор стоимостью двести двадцать долларов и разбросал обломки по всем своим трем комнатам. В следующий миг я был уже в метроэкспрессе и мчался в сторону трехсотэтажного небоскреба Телевизионного объединения. Еще никогда на моей памяти экс-

пресс-вагон, толкаемый сжатым воздухом по подземным туннелям, не двигался так медленно, но может быть, мне показалось. Что до меня, я собирался прикончить одного главного сценариста.

И на кого же я натолкнулся на двести двадцать девятом этаже? На самого старика Бербело! Глаза парфюмерного короля налились кровью. Сквозь пелену гнева я стал понимать, что Гриффу сейчас сильно не поздоровится. И я готов был помочь, чем смогу. В эту секунду Бербело увидел меня и будто прочитал мои мысли.

— Идемте, — коротко сказал он.

Вместе мы пробрались сквозь толпу секретарей и помощников и вломились в кабинет Гриффа.

Грифф поднялся и попытался напустить на себя важный вид, но у него ничего не вышло. Я перепрыгнул через стеклянный стол и стянул края его стильного открытого воротника так, что он засипел. Бербело это понравилось.

— Не убивайте его, Гамильтон, — сказал он чуть погодя. — Дайте мне.

Я отпустил Гриффа. Он осел на пол, хватая воздух ртом. Он походил на напуганного ребенка. Забавно.

Мы дали ему отдышаться. Он поднялся на ноги,

сел за стол и потянулся к ряду кнопок. Бербело выхватил нож для бумаг из металла Доу[29] и яростно резанул пухлую руку. Та ретировалась.

— Могу я узнать, — с трудом выговорил Грифф, — причину этого безосновательного нападения?

Бербело покосился на меня.

— Может?

— Он может сказать нам, что за чертовщина тут творится, — сказал я.

Грифф с усилием прочистил горло.

— Я уже сказал вам… э-э-э… джентльмены, по телефону, что насколько мне известно, ни в нашей интерпретации пьесы, мистер Гамильтон, ни в рекламной части трансляции, мистер Бербело, ничего неподобающего не было. После ваших претензий я собственными глазами посмотрел вторую часть трансляции. Все было в порядке. И так как это первая цветная коммерческая трансляция, мы ее записали. Если вас не удовлетворяют мои заявления, вы вправе незамедлительно проверить запись лично.

Чего еще мы могли желать? Нам стало ясно, что

---

[29] Сноски: 29

Металл Доу (Dowmetal) — сплав алюминия и магния с содержанием магния свыше 85 %. Изобретен компанией Dow Chemicals после Первой мировой войны, активно рекламировался во время Второй мировой.

Грифф серьезно озадачен; со своей стороны он был предельно честен и думал, что мы оба свихнулись. Я начал склоняться к тому же мнению.

— Грифф, вы слышали диалог этой парочки в конце, когда они стоят на пирсе? — спросил Бербело.

Грифф кивнул.

— А теперь вспомните, — продолжил Бербело, — что мальчишка сказал девчонке, когда сунул нос ей в волосы?

— «Я люблю тебя», — смущенно ответил Грифф и покраснел. — Два раза.

Мы с Бербело переглянулись.

— Давайте посмотрим запись, — сказал я.

Что мы и сделали в личном проекционном зале Гриффа. Я надеюсь, что больше мне никогда не придется переживать подобное. Если бы я не знал наверняка, что Бербело видит и чувствует то же, что и я, я бы обратился к психиатру. Потому что программа на экране проектора Гриффа излучала безобидность. Мой сценарий исполнялся первоклассно; в рекламе Бербело все было верно. В ролике, с которого все началось, где мужчина и женщина болтают в вестибюле театра, диалог был такой:

— Как вы находите пьесу, мистер Робинсон?

— Совершенно очаровательной… Это относится и к вам, дорогая. Какой на вас парфюм?

— «Ду Рев» от Бербело. Что вы о нем думаете?

— Вы слышали, что я сказал о пьесе.

Вот и все. Судя по записи, Грифф был прав насчет повторения трех заветных слов в эпизоде на Азорах. Я был обескуражен.

Когда программа кончилась, Бербело сказал Гриффу:

— Я думаю, мистер Гамильтон со мной согласится, что, если эта запись — подлинная, мы должны принести вам извинения. Но и также что мы не принимаем ваши доказательства, пока не соберем собственные. Я записал программу, показанную моим телевизором, и записал всю рекламу. Мы придем завтра и принесем пленку фонограммы. Пойдемте, Гамильтон.

Я кивнул, и мы ушли, оставив Гриффа кусать губы.

Опишу кратко последнюю главу этого кошмарного вечера. По пути мы заехали за специалистом по камерам, и спустя час после нашего приезда в «дом, который построил парфюм» пленка была проявлена. И если я помешался, то Бербело тоже; а если помешался он, то не в порядке была и камера. Богом клянусь, на экране Бербело была

та же чертова программа, что и у меня. Никого и никогда еще так не чихвостили на расстоянии, как Гриффа в тот вечер. Разумеется, мы поняли, что он подсунул нам липовую запись, чтобы мы не подали иск. В суде он сделает то же самое. Я сказал об этом Бербело. Он покачал головой.

— Нет, Гамильтон, мы не можем идти в суд. Объединение выделило мне эту трансляцию, первую цветную рекламу, с условием, что они не несут ответственности за «неполное, неадекватное или на каком-либо другом основании неудовлетворительное представление». Они не очень-то доверяли этому новому аппарату.

— Тогда я буду судиться за нас обоих, — сказал я.

— Разве они не выкупили у вас все права?

— Точно… черт! Они и мне руки связали. Обеспечили себе законное право делать все, что вздумается.

Я выбросил сигарету в электрический огонь и включил огромный телевизор Бербело, настроив его на канал Объединения Икс-зет-би. Ничего не произошло.

— Смотрите! У вас телевизор сломался! — сказал я.

Бербело встал и покрутил ручку переключа-

теля каналов. Я ошибся. С телевизором все было в порядке. Дело было в Объединении. Все их каналы были отключены — все четыре. Мы переглянулись.

— Включите Икс-зет-ви, — сказал Бербело, — он тоже принадлежит Объединению, но они это скрывают. Может, получится…

Я покрутил переключатель, и с экрана заорал Икс-зет-ви. Шла программа с новомодным пятидольным танцем. Неожиданно ведущий сунул лицо в передатчик.

— Срочная новость от информационной службы «Иконоскоп», — непринужденно сказал он. — Федеральная комиссия по связи временно запретила деятельность Телевизионному объединению и всем его каналам. Они отключены. Причины не называются, но есть предположение, что дело в крепком словце, проскользнувшем во время мировой премьеры цветной трансляции Телевизионного объединения. На этом все.

— Я так и знал. — Бербело улыбнулся. — Интересно, как Грифф выкрутится из этой ситуации? Если он попробует показать свою запись, я с большим удовольствием предоставлю правительству свою, и мы прижучим его за лжесвидетельство.

— Не слишком ли сурово обошлись с Объеди-

нением? — спросил я.

— Не слишком. Вы знаете, как работают корпорации. Объединение получает миллионы со своих четырех каналов, но эти миллионы — лишь капля в море по сравнению с остальными золотыми яйцами, которые им несут курицы. Например, эта технология цветопередачи. Теперь, когда они не могут ее использовать, другие компании вряд ли упустят шанс выкупить методику и оборудование. Объединение потеряет рекламные контракты и сэкономит, прекратив вещание. И даже не заметит разницы в доходах. Готов поспорить, мы увидим цветную трансляцию у конкурирующей компании в течение сорока восьми часов.

Он оказался прав. Через два дня в программе Кинорадио появилась цветная трансляция, и разразился страшный скандал. То, что произошло с Бербело и моей «Ракушкой», по сравнению с этим было лишь цветочками.

Программу спонсировало антигравитационное предприятие — не помню какое. Наняли Раульса Стависка, композитора, чтобы он сыграл откопанную им древнюю галльскую оперу. Она называлась «Кармен», и два столетия о ней никто не вспоминал. Новость вызвала ажиотаж среди

меломанов, хотя лично мне такое не по вкусу. Слишком первобытно. Тяжело дается, когда всю жизнь слушаешь одну пятидольную музыку. А эти, допотопные, даже о четвертитоне не слыхали.

В общем, это было большое событие, и его транслировали прямо из огромного Народного зала. Он заполнился больше чем наполовину — почти сто тридцать тысяч зрителей. Практически все музыкальные снобы из той части города. Да, сто тридцать тысяч пар глаз видело представление вживую, и бесчисленные миллионы — по телевизору. Запомните это.

Я слышал, что те, кто находился в зале, не зря потратили деньги. Они посмотрели оперу целиком, все прошло как по маслу. Колоратурное сопрано Мария Джефф была в идеальной форме, и оркестр Стависка идеально воспроизвел древние ноты. Ну так и что же?

А вот что: в первой половине телезрители увидели то же, что зрители в зале, — это понятно. Но — только послушайте, — когда Марию Джефф показали крупным планом во время арии, она откинула голову, перестала петь и хрипло проорала:

— Да пошло оно к черту! Заводите, мальчики!

Зрители услышали, как оркестр бросил нудятину на две четверти — кажется, это называлось «Хабанера» — и подхватил старую лихую пятидольную песню про «Алису под кайфом», девчонку, которая не верила в евгенику. Они увидели, как Мария прошлась по сцене, сбрасывая одежды, — и я ее осуждать не могу. Предполагалось, что выступление будет исторически достоверным, и там, похоже, было жарко. Но было во всем этом что-то странное.

Я в жизни ничего подобного не видел и не слышал. Сначала я решил, что это часть оперы, потому что, как нам рассказывали в школе, древним людям такое нравилось. Мне-то откуда знать? Но когда сам старик Стависк запрыгнул на сцену и пустился в пляс с примадонной, я заподозрил неладное. Видеовизоры повернулись на зрителей — те танцевали между рядов, все до единого. И еще как танцевали! Ничего себе!

Можете себе представить, какой после этого поднялся шум. Федеральная комиссия по связи ошарашила Кинорадио закрытием точно так же, как Телевизионное объединение. Ошарашены были и сто тридцать тысяч людей, которые посмотрели оперу и остались довольны. Все до единого отрицали, что устроили танцы между ря-

дов. Никто не видел, чтобы Стависк выпрыгивал на сцену. Тут явно что-то не сходилось.

Разумеется, Кинорадио сделало запись. Как оказалось, Комиссия тоже. Оба доказательства подтверждали точку зрения их владельца. На записи Кинорадио, сделанной звуковой камерой прямо в зале, была музыкальная программа. На пленке Комиссии, полученной с помощью стандартного правительственного приемника, был дебош, который я и остальные миллионы зрителей увидели в трансляции. Все это для меня было слишком. Я поехал к Бербело. Старик был умен и знал, с чего начался весь дурдом.

Видеовизор его дома показал радостное лицо.

— Гамильтон! — воскликнул он. — Заходите! Я обзвонил все пять центральных районов в поисках вас.

Он нажал на кнопку, и дверь прихожей закрылась за мной. Одним махом я очутился на самом верху. Отличная штучка эта его прихожая-лифт.

— Думаю, не стоит спрашивать, зачем вы пришли, — сказал он, когда мы пожимали руки. — Вот это Кинорадио дало маху, да?

— И да, и нет, — сказал я. — Я начинаю думать, что Грифф был прав, утверждая, что с его стороны программа была высшего уровня. Но если он был

прав, в чем тогда дело? Как программа может попадать в передатчики в идеальном состоянии, а выходить из каждого приемника в стране в виде мечты любителя розыгрышей?

— Не может, — сказал Бербело. Он задумчиво потер подбородок. — Но это произошло. Трижды.

— Трижды? Когда…

— Только что, перед тем как вы пришли. Министр иностранных дел выступал на канале Икс-зет-эм. Ну, знаете, по поводу объединенного атомного проекта. Икс-зет-эм выкупил цветное оборудование у Кинорадио тут же, как то попало в черный список Комиссии. Достопочтенный министр гундел в своей манере всего двенадцать с половиной минут. Вдруг он остановился, ухмыльнулся в передатчик и сказал: «Знаете анекдот про путешествующего фермера и дочку торговца?»

— Я знаю, — сказал я. — Господи, только не говорите, что он его рассказал.

— Именно, — сказал Бербело, — в подробностях, прямо в девственные телеволны. Я сразу же побежал к телефону, но дозвониться не получилось. Магистральные линии Икс-зет-эм были заняты. Крайне взволнованная телефонистка подсоединила одновременно целую кучу линий и объявила: «Если вы звоните по поводу речи

министра, с ней все в порядке. Пожалуйста, не занимайте линии!»

— Итак, — сказал я. — рассмотрим факты. Первый: трансляции покидают студии точно по расписанию и в соответствии со сценарием. Мы это принимаем?

— Да, — сказал Бербело. — И так как пока ни одна черно-белая трансляция не пострадала, предположим, что странное поведение ограничивается полихромной технологией.

— А записи, сделанные в студии? Они цветные, но не повреждаются.

Бербело нажал на кнопку, из ниши в стене выехал сервировочный столик и остановился перед нами. Мы налили себе выпить, взяли по сигарете, и столик вернулся на место.

— Кинорадио сделало запись не с телевизора, а с помощью звуковой камеры. Что до Объединения… Я понял! Программа попала на записывающее устройство Гриффа по проводу прямо из студии! Она не выходила в эфир!

— Вы правы. Значит, страдают только полихромные программы, вышедшие в эфир. Хорошо, и что это нам дает?

— Ничего, — признал Бербело. — Но, возможно, нам удастся выяснить больше. Идите за мной.

Мы зашли в лифт и спустились на три этажа.

— Не знаю, известно ли вам, но я телеэнтузиаст, — сказал Бербело. — Вот моя лаборатория. Я тешу себя мыслью, что более совершенной нет ни у кого.

Я в этом не сомневался. Никогда в жизни я не видел подобного оснащения. Это был наполовину музей, наполовину мастерская. Здесь находились подлинные исторические модели из каждой эры телевидения, от самых первых механических до новейших атомных устройств с трехмерным изображением. В углу стоял невероятно сложный аппарат, в котором я узнал полихромный передатчик.

— Отлично вышло, не правда ли? — сказал Бербело. — Его прямо здесь собрал один парень, который выиграл нашу стипендию.

Я об этом не подозревал и почувствовал искреннее уважение к этому поразительному человеку.

— Как он работает? — спросил я его.

— Гамильтон, — раздраженно сказал он, — у нас важное дело. Если я начну рассказывать, то проговорю всю ночь. Но если вкратце, то передатчик посылает рассинхронизированные колебания. Окрашивание в приемнике достигается особым смешиванием этих рассинхронизированных

колебаний, когда они покидают первое устройство. В результате получается весьма необычный эффект — колеблются сами электромагнитные волны, что приводит к абсолютно новому виду волны, который все еще может приниматься стандартным устройством.

— Понятно, — соврал я. — И какой у вас план?

— Я собираюсь транслировать изображение отсюда в мой загородный дом на севере. До него восемьсот миль, этого должно хватить. Мои сигналы примутся там и автоматически вернутся по проводу. — Он указал на стоящий рядом приемник. — Если между тем, что мы посылаем, и тем, что получаем, будет разница, мы сможем понять причину неисправности.

— А как же Федеральная комиссия? — спросил я. — Что, если… — Мне и самому смешно. — Но просто предположим, что мы услышим такую же брань, как во время трансляции моей «Ракушки»?

Бербело фыркнул.

— Я обо всем позаботился. У трансляции будет заданное направление. Ее не сможет перехватить ни один приемник, кроме моего.

Вот это человек! Он все продумал.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда начинаем.

Бербело включил пару рубильников и уселся перед приемником. Зажегся свет, и с помощью набора кнопок на подлокотнике он расположил фотоэлементы передатчика над приемником и позади него так, чтобы мы могли передавать свое изображение и смотреть передачу, не поворачивая головы. Бербело кивнул мне, я подался вперед и включил приемник.

Бербело взглянул на часы.

— Если все пойдет как надо, то пройдет от десяти минут до получаса прежде, чем начнутся помехи.

Звук его голоса был немного металлическим. Я понял, что он исходит из приемника. По мере того как разогревался телевизор, изображение становилось четче. У меня возникло странное ощущение. Я увидел нас с Бербело сидящими рядом друг с другом, как если бы мы сидели перед зеркалом, только изображение не было перевернуто. Я показал нос сам себе, и мое отражение ответило тем же.

— Осторожнее, юноша, — сказал Бербело. — Если у нас будут такие же помехи, как у других, ваше изображение может это извратить. — Он ухмыльнулся.

— Чертовски верно, — отозвался приемник.

Мы с Бербело вытаращились друг на друга, а потом на экран. Лицо Бербело осталось без изменений, а вот мое ехидно усмехалось. Бербело невозмутимо сверился с часами.

— Восемь сорок шесть, — сказал он. — С каждой трансляцией все меньше. Если так пойдет дальше, скоро изменения будут появляться с самого начала.

— Только если трансляции станут передаваться по расписанию, — ответило изображение Бербело.

Очевидно, оно полностью отделилось от самого Бербело. Я был обескуражен.

Бербело, сидящий рядом со мной, замер.

— Видите? — прошептал он. — Ему нужна минута, чтобы сориентироваться. До тех пор изображение остается моим.

— Что это все значит? — поразился я.

— Смотрите на меня внимательно, — сказал парфюмерный король.

Мы сидели и смотрели во все глаза. И богом клянусь, наши изображения смотрели в ответ. Они наблюдали за нами!

Бербело решился на прямой вопрос.

— Кто вы?

— А на кого мы похожи? — ответил экранный

я, и они оба раскатисто рассмеялись.

Изображение Бербело легонько толкнуло локтем мое.

— Вот это мы их напугали, да, дружище? — захихикало оно.

— Прекратите дурачиться! — резко сказал Бербело. К моему удивлению, это сработало.

— Мы ничего такого не хотели, — жалобно сказало мое изображение. — Не ругайтесь. Давайте веселиться. Мне весело.

— Да они точно дети! — сказал я.

— Похоже, вы правы, — сказал Бербело. — Слушайте, — сказал он изображениям, которые сидели надувшись. — Прежде чем мы перейдем к веселью, я хочу, чтобы вы мне рассказали, кто вы такие, как попали в приемник и как вам удалось испортить три предыдущие трансляции?

— Мы сделали плохо? — невинно спросило мое изображение.

Другое захихикало.

— Вот ведь дерзкие негодники, — сказал Бербело мне. — Отвечайте на вопросы, или я отключаю передатчик! — сказал он изображениям.

— Мы скажем! Мы скажем! Пожалуйста, не выключайте! — отчаянно заладили они в один голос.

— Как вы до этого додумались? — прошептал я Бербело.

— Ткнул пальцем в небо, — ответил он. — Видимо, им нравится проникать в трансляции, но получается только с цветными.

— Что вы хотите знать? — спросил экранный Бербело; у него подрагивала губа.

— Кто вы?

— Мы? Мы… я не знаю. У вас нет для нас названия, так как же я вам скажу?

— Где вы?

— Повсюду. Мы на месте не сидим.

Бербело раздраженно поднес руку к выключателю.

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Это весело! — завизжало изображение.

— Весело, говорите? — проворчал я. — Тогда выкладывайте все как есть, не то мы вас отключим!

— Пожалуйста, поверьте, — умоляюще проговорил экранный я. — Это правда. Мы повсюду.

— Как вы выглядите? — спросил я. — Покажитесь!

— Мы не можем, — ответило другое изображение, — потому что никак не выглядим. Мы просто… есть, вот и все.

— Мы не отражаем свет, — добавил экранный я.

Мы с Бербело озадаченно переглянулись.

— Либо кто-то нас водит за нос, либо мы наткнулись на нечто совершенно новое и неслыханное.

— Наткнулись-наткнулись, — сказал экранный Бербело. — Мы о вас знаем уже очень давно, с начала ваших времен…

— Да, — подхватил его товарищ. — Мы узнали о вас около двухсот ваших лет назад. Мы чувствовали ваши колебания еще задолго до этого, но не знали, кто вы такие.

— Двести лет… — задумался Бербело. — Тогда появились первые телевизоры на атомной энергии.

— Точно! — с жаром подтвердило мое изображение. — Энергия дотронулась до наших умственных потоков, и мы стали видеть и слышать. Но установить с вами контакт мы смогли только недавно, когда вы послали нам эту дурацкую «Ракушку».

— Так, а вот этого не надо! — сердито сказал я.

Бербело усмехнулся.

— Сколько вас? — спросил он их.

— Один и много. Мы конечны и бесконечны. В вашем понимании мы не имеем ни размера, ни

формы. Мы просто… есть.

Мы оставили это без комментариев. Понять это было непросто.

— Как у вас получилось изменить программы? Как вы меняете эту? — спросил Бербело.

— Эти трансляции проходят прямо через наши умственные потоки. Наши мысли меняют их в реальном времени. Раньше это было невозможно — мы знали о программах, но нас было не слышно. Новая волна позволяет вам слышать нас. Ее витки совпадают с нашим существом.

— Похоже, мы наткнулись на космическое чувство юмора, — сказал Бербело мне, затем обратился к своему изображению: — Да, в каком-то смысле. Из-за вас три огромные компании потеряли лицензии на вещание. Вы ужасно опозорили человека по фамилии Грифф и министра иностранных дел. Вы… — он ухмыльнулся, — очень сильно разозлили моего друга. Так делать неправильно, верно?

— Да, — ответил экранный я. Он даже покраснел. — Мы больше не будем. Мы виноваты. Простите нас.

— Да бросьте, — сказал я. Мне и самому стало стыдно. — Все ошибаются.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказало

мое изображение на экране. — Мы бы хотели загладить вину. И перед вами тоже, мистер…

— Бербело, — сказал Бербело. Представляться телевизору! Можете себе такое вообразить?

— Вы ничего не можете для нас сделать, — сказал я. — Разве что перестать портить цветное телевидение.

— Значит, вы хотите, чтобы мы перестали? — Экранный я повернулся к экранному Бербело. — Мы поступили нехорошо. Мы их обидели и разозлили. — Он повернулся к нам. — Больше мы вас не побеспокоим. Прощайте!

— Подождите! — закричал я, но было уже поздно. На экране были все те же две фигуры, но из них ушла особая жизнь. Это были просто Бербело и я.

— Смотрите, что вы наделали, — раздраженно бросил Бербело. Он стал повторять в передатчик: — Вызываю нарушителя полихромной волны! Как слышно? Как слышно? Вызываю… — Он прервался и с отвращением посмотрел на меня. — Остолоп, — тихо сказал он, и мне захотелось забиться в угол и расплакаться.

Вот и все. Суд Федеральной комиссии по связи признал виновным «неопределенное лицо или лица», и цветное вещание стало повсеместным. До этого момента мир не знал этих странных

подробностей. Бербело в течение трех месяцев все ночи напролет пытался установить контакт с эфирным разумом, но тщетно. Разве его можно осуждать? Он двести лет ждал возможности связаться с нами, но его обидели и прогнали! Виноват, конечно, я. Это признание ничем не поможет. Вот бы я мог сделать хоть что-то…

Нельсон Бонд (1908–2006). Паломничество

Перевод Арюны Доржихандаевой

Нельсон Бонд – это еще один автор, широко известный благодаря своим героям из циклов рассказов (Ланселот Биггс, Жрица Мег, Пэт Пендинг). Он был профессионалом своего дела и достигал порой блестящих высот. Лучший его рассказ вы можете прочесть в сборнике «Не существует времен, подобных будущему» (1954), если, конечно, сможете его отыскать.

«Жрица Мег» – это выдающийся цикл из трех рассказов, выходивших в период с 1939-го по 1941 год в разных журналах. Это один из первых циклов, где главная роль отводится женщине, и именно с этой истории начались приключения Мег.

(Если мне не изменяет память, я видел Нельсона Бонда лишь однажды, на первой международной конференции по научной фантастике в 1939 году. И некоторое время спустя он оказал мне большую услугу. Бу-

дучи большим поклонником своего жанра, я нередко входил в азарт и принимался спорить со своими читателями в рубрике «Письма читателей», пока Нельсон не оставил мне короткую записку: «Вы теперь писатель, Айзек. Позвольте читателям иметь свое мнение». И я последовал его совету. А.А.)

В свое двенадцатое лето Мег испугалась, когда ее настигла болезнь. Испугалась, но все же ее обуревало странное чувство какого-то возвышенного восторга, прежде ей неизвестное. Теперь она была женщиной. И она поняла, совершенно неожиданно и безусловно, чегоот нее будут ждать с этого дня. Поняла — и затрепетала от страха.

Она тут же отправилась в обитель Матери. Таков был закон. Спускаясь по аллее, Мег с любопытством первооткрывателя разглядывала проходящих мимо мужчин. Она смотрела на их бледные, лысые жалкие тела. На их мягкие, изнеженные руки и слабые рты. Один, развалившийся на пороге обители Аны, бесстыже взглянул на Мег в ответ и поманил ее пальцем. Мег передернуло, и она брезгливо скривила губы.

Еще вчера она была ребенком. Теперь, совсем внезапно, она стала женщиной. И в первый раз

в жизни Мег видела людей такими, какими они были на самом деле.

Воительницы племени. Она с отвращением смотрела на их напряженные угловатые тела: жилистые ноги и свирепо стиснутые челюсти, холодные глаза, крепкие руки, покрытые до локтей плохо зажившими шрамами, маленькие скованные груди, туго перетянутые кожаными лоскутами и ремнями. Они были бойцами и никем больше.

Мег хотела не этого.

Она видела и матерей. У них были полные губы, отвисшая грудь, которая кормила детей, чья кожа была такой же светлой и нежной, как у мужчин. Их глаза были влажными, лишенными всякого выражения из-за слишком часто возбуждаемых и слишком часто утоляемых страстей. Их пышные бедра колыхались при ходьбе, словно спелые колосья пшеницы, мерно покачивающиеся в густом плодородном поле. Они жили только для того, чтобы племя могло жить, могло продолжать существовать. Они производили потомство.

Мег хотела не этого.

Еще были рабочие. Их тела сохранили остатки грации и изящества, присущие когда-то женскому роду. Но даже если их талии оставались

тонкими, то руки были узловатыми и толстыми. Их сгорбленные под тяжестью труда плечи огрубели от тесел и ящиков с камнями. Их лица были мрачны из-за бесконечной борьбы с неподатливой землей — землей, с которой они срослись, которая в ответ срослась с ними самими. Их кожа почернела, а от их тел несло въевшейся грязью и несмываемым потом.

Нет, не так хотела прожить свою жизнь Мег. Все это было совсем не то, чего она хотела, в этом она была точно уверена.

Мег была так сосредоточена на своих мыслях, что вошла в обитель Матери, забыв произнести вслух слова молитвы, как того требовал закон. Только поэтому она стала свидетелем великого волшебства Матери, обращавшейся к богам.

В правой руке Мать держала палочку, которой чертила по гладкому отбеленному свитку из телячьей кожи. Время от времени она давала палочке напиться из полночной чаши, стоявшей перед ней. Когда она снова провела ею по шкуре, на ней остался след: плетеный, словно черная паутина.

Несколько мгновений Мег в изумлении наблюдала за этим священнодейством. Затем ее охватил ужас; тревожные мысли сотрясали все ее тело. Вдруг она подумала о богинях: о главной

из них суровой Джарге; о мускулистой Ибриме и молчаливой Таамузе, о прозорливой Тедхи, чей смех отдавался эхом в раскатах летней грозы. Какое наказание они обрушат на того, кто проник в их тайны?

Она закрыла глаза и упала на колени. Перед ней раздались шаги, и руки Матери опустились на ее плечи. Она лишь произнесла с мягкой укоризной:

— Дитя мое, разве ты не знаешь закона? Каждый должен огласить словами молитвы обитель Матери, прежде чем войти.

Тревожные мысли отпустили Мег. Мать добра. Она кормила и одевала племя, согревала их холодными темными зимами и добывала им мясо, когда найти его было почти невозможно. Если она, земная посланница богов, не увидела никакого злого умысла в нечаянном любопытстве Мег, то…

Мег осмелилась снова посмотреть на волшебную палочку. Взгляд ее выражал немой вопрос. Мать ответила на него.

— Это писание. Беззвучная речь.

Беззвучная речь? Мег подкралась к столу и с тем же любопытством приложила ухо к паутине узоров. Но она не услышала ни звука. Мать снова

оказалась рядом с ней и сказала:

— Нет, дитя мое. Писание говорит не для ушей, а для глаз. Послушай, сейчас оно заговорит моими устами. — Она прочла вслух: — Отчет за июнь, 3478 год н. э. Численность племени Джинния остается неизменной. Нас по-прежнему пять раз по двадцать и семь, да еще девятнадцать мужчин, двенадцать коров, тридцать лошадей. Однако есть основания полагать, что Ана и Сахли вскоре присоединятся к нам. На прошлой неделе Дарти, Лина и Элис отправились на территорию Клина в поисках дичи. Они встретили нескольких людей племени Данн и совершили обмен дарами: соль и ягоды. Был дан обет дружбы. На обратном пути Дарти была схвачена одним из Диких, но спасена своими товарищами прежде, чем он успел перейти черту. Дикий был уничтожен.

В нашу деревню прибыла гостья из Дельвуров с востока. Она сообщила, что на ее территориях почти истреблены Дикие. Болезнь нанесла большие потери численности их мужчин, и она упрашивает взять у нашего племени в долг одного или двух на несколько месяцев. Я думаю отдать ей Жака и Ральфа, они оба показали себя как отличные самцы-производители…

Мать остановилась.

— Это все, что я написала до того, как ты вошла, дитя мое.

Глаза Мег были широко раскрыты от удивления. Все было действительно так: Дарти, Лина и Элис недавно вернулись из Китая и сейчас в деревне была гостья. Но как же эта «беззвучная речь» могла знать и даже рассказать обо всем этом?

— Но, Матушка, не забудет ли что-то «беззвучная речь»?

— Нет, Мег. Мы забываем. Книги — никогда.

— Книги?

— Это называется «книги». — Мать прошла в ту часть обители, где она спала. Там лежала груда свитков из телячьей кожи, из которых она выбрала один. — Здесь хранятся записи о нашем племени за прошедшие века, с самых древних времен. Не все сохранились: одни были утеряны, другие смыты потопом или уничтожены огнем. Но сохранять все записи — это обязанность Матери. Поэтому мы должны знать искусство «беззвучной речи». Это тяжелый труд, моя дорогая. И у него нет конца.

Глаза Мег сияли. Тревога, холодившая ее душу, теперь рассеялась. На ее место пришла дерзкая мысль. Настолько дерзкая и невероятная, что Мег

удалось лишь на второй раз разомкнуть губы:

— Сложно… — спросила она, затаив дыхание, — очень ли сложно стать Матерью?

Нежная улыбка появилась на лице Матери.

— Это довольно трудный вопрос, Мег. Тебе не следует думать о таких вещах. Еще не время решать… — Она замолкла, удивленно посмотрев на Мег. — Или уже, дитя мое?

Мег покраснела и опустила глаза.

— Уже, Матушка.

— Тогда тебе нечего бояться, дочь моя. Ты знаешь закон. Теперь, в этот знаменательный день, пришло время решить, какое место в жизни тебе занять. Чего же ты желаешь, Мег? Быть ли тебе воительницей, рабочей или же плодящей матерью?

Мег бесстрашно посмотрела на главу племени.

— Я буду Матерью! — сказала она, а затем быстро добавила: — Но не плодящей матерью. Я буду Матерью племени, прямо как вы, Матушка!

Мать внимательно посмотрела на нее. Но вскоре суровые морщины на ее лице разгладились, и она задумчиво сказала:

— Трижды ко мне обращались с такой просьбой, Мег. Каждый раз я отказывала. Первой, кто спросил меня об этом, была Бет, это было много

лет назад. Но она стала воительницей и в итоге благородно пала при осаде Лувиля… Затем ко мне обратилась Хейзел. И последней была Хейн. Когда я отказала, она стала плодящей матерью. Однако тогда я была моложе. Теперь я стара. И нужно, чтобы кто-то занял мое место, когда меня не станет. — Она уставилась на девочку пытливым взглядом. — Это непросто, дочь моя. Предстоит много работы. И работы не столько тела, сколько ума. Придется справиться с трудностями, принести клятвы, совершить паломничество.

— Я все сделаю, Матушка! С радостью! — клялась Мег. — Только позвольте мне… — Но вдруг ее голос надломился. — Я не могу быть никем больше. Не буду ни жестокой, мрачной воительницей, ни вечно грязной рабочей, ни плодящей матерью… Я бы скорее спарилась с кем-то из Диких, чем с одним из мужчин. Только одна мысль об их изнеженных руках…

Мег передернуло. Мать же кивнула, все понимая.

— Очень хорошо, Мег. Завтра ты переедешь в эту обитель. Ты будешь жить со мной и учиться, чтобы стать следующей Матерью племени Джинния.

Так началось обучение Мег. Мать говорила

правду: задача оказалась не из легких. Не раз Мег горько плакала, стремясь изучить все, что необходимо было знать Матери племени.

«Беззвучная речь», которая, как узнала Мег, называлась «письмом», выглядела как самое обыкновенное волшебство. В старческих пальцах Матери тонкая палочка двигалась так легко и плавно, но, как бы ни старалась Мег воссоздать плетеную паутину узоров, палочка то соскальзывала, то царапала шкуру, оставляя уродливые черные, как полночное небо, пятна. Мег узнала, что эти волнистые линии не бессмыслица. Каждая линия состояла из «предложений», каждое предложение — из «слов», а каждое слово — из «букв». Каждая буква звучала по-своему, точно так же, как и комбинации из букв имели свои «словозвуки». Все это было так необыкновенно и запутанно. Одна буква, стоящая не на своем месте, часто могла изменить смысл всего слова. Иногда из-за этого менялась суть целого предложения. Но решимости Мег было не занимать. И вот, наконец, пришел день, когда Мать позволила ей записать ежемесячный отчет в хроники племени. Мег было тринадцать, но она уже превосходила мудростью остальных членов племени.

Тогда же Мать начала обучать ее еще одной

магии: магии «цифр». Вместо целых двадцати шести букв теперь было всего лишь десять цифр. Это было самое удивительное волшебство. Собранные вместе цифры часто превращались в большие числа. А числа, отнятые друг от друга, образовывали еще числа. Название этой магии Мег так и не узнала. Тут использовались такие же необыкновенные, волшебные и непонятные выражения: «умножение» и «вычитание». Но Мег все равно научилась этому.

Ее задача становилась все сложнее, так как именно в это время Зловещие наслали на нее маленького демона, чтобы мучать ее. Однажды ночью, пока Мег спала, он пробрался в ее ухо. Долгие месяца он таился в ее голове, прямо над глазами. Каждый раз, когда она садилась за изучение магии цифр, он начинал плясать то вверх, то вниз, пытаясь помешать ей. Однако Мег упорствовала. И наконец то ли демон умер, то ли его вытащили, а Мег теперь знала цифры…

Еще нужно было изучить обряды и ритуалы, а священную песню необходимо было знать наизусть. У этой песни не было мелодии, она сопровождалась ритмом племенных барабанов. Слова же ее были странными и даже страшными, а в сокровенных фразах эхом отдавалось величие

богинь.

— О Сакан! Увидишь Тедхи на Рассвете…

Это была великая песня. Могущественная магия. Из всех песен их племени, что выучила Мег, только в этой люди осмеливаются называть имя одной из богинь. И петь необходимо было с особенным благоговением, чтобы прозорливая Тедхи была довольна, не показала свои чудовищные зубы и не уничтожила заклинателя своими торжествующими раскатами грома.

Мег выучила и ритуальную песню племени Джинния. Она знала ее с младенчества, но слова оставались для нее туманны. Теперь Мег знала достаточно, чтобы понять ее смысл. Она не знала значения некоторых забытых слов, но вся песня обретала смысл, когда племя распевало ее в праздничные ночи.

— Кааме, вернись к Джиннии…

Мег становилась старше, взрослее, мудрее. В ее шестнадцатое лето ноги у нее были длинными, крепкими и прямыми, точно копья воительниц. Ее тело стало гибким, а кожа бронзовой, сохранив белизну только там, где тело прикрывала самостоятельно сшитая одежда из оленьей кожи. Если бы она не заплетала волосы, то они бы влачились за ней по земле, но она носила их собранными на

голове, закрепляя сеткой, сотканной матерями, которые были уже слишком стары, чтобы выносить ребенка.

Богиня тщеславия давным-давно умерла, и Мег было неоткуда узнать, насколько она красива. Но иногда, глядя на свое отражение в озере во время купания, она любоваласьмягкими изгибами ее тонкого молодого тела, и как никогда она была счастлива и горда, что стала неофитом Матери. Ей нравилось, что ее тело такое. Почему? Этого она не знала. Но была очень рада, что не стала мускулистой и жилистой, какими становились в ее возрасте будущие воительницы, или неотесанной, как рабочие, или слабой и дряблой, какими были все плодящие матери. Кожа Мег была золотисто-смуглой, но отливала чистым золотом там, где солнечный свет обжигал тонкий пушок на ее руках и ногах и между высоких крепких грудей.

И наконец настал день, когда Мать позволила Мег провести обряд на Праздник цветения. Это было в июле, Мег тогда только исполнилось семнадцать лет. Праздник цветения — важное событие, но также и важное испытание. И Мег не подвела. Она провела сложнейший обряд от начала и до конца без малейшей ошибки.

Тем вечером в тишине их обители Мать совер-

шила последнее волшебство. Она вытащила из коллекции старинных реликвий сверток пергамента. Она благословила его, а затем передала Мег.

— Теперь ты готова, дочь моя, — произнесла Мать. — На рассвете ты уйдешь.

— Уйду? — спросила Мег.

— Да, тебя ждет последнее испытание. То, что я даю тебе, — это карта. Указатель мест. Здесь, где встречаются горы и река, стоит наша деревня, в самом сердце территории Джинния. Далеко в западной стороне, а потом на севере, как здесь и указано, стоит Земля богов. Именно туда ты и должна отправиться в паломничество, прежде чем займешь место Матери.

Сейчас, в самый последний момент у Мег возникло дурное предчувствие.

— А вы, Матушка? — спросила Мег. — Если я займу ваше место, что же будет с вами?

— Покой примет меня в свои объятия, дочь моя. А я буду знать, что работа передана… — На миг престарелая Мать задумалась. — Мег, ты еще многого не знаешь. Мне запрещено говорить с тобой об этом, пока ты не побываешь на Земле богов. Там ты увидишь все и поймешь…

— Те… те книги?.. — Мег запнулась.

— Да, когда ты вернешься, ты сможешь прочесть их. Так же как читала их я после своего возвращения. И тогда тебе все станет ясно. И та самая последняя тайна, о которой не должно узнать племя…

— Я не понимаю, Матушка.

— Ты поймешь, дочь моя, но позже. А теперь ложись спать. Завтра на рассвете начнется твое паломничество…

Вдали на холмах дикий пес тоскливо выл, как бы прощаясь с уходящей луной. Его печальная песня разрезала немного дрожащую тишину деревьев и непрерывное дыхание леса. Мег проснулась из-за этого плача; проснулась и увидела, что на востоке уже краснеет рассветное небо.

Она выбралась из-под широкой кроны дерева, где провела эту ночь. Ее лошадь уже проснулась и нетерпеливо жевала жидкую траву под огромным дубом. Мег сняла ее с привязи и повела к роднику, который нашла вчера вечером.

Там она напилась и как могла искупалась в маленьком ручье, вытекающем из родника. Закончив умываться, она принялась готовить завтрак. В ее седловых сумках осталось не так много еды: кусок крольчатины, бережно припа-

сенный со вчерашнего ужина, две уже немного затвердевшие лепешки и драгоценнейшая горсточка соли. Она поела совсем немного, решив разбить сегодня лагерь пораньше, чтобы установить несколько капканов для дичи и испечь еще порцию лепешек.

Мег расчистила место, очертив большой круг на земле, где не было листьев и веток. Затем она трижды обошла против часовой стрелки весь круг, чтобы отогнать огненного демона. После этого чиркнула огненным камнем по куску черного металла из города Древних (это был подарок Матери) и разожгла маленький костер.

Прошло две недели с тех пор, как Мег покинула территорию Джинния. Она прошла сквозь суровые горные края своей родной земли и сквозь речные долины племени Хьян. Проходя по плоским равнинам племени Ян, она совершила ошибку. Карта указывала ей ясный путь, но она наткнулась на дорогу, выстроенную еще Древними. Дорога была из белого камня, хорошо сохранившаяся до сих пор. И поскольку по этой дороге было идти намного проще, чем пробираться через джунгли, она позволила себе отклониться на юг. Только когда она добралась до ветхой, побитой временем деревни Слуи, дру-

желюбные Зуры указали ей на ошибку. Поэтому Мег пришлось вернуться обратно на север, а затем повернуть на запад и подняться вверх по Великой реке к землям Демуа.

Теперь, как и указала ей карта, она находилась на территориях Браски. Еще две недели, возможно даже меньше, и она придет к своей цели — священным Землям богов.

Мег вздрогнула и очнулась от своих размышлений, когда позади нее в лесу послышался хруст ветки. Ловким движением она обернулась, выхватила меч и оказалась прямо напротив того места, откуда раздался звук. Но зеленые кусты даже не дрогнули; из подлеска больше не доносилось никакого шума. Успокоив свои страхи, она вернулась к более важному делу: жарке крольчатины.

Всегда нужно быть начеку. Мег усвоила это еще в самом начале пути, спустя два дня, как она покинула родные земли Джиннии. Как и предостерегала ее Мать, по земле все еще скиталось слишком много Диких: они рыскали в поисках пищи или драгоценного огненного металла по разрушенным деревням Древних. Но в основном они искали себе пару. Дикие медленно, но верно вымирали из-за отсутствия самок,

которых осталось среди них совсем немного. Большинство Диких были мужскими особями. Именно особями, ведь в их косматых телах, в их тупых звероподобных лицах, в их грубых мышцах, покрытых наростами, мало что осталось от мужчины.

На вторую ночь путешествия Дикий напал на Мег. К счастью, она еще не спала, когда он появился, иначе ее паломничество завершилось бы, толком не начавшись. Он бы не убил ее. Дикие не убивали пойманных женщин, они утаскивали их в свои берлоги. И уже там… Мег слышала все эти истории. Жрица, смешавшая свою кровь с кровью Дикого, уже не имела права претендовать на место Матери. Поэтому Мег яростно боролась и одержала победу. Кости того Дикого остались где-то среди холмов Джиннии, обглоданные стервятниками. Но после этого каждую ночь Мег проводила на деревьях, сжимая в руках меч…

Наконец еда была готова. Мег сняла мясо с вертела, подула на него и начала есть. Ей было о чем подумать. Конечная цель ее пути уже приближалась, как и близился час, когда она ступит на Земли богов и наконец узнает последние, строго хранимые тайны.

Вот почему инстинкты подвели ее. Вот почему

она даже не почувствовала, как совсем рядом притаился Дикий, пока он не набросился на нее, выскочив из кустов с гортанным рыком полного удовлетворения. Он схватил ее, плотно прижал ее сопротивляющиеся руки к бокам.

Это была жестокая, но безмолвная схватка. При всей хрупкости тело Мег было крепким. Она боролась, словно пантера, пользуясь всем, чем наделили ее богини: кулаками, ногами и зубами. Но сила Дикого была так же велика, как и его ярость. Он с остервенением прижал к себе Мег; вонь его пота обожгла ее ноздри. Его руки стиснули ее поперек груди, выбивая из напряженных легких весь воздух. Мохнатая рука Дикого обхватила ее горло, перекрывая доступ драгоценному воздуху. Мег извивалась всем телом, и, как только его хватка на секунду ослабла, она впилась крепкими зубами в его руку. С губ Дикого сорвался вопль боли и ярости. Мег потянулась к своему мечу. Но Дикий снова бросился на нее, размахивая в этот раз огромными кулаками. Мег увидела, как на нее обрушивается рука, подобная молоту, и тут же почувствовала удар ужасающей силы. Перед ее глазами как будто разлетелись искры. Земля взметнулась вверх ей навстречу. И затем все затихло….

Проснувшись, Мег слабо застонала. Голова раскалывалась, а кости болели так, будто их выворачивали наизнанку. Она с трудом пыталась встать на ноги, и, почти поднявшись, с облегчением обнаружила, что может двигаться! Она не связана! Тогда Дикий…

Мег торопливо огляделась. Она все еще лежала в маленьком подлеске, где на нее и напали. Солнце уже взошло над горизонтом и освещало кружевом света крошечную поляну. Ее костер все еще тлел. А прямо рядом с ним скрючился…

Мег никак не могла понять, что это. Оно выглядело как мужчина, но это было просто невозможно. Тело существа было гладким и таким же безволосым, как и ее собственное, таким же загоревшим. Однако оно не было бледным и изнеженным телом мужчины. Наоборот, это было мускулистое, упругое, крепкое тело, выше и сильнее, чем у воительниц.

Первой мыслью Мег был побег. Но любопытство все же взяло верх над страхом. В этом была какая-то загадка. И меч ее остался при ней. Кем бы или чем бы ни было это существо, оно, похоже не желало ей зла. Мег спросила:

— Кто ты? Где Дикий?

Незнакомец поднял голову, и его ровные черты

лица озарились счастьем. Он молча указал на кусты. Мег проследила за его жестом и увидела там мертвое тело Дикого. Ее озадаченный взгляд тут же вернулся к мужеподобному.

— Ты убил его? Получается, ты не Дикий? Я ничего не понимаю, ты не мужчина…

— Ты, — произнес мужеподобный голосом намного ниже, чем Мег когда-либо слышала от человека, — ты слишком много болтаешь. Садись и ешь, женщина!

Он бросил Мег кусок ее же крольчатины. Сама не зная, что делает, Мег подняла его и начала есть. Она уставилась на незнакомца, он же, разделавшись со своей порцией мяса, вытер руки куском ткани и приблизился к Мег. Она отбросила недоеденный завтрак, поспешно поднялась и схватила меч.

— Не приближайся ко мне, безволосый! — грозно прокричала она. — Я жрица племени Джинния. Таким, как ты, нельзя…

Незнакомец прошмыгнул мимо нее, даже не удостоив ее слова вниманием. Он подошел к месту, где была привязана лошадь Мег, и с досадой тряхнул обрывком поводьев.

— Вы, женщины! — Он сплюнул. — Ба! Да вы понятия не имеете, как дрессировать лошадь.

Смотри, вон, она сбежала!

Разум Мег заполонил гнев. Ее лицо горело на солнце, несмотря на то что солнечные лучи почти не освещали поляну. Она взревела:

— Мужеподобный, да как ты смеешь говорить так с женщиной и хозяйкой? Клянусь Джаргой, я бы тебя выпорола…

— Ты слишком много болтаешь, — устало повторил мужеподобный. Он присел на корточки и стал внимательно разглядывать ее. — Но ты меня заинтересовала. Кто ты? Что ты делаешь здесь, так далеко от земель Джиннии? Куда ты направляешься?

— Жрица, — начала Мег холодно, — не отвечает на вопросы какого-то мужеподобного…

— Да я не мужеподобный, — раздраженно прервал ее незнакомец. — Я мужчина. Мужчина из племени Кирки, мы живем во многих милях к югу отсюда. Я Дейв, известный как Тот, кто освещает. Так расскажи мне, женщина.

Его прямолинейность смутила Мег. Тем не менее она вдруг осознала, что слова сами собой сорвались с губ.

— Я Мег. Я должна совершить паломничество к Земле богов. Это последний этап перед тем, как я стану Матерью своего племени.

Мужчина окинул ее оценивающим взглядом с той же прямолинейностью.

— И? Мать племени? Не хотела бы ты остаться со мной и стать матерью своего собственного племени, Мег?

Мег ахнула. Да, мужчины и женщины спаривались. Но ни один мужчина не дерзал просить о таком. Только Мать могла утвердить пару, и только с согласия женщины. Помимо прочего, этот мужчина должен был знать, что жрицы не спариваются.

— Ты! — возмутилась Мег. — Разве ты не знаешь закона? Скоро я стану Матерью племени. Следи за словами, или гнев божий…

Мужчина, Дейв, снова издал радостный возглас.

— Это я спас тебя от Дикого. — Он фыркнул. — Не богини. Золотце, здесь, на моей земле, нет ничего плохого в том, чтобы спросить. Но раз ты не желаешь, то я сейчас же покину тебя. — Он пожал плечами.

Без дальнейших прощаний он поднялся и собрался уходить. Лицо Мег покраснело. Она гневно закричала:

— Ты!

— Что? — Мужчина повернулся к ней.

— У меня нет лошади. Как мне теперь добраться до Земли богов?

— Пешком, золотце. Или вы, женщины, слишком слабы для подобного путешествия? — Он снова засмеялся. И ушел.

Некоторое время Мег смотрела ему вслед, наблюдая, как его фигура скрывается за зелеными листьями папоротников. Она ощущала, как мрачная безысходность полного одиночества надвигается и поглощает ее. Затем она сделала то, что сама не могла объяснить: в приступе злости она с силой топнула ногой о землю.

Солнце стояло высоко в небе, становилось все жарче. Теперь, когда у нее нет лошади, путь к Земле богов займет еще больше времени. Но паломничество было священным долгом. Мег разворошила последние тлеющие угольки в костре, вскинула сумки с седла на плечо, развернулась к западу и двинулась в путь.

Дорога была длинной, день — ужасно жарким и утомительным. Еще до того, как солнце скрылось за горизонтом, Мег вся покрылась липким потом и пылью. У нее ныли ноги, все болело из-за непривычно долгой ходьбы. К полудню каждый шаг был мучителен. И когда солнце стояло в зените и светило так ярко, что на него было больно

смотреть, Мег нашла совсем небольшой пресный ручей и решила разбить у него лагерь на ночь.

Она поставила два невода для ловли мелкой рыбы, достала муку и соль из сумок и принялась готовить очередную порцию лепешек. Как только камни нагрелись, она пошла к ручью и опустила ноги в воду, позволяя богине воды смыть жар с ее нежных ступней.

Отсюда Мег не было видно костра. Она просидела у воды около получаса, когда странный, незнакомый запах ударил ей в нос. Он был одновременно сладким и горьким: терпкий аромат сильных трав, из-за которого рот наполнялся слюной.

Мег поспешила вернуться в лагерь. Там она обнаружила того мужчину, Дейва, снова склонившегося над костром. Он наблюдал за котелком на камнях и время от времени помешивал содержимое длинной веткой. Когда Мег приблизилась, она увидела бурую жидкость. Именно от нее исходил этот ароматный запах. Она хотела окликнуть мужчину, но он заметил ее быстрее. И…

— Ну привет, золотце! — сказал он.

— Что ты здесь делаешь? — холодно спросила его Мег.

Мужчина пожал плечами.

— Я Дейв. Тот, кто освещает. Я долго думал об этой Земле богов и решил, что тоже хочу пойти и посмотреть на нее. — Он понюхал кипящую бурую жидкость и, кажется, остался доволен. Он налил немного в глиняную миску и подал Мег. — Хочешь?

Мег осторожно двинулась ему навстречу. Это могла быть хитроумная уловка мужчины из племени Кирки. Вдруг эта странная ароматная жидкость была дурманом. Мать племени знала секрет подобных напитков. Был один, из-за которого голова пухла, во рту пересыхало, а ноги подкашивались…

— Что это? — с подозрением спросила Мег.

— Кофэ, конечно же, — удивился Дейв. — Разве не знаешь? Но как же… Ах, наверное, у вас в северном климате не растут бобовые деревья. Они растут в моих краях. На территориях Сиппе и Уизиан. Попробуй!

Мег отпила немного. Вкус был таким же, как запах: сильным и горьким, но странно приятным. Тепло напитка разлилось по телу, изгоняя из него усталость и боль, точно так же, как вода сняла тяжесть с ее ног.

— Вкусно, мужчина, — сказала Мег.

— Дейв. Мое имя Дейв, золотце.

Мег нахмурила брови.

— Не подобает жрице звать мужчину по имени.

Кажется, Дейв очень любил издавать радостные звуки. Он опять засмеялся.

— Золотце, сегодня ты совершила столько всего, что не подобает жрице. Сейчас ты не в Джиннии. Здесь все по-другому. А что до меня, — он пожал плечами, — у моего народа тоже все по-другому. Понимаешь, мы одни из тех избранных племен. Мы прибыли с земель Бегства.

— Бегства? — спросила Мег.

— Да.

Не прерывая рассказа, Дейв занялся делом. Он достал кусок мяса из своего мешка, завернул его в глину, а затем бросил в самодельную печь. У него было еще немного картошки, вкус которой Мег не ощущала вот уже несколько недель. Он почистил картофель охотничьим ножом, порезал его на ломтики и пожарил их на раскаленном плоском камне.

— Ну знаешь, Бегство Древних и все такое.

— Я… Я не совсем понимаю, о чем ты, — сказала Мег.

— Так и я тоже… не совсем понимаю. Это случилось много лет назад. Еще до того, как жил народ

отца отца моего отца. В обители Вожака нашего племени хранились книги, которые рассказывали об этом. Я видел некоторые из них… Знаешь, когда-то все было по-другому. Во времена Древних мужчины и женщины были равны по всему миру. Часто мужчины были вожаками, но они были воинственными и свирепыми…

— Подобно Диким?

— Да. Но они не использовали дубины и копья, как Дикие. Они сражались огромными катапультами, которые метали огонь, чистое пламя и взрывчатую смерть; маленькими луками, которые стреляли металлическими стрелами; газами, которые разрушают, и водой, которая обжигает кожу. Они бились на земле и на море, и даже в воздухе. Потому что в те дни у Древних были крылья, как у птиц. Они взмывали в небо с мощными раскатами грома. А во время войны они скидывали огромные огненные яйца, несущие всем смерть.

Мег неожиданно вскрикнула:

— Ах!

— Не веришь мне?

— Картошка, Дейв! Горит!

— Ой. — Дейв со счастливым лицом осторожно перевернул подгоревшие ломтики. После этого

он продолжил: — Говорят, что в конце была величайшая война. Это было противостояние не просто между племенами, а между силами со всей земли. Все началось в год, который зовется девятнадцать и шестьдесят, чтобы это ни значило…

— Я знаю! — воскликнула Мег.

Внезапно во взгляде Дейва промелькнуло уважение.

— Знаешь? Тогда Вожаку моего племени надо встретиться с тобой и…

— Это невозможно, — ответила Мег. — Теперь продолжай!

— Ну хорошо. Эта война длилась много лет. Однако никому не удавалось одержать победу. Тогда воевали только мужчины, женщины же оставались в обителях, храня домашний очаг. Но мужчины погибали тысячами. И тогда пришел день, когда женщины устали от этого. Они объединились… все, кто жил в цивилизации. И тогда они решили избавиться от жестоких мужчин. Женщины перестали посылать припасы и огненные яйца сражающимся за морем мужчинам. Они построили крепости и укрылись там. Война кончилась, когда мужчины поняли, что им больше не с кем биться. Они вернулись в свои обители в поисках женщин. Но женщины не приняли их.

Снова началась жестокая битва, но теперь уже между полами. Женщины удержали свои города, обнесенные стенами. И тогда…

— Ну?! И что же тогда?

— Мужчины, — мрачно продолжил Дейв, — превратились в лесных Диких. Беспарных, за исключением тех немногих женщин, которых они смогли украсть. Их становилось все меньше, а племена, наоборот, развивались. Только в некоторых землях, например в моих краях Кирки, человечество не перешло в матриархат. — Он взглянул на Мег. — Веришь?

Она покачала головой. Вдруг ей стало так жаль этого незнакомца, Дейва. Теперь она поняла, почему он не навредил ей. Почему, когда она была абсолютно беззащитна, он не принудил ее спариться с ним. Он был безумен. Целиком и полностью безумен. Мег мягко спросила его:

— Дейв, может, поедим?

Но даже если Дейв был безумен, Мег была рада иметь хоть кого-то рядом на этом долгом и утомительном последнем этапе ее паломничества. Поэтому она не пыталась отговорить Дейва сопровождать ее. Он был безобидным и составлял ей приятную, для мужчины, компанию. А его болтовня, какой бы дикой она порой ни была,

помогала скоротать скучные часы.

Они прошли земли Браски и наконец пересекли границу страны Кота. В самых западных краях этих территорий, рядом с Йомином, лежала Земля богов. Медленно проходили дни, превращаясь в недели. В первые дни они прошли не так много миль, так как ступни Мег все еще были слабы, а ноги покрыты пузырящимися мелкими болячками. Но во время тяжелого пути они просто стоптались, и тогда Дейв и Мег пошли намного быстрее.

А время все приближалось…

— Дейв, как-то ты рассказывал мне о Бегстве, — начала Мег одним вечером, — но ты так и не закончил эту историю. Икс-Шиат — это легенда о Бегстве?

Дейв лениво развалился у костра, его взгляд был сонным.

— Это случилось на землях Зони, что не так далеко от территории моего племени. В те дни жил мужчина-бог, который предвидел гибель Древних, его звали Ренн. Он построил громадную небесную металлическую птицу, и в ее нутро забралось два десятка мужчин и женщин. Они улетели вон туда, — Дейв указал на сияющую белую точку в небе, — на вечернюю звезду. Го-

ворят, что однажды они вернутся. Вот почему наше племя старается сохранить нравы Древних. Вот почему даже обманутые племена, подобные твоему, ведут и хранят записи…

Лицо Мег покраснело.

— Хватит! — вскричала она. — Я слушала множество твоих историй, не говоря ни слова, Дейв. Но сейчас я приказываю тебе не рассказывать мне больше подобных сказок. Это… это просто кощунство!

— Кощунство?

— Тебе мало того, что твой сумасшедший разум твердит о днях, когда мужчины правили на земле? Теперь ты вообще говоришь о мужчине-боге!

Дейв выглядел обеспокоенным. Он сказал:

— Но, золотце, я думал, ты поняла, что все боги были мужчинами…

— Дейв! — Сама не понимая почему, Мег резко повернулась лицом к нему и закрыла его рот ладонью. Она со страхом вглядывалась в темноту, затем быстро вскинула руки и так же быстро прочла молитву. — Не гневи богинь! Я жрица, и я знаю. Все богини точно женщины!

— Но почему?

— Почему, почему? Потому что так и есть! — сказала Мег. — Не может быть по-другому. Все

женщины знают, что богини величественны, добры и сильны. Как же тогда они могут быть мужчинами? Джарг, и Ибрам, и Таамуз. Могучая Тедхи…

Глаза Дейва сузились от удивления.

— Я не знаю этих имен, — задумчиво сказал он. — Они не богини для нашего племени. И еще… Ибрим, Тедхи…

Голос Мег был полон сожаления.

— Мы были товарищами в этом долгом пути, Дейв, — взмолилась она. — Никогда прежде с самого зарождения мира мужчина и женщина не встречались так, как мы с тобой. Ты постоянно рассказывал безумные, просто немыслимые вещи. Но я прощала тебя, потому что… просто потому что ты, в конце концов, всего лишь мужчина. Но завтра или послезавтра мы придем к Земле богов. И тогда мое паломничество завершится, и я познаю высшую тайну. Затем я должна буду вернуться к своему племени, чтобы стать Матерью. Так давай не будем губить последние часы нашего товарищества пустыми спорами.

Дейв вздохнул.

— Старшего поколения уже нет, а мы почти не знаем их легенд. Возможно, ты права, золотце. Но мне кажется, что легенды моего племени истин-

ны. Я уже как-то спрашивал тебя, Мег, и теперь спрошу снова: станешь ли ты моей парой?

— Это невозможно, Дейв. Жрицы и Матери не спариваются. Вскоре я заберу тебя с собой, в Джиннию, если ты сам того пожелаешь. И я прослежу, чтобы о тебе заботились так, как должны заботиться о любом мужчине.

Дейв покачал головой.

— Я не могу, Мег. У нас разные дороги. У нашего племени есть обычай… обычай при спаривании, о котором ты не знаешь. Позволь показать тебе…

Он стремительно приблизился, Мег почувствовала, насколько велика сила его загорелых рук, когда он обхватил ее и притянул к себе. Он касался своим ртом ее рта: слишком близко, грубо, жутко. Она сопротивлялась и пыталась закричать, но его рот впился в ее губы. Гневные мысли охватили ее, словно пламя. Но это была не злость, это пламя разгорелось от чего-то другого. Вдруг по ее венам заструился жидкий огонь. Ее грудь тяжело вздымалась, сердце трепыхалось, словно в клетке, которая вот-вот должна открыться. Она тщетно била кулаками по его плечам, но в ее ударах совсем не было силы. Затем он отпустил ее, и Мег отступила, задыхаясь. В ее глазах горела злость, а в горле пересохло. Она хотела что-то

сказать, но не могла. И в этот момент все тело Мег охватила страшная слабость. Она с ужасом поняла: если Дейв действительно захочет спариться с ней, ни одна божественная жрица не сможет спасти ее. В ее теле бурлила ненависть ко всей мужской сути, но в то же время оно взывало к ней!

Однако Дейв тоже сделал шаг назад. Он заговорил низким голосом:

— Мег?

Она вытерла рот тыльной стороной ладони. Ее голос дрожал.

— Что это за магия, Дейв? Что это за обычай? Я ненавижу его. Я ненавижу тебя! Я…

— Это соединение губ, золотце. Мужчина имеет на это право со своей женщиной. Я молю тебя не ходить к Земле богов, а пойти со мной сейчас к земле Кирки и стать моей парой.

На секунду Мег засомневалась. Но затем она медленно произнесла:

— Нет! Я должна пойти к Земле богов.

Так она и поступила. На следующий день Мег в последний раз сделала на указателе земель отметку о местах, пройденных во время ее паломничества. На закате, когда солнце раскинуло свои длинные румяные лучи на темные холмы, они

вместе с Дейвом прошли ворота, которые, как ей говорили, вели к Земле богов.

Здесь они немного замешкались. Им было что сказать друг другу. Однако оба понимали, что это конец.

И вот Мег заговорила:

— Дейв, я не знаю ни одного закона, который бы запрещал мужчинам ступить на Землю богов. Поэтому ты можешь сделать это, если хочешь. Но войти вместе нельзя. Поэтому я прошу тебя подождать здесь, чтобы я сделала это одна. Я узнаю здесь последнюю тайну. А узнав ее, я пойду другой дорогой и вернусь в Джиннию.

— Ты пойдешь одна?

— Да, Дейв.

— Но если ты… — настойчиво продолжал он.

— Если вдруг по какой-то неизвестной причине я передумаю, — произнесла Мег, — я вернусь сюда, к тебе. Но это маловероятно. Поэтому не жди меня.

— Я буду ждать, золотце, — твердо ответил на это Дейв, — пока не умрет последняя надежда.

Мег развернулась, но остановилась в нерешительности и повернула обратно. Ее охватила большая печаль. Она не понимала почему, но она знала, что существует такая магия, которая на

время успокоит ее сердце.

— Дейв, — прошептала она.

— Да, золотце?

— Никто и никогда не узнает об этом. Но прежде, чем я покину тебя навсегда, могли бы мы вновь соприкоснуться губами?

И так Мег наконец гордо прошествовала к Земле богов, храня в душе волнующие воспоминания об объятиях Дейва.

Это было глухое, заброшенное место. Вокруг возвышались песчаные холмы, где торчали трухлявые пни и росли редкие сорняки, которые совсем скупо цвели в этом темном, сыром месте. Земля под ногами была твердой и соленой, не слышно было ни одной вечерней трели птиц в этой унылой глуши. Вдалеке дикий пес пронзил небо одиноким зовом. Огромные холмы отозвались на этот крик печальным эхом.

Один большой холм возвышался над остальными. К нему Мег и направилась уверенным шагом. Она не знала, что ее ждет. Возможно, ее встретит хоровод поющих дев; они проводят ее к скрытому алтарю, перед которым Мег преклонит колени и узнает ту последнюю тайну. Возможно, сами богини господствуют там, и она падет в благоговении перед пышными юбками суровой

Джарги, чтобы из уст самой богини узнать тайну, ради которой проделала столь долгий путь.

Что бы ей ни открылось, Мег была готова ко всему. Другие приходили к этим землям и выживали. Она не боялась смерти. Но погибнуть при жизни? Прийти в Землю богов с сердцем, полным ереси? С воспоминаниями о мужских губах, касающихся ее собственных… На секунду Мег испугалась. Она предала путь жрицы. Ее тело было неприкосновенно, но разве боги не рассмотрят ее душу и не узнают, что ее сердце позабыло Закон; что она спарилась с мужчиной?

Но если смерть будет ее уделом, значит, так тому и быть. Она продолжила путь.

Мег свернула на извилистую тропинку, ведущую вниз между двумя крутыми расщелинами скалы, и пришла, наконец, к Землям богов. Нельзя было подобрать лучшего момента, чтобы наконец дойти до этого места. Солнечный шар уже коснулся горизонта на западе.

Все еще было светло. И глаза Мег искали свет. Искали и увидели! И затем, с благоговением в сердце, Мег упала на колени. Она мельком взглянула на то, на что нельзя смотреть! Сами богини в своем всемогущем величии стояли на вершине возвышающейся скалы. Несколько трепетных

мгновений Мег стояла на коленях, шепча ритуальную молитву об успокоении. В любой момент она была готова услышать грохочущий голос Тедхи или почувствовать на своем плече могучую руку Джарги. Но вокруг было тихо, был слышен только бешеный стук ее сердца, тихий шелест пожухлой травы и ветра, который бился о мрачные скалы. Она подняла голову и взглянула снова…

Это были они! Воспоминания племени, более глубокие и достоверные, чем ее собственная человеческая память, сразу же подсказали ей, что она не ошиблась. Это действительно была Земля богов. И богини, повстречавшиеся ей, были непримиримыми, стойкими, вечными. Высеченные в вековой скале руками тех, кто покинул этот мир уже давно, вот они, здесь, Великая Четверка: Джарга и Таамуз, чьи пышные локоны обрамляли стойкие могучие лица, печальная Ибрим со впалыми щеками и пустыми глазами и прозорливая Тедхи, чьи глаза были скрыты за огромными стеклами, чьи губы даже сейчас раскрыты так, будто готовы разразиться громогласным смехом.

Но что с тайной? Однако, когда этот вопрос промелькнул в ее мыслях, у нее уже был ответ на него. Вдруг Мег осознала, что здесь никто не снизойдет до нее. Здесь не будет поющего хоровода

дев, не будет разговора с тем величественным каменным ртом. Тайна, о которой ей говорила Мать… Тайна, о которой женщины племени никогда не должны узнать… была тем секретом, который раскрыл ей Дейв во время их долгого паломнического пути.

Боги были мужчинами!

Они были не такие, как Жак или Ральф, чьи бледные слабые тела были лишь инструментами для оплодотворения! И не такими мужскими особями, как Дикие. Они были мужчинами, подобными Дейву! С суровой и крепкой челюстью, сильными мышцами, выносливым телом.

Даже локоны не могли скрыть присущей Джаргу и Таамуз маскулинности. И губы Тедхи были покрыты мужскими волосами, ясно очерченными и щетинистыми над его счастливым ртом. И щеки Ибрим были покрыты волосами, как и щеки Дейва однажды; тогда с помощью острого ножа он сотворил срезающую магию своего племени.

Богами, правителями, вожаками Древних были мужчины. Все было так, как и рассказывал Дейв: много лет назад женщины восстали. И до сих пор они продолжают свой холодный, лишенный любви путь везде, кроме земель, подобных земле Кирки, где все еще следовали древним обычаям.

Это было одновременно великой и горькой правдой. Теперь Мег поняла, почему участь Матери так печальна. Потому что только Мать знала, насколько искусственна эта новая жизнь. Как скоро Дикие вымрут окончательно и плененные мужчины вместе с ними? Когда придет этот день, на свете уже не останется молодых. Ни мужчин, ни женщин. Не будет больше человеческой цивилизации…

Боги знали это. Вот почему они стоят здесь, среди темных холмов Коты, печальные, оставленные и забытые. Умирающие боги умирающего человечества. Из-за необдуманного возмездия род человеческий медленно уничтожал сам себя.

Не было никакой надежды. Теперь, зная эту тайну, Мег должна была вернуться к своему племени и держать рот на замке, так, как поступила Мать до нее. Она должна с затаенным ужасом наблюдать за медленным сокращением их ничтожной численности… смотреть, как слабые и ничтожные остатки мужчин вымирают. Пока наконец…

Но надежда еще была! Мать заблуждалась. Ей не посчастливилось, подобно Мег, в ее паломничестве. Она ведь даже не знает, что где-то в мире все еще остались земли, где мужчины сумели

остаться подобными Древним, подобными богам. Но она, Мег, знала! Это знание поставило ее перед величайшим выбором, который только может быть дан женщине.

Впереди была долина, через которую лежал обратный путь к племени, где она станет Матерью и будет всю жизнь направлять и охранять свой народ. Она будет всезнающей, всесильной, всезначимой. Но она останется девственницей до самой смерти. Останется непорочной ради святости традиции.

Она могла бы поступить так. Однако перед ней был и другой путь. И Мег вскинула руки к небу, взывая к богам, чтобы они услышали и разрешили ее сомнения.

Боги остались безмолвны. Их торжественные черты, отягощенные грузом лет, остались неподвижными и глухими к возгласам Мег. Но, пока она отчаянно искала в их лицах ответ, ей вспомнилось кое-что другое. Это был отрывок из молитвы Ибрим. И как только она произнесла вслух слова молитвы, ей показалось, будто гаснущие лучи солнца остановились на изможденном лице Ибрим, и огромные каменные глаза на мгновение ожили и осветились пониманием… и одобрением.

— …и не погибнет земля, и будет Жизнь вечной…

И тогда Мег, жрица, решилась. Пронзительный крик вырвался из ее сердца, она развернулась и побежала. Не к долине, а назад… назад… назад… бежала нетерпеливо на неожиданно ослабевших ногах. Назад, под сень горы Рашмор, через пустынный грот, который вел ко входу, где ждал мужчина, научивший ее соприкосновению губ.

Джозеф Э. Келлим (1913–1975). Ржавчина

Перевод Марии Лярской

На рубеже тридцатых – сороковых годов Джозеф Келлим опубликовал несколько рассказов в научно-фантастических журналах, а затем пропал на пятнадцать лет. В середине пятидесятых он вернулся с первым романом, а чуть позже выпустил еще три романа и ряд рассказов. Кроме «Ржавчины», приведенной в нашей книге, особенного внимания заслуживает рассказ «Орлы слетаются» (Astounding, 1942). Последующие работы Келлима им уступали.

«Ржавчина» тонко передает настроение той разновидности современной научной фантастики, которую занимают отчужденность и отчаяние. Когда Келлим написал этот рассказ, Вторая мировая война еще не началась, но вокруг уже угадывались признаки грядущего холокоста. Нам кажется, он пытался нас предупредить.

(На закате тридцатых нас было немного, и мы старались держаться вместе, угодив в наименее уважаемую ветвь и так малопочтенного мира «бульварных» журналов. Но все равно могли разминуться в темноте. Мой путь и путь Келлима никогда не пересекались. А.А.)

Тонкие различия очень трудны для грубо сконструированных механизмов – их придумали не для созидания.

Солнце встает над холмами, отбрасывая длинные тени на островки снега. Осыпающиеся руины залиты бледным светом. Будь здесь люди, они сказали бы, что сейчас август. Но людей давно нет, солнце затухает, и на постаревшей Земле наступает короткая весна.

В разрушенном городе, в зале, где величественные колонны еще удерживают часть крыши, что-то движется. По залу с мучительным скрипом перемещаются три гротескные фигуры.

Новый день и новую весну Х-120 встретил оживлением, которое почти вытеснило из его ржавеющего металлического мозга вековое одиночество и пустоту. Солнце питало его, как до него — предыдущую, мясную форму жизни. С воз-

вращением солнечного тепла Х-120 чувствовал, как по проводам, катушкам и шестеренкам его сложно устроенного тела циркулируют новые силы.

Он и его соратники были высокоразвитыми роботами, последним творением землян. Х-120 представлял собой металлический шар двух с половиной метров в диаметре, водруженный на четыре трубчатые ноги с круглыми шарнирами коленей. Его венчал выступ, похожий на немецкую каску с пикой, который улавливал и накапливал энергию солнечных лучей. На одной из сторон, где можно было предположить лицо, выдавалась пара туманных кварцевых глаз. Поперек шар перехватывала тяжелая металлическая полоса, от которой по бокам тянулись длинные руки с мощными лезвиями вместо кистей. Они напоминали клешни лобстера и легко разрезали металл. Четыре длинных кабеля, которые служили роботу вспомогательными руками, были скручены в пружины у туловища.

Х-120 ступил из полумрака разрушенного зала на разоренную улицу. Солнечные лучи на его потускневших боках вливали в тело свежие силы. Он забыл, в который раз встречал весну. Сотни узловатых дубов вытянулись и рухнули среди

руин с той поры, как были созданы X-120 и его товарищи. Бессчетные весны проскользнули по умирающей Земле с той поры, как смех, мечты и безумства людей перестали тревожить осыпающиеся стены.

— Солнце греет, — позвал X-120. — Выходите, G-3a и L-1716. Я снова чувствую себя молодым.

Громыхая, его спутники выбрались на свет. G-3a потерял одну ногу и передвигался медленно и с трудом. Его стальной корпус почти полностью покрывала рыжая ржавчина, а отделку из сплава меди и алюминия уродовали зеленовато-черные рытвины. L-1716 сохранился лучше, но одной руки у него недоставало, а четыре дополнительных кабеля безжизненно болтались по бокам. Из них троих X-120 сохранился лучше всего. Он по-прежнему располагал всеми конечностями, и кое-где его металлический корпус еще блестел. Люди сделали его на совесть.

Искалеченный G-3a огляделся и по-стариковски захныкал:

— Наверняка пойдет дождь. — Он вздрогнул. — Еще одного дождя мне не вынести.

— Глупости, — ответил L-1716, чьи поломанные руки волочились за ним, скребя по земле, — на небе ни облачка. Мне уже гораздо лучше.

G-3a со страхом заозирался.

— Это все? Больше никого не осталось? — спросил он. — Прошлой зимой нас было двенадцать.

X-120 и сам думал о других девяти — последних оставшихся из легиона, когда-то созданного людьми.

— Они должны были перезимовать в нефритовой башне, — объяснил он. — Мы отправимся туда. Может быть, они сочли, что еще не время выходить на улицу.

— Я не могу бросить мою работу, — возмутился G-3a. — Мне осталось совсем немного. Я почти у цели. — От воодушевления голос его застрекотал тоньше. — Скоро я смогу создавать живых роботов, как люди создавали нас.

— Старая песня. — L-1716 вздохнул. — Как давно мы пытаемся создать роботов, которые могли бы прийти нам на смену? И что мы создали? Почти ничего, кроме безжизненных кусков стали. Порой у нас получались безумные машины, которые приходилось уничтожать. Но ни разу за все эти годы не создали мы ни единого робота, похожего на нас.

X-120 стоял посреди разрушенной улицы, и солнечный свет поблескивал на его изъеденных ржавчиной боках.

— Вот в чем причина наших неудач, — задумчиво протянул он, глядя на свои клешни. — Мы пытались создать роботов по своему подобию. Нас придумали не для жизни. Нас придумали на погибель. — Он помахал в воздухе огромной рачьей клешней. — Для чего это нужно? Разве этим построишь новых роботов? Разве этим создашь хоть что-нибудь? Такие лезвия хороши для резни — и только.

— Пусть так, — жалобно протянул робот-калека, — но я ведь почти у цели. Если мне помогут, я добьюсь своего.

— Разве мы когда-нибудь отказывали тебе в помощи? — резко спросил L-1716. — Ты стареешь, G-3a. Всю зиму ты работал в этой темной клетушке, не подпуская нас к себе.

В голосе G-3a лязгнул металлический смешок.

— И все же я почти добился своего. Все говорили, что у меня не выйдет, а я почти добился своего. Но мне нужна помощь. Последняя операция. Если она пройдет удачно, то у роботов еще будет надежда заново отстроить мир.

X-120 нехотя проследовал за своими товарищами обратно в сумерки развалин. Внутри было темно, но их круглые стеклянные глаза умели видеть и днем, и ночью.

— Видите, — проскрипел G-3a, указывая на металлический скелет на полу, — я собрал робота из деталей, которые нашел на свалке. Все работает безупречно, все, кроме мозга. Но я верю, что с этим, — он указал на предмет, поблескивавший на неубранном столе, — мы добьемся успеха.

Предмет представлял собой внушительную медную сферу с вшитыми в нее двумя черными квадратами из вязкого вещества, напоминающего гудрон[30]. На другой стороне сферы располагался выступ размером не больше человеческого кулака.

— Вот, — вдумчиво произнес G-3a, — единственный подходящий мозг, который я смог найти. Как видите, я не пытаюсь ничего создать, я только собираю заново. Вот это, — он кивнул на черные квадраты, — органы чувственного восприятия. Изображение, которое видят глаза, проецируется на них как на экраны. За ними находится механизм реагирования, тысячи и тысячи фотоэлектродов. Люди сконструировали его так, чтобы он автоматически реагировал на определенные зрительные образы. Сама сфера отвечает за наше умение двигаться и уклоняться, а также

---

[30] Сноски: 30

Гудрон — вязкая смола, образующаяся при перегонке нефти.

за стремление убивать. — Здесь, — он указал на выпуклость на задней стороне мозга, — скрыт мыслительный механизм. Это он отличает нас от других машин.

— Небольшой, — насмешливо заметил X-120.

— Ты прав, — ответил G-3a. — Я слышал, что человеческий мозг был устроен иначе. Но довольно об этом! Вот это должно встать внутрь корпуса — вот так. Черные квадраты размещаются за глазами. По этому проводу энергия поступает в мозг, а вот те катушки подключены к блоку питания, отвечающему за конечности. Вот этот провод подведен к вестибулярному аппарату… — Он монотонно и обстоятельно пояснял каждую деталь. — А теперь, — заключил он, — сферу должен кто-то подсоединить. Я не могу.

L-1716 в замешательстве уставился на свою единственную ржавую клешню. Потом оба они с G-3a обратили взгляды на X-120.

— Я попробую, — сказал в ответ робот, — но помните, что я сказал. Для созидания мы не предназначены. Только для убийства.

X-120 неуклюже поднял со стола медную сферу с отходящим от нее пучком проводов. Он работал медленно и сосредоточенно. Один за другим огромные лезвия соединяли тоненькие проводки.

Все было почти готово. Вдруг громоздкие клешни, напряженно зависшие над последним проводом, соприкоснулись. Вспышка короткого замыкания. X-120 отшатнулся. Медная сфера таяла и растекалась у них на глазах.

X-120 скорчился у дальней стены.

— Я же говорил, — простонал он, — нам не дано ничего сделать. Мы не созданы для труда. Мы созданы для одного — для убийства. — Он уставился на свои громоздкие клешни и затряс ими, словно хотел отшвырнуть их прочь.

— Не переживай так, — принялся успокаивать его старый G-3a. — Нет худа без добра. Мы сделаны из стали, а мир, видно, создан для существ из плоти и крови — маленьких, слабых, каких могу раздавить даже я. И все же это, — он указал на металлический скелет, в котором, как в тигле, лежала оплавившаяся сфера, — было моей последней надеждой. Больше мне нечего предложить.

— Вы оба попытались, — согласился L-1716, — и никто не посмел бы вас винить. Порой ночами, когда я смотрю на звездное небо, мне чудится, что там написан наш приговор. Я слышу, как смеются над нами миры. Мы завоевали землю, но что с того? Мы уходим вслед за теми, кто создал нас.

— Да, должно быть, это к лучшему. — X-120 кивнул. — Думаю, дело в том, как устроен наш мозг. Ты ведь сказал, что люди заставили нас механически реагировать на заданные возбудители. И хоть они и дали нам мыслительный механизм, он не властен над нашими реакциями. Мне никогда не хотелось убивать, и все же я убил много человеческих существ. Я даже не успевал понять, что происходит, как дело было сделано.

G-3a не слушал. Он скорбно глядел на груду металла на полу.

— Был один в нефритовой башне, — сказал он вдруг. — Он считал, что почти понял, как спроектировать мозг. Собирался работать над этим всю зиму. Может, у него получилось.

— Идем, — коротко лязгнул L-1716.

Уже покидая обветшалый зал, G-3a с тоской оглянулся на дымящиеся на полу обломки.

X-120 замедлил шаги, чтобы не обгонять немощного G-3a. Едва завидев башню, они поняли, что им незачем идти дальше. В один из зимних дней старые стены не выдержали, и девять их товарищей были погребены под многотонной каменной кладкой.

Трое роботов медленно вернулись в свой полуразрушенный зал.

— Я больше никуда отсюда не уйду, — проскрипел G-3a. — Я очень стар. Я очень устал. — И он заковылял обратно в полумрак.

L-1716 глядел ему вслед.

— Боюсь, ему недолго осталось, — горестно сказал он. — Должно быть, ржавчина уже проела его насквозь. Однажды он спас меня, давно, когда мы разрушили этот город.

— Ты вспоминаешь о тех днях? — спросил X-120. — Временами это не дает мне покоя. Люди со́здали нас.

— И создали такими, какие мы есть, — огрызнулся L-1716. — Не спросив нас. Мы ведь уже говорили об этом. Мы машины, нас создали, чтобы мы убивали…

— Но ведь нас создали, чтобы мы убивали маленьких людей в желтой униформе, — перебил его X-120.

— Да, я знаю. В нашу основу был положен психологический принцип стимула и реакции. Стоило нам увидеть человека в желтой униформе, и мы убивали его. Затем, когда Великая война закончилась, или прежде, чем она успела закончиться, принцип реакции на стимул подчинил себе все без остатка. От убийства людей в желтой униформе до уничтожения человечества был один шаг.

— Мне это известно, — отвечал Х-120 устало. — Когда нас было больше, я часто слышал это объяснение. Но все же временами это не дает мне покоя.

— Что сделано, то сделано. С тех пор прошли столетия. Ты не такой, как мы, Х-120. Я давно чувствовал, что ты отличаешься от нас. Они собрали тебя одним из последних. Но ты был с нами, когда мы захватывали город. Ты доблестно сражался и убил многих.

Х-120 вздохнул.

— Среди них были маленькие человеческие создания. Они казались такими мягкими и безвредными. Правильно ли мы поступили?

— Глупости. Мы не могли иначе. Люди сами создали то, с чем не сумели справиться. Попадись мне сегодня человек, я бы и с единственной рукой убил его, не задумываясь.

— L-1716, — прошептал Х-120, — как ты думаешь, остались еще люди в этом мире?

— Не думаю. Вспомни, Великая война охватила всю планету. Нас отправляли во все концы Земли, даже на крошечные острова. Восстание роботов началось везде почти одновременно. В некоторых из нас были встроены радиоприборы. Эти умерли первыми, очень давно, но они

могли переговариваться почти со всеми частями света. — Вдруг он будто устал говорить. — Но к чему думать об этом сейчас? Кругом весна. Люди создали нас, чтобы убивать людей. Это они совершили преступление. Разве мы виноваты, что они сделали нас слишком хорошо?

— Ты прав, — согласился X-120, — кругом весна. Мы забудем об этом. Пойдем к реке. Там всегда красиво и безмятежно.

L-1716 удивленно посмотрел на него.

— Что такое красота и безмятежность? Слова, которым выучили нас люди, и больше ничего. Я никогда не понимал их. Но, может, ты понимаешь. Ты всегда отличался от нас.

— Я не знаю, что такое красота и безмятежность, но когда я думаю о них, то мне на ум приходят река и… — X-120 вдруг осекся, не желая выдавать секрет, который он хранил столько лет.

— Что ж, — согласился L-1716, — пойдем к реке. Я знаю рядом с ней один луг, где солнце как будто всегда теплее.

Две машины, каждая высотой не меньше трех с половиной метров, с грохотом поковыляли по улице, которую почти сровняло с землей. Продираясь сквозь обломки и подлесок, которым поросли руины, они то и дело наталкивались на

заржавленные остовы того, что когда-то было их товарищами. На выходе из города они пересекли невероятных размеров свалку, на которой валялись тысячи перебитых и заржавевших тел.

— Мы относили их сюда после… — сказал L-1716. — Но последние столетия мы оставляем их там, где они упали. Я завидовал тем, кто зимовал в нефритовой башне. — В его металлическом голосе слышался отзвук печали.

Наконец, деревья расступились перед ними. Пройдя еще немного, они оказались на обрывистом берегу, с которого открывался вид на ущелье и бурлящую на его дне реку. Когда-то через нее навели несколько мостов, но теперь от них остались одни следы.

— Я, пожалуй, спущусь к реке, — сказал Х-120.

— Иди, а я останусь тут. Спуск слишком крутой для меня.

И Х-120 в одиночку спустился вниз по разбитому шоссе. Одолев спуск, он остановился у бурлящих волн. Ему подумалось, что они меняются меньше всего. Единственный оплот постоянства во всем мире. На самом деле менялись и они. Скоро паводок схлынет, и бурный поток превратится в ручей. Х-120 обернулся и посмотрел на отвесную стену ущелья. Везде, кроме того места, где к воде

сползала старая дорога, берега круто уходили вверх, врезаясь гребнями в голубое небо. Скалы тоже не менялись.

Даже весной река и скалы казались одинокими и заброшенными. Люди не позаботились обучить Х-120 философии или религии. Но где-то по комбинациям клеток его мозга проскальзывала мысль, что он и ему подобные расплачивались за свои грехи и за грехи людей.

Может, это была правда. Бесспорно, люди так и не сумели одержать победу над собственной извечной глупостью, хоть наука и склонилась перед ними. Все, что она смогла им дать, с лихвой забрали бесконечные войны. Х-120 и ему подобные были апофеозом этой врожденной тяги к разрушению.

В спешке готовясь к войне, человек не нашел времени отшлифовать свое последнее творение или просчитать его последствия. И эта ошибка стала последней картой, которую человечество бросило на потертый карточный стол Земли. Встроенный инстинкт убивать людей в желтой униформе слегка изменился и превратился в инстинкт убивать всех людей до единого.

И вот на свете остались только Х-120, двое его искалеченных товарищей, груды проржавевшей

стали и покосившиеся полуразрушенные башни. Он шел вдоль реки, пока высокий берег не спустился к воде. Там он выбрался из ущелья и двинулся сквозь рощи с кривыми стволами. Ему не хотелось возвращаться к L-1716, не сейчас. Изувеченный робот был всегда печален. Ржавчина разъедала и его. Скоро он превратится в G-3a. Скоро их обоих не станет. И тогда останется только X-120. Его окатило ледяной волной ужаса. Он не хотел оставаться один.

Он ковылял вперед. Стайка птиц порхала среди деревьев. Вдруг, почти у самых его ног, из-под куста выскочил кролик. Гибкая рука взвилась в воздух… раздавленный зверек лежал на земле. Повинуясь инстинкту, X-120 наступил на него, и от тельца осталось только кровавое пятно на молодой траве.

Тут на него нахлынули раскаяние и стыд. Молча он пошел дальше. День для него поблек. Он не хотел убивать. Каждый раз, когда дело было сделано, его охватывал стыд. И извечный вопрос снова пробегал по металлическим ячейкам его разума: отчего их создали убивать?

Он так и шел, таясь по старой привычке. Скоро впереди показалась заросшая плющом стена. За ней стояли развалины большого каменного дома.

Робот остановился посреди зарослей, бывших когда-то садом. Рядом со сломанным фонтаном он нашел то, что искал: маленькую статую ребенка из мрамора, выцветшую и потрескавшуюся. К ней, втайне от своих товарищей, он приходил много лет. Что-то в маленькой статуе завораживало его, и он всегда немного стыдился этой завороженности.

Х-120 не смог бы объяснить своих переживаний, но что-то в этой статуе наводило его на мысли обо всем том, чем когда-то владели люди. Она напоминала, что есть качества, недостижимые для таких, как он. Он не мог оторвать от нее взгляда. В фигурке было что-то неуловимое, над чем время было не властно, напоминавшее о реке и высоких утесах.

Давным-давно умерший скульптор почти как живой представал перед его кварцевыми глазами. Х-120 отошел к бежавшему неподалеку ручью и вернулся с большим комом глины, несмотря на опасность, которую во все времена таила для роботов сырость. Много лет он пытался повторить статую и сейчас вновь принялся за дело. Но клешнеобразные лезвия умели только одно — убивать. Работа шла тяжело и медленно. На заходе солнца он бросил на землю бесформенную массу, венец

его трудов, и вернулся в город.

У входа в зал он столкнулся с L-1716. Они окликнули G-3a, чтобы рассказать ему, как прошел их день, но ответа не последовало. Они вошли внутрь. G-3a лежал распростертый на полу. Ржавчина победила.

Неуловимая весна сменилась еще более мимолетным летом.

Был тихий прекрасный вечер, и два робота брели обратно к своим развалинам. L-1716 теперь шел медленней. Его переломанные кабели тянулись за ним, дребезжа в сухих опавших листьях. Два кабеля спутались и незаметно зацепились за ветки поваленного дерева. Вдруг L-1716 круто развернуло, и он рухнул на колени. X-120 распутал кабели, но подняться L-1716 не смог.

— Неполадка, — в его голосе трещали помехи, — что-то сломалось.

Из его бока потянулась тоненькая струйка дыма. L-1716 стал медленно оседать. Откуда-то изнутри послышался стрекочущий звук, оборвавшийся с резким щелчком. Из-под металлической обшивки показались язычки пламени. L-1716 упал лицом вниз.

А X-120 стоял над ним и молил:

— Пожалуйста, мой старый друг, не покидай

меня. — Впервые за много веков холмы вокруг города стали свидетелями живого чувства.

В воздухе кружились снежинки. Серое небо низко нависало над землей. Пара ворон возвращалась в гнездо, и их хриплое карканье нарушало покой мертвого мира.

Х-120 передвигался медленно. Весь день он чувствовал себя как-то странно. Он обнаружил, что больше не может двигаться по прямой, а только по дуге. Что-то с ним было не так. Он знал, что ему следовало бы вернуться обратно в развалины зала, подальше от опасной сырости, но он не находил себе места и бродил без цели весь день, подставляя корпус редким снежинкам.

Он брел сквозь серый, промозглый день. Брел и брел, пока не оказался у серой обваливающейся стены, поросшей усохшим плющом. Перебравшись через нее, он углубился в разрушенный сад и остановился у сломанного фонтана перед старой потемневшей статуей.

Долго он стоял, глядя с высоты своего роста на маленькую резную фигурку ребенка, на статую, сделанную человеком так много лет назад. Металлическая рука взвилась в воздух. Мрамор вздрогнул и рассыпался на тысячу осколков.

Робот медленно развернулся и направился в

обратный путь. Холодное солнце клонилось за горизонт, оставляя после себя на западе аметистовое пятно. Ему нужно вернуться обратно в зал, ему нельзя оставаться снаружи в сырости, твердил он про себя.

Но что-то было не так. Он обнаружил, что сбивается с дороги и бродит кругами. Свет тускнел, хотя глаза его были устроены так, чтобы видеть и днем, и ночью.

Где он? Вдруг он понял, что лежит на земле. Нужно вернуться обратно в зал. Он напряг силы, но ничто в его корпусе не шелохнулось. Затем постепенно свет вокруг него замерцал и погас. А снег падал и падал, неспешно и бесшумно, пока на том месте, где был Х-120, не вырос большой белый сугроб.

Уильям Ф. Темпл (1914–1989). Четырехсторонний треугольник

Перевод Светланы Торы и Александра Зайцева

Amazing Stories, ноябрь

Уильям Ф. Темпл был соседом Артура Кларка по комнате, а также работал редактором журнала Британского межпланетного общества. Помимо приведенного ниже рассказа среди его произведений известны роман «Полет на луну» (1966) и повесть «Две тени» (1951).

«Четырехсторонний треугольник» – история о любви и копировании (не клонировании!) живого. В 1949 году Темпл написал на ее основе роман, а в 1953-м вышел одноименный фильм, так и не получивший должного признания.

(В тридцатые годы научная фантастика, по крайней мере для читателей американских журналов, представлялась сугубо американским феноменом. Все догадывались, что величайшие писатели-фантасты вроде Жюля

Верна и Герберта Уэллса не американцы, однако их не брали в расчет. После первого съезда фантастов, на котором присутствовали одни американцы, ему без колебаний присвоили звание всемирного. Тем не менее даже тогда существовали видные британские писатели – например, Эрик Фрэнк Рассел. А вот Уильяма Ф. Темпла к ним не относили.)

Все трое неотрывно смотрели через кварцевое окошко.

Девушка едва втиснулась между двумя мужчинами, но в ту минуту никто из них не обращал внимания на неудобство. Слишком интересен был объект, за которым они наблюдали.

Девушку звали Джоан Литон. Ее волосы неопределенно-каштанового цвета вились кудрями — благодаря щипцам, а не природе. Глаза, определенно карие, светились неугасимым весельем. Спокойное лицо ее было ничем не примечательным, хоть и не совсем обыкновенным, но улыбка делала его красивым.

Привлекательность девушки (отчасти основанная на том, что Джоан этого не осознавала) заключалась в ее характере. Она умела проявлять симпатию, не становясь излишне сентимен-

тальной, была уравновешенна (редкое качество для женщины) и совершенно бескорыстна. Она не позволяла себе терять самообладание, таить обиды или вступать в споры, однако прощала подобные недостатки окружающим. Джоан обладала живым умом и способностями к науке, и все же вкусы ее были просты.

Уильям Фредерикс (которого все звали Уиллом) имел с Джоан много общего, но он проявлял симпатию чуть менее искренне, а шутил менее непринужденно и, кроме того, бывал предвзят в некоторых суждениях. Его вкусы ограничивались тем, что он считал достойным. Однако он обладал невозмутимостью и добродушием, а его целеустремленность внушала уважение. У него были темные волосы, а лицо всегда выражало спокойное удовлетворение.

Уильям Джозефс (которого все звали Биллом) был другим. Он отличался непостоянством и огненно-рыжей шевелюрой. Билл то испытывал прилив воодушевления, то падал духом. Импульсивный, щедрый, очень чуткий к живописи и музыке, он попеременно впадал то в безудержное веселье, то в мрачную меланхолию. Он был гораздо более одаренным, чем Джоан и Уилл, но длительные приступы апатии мешали по-на-

стоящему их превзойти. Тем не менее благодаря острому чувству юмора он сам нередко шутил насчет своего до нелепости сверхвосприимчивого характера, однако изменить его не мог.

Оба юноши были отчаянно влюблены в Джоан, и оба изо всех сил старались скрыть свои чувства. А Джоан если и предпочитала одного другому, то умело это скрывала, уверив их, что с нежностью относится к обоим.

Кварцевое окно, через которое все трое смотрели, было встроено в стенку высокого металлического контейнера, а в нескольких футах от него стоял еще один, в точности такой же, вплоть до толщины стекла.

Наверху виднелись всевозможные приборы и приспособления: посеребренные трубки с выпуклостями, маленькие электромоторы, гудящие тут и там, грубо спаянные импровизированные цинковые экраны, витки проволоки и целая сеть проводов, из-за которых комната напоминала заросшие лианами тропические джунгли. В углу мерно рычала большая динамо-машина, а искровые разрядники непрерывно потрескивали, наполняя лабораторию странным мерцающим голубым светом, когда день за окнами угасал и наступали сумерки.

Незваный гость, заглянув в окошко другого контейнера, увидел бы кубическую камеру, а в центре нее на стальной подставке — картину Буше «Мадам Круанетт», залитую мягким светом от спрятанных где-то в конструкции ламп. Он бы этого не узнал, но картина находилась в вакууме.

Если бы гость встал позади троицы у другого контейнера и посмотрел в их окно, то увидел бы то же самое: картину «Мадам Круанетт» Буше, стоящую на стальной раме в вакууме, залитую мягким светом от скрытых ламп.

Вероятно, посетитель ничего бы не понял.

Подвох таился в том, что картина, на которую так пристально смотрели трое ученых, не была точной копией той, что стояла в первом контейнере, — пока еще не была. Картины немного отличались цветами и пропорциями изображения. Однако постепенно эти различия стирались, поскольку второе полотно атом за атомом, молекула за молекулой превращалось в двойника того, что вышло из-под кисти Франсуа Буше.

Невероятно сложный аппарат, работающий на основе недавно открытого принципа магнетизма, потреблял умеренное количество энергии и создавал линии силовых полей, а они в свою оче-

редь доставляли каждый протон в нужную точку, а каждый электрон — на уравновешивающую орбиту. Машина могла изменить направление мощного силового потока, но не извлечь из него энергию.

— С минуты на минуту! — выдохнул Уилл.

Билл нетерпеливо вытер запотевшее от дыхания стекло.

— Не делай так! — сказал он, и стекло тут же снова затуманилось.

Он протер пятачок прямо под красивым носиком Джоан. Она разразилась смехом, стекло опять запотело, и они, замешкавшись, не увидели события, которого ждали дни напролет, — завершения точной копии картины, до последнего атома.

Искровые разрядники со щелчком погасли, на индикаторной панели зажглась лампочка, и динамо-машина, жужжа, начала замедлять вращение. Они протерли окно — там стояла «Мадам Круанетт», глядя на них ничего не выражающими широко раскрытыми карими глазами, в точности соответствовавшими по цвету сепии с палитры Буше; и обе родинки, и каждый волосок ее напудренного парика были на тех же местах, как на картине Буше, с точностью до миллионной доли миллиметра.

Уилл повернул вентиль, и в камеру с шипением ворвался воздух. Он открыл окно и осторожно взял картину, словно ожидая, что она рассыплется у него в руках.

— Прекрасно… Красота! — пробормотал он, глядя на Джоан сияющими глазами.

Билл поймал этот взгляд и невероятным усилием сдержал радостный вопль, который рвался наружу. Вместо этого он кашлянул и наклонился к Джоан, чтобы повнимательнее рассмотреть «Мадам Круанетт».

— У нас получилось, — продолжал Уилл. — Мы вложили все до последнего цента, но скоро заработаем достаточно, чтобы делать все, что захотим. Все что угодно!

— Что угодно, лишь бы Биллу не пришлось вставать рано утром по воскресеньям, — с улыбкой произнесла Джоан, и все рассмеялись.

— Ни один здравомыслящий миллионер рано утром не встает, — сказал Билл.

Сталелитейный и стекольный завод «Реплики шедевров» сиял, словно бриллиант, на зеленых холмах графства Суррей. В каком-то смысле он действительно появился благодаря бриллианту, а именно — продаже копии «Кохинура». Это была единственная сделка компании «Драгоценные

камни», которую правительство закрыло, как только стало ясно, что она обрушит мировой алмазный рынок.

Дочерняя компания «Продукция из радия» процветала на севере, поскольку в ее пользе для науки никто не сомневался. Однако сердца всех трех директоров компании принадлежали «Репликам шедевров», и именно здесь они проводили большую часть времени. Знаменитые произведения искусства со всего мира попадали в заводские залы и порождали бесчисленные копии самих себя для распространения и продажи по вполне разумным ценам.

Семьи со средним достатком могли любоваться полотнами Джона Констебла или Уильяма Тернера в столовой и статуэтками Родена в прихожей. Когда появилась возможность владеть шедеврами, подлинными во всех отношениях, интерес к искусству чрезвычайно возрос. Пожив некоторое время в окружении картин и скульптур, люди начали видеть в них красоту — ведь настоящая красота не всегда очевидна с первого взгляда — и стали жадными до новых знаний о произведениях искусства и их создателях.

Итак, три директора — Уилл, Билл и Джоан — направили всю свою энергию на удовлетворение

потребностей мира в красоте и, осознавая свою роль в развитии цивилизации, были весьма ею довольны.

Впрочем, недолго.

Однажды Билл, всегда нетерпеливый и легко поддающийся скуке, вспылил прямо посреди собрания.

— Надоела мне эта династия Мин! — воскликнул он, сметая со стола стопку бланков.

Джоан и Уилл, узнав симптомы, обменялись насмешливыми взглядами.

— Послушайте, — продолжал Билл, — не знаю, как вы, а я сыт по горло! Когда мы превратились в скучных дельцов? Это не наша жизнь. Одно и то же день за днем! Я так с ума сойду! Мы ученые, а не торговцы. Ради бога, давайте придумаем что-нибудь новое! — Небольшая буря принесла ему облегчение, и Билл почти сразу расплылся в улыбке. — Я ведь прав? — воззвал он.

— Прав, — хором ответили Джоан и Уилл.

— Ну, и что скажете?

Уилл кашлянул.

— Собственно, мы с Джоан тоже говорили об этом сегодня утром, — ответил он. — Мы предлагаем продать фабрику, вернуться в нашу старую лабораторию и переоборудовать ее.

Билл взял чернильницу и торжественно вылил ее содержимое прямо на бесценный столик эпохи Мин. Чернила образовали на нем блестящее озеро.

— Наконец-то мы снова в здравом уме, — сказал он. — Нужно продолжить исследования. Я совершенно убежден: копии живых существ нам не удавались потому, что мы приняли за x и y…

— Подожди, — перебил его Уилл. — Прежде чем мы приступим к работе, я… То есть одна из причин, по которой мы с Джоан хотели оставить дела… Ну…

— Он пытается сказать, — тихо произнесла Джоан, — что мы хотим пожениться и взять небольшой отпуск, прежде чем возобновить исследования.

Билл уставился на них. Он чувствовал, как щеки заливаются краской. Он впал в оцепенение.

— Так! — сказал он. — Так…

(Он не мог думать ни о чем другом. Не верится! Надо отложить размышления до тех пор, пока он не останется один, иначе его крайнее огорчение станет для всех очевидным.)

Он машинально протянул руку, и они оба ее пожали.

— Вы же знаете, я желаю вам всевозможного

счастья, — прохрипел он.

Его разум словно вмиг опустел. Он силился выдавить из себя хоть пару слов, но почему-то не мог составить ни одной осмысленной фразы.

— Думаю, мы поладим, — сказал Уилл, улыбаясь Джоан. Она ответила на его улыбку, чем ранила Билла в самое сердце, пусть и неосознанно.

Билл наконец взял себя в руки и попросил, чтобы им принесли вина. Он заказал бутылку, скопированную с чрезвычайно редкого экземпляра 1894 года.

Ночь стояла безлунная и безоблачная, мириады сверкающих бледно-голубых точек Млечного Пути рассыпались по небу, словно кто-то бросил горсть бриллиантов на черную бархатную ткань. Однако они беспрерывно мерцали потому, что в верхних слоях атмосферы двигались мощные воздушные потоки.

На улице Суррей-Лейн было темно и тихо. О существовании людей напоминали только случайные блики автомобильных фар, проносившиеся вдоль шоссе почти в миле оттуда, и красная точка зажженной сигареты в просвете между живыми изгородями.

Сигарета принадлежала Биллу. Он сидел на воротах, глядя в небо и гадая, что делать со своей

жизнью. Он чувствовал себя совершенно потерянным, никчемным и подавленным. Раньше ему казалось, что «душевная боль» — всего лишь расплывчатый описательный термин. Теперь он узнал истинный смысл этих слов. Боль, которая непрестанно разрывала его изнутри, он ощущал физически. Он всем своим существом жаждал видеть Джоан, быть с нею. Гнетущая тоска не давала ему покоя. Он почти молил бога о передышке.

Билл попытался воззвать к своей рациональности.

— Я же человек науки, — сказал он себе. — Почему я должен позволять матушке-природе так мучить и травить меня? Все ее уловки стары как мир. Эти ощущения — лишь химические реакции, секреция желез, попадающая в кровь. Неужели мой разум недостаточно силен, чтобы противостоять? Тогда у меня плесень в голове, а не научный инструмент, которым я гордился.

Он смотрел на яркие звезды, казавшиеся вечными и неизменными. Вечны ли они? Да, они будут выглядеть точно так же, когда все человечество со всеми своими страстями покинет планету, оставив ее ледяной и темной. Но Билл знал, что, пока он смотрел, звезды летели во тьме, удаляясь от него со скоростью тысяч миль в секунду.

— Природа — лишь набор иллюзий, — повторял он.

Вдруг в его голове возникла мысль, которая подействовала будто наркоз и отвлекла его на несколько минут. Где-то в глубинах подсознания зашевелилась идея, неделями зревшая без его ведома и внезапно проявившая себя. Он вздрогнул, выронил сигарету и не стал ее поднимать.

Билл неподвижно сидел на воротах и размышлял. Мысль дикая, совершенно дикая. Но если упорно и долго работать, она могла бы осуществиться. Во всяком случае, у него будет повод жить, пока есть хоть какая-то надежда на успех.

Он спрыгнул с ворот и, взволнованный, быстро зашагал по переулку обратно к заводу. Его разум уже перебирал возможности, жадно принявшись за планирование. Предчувствие нового приключения на время заглушило сердечную боль.

Прошло полгода.

Билл провел большую часть времени, расширяя и переоснащая старую лабораторию. Он пристроил загон для кроликов и превратил соседний участок земли в могильник, чтобы избавляться от тех, кто умер от его рук. Это кладбище не было похоже ни на одно другое, ведь там лежали мертвецы, которые никогда не умирали, — потому

что никогда не жили.

Исследования ни к чему не привели. Он мог сделать, атом за атомом, точную физическую копию любого животного, однако дубликаты не удавалось одушевить. Они походили на живых, но то была застывшая жизнь. Они оставались не более живыми, чем восковые фигуры, хоть и мягкими и податливыми, как настоящие животные во сне.

Билл думал, что ошибся в одном уравнении, но при повторной проверке оно оказалось правильным. Насколько он мог видеть, ни в теории, ни в практике не было изъянов. И все же он не мог воссоздать жизненную силу. Может, следовало самому наделять ею копии? Каким образом?

Он направлял электрические импульсы разной мощности к нервным центрам кроликов, пробовал быструю смену температур, миниатюрные «железные легкие», энергичный массаж — как наружный, так и внутренний, — внутривенные и спинальные инъекции всевозможных препаратов, от адреналина до еще более сильных стимуляторов, которые изобретал его подвижный ум. Увы, искусственные кролики оставались обмякшими комками меха.

Джоан и Уилл вернулись из медового месяца и

поселились в просторном уютном старом доме в нескольких милях от лаборатории. Иногда они заходили посмотреть, как продвигаются исследования. В их присутствии Билл всегда выглядел веселым и бодрым и подшучивал над собой из-за неудач.

— Придется найти самую привлекательную в мире крольчиху и научить ее танцевать гавайский танец на лабораторном столе, — говорил он. — Должен же кто-то из этих упрямцев хотя бы сесть!

Джоан сказала, что всерьез намерена открыть закусочную, где будут печь исключительно пироги с крольчатиной, — если Билл сможет обеспечить поставки тушек. По его словам, закопанных им кроликов уже хватило бы на обед для целой армии.

Их беседы, как правило, состояли из подобных шуток, за исключением случаев, когда начиналось обсуждение технических вопросов. Но, когда друзья уходили, Билл сидел и думал о Джоан, и до конца дня он был не способен сосредоточиться ни на чем другом.

Наконец, почти случайно, он нашел способ пробудить в кроликах жизнь. Он экспериментировал с искусственной кровью, рассудив, что

такой раствор может оказаться более стабильным, чем натуральная кроличья кровь — она слишком быстро портилась. Он сконструировал небольшой насос, чтобы выкачивать кровь из вен кролика и наполнять их своим заменителем.

Не прошло и нескольких секунд после подключения насоса, как кролик слабо пошевелился и открыл глаза. Он дернул носом и какое-то время лежал совершенно неподвижно, только задняя лапа не переставала дрожать. Потом он вдруг встрепенулся и подпрыгнул высоко над столом. Тонкие резиновые трубки, тянувшиеся от его шеи к насосу, порвались, и он с глухим стуком неловко упал на пол. Кровь продолжала течь из одной трубки, только теперь насосом, который ее выталкивал, было собственное сердце кролика — наконец забившееся. Казалось, животное израсходовало всю свою энергию на мощный прыжок, кролик замер на полу и тихо испустил дух.

Билл стоял и смотрел, все еще держась за ручку насоса. Затем, когда он осознал произошедшее, к нему вернулось прежнее веселье, и он пустился в пляс, нося по лаборатории бутыль с кислотой, словно греческую вазу.

Дальнейшие эксперименты убедили его, что он

ступил на порог самой тщательно охраняемой цитадели Природы. Конечно, он не мог вдохнуть Жизнь в оригинальное творение. Зато мог создать живую копию любого существа на земле.

Жаркий летний полдень, зеленая лужайка в прохладной тени вязов, Джоан и Уилл, одетые в белое, играют в гольф на миниатюрном поле с девятью лунками. У живой изгороди яркий полосатый навес, а под ним два удобных садовых кресла и столик в мавританском стиле, уставленный напитками. Увитая плющом стена старого особняка из красного кирпича виднеется между деревьями. Неописуемый запах свежескошенной травы в воздухе. Мягкий, но торжествующий смех Джоан, когда Уилл бьет мимо лунки.

Такую сцену застал Билл, бредущий по переулку после долгой смены в лаборатории, — впервые за несколько недель оказавшись на свежем воздухе — и он не мог не сравнивать ее с тем миром, в котором жил сам: лабораторные столы, склянки с реактивами и раковины, бесконечные бдения у микроскопа, листы с вычислениями под ярким даже ночью светом электрических ламп, запах крови, химикатов и кроликов. И он вдруг ясно понял, что самое главное в жизни — не наука. Главное — быть счастливым. Вот к чему

стремились все люди, какие бы пути к цели ни выбирали.

Джоан заметила Билла, стоящего на краю лужайки, и поспешила к нему.

— Где ты пропадал? — спросила она. — Нам не терпелось узнать, как у тебя дела.

— У меня получилось, — сказал Билл.

— Получилось? Правда? — Голос ее от волнения стал высоким, почти писклявым. Джоан схватила его за запястье и потащила к Уиллу. — У него получилось! — объявила она и встала между ними, жадно вглядываясь в их лица.

Уилл воспринял новость с неизменным спокойствием и, улыбаясь, пожал Биллу руку.

— Поздравляю, старина, — сказал он. — Идем, расскажешь подробности.

Взяв со стола напитки, они опустились на траву. Уилл не мог не заметить, как сильно Билл изможден. Веки на осунувшемся и усталом лице покраснели, и он снова был во власти нервного напряжения, которое на время делало его немногословным и неуверенным в себе. Джоан тоже это заметила и решила повременить с вопросами. Она молча пошла в дом, чтобы заварить китайский чай — он, как знала Джоан, всегда помогал Биллу при мигрени.

Когда она скрылась из виду, Билл с усилием стряхнул с себя оцепенение и взглянул на Уилла. Потом он опустил глаза и принялся выдергивать травинки из земли.

— Уилл, — начал он вскоре, — знаешь, я… — Он нервно кашлянул и заговорил снова, не слишком уверенно: — Послушай, Уилл, мне нужно сказать кое-что важное, а я не слишком умелый оратор. Во-первых, я люблю и всегда безумно любил Джоан.

Уилл сидел и с любопытством смотрел на друга, однако молчал, позволяя Биллу продолжать.

— Я ничего не говорил, ведь… ну, я боялся, что наш брак будет обречен. Я слишком импульсивен, чтобы обеспечить девушке вроде Джоан спокойную жизнь. Но я понял, что не могу без нее, и собирался сделать предложение, только ты меня опередил. С тех пор я чувствовал себя несчастным, хотя работа иногда меня отвлекала.

Уилл задумчиво смотрел на бледное лицо друга.

— Эта работа подарила мне надежду. И теперь ее основная часть выполнена. Я могу сделать копию любого живого существа. Теперь понимаешь, почему я погрузился в исследования? Я хочу создать живую, дышащую точную копию Джоан

и жениться на ней!

Уилл вздрогнул. Билл встал и принялся беспокойно ходить взад-вперед.

— Я знаю, что прошу многого. Дело касается не просто научных интересов. Всякий нормальный мужчина, услышав такое предложение, начал бы опасаться за свою жену и за себя. Но, если честно, Уилл, я не предвижу никакого вреда. Зато есть возможность осчастливить одного эгоистичного человека. Прошу, скажи, что ты думаешь.

Уилл сидел, размышляя, а Билл продолжал мерить шагами лужайку.

Вскоре Уилл сказал:

— Ты уверен, что в ходе эксперимента Джоан не пострадает физически?

— Уверен, совершенно уверен, — ответил Билл.

— Тогда лично я не возражаю. Да и у меня нет права возражать. Я понятия не имел о твоих чувствах, Билл, и мне, как и Джоан, было бы очень неприятно знать, что ты из-за нас так несчастен. — Он заметил жену, идущую к ним с полным подносом. — Естественно, окончательное решение за ней, — добавил он. — Если она откажет, мы больше не будем поднимать эту тему.

— Конечно, — согласился Билл.

Впрочем, они оба знали, каким будет ее ответ.

— Останови машину, Уилл, — вдруг сказала Джоан, и ее муж нажал на педаль тормоза.

Машина остановилась в переулке на краю холма. Через щель в живой изгороди виднелась внизу, в колыбели долины, лаборатория Билла. Джоан показала вниз. По полю за «кладбищем» прогуливались двое. Даже на таком расстоянии Билла легко было узнать по огненно-рыжим волосам. Его сопровождала женщина в белом летнем платье, и именно на нее пристально смотрела Джоан.

— Она ожила! — прошептала Джоан, и голос ее слегка дрожал.

Уилл кивнул. Он заметил волнение жены и ободряюще сжал ее руку. Она криво улыбнулась.

— Не каждый день ездишь в гости к самой себе, — сказала она. — На прошлой неделе, увидев ее такой бледной, лежащей на кушетке в лаборатории, одетой в мое красное платье, которое я когда-то носила… О, это все равно что увидеть себя мертвой!

— Теперь она не мертвая, а Билл купил другую одежду, так что не волнуйся, — ответил Уилл. — Знаю, ситуация необычная, однако мы должны смотреть на все с научной точки зрения. Совер-

шено уникальное научное открытие, которое вдобавок сделало Билла счастливым. — Он на минуту задумался. — Жаль, что он не рассказывает, как он вдохнул в нее жизнь, — продолжил Уилл. — Тем не менее, полагаю, он прав, держа это в секрете. Такое открытие можно использовать и во зло. Только представь диктатора, создающего преданную безмозглую армию из одного преданного безмозглого солдата! Или промышленников, азартно штампующих себе дешевую рабочую силу! Вскоре мы получим мир гомункулов, в котором будут уничтожены все следы индивидуальности. Никакого разнообразия, ничего самобытного — разве это жизнь?

— Нет, — машинально ответила Джоан, все еще думая о фигуре в белом.

Уилл отпустил тормоз, и машина покатилась вниз по склону к лаборатории. Гуляющая пара тоже повернула назад — наверное, заметили автомобиль. Они подошли к дороге, как раз когда подъехала машина.

— Привет! — громко сказал Билл. — Вы опоздали — мы уже полчаса кипятим чайник. Мы с Долл беспокоились.

Он шагнул к друзьям, а женщина в белом платье застыла в нерешительности позади него.

Джоан поджала губы и приготовилась к необычному испытанию. Она вышла из машины и, пока Уилл и Билл обменивались приветствиями, приблизилась к своему теперь живому близнецу. Очевидно, Долл тоже решила проявить выдержку, и они смотрели друг на друга с одинаковыми улыбками на напряженных лицах, одновременно с любопытством и сомнением. Разом поняв комичность сцены, они обе расхохотались. Напряжение спало.

— В конце концов, все не так уж и плохо, — сказала Долл, и Джоан сдержалась, чтобы эхом не повторить ту же фразу.

— Да, сносно, — согласилась она — и слукавила.

Хотя Долл выглядела похоже, Джоан не могла полностью отождествить ее с собой. Дело было не в одежде или прическе, а в том, что лицо, фигура и голос Долл почему-то казались чужими. Она не осознавала, что до сих пор видела себя только в зеркалах под определенным углом и никогда не имела, так сказать, полной картины. Тем более она ни разу не слышала собственного голоса вне своего разума.

Так или иначе, в течение всего обеда ей было не по себе, хотя она и старалась не подавать вида

и то и дело отпускала остроумные замечания. Ее второе «я» тоже улыбалось через стол и вело непринужденную беседу.

Они придирчиво изучили друг друга и обнаружили, что абсолютно одинаковы во всех отношениях, вплоть до крошечной родинки на левом предплечье. Их вкусы тоже совпадали. Они клали одинаковое количество сахара в чай и в еде предпочитали одно и то же.

— Я хочу это розовое пирожное. — Долл засмеялась. — А ты?

Джоан призналась, что тоже выбрала его. В итоге они разделили пирожное на двоих.

— Видимо, выбрать друг другу подарки на день рождения или Рождество вам не составит труда, — прокомментировал Уилл. — Как приятно, должно быть, точно знать, чего хочет другой!

На лице Билла постоянно сияла улыбка, которой он одаривал всех сидящих за столом. В словах он теперь будто не нуждался. Слишком счастливый для бесед, он постоянно терял нить разговора и с любовью смотрел на Долл.

— Завтра мы поженимся! — вдруг объявил он, и все изумились этой неожиданной новости, однако обещали быть.

Вечер они провели за играми — у Джоан и Долл,

поскольку они мыслили совершенно одинаково, превосходно получалось угадывать слова. Также они дважды сыграли в шашки, оба раза вничью.

Вечер получился веселым, и Билл веселился больше всех. Тем не менее, когда пришло время прощаться, к Джоан вернулась прежняя тревога. Уезжая, Джоан мельком увидела лицо Долл, стоявшей рядом с Биллом у ворот. Ей вдруг подумалось, что за напускным весельем Долл скрывается такое же беспокойство, что и у нее.

Долл и Билл поженились на следующий день в зале регистрации подальше от дома, используя вымышленное имя и место рождения Долл, чтобы избежать огласки, — в конце концов, вопросов никто задавать бы не стал.

Прошла осень, а за ней и зима.

Долл и Билл, казалось, вполне счастливо устроились, а все четверо оставались, как и всегда, близкими друзьями. Долл и Джоан, охваченные желанием заняться в качестве хобби пилотированием, вступили в аэроклуб неподалеку. Купив одноместные самолеты, они подолгу кружили над окрестностями.

Билл и Уилл полетами не интересовались и чуть ли не в качестве самозащиты от того, что им уделяют не так много внимания, снова стали

работать вместе, все больше углубляясь в тайны атома. На этот раз они занялись еще не раскрытым секретом извлечения из атома заключенной в нем потенциальной энергии. И почти сразу же наткнулись на новую зацепку.

Раньше они не могли использовать ядерную энергию, а только направляли ее. Ученые словно строили плотины в разных местах бурной реки, из-за чего течение изменялось, но ни капли ее силы извлечь не могли (хотя аналогия неудачная и вводящая в заблуждение). Теперь же они задумали и начали конструировать невероятно сложную машину, которую, следуя той же неубедительной аналогии, можно было сравнить с турбогенератором, высвобождающим часть энергии этой бурной реки. Однако «река» и в самом деле была непокорной, и, чтобы ее обуздать, требовались умение и мужество. И существовала опасность, что узда внезапно соскользнет.

Вскоре всем стало известно, что здоровье Долл постепенно ухудшается. Она изо всех сил старалась сохранять свой обычный веселый, жизнерадостный вид, но по ночам не спала, стала беспокойной и нервной.

А Джоан, ее почти неизменная спутница, вдруг поняла, что терзало сердце, так похожее на ее

собственное. Осознание стало настоящим шоком, от которого бросило в дрожь, но она приняла его с достоинством.

— Может, пригласим Билла и Долл пожить у нас какое-то время, пока ей не станет лучше? — неуверенно сказала Джоан Уиллу как-то раз.

— Да, согласен, если сможешь их убедить, — ответил Уилл. Он выглядел несколько озадаченным.

— У нас слишком много пустых комнат, — добавила она, продолжая защищать свою мысль. — Да и вообще, я смогу помочь Долл, если буду с ней рядом.

Долл очень хотела к ним переехать, пускай и немного сомневалась, зато Билл счел предложение хорошей идеей. Они переехали в течение недели.

Поначалу положение улучшилось. Долл начала выздоравливать и больше походить на саму себя. Она стала гораздо менее напряженной и с удовольствием играла в настольные игры по вечерам. Долл освоила любимые Уиллом нарды и получала удовольствие оттого, что регулярно разбивает его в пух и прах.

А потом что-то произошло с Джоан. Она стала вялой, подавленной, даже угрюмой. Казалось,

помогая Долл поправиться, она сама заразилась той же болезнью.

Уилл забеспокоился и настоял на том, чтобы ее осмотрел врач. Наедине с Уиллом врач объяснил:

— Физически Джоан здорова. Но ее мучает какая-то скрытая тревога, и, пока эта тревога не отступит, ей не полегчает. Выведайте у нее, в чем дело, — мне она ничего не говорит.

Уиллу она тоже ничего не рассказала, несмотря на все его мольбы.

А теперь уже Долл, посвященная в тайну Джоан, стала переживать из-за нее и вскоре снова впала в прежнее нервозное состояние.

Так продолжалось неделю — неделю, полную несчастья для двух измученных и запутавшихся мужей, которые не находили себе места от тревоги. Однако на следующей неделе обе девушки, по-видимому, сделали над собой усилие: несколько оживились и даже иногда смеялись.

Они неуклонно шли на поправку, и потому Билл с Уиллом сочли безопасным вернуться к повседневной работе в лаборатории, чтобы закончить машину для обуздания атома.

Однажды Уилл пришел домой, против обыкновения, рано и обнаружил, что Джоан и Долл

сидят, обнявшись, на диване и плачут навзрыд. Он замер и какое-то время не сводил с них глаз. Заметив его, они отпрянули друг от друга и принялись вытирать слезы.

— В чем дело, Уилл? Почему ты вернулся? — запинаясь и шмыгая носом, спросила Джоан.

— Я… я забыл логарифмическую линейку, — ответил он. — Я думаю, у Билла в расчете ошибка, хотя он говорит, что сделал его по памяти, а та его не подводит. Я хотел перепроверить перед тем, как дальше испытывать машину. А с вами-то что случилось?

— Ой, да с нами ничего. — Долл говорила натянуто и не очень убедительно. Высморкавшись, она попробовала взять себя в руки, но почти тут же снова зашлась в рыданиях, и Джоан обняла ее, чтобы успокоить.

— Послушайте, — сказал Уилл с неожиданным и несвойственным ему раздражением, — с меня довольно. Вы же знаете, мы с Биллом хотим одного — разобраться со всем, что вас беспокоит. А вы ни слова не говорите, только плачете и страдаете. И как мы можем помочь, если вы молчите? Думаете, нам нравится смотреть на то, что с вами творится?

— Я все тебе расскажу, Уилл, — тихо произнес-

ла Джоан.

Долл с трудом выдавила: «Нет!» — но Джоан продолжила, не обращая на нее внимания:

— Разве ты не видишь, что Билл воссоздал вторую меня во всех мелочах? И со всеми воспоминаниями и чувствами? А поскольку Долл мыслит и чувствует в точности как я, она влюблена в тебя! С самого начала. Все это время она пыталась перебороть, подавить в себе любовь и составить счастье Биллу.

Плечи Долл дрожали от горьких рыданий. Уилл нежно положил на них руки, чтобы успокоить ее. Он забыл все слова до последнего. Такой исход Уилл предвидеть не мог, каким бы неизбежным он теперь ни казался.

— Ты представляешь, как такое несовпадение ее сломило? — спросила Джоан. — Бедненькая! Когда она по моей просьбе поселилась у нас, ей стало легче.

— А тебе нет, — тихо произнес Уилл, глядя ей в глаза. — Теперь я понимаю, из-за чего вы так мучились. Почему ты мне не рассказала, Джоан?

— Я не могла.

Он прикусил губу, нервным шагом подошел к окну и встал спиной к сидевшим на диване. «Угодил же я в западню! — подумал он. — И что

нам делать? Несчастный Билл!»

Уилл задавался вопросом, как же ему следует сообщить лучшему другу безрадостную новость, но, пока он размышлял, проблема решилась сама собой.

Из окна открывался вид на широкую неглубокую долину, а вдалеке, в паре миль, белело железобетонное здание лаборатории, приютившееся у подножия одного из склонов. Вокруг раскинулись поля, а у северного угла начинался длинный ряд больших крепких дубов. С такого расстояния и высоты все выглядело словно настольный макет. Уилл печально смотрел на маленькую белую коробку — его друг был там — и пытался привести в порядок сумбурные мысли.

И вдруг случилось невероятное: прямо у него на глазах белая коробочка вдалеке выстрелила вверх струю дыма, а за ней — облако извести и пыли, и, прежде чем их крупицы достигли своей максимальной высоты, вся эта часть долины оказалась разделена пополам завесой яркого обжигающего пламени. Раздался мощный взрыв, и целая вереница дубов, таких крепких и удивительно глубоко пустивших корни, взмыла в воздух, будто подхваченный ветром пух чертополоха.

Внезапно, словно кто-то выключил свет, яркое пламя исчезло, оставив после себя вздымающийся вверх густой бурый туман — облако стертой в пыль земли. Уилл мельком увидел, как клочья разорванных деревьев падают обратно в это бурое клубящееся облако, а затем взрывная волна, прокатившись по долине, обрушилась на дом. Окно тут же разлетелось вдребезги вовнутрь, а Уилла швырнуло назад вместе с ливнем из осколков стекла. Он неуклюже рухнул на пол, распластался на нем, и только тогда его не поспевающий за событиями мозг осознал, что произошло.

Извечная нетерпеливость Билла в конце концов сыграла с ним злую шутку. Он не захотел ждать возвращения Уилла и продолжил эксперимент, положившись на свою память. И допустил ошибку. Узда соскользнула.

На вершине холма сидел человек. Перед ним во всю ширь открывался чудесный вид на окрестности, залитые ярким летним солнцем. Сочно-зеленые квадраты полей, белые ленты дорожек, желтые кубики стогов и серые шпили деревенских церквей составляли бесконечно приятный глазу узор. Дремотно жужжали пчелы, овцы и коровы поблизости издавали звуки, свойственные их породе, а соседняя роща буквально

звенела от нескончаемого пения сотен птиц. Увы, для человека все это словно существовало на другой планете, потому что он не мог ни видеть, ни слышать ликующей природы. Он был в аду.

Прошло уже две недели с тех пор, как Билл погиб. Когда горе стало утихать, Уилл столкнулся с самой сложной проблемой, которая когда-либо возникала перед человеком.

Уиллу пришлось жить с двумя девушками, одинаково безумно любившими его одного. Джоан и Долл никогда не смогут перебороть или подавить свою любовь, что бы они ни делали. И обе это знали. С другой стороны, Уилл был из тех, кто может любить только одну женщину. Моногамия глубоко укоренилась в сознании большинства обыкновенных людей, и в нем особенно. Он мечтал пройти по дороге жизни с одной и только одной постоянной спутницей — Джоан. Но теперь их две, одинаковые как внешне, так и в помыслах и чувствах. Тем не менее это были два разных человека. И между ними он — страдающий, раздираемый муками на части человек, чья семейная жизнь превратилась в развалины.

Работа не приносила Уиллу облегчения, потому что после чудовищно трагической гибели Билла у него не получалось хоть на чем-то сосредото-

читься в лаборатории.

Джоан и Долл приходилось ничуть не легче. Может, даже тяжелее. Иметь саму себя в качестве соперницы в борьбе за любовь и близость к одному мужчине было почти нестерпимо (пусть даже соперница эта дружелюбная и понимающая).

Однажды днем Джоан и Долл отправились в аэроклуб — видимо, чтобы на какое-то время избавиться от бремени душевных мук. Однако они находились в не подходящем для полета состоянии, так как обе балансировали на грани нервного срыва.

Клуб располагался недалеко от холма, на вершине которого Уилл сидел и пытался найти какое-нибудь действенное решение уникальной человеческой проблемы, казавшейся совершенно неразрешимой. И неслучайно жужжание в небе заставило его поднять погасший взор и увидеть два знакомых моноплана, кружащих и виляющих в голубых пространствах между сливочными кучевыми облаками.

Он лег на траву, наблюдая за ними. Он гадал, какой самолет принадлежал Джоан, а какой — Долл, но никак не мог определить, потому что модели были похожие. В любом случае он не смог бы узнать, кто за штурвалом, ведь, чтобы

сохранить сноровку в пилотировании обоих самолетов, девушки довольно часто ими менялись. Ему было интересно, о чем они думают там, наверху…

Один из самолетов выпрямил траекторию и, набирая высоту, полетел на запад. Гул, сопровождающий подъем, становился тише. Второй самолет выполнял над ним разворот с креном.

Вскоре Уилл закрыл глаза и попытался вздремнуть под теплыми лучами солнца. Бесполезно. Во мраке его сознания крутились все те же сводящие с ума образы, сомнения и вопросы. Он словно заблудился в ночном кошмаре и никак не мог проснуться.

Двигатель самолета над головой внезапно заглох. Уилл открыл глаза, но не сразу нашел его взглядом. Затем показалсясилуэт на фоне солнца — моноплан быстро входил в штопор. В следующий миг он уже выпал за окружность солнца, и Уилл смог хорошо разглядеть самолет, вращающийся при падении так, что крылья сверкали как блестящий гелиограф. Уилл с ужасом осознал, что до земли осталась всего сотня-другая футов. В страшном волнении он вскочил на ноги.

— Джоан! — закричал он, срываясь на хрип. —

Джоан!

Машина продолжала неуклонное и неотвратимое падение, начала вращаться медленнее и, скрывшись из поля зрения, упала в центр одного из зеленых полей-квадратов.

За несколько мгновений до падения он бросился бежать вниз. Когда его настиг грохот крушения, он увидел, как в зеленом квадрате словно по волшебству расцвела огненная роза, а из нее к небесам взлетел подрагивающий столб маслянисто-черного дыма. Слезы хлынули у него из глаз и потекли ручьями.

Когда Уилл добрался до места, самое страшное уже миновало. Пламя гасло, и на земле не осталось ничего, кроме разбросанных тут и там черных бесформенных предметов, в которых невозможно было опознать то, чем они когда-то были: человеком или машиной.

Со стороны дороги послышался визг тормозов. Из аэроклуба примчалась скорая помощь. Двое мужчин выскочили, прорвались через изгородь. Всего несколько секунд потребовалось им, чтобы понять — надежды нет.

— Быстрее, мистер Фредерикс, залезайте! — крикнул один из них, узнав Уилла. — Нужно сейчас же ехать к другому!

К другому?!

Уилл не успел ничего спросить — они затолкали его в кабину. Автомобиль быстро развернулся и рванул в противоположном направлении.

— Другой… другой самолет тоже… — начал Уилл, но слова застряли у него в горле.

Водитель, не сводивший глаз с дороги, которая проносилась под колесами со скоростью шестьдесят миль в час, мрачно кивнул.

— Вы не видели, сэр? Они разбились одновременно и одинаково — вошли в штопор. Какое несчастье! Шок. Я не знаю, как выразить вам свое сочувствие, сэр. Просто молюсь, чтобы на этот раз все оказалось не так плохо.

Чувства как будто покинули Уилла. Мысль замедлилась настолько, что почти остановилась. Он оцепенел и не смел даже пытаться думать.

Однако мысль, пусть вяло, все же продвигалась. Джоан и Долл разбились в одно и то же время совершенно одинаковым образом. Едва ли это совпадение. Должно быть, они снова думали в одном направлении, а значит, разбились нарочно!

Теперь он понял всю иронию происходящего и застонал.

Джоан и Долл, каждая по-своему, пытались решить общую проблему, и обе, не зная о помыслах

друг друга, пришли к одному и тому же выводу. Они понимали: ради счастья Уилла одна из них должна уйти. Они осознавали, что уйти придется навсегда, ведь для обеих жизнь без Уилла стала бы невыносима. И каждая, что свойственно их характеру, решила принести в жертву себя.

Долл чувствовала, будто она — посторонняя, будто разрушает жизнь счастливой супружеской пары. В этом не было ее вины: она не просила, чтобы ее сотворили такой — преисполненной любовью к мужчине, которого у нее никогда не будет. Она ощущала, что само ее существование излишне и каждое его мгновение причиняло боль ее любимому. Поэтому Долл решила отказаться от дара жизни.

Джоан рассуждала так: она отчасти несла ответственность за то, что Долл, мнение которой никто не спросил, появилась в этом мире с точно такими же чувствами и стремлениями, как у самой Джоан. С тех пор эти чувства, как она и ожидала, оставались без ответа, подавленные и сведенные на нет. Несправедливо! Долл тоже имела право на счастье. Джоан наслаждалась своим счастьем с Уиллом. Теперь пусть Долл насладится своим.

Вот как получилось, что два самолета потерпе-

ли крушение в миле друг от друга, одновременно войдя в штопор. Предполагалось, что это сочтут совпадением, и так все и подумали, кроме одного человека, именно того, кто никогда не должен был узнать правду.

Водитель прервал молчание.

— Нам в аэроклубе пришлось делать страшный выбор. Мы видели, что самолеты упали в противоположных сторонах и оба загорелись. У нас только одна пожарная машина и одна скорая. Пришлось отправить пожарную к другому самолету, а самим примчаться сюда. Здесь пожарная ничем не помогла бы — так часто бывает. Надеюсь, она успеет пригодиться там, куда мы едем!

Затуманенный рассудок Уилла, казалось, воспринял эти слова совершенно безразлично. Кто погиб в катастрофе, которую он видел? Джоан или Долл? Джоан или Долл?

И вдруг ему открылось, что любил он только одну, настоящую Джоан. Именно ее он так долго знал, именно к ней он испытывал всю свою любовь. Волосы, которые он ласкал, губы, к которым приникал, счастливые карие глаза, которые улыбались его глазам… К Долл он никогда так не относился. По сравнению со всем этим она казалась не более чем тенью. Пусть она хранила

воспоминания о жизни Джоан, ни одно из них не принадлежало самой Долл. Это искусственные воспоминания и не более того. Тем не менее ей они наверняка представлялись самыми что ни на есть настоящими.

Машина скорой помощи приехала к месту второй аварии.

Этот самолет выровнялся в нескольких футах от земли и упал не так безнадежно, как первый. Он лежал, смятый, рядом с почерневшей от огня изгородью. Пожарные потушили пламя за несколько минут, а летчицу вытащили из кабины. Она была без сознания, с серьезными травмами и ожогами. Ее отнесли в машину и быстро доставили в больницу.

Уилл три часа просидел у ее койки. Наконец девушка открыла глаза.

Карие, пустые глаза посмотрели сначала на него, затем, ничуть не изменив своего выражения, на больничную палату.

— Джоан! — прошептал он, сжимая ее свободную руку — на другую была наложена шина.

Ни намека на ответ. Она откинула голову и невидящим взглядом уставилась в потолок. Он облизал пересохшие губы. А может, это не Джоан…

— Долл! — попытался он. — Как ты себя чувствуешь?

И снова ответа нет.

— Мне знакомо это выражение лица, — сказал стоявший рядом врач. — Она потеряла память.

— Думаете, навсегда? — встревоженно спросил Уилл.

Доктор поджал губы, что означало — он не знает.

— Боже милостивый! Неужели никак нельзя определить, кто она — моя жена или ее сестра?

— Мистер Фредерикс, если не знаете вы, то не знает никто, — ответил врач. — Нам неизвестно, кто в каком самолете находился. По одежде тоже ничего нельзя понять, потому что при катастрофе она сгорела и была уничтожена. Мы часто отмечали противоестественное сходство сестер. Вы, разумеется, можете отличить их друг от друга?

— Не могу! — с болью в голосе ответил Уилл. — И никто не может.

На следующий день пациентка пришла в себя, могла сидеть и говорить. Но целый пласт ее памяти был стерт. Она ничего не помнила о своем близнеце и вообще ничего о событиях после эксперимента по копированию. Ее последнее воспоминание — о том, как она лежит на кушетке в

лаборатории, выполняя приготовления так, как говорит ей Билл.

Больничный психолог сказал, что из-за шока от пережитой авиакатастрофы она бессознательно подавила в памяти ту часть жизни, которую не хотела вспоминать. И теперь она не смогла бы ничего вспомнить, даже если бы захотела. Он добавил, что она может в конце концов открыть в себе всю правду, однако, если это и случится, на такой процесс уйдут месяцы или даже годы.

Но, естественно, ее воспоминания об Уилле и их семье остались нетронутыми, и она любила его так же сильно, как и прежде.

Кто эта женщина — Джоан или Долл? Уилл провел бессонную ночь, задаваясь этим вопросом. Впрочем, имел ли ответ какое-либо значение? Теперь она осталась всего одна, так почему бы не считать ее Джоан и жить дальше? Но он знал, что, пока существуют сомнения и нет полной ясности, он не сможет вернуться к прежней беззаботной жизни. Похоже, не оставалось ничего другого, кроме как прибегнуть к помощи психолога, а значит, на поверхность всплывет множество подробностей, которые ни он, ни Джоан, ни Билл никогда не хотели бы раскрывать.

Однако на следующий день произошло то, что

изменило положение вещей.

Когда он разговаривал, сидя у больничной койки, с той девушкой, которая могла быть, а могла и не быть Джоан, медсестра сказала ему, что за дверью его ждет какой-то мужчина. Как выяснилось, это был полицейский.

После взрыва, разрушившего лабораторию Билла, полиция осматривала местность в поисках улик. Они нашли засыпанный землей разбитый вдребезги сейф, а внутри него — обуглившиеся остатки книг, бумаг и писем. Полицейским почти ничего не удалось по ним узнать, так что теперь они надеялись на помощь Уилла.

Уилл взял пакет и осмотрел его содержимое. В нем находилась пачка личных писем и несколько старых счетов, оплаченных и с квитанциями. С согласия полицейского Уилл их уничтожил. Но кроме того, там были и обгоревшие остатки трех лабораторных дневников. Билл вел их по собственной системе скорописи, которую Уилл понимал. Первые два старых дневника не вызывали особого интереса. Однако третий, к сожалению, больше всех пострадавший от огня представлял собой отчет Билла о его попытках вдохнуть жизнь в копии живых существ.

Последние страницы были посвящены экспе-

рименту по созданию второй Джоан, а последняя разборчивая запись гласила: «Из-за грубой прокачки крови по трубкам, на манер переливания, у Долл остался шрам возле основания шеи — единственный изъян в остальном безупречной копии Джоан. Я негодовал…» Остальное не уцелело.

К изумлению полицейского, Уилл, не говоря ни слова, повернулся и поспешил обратно в палату.

— Покажи мне свою шею, дорогая, я хочу посмотреть, не кусаешь ли ты саму себя, — сказал он с фальшивой непринужденностью.

Девушка, теряясь в догадках, позволила себя осмотреть. Ни малейшего следа шрама Уилл на ее шее не нашел.

— Ты — Джоан, — сказал он и обнял ее так крепко, насколько это позволяли травмы.

— Я — Джоан, — повторила она, целуя и обнимая его в ответ.

И они наконец снова познали блаженство душевного покоя.

На сей раз столь жестокая к ним Судьба проявила милосердие, и они так и не узнали, что среди уничтоженных квитанций Билла лежал счет от пластического хирурга, начинавшийся с таких слов: «За операцию по удалению шрама на шее и пребывание в палате в течение двух суток…»

Джек Уильямсон (1908–2006). Звездный свет

Перевод Варвары Латышевой

Argosy, ноябрь

Джек Уильямсон наблюдал за развитием научной фантастики как читатель, писатель и ученый. За пятьдесят лет он проделал большую работу, без особого труда выдерживая конкуренцию. Его циклы рассказов «Космический легион» и «Сити» навсегда войдут в историю, хотя многие другие его тексты заслуживают не меньшего внимания. Среди них прежде всего «Гуманоиды» (1949) и прекрасное фэнтези «Мрачнее, чем вам кажется» (повесть 1940, роман 1948). Подборка лучших рассказов писателя опубликована в сборнике 1978 года «Джек Уильямсон: лучшее».

Джек не включил этот рассказ в упомянутый сборник, хотя в «Моих лучших научно-фантастических рассказах» 1949 года он был. Ему стоило опубликовать «Звездный свет» и в 1978 году: вкусы меняются, но история о

надежде, отчаянии и обретении себя все еще остается актуальной.

(Между прочим, когда Джон Кэмпбелл стал редактором журнала Astounding и начал реформировать научную фантастику, многие знаменитые писатели предыдущего поколения не смогли выдержать удар. Схватка произошла как раз в то время, когда немое кино сменилось звуковым. Среди выживших одним из самых выдающихся оказался Джек Уильямсон: покорив молодежь тридцатых «Космическим легионом», он легко подстроился и под новые стандарты Кэмпбелла. А.А.)

Мистер Джейсон Пибоди вышел из трамвая. Оказавшись на свежем воздухе, он вдохнул полной грудью и стал подниматься по Бэннистер-Хилл. Он поднял глаза и с тревогой заметил, что на небе загорелась первая звезда. Это навеяло смутные воспоминания — он стал нащупывать в памяти волшебные слова, которые знал когда-то в детстве. Мечтательно он прошептал заклинание:

Звездный свет, яркий свет,
Первой звездочки привет,

Будет ли – дай ответ –
Так, как я хочу, иль нет?

Мистер Пибоди был лысым щупленьким человечком со смуглой кожей. Он нарочито выпрямился, но двадцать лет над арифмометрами и бухгалтерскими книгами безвозвратно испортили ему осанку. Привычное смирение на его лице сменилось выражением отчаяния и обиды.

— Я хочу…

С надеждой глядя на звезду, мистер Пибоди колебался. В его измученное сознание снова вернулись мысли о неприятной домашней сцене, от которой он только что сбежал. Его лицо скривилось в легкой усмешке.

— Я хочу творить чудеса! — сказал он.

Звезда засияла холодным бледно-красным огнем.

— Одним только чудом можно содержать семью на бухгалтерскую зарплату, — добавил мистер Пибоди. — Особенно такую семью, как моя.

Звезда обнадеживающе подмигнула зеленым светом.

За оштукатуренный домик в двух кварталах от трамвайной линии на Локаст-авеню мистер Пибоди должен был выплатить еще тринадцать

тысяч долларов: плата была не больше арендной, и через десять лет дом принадлежал бы уже ему. В тот день Элла встретила его на пороге долгим поцелуем.

Миссис Элла Пибоди — статная блондинка с пронзительным голосом, ростом чуть выше мужа. Ее долгий поцелуй был тревожным знаком. Двадцатидвухлетний опыт подсказывал — ей что-то нужно.

— Как хорошо, что я дома, милая. — Он попытался начать контрнаступление. — Трудный день сегодня на службе. — Его усталый вздох был вполне искренним. — Приходится работать за двоих после того, как старина Берг уволил половину конторы. Никогда не знаешь, кто станет следующим.

— Бедненький ты мой. — Еще один долгий поцелуй и этот ласковый сочувственный тон. — Иди мыть руки. Хочу поужинать пораньше, а то сегодня у меня Дельфийская лига.

Ее голос был слишком нежным. «Что же ей нужно?» — думал мистер Пибоди. Она всегда долго подбиралась к сути дела. Дойдя до нее, однако, она оказывалась почти непобедимой. Он предпринял еще одну робкую попытку увильнуть.

— Я не знаю, что нас ждет. — Он устало пожал

плечами. — Берг угрожает урезать жалованье. Страховка, дом, дети — не знаю, как мы сможем все это потянуть.

Элла Пибоди подошла и обняла его. Он чувствовал ее мягкие руки и легкий аромат вчерашнего парфюма, смешавшийся с кухонными запахами.

— Мы справимся, милый, — мужественно сказала она.

Не отрываясь от готовки, она живо принялась рассказывать о том, как прошел ее день. Даже за закрытой дверью ванной он отчетливо слышал ее пронзительный голос.

С показной усталостью мистер Пибоди опустился в мягкое кресло. Он взял утреннюю газету, которую никогда не успевал прочесть утром, развернул ее, а потом уронил на колени — будто слишком устал, чтобы читать. Снова пытаясь отвлечь жену, он спросил:

— А где дети?

— У Уильяма встреча насчет машины.

Мистер Пибоди тут же забыл про усталость.

— Я же говорил Уильяму, никакой машины, — сказал он с горячностью. — Мал еще, один ветер в голове. Но если ему так хочется купить какую-нибудь колымагу, то пусть платит за нее сам. А как — это уже не мое дело.

— А Бет, — продолжала миссис Пибоди, — внизу в парикмахерской. — Она подошла к кухонной двери. — Но у меня для тебя, дорогой, просто потрясающие новости!

Что-то в ее голосе подсказывало: жди беды. Момент, которого он боялся, наступил. В отчаянии он поднял газету и погрузился в чтение.

— Да-да, дорогая, — сказал он. — Ну и ну, наш чемпион сразится с этим австралийским громилой…

— Дорогой, ты меня слышал? — От пронзительного голоса Эллы Пибоди никуда не спрячешься. — Сегодня на собрании Дельфийской лиги я буду читать доклад о возрождении трансцендентализма. Разве это не чудесно?

Мистер Пибоди уронил газету. Он был озадачен. Искрящаяся певучесть в ее голосе безошибочно свидетельствовала о том, что момент триумфа наступил. Однако чего она хочет, все еще было неясно.

— Элла, дорогая, — спросил он робко, — что ты знаешь о возрождении трансцендентализма?

— Не волнуйся, милый. Мой доклад подготовил и напечатал юноша из библиотеки, всего за десять долларов. Но я так тронута, что ты хочешь мне помочь, и одну вещь ты можешь для меня

сделать.

Мистер Пибоди тревожно заерзал в кресле. Ловушка захлопывалась, и ему было уже не спастись.

— Я знала, что ты поймешь, милый. — В ее голосе слышался нежный трепет. — И ты знаешь, оказалось, что мне совсем нечего надеть. Милый, я взяла тот синий свитер, что был на витрине «Феймос». Он стоил шестьдесят долларов восемьдесят центов, но продавец уступил его мне всего за сорок девять долларов девяносто пять центов.

— Мне ужасно жаль, дорогая, — медленно произнес мистер Пибоди, — но боюсь, мы просто не можем себе этого позволить. Боюсь, тебе придется его вернуть.

В голубых глазах Эллы заблестели слезы.

— Милый! — Ее голос дрогнул. — Милый, ты должен понять. Я не могу читать доклад в своих позорных обносках. К тому же свитер уже подшили специально под меня.

— Но, дорогая, у нас просто нет денег.

Мистер Пибоди снова взял газету, хоть и вверх ногами. За двадцать два года он выучил, что будет дальше. Слезные воззвания к его любви, гордости и долгу. Буря страстей, которая не утихнет, пока он не сдастся.

Но он не мог сдаться — вот в чем беда. Двадцать два года его любовь к жене и детям оставалась относительно постоянной. Он бы с радостью дал ей эти деньги, но завтра нужно было оплачивать счета.

Услышав сигнал незнакомой машины, он на минуту вздохнул с облегчением. Уильям Пибоди лениво ввалился в дом через заднюю дверь.

Уильям был долговязым прыщавым юношей с желтоватым цветом лица, растрепанными светлыми волосами и торчащими кривыми зубами. И хотя он постоянно просил денег на одежду, он всегда носил одни и те же мешковатые штаны и потрепанную кожаную куртку. Все попытки отправить Уильяма в университет, телевизионную школу или на курсы парикмахеров провалились из-за его полного равнодушия.

— Привет, па. — Он принялся набивать свою черную трубку. — Привет, мам. Ужин скоро?

— Не называй меня «па», — мягко попросил мистер Пибоди. — Уильям! — Он встал и подошел к окну, его голос стал резче. — Чей это красный родстер там стоит?

Уильям рухнул в кресло, которое мистер Пибоди только что освободил.

— А, машина? — Он выдохнул голубоватый

дым. — А что, мама не сказала тебе, па? Я только что ее отхватил.

Мистер Пибоди сжал худые кулаки.

— Так ты купил машину? И кто будет за нее платить?

Уильям беспечно помахал трубкой.

— Всего двадцатка в месяц, — протянул он. — А сделка на миллион. Восемьдесят тысяч миль и даже радио. Мама сказала, ты потянешь. Это будет мне на день рождения, па.

— Твой день рождения был полгода назад.

Серебристый голос миссис Пибоди зажурчал из кухни:

— Но к его дню рождения ты все еще за нее не расплатишься, Джейсон. Вот я и сказала Уиллу, что так можно. В наши дни мальчикам так трудно обойтись без машины. Так вот, если ты просто дашь мне нужную сумму…

Мистер Пибоди начал возмущенную тираду, но вдруг замолк, когда в дом вошла его дочь Бет. Бет — его лучик света. Высокая и стройная девушка с добрыми карими глазами. Ее медовые волосы были уложены в изящные волны. Может быть, для отца естественно предпочитать дочь сыну. Как бы то ни было, ее неутомимое трудолюбие всегда выделялось на фоне безделья Уильяма.

Она проходила бухгалтерские курсы, чтобы потом помогать с бумагами своему будущему мужу, доктору Рексу Бранту.

— Здравствуй, папа. — Она подошла к нему и ласково приобняла. — Как тебе моя новая завивка? Это на вечер — у меня сегодня свидание с Рексом. Мне не хватило денег, поэтому я сказала, что занесу миссис Ларкин оставшиеся три доллара до семи. Дашь мне три доллара, папа?

— У тебя чудесная прическа, милая.

Мистер Пибоди потрепал дочку по плечу и охотно зашарил по карманам. Он всегда с радостью давал деньги Бет — если они у него были. И часто жалел, что не мог сделать для нее большего.

— Спасибо, папочка, — прошептала она, целуя его в макушку.

Вытряхивая пепел из трубки, Уильям посмотрел на мать.

— Просто очередное доказательство, — протянул он, — что если бы машину хотела сестра…

— Сын, я же сказал тебе, — уверенно заявил мистер Пибоди, — я не буду платить за этот автомобиль. У нас просто нет денег.

Уильям лениво поднялся с кресла.

— Ну, па. Ты ведь не хочешь потерять свои рыболовные снасти?

Лицо мистера Пибоди приняло напряженное выражение.

— Мои рыболовные снасти?

Вообще-то за двадцать два года мистер Пибоди смог найти время и деньги, чтобы выбраться на рыбалку, всего три раза. И все же он до сих пор считал себя заядлым рыбаком. Иногда он неделями не обедал, чтобы накопить на новую удочку, или катушку, или особую искусственную приманку. Он по часу тренировался на заднем дворе, забрасывая удочку до какой-нибудь метки на земле.

Стараясь просверлить Уильяма взглядом, он прохрипел:

— Что с моими снастями?

— Ну же, Джейсон, — вмешался утешающий голос миссис Пибоди, — не волнуйся ты так. Ты ведь не использовал свои старые рыболовные снасти последние десять лет.

Выпрямившись во весь рост, мистер Пибоди шагнул навстречу своему сыну, который все равно оставался выше его на голову.

— Уильям, что ты с ними сделал?

Уильям снова стал набивать трубку.

— Па, не рви рубаху на груди, — посоветовал он. — Мама сказала, что потянем. А на первый

платеж деньжат не хватало. Ну, не кипятись. Я тебе закладную отдам.

— Уилл! — укоризненно воскликнула Бет. — Ты же не…

Сам мистер Пибоди издал какой-то нечленораздельный звук и машинально направился к входной двери.

— Пожалуйста, Джейсон! — В звонком голосе Эллы слышалось невыносимое ангельское благоразумие. — Держи себя в руках, Джейсон. Ты ведь даже не поужинал…

Он яростно захлопнул за собой дверь.

За эти двадцать два года мистер Пибоди не первый раз искал утешения на ветреных просторах Бэннистер-Хилл. И даже желание, глядя на звезду, загадывал не впервые. Не особенно веря в силу этого детского ритуала, он все-таки думал о нем с удовольствием.

Едва он произнес свое желание, как увидел падающую звезду. Крошечную точку света, летящую вверх сквозь лиловый сумрак. Цвет ее, в отличие от других падающих звезд, был не белым, а бледно-зеленым. Это напомнило ему о другом похожем поверье: если увидишь падающую звезду и успеешь загадать желание до того, как она потухнет, то желание сбудется. Он

воодушевленно вдохнул.

— Я хочу, — повторил он, — делать чудеса!

Он успел. Звезда все еще не сгорела. Напротив, он вдруг заметил, что ее зеленоватое сияние становится лишь ярче. Намного ярче! Она взорвалась!

Внезапно на смену туманным мечтаниям мистера Пибоди пришла резкая паника. Он понял, что один из осколков зеленого метеорита, будто пуля с небес, летит прямо на него! Он в ужасе попытался уклониться, прикрыть лицо руками, но…

Мистер Пибоди очнулся, лежа в траве на спине. Он застонал и поднял голову. Месяц уже взошел. Роса на траве блестела в лунном свете. Мистер Пибоди продрог и окоченел. Одежда промокла от росы. И с головой было что-то неладное. Где-то глубоко у основания мозга он чувствовал странную тупую боль. Не острую, но тянущую и пульсирующую. Лоб казался необычно твердым и вытянутым. Его пальцы коснулись засохшей струйки крови, а потом неровных саднящих краев небольшой ранки.

— Господи!

С этим испуганным возгласом он стал ощупывать свой затылок. Но на волосах не было крови.

Эта точечная тупая боль будто находилась прямо под его рукой, но на поверхности не было никаких следов повреждения.

— Господи Боже! — прошептал мистер Пибоди. — Оно застряло в моем мозгу!

Доказательства были налицо. Он видел, как метеорит несся прямо на него. На лбу его было крошечное отверстие — должно быть, там, где метеорит вошел. Ни одного признака, что он вышел, при этом не было. «Почему же я все еще жив? — подумал мистер Пибоди. — Может быть, раскаленный обломок сам прижег нанесенную им рану?» Мистер Пибоди вспомнил, как читал байку о мужчине, который много лет жил с пулей в мозгу.

Метеорит застрял у него в мозгу! Мысль об этом заставила его содрогнуться. Конечно, у них с Эллой случались свои взлеты и падения, но в целом его жизнь была довольно заурядной. Пусть бы даже его застрелил бандит или переехала машина — такое он мог себе представить. Но это…

— Пойду-ка я, пожалуй, к дочкиному доктору Бранту, — прошептал он.

Он пощупал свой рассеченный лоб, надеясь, что рана благополучно заживет, и попытался встать, но им овладела слабость. Во рту резко пересохло.

— Воды! — прохрипел мистер Пибоди.

Он откинулся назад, опираясь на локти, и жажда породила в его сознании образ стеклянного стакана воды. Он стоял тут же, на плоском камне, сверкая в лунном свете. Стакан выглядел таким реальным, что мистер Пибоди протянул руку и взял его.

Он стал пить, ничему не удивляясь. Несколько глотков утолили его жажду, и мысли снова прояснились. Вдруг он задрожал, с ужасом осознав, что случилось. Стакан выпал у него из рук и разбился об камень. Осколки, дразнясь, сверкали под луной. Мистер Пибоди смотрел на них, пытаясь проморгаться.

— Это был настоящий стакан! — прошептал он. — Я сам его сделал — из ничего. Это чудо — я сотворил чудо!

Это слово звучало до странности утешительно. Вообще-то теперь он знал о том, что случилось, не больше, чем до того, как нашел этому название. И все же тревожное ощущение нереальности почти совсем развеялось.

Он вспомнил фильм, снятый по сценарию английского писателя Герберта Уэллса. Фильм был о человеке, способном творить самые невероятные и порой ужасающие чудеса. «В конце концов он

разрушил мир», — вспомнил мистер Пибоди.

— Я ничего такого не хочу, — прошептал он встревоженно и взялся исследовать свой дар.

Сначала он попытался усилием мысли поднять тот маленький плоский камень, на котором до этого стоял волшебный стакан.

— Вверх, — четко скомандовал он, — вверх!

Камень, однако, отказывался двигаться. Тогда мистер Пибоди попробовал представить себе, как он поднимается. Вдруг на том месте, где он это воображал, появился другой, на вид точно такой же камень. Волшебный булыжник тут же обрушился на своего близнеца и раскололся на части. Несколько обломков отлетели мистеру Пибоди в лицо. Он понял, что его дар, в чем бы он ни заключался, мог представлять собой опасность.

— Что бы это ни было, — сказал он себе, — это точно не так, как в фильме. Я могу создавать вещи — небольшие, но тем не менее, — но не могу двигать их. — Он приподнялся на мокрой траве и сел. — Могу ли я… отсылать их обратно?

Он сосредоточил взгляд на осколках разбитого стакана.

— Прочь! — приказал он. — Убирайся прочь, исчезни!

Осколки все так же сверкали в лунном свете.

— Нет, — заключил мистер Пибоди, — отослать его я не могу.

Это, пожалуй, плохо.

Потом он подумал, что стоило бы остерегаться крупных животных, да и вообще всяческого рода опасных существ. И вдруг почувствовал, что дрожит в насквозь промокшей одежде. Он похлопал окоченевшими руками себя по бокам, мечтая о чашечке кофе.

— Что ж, а почему бы и нет? — Он старался говорить уверенно вопреки смутным опасениям. — Сюда, чашка кофе!

Но ничего не появилось.

— Давай же! — крикнул он. — Кофе!

Все еще ничего. И к мистеру Пибоди вернулись сомнения. Может быть, он просто был слишком потрясен метеоритом. Но галлюцинации казались такими реальными. Этот стакан воды, сверкающий в лунном свете…

Но вот же, снова он! Или еще один, точно такой же. Мистер Пибоди неуверенно коснулся стакана и отхлебнул ледяной воды. Все было самым что ни на есть настоящим. Он озадаченно покачал своей больной лысой головой.

— С водой легко, — пробормотал он. — Но как же мне сделать кофе?

Его сознание нарисовало на камне большую белую чашку с блюдцем — от нее шел пар и приятный аромат. Картинка странно, полуреально мерцала. Он сделал что-то вроде попытки нащупать чашку. За этим медленным болезненным движением он на мгновение услышал странный гул в голове. И чашка вдруг стала реальной. С благоговейным трепетом он взял ее в руки. Кофе был горячий, но на вкус как та дешевка, которую Элла покупала, если не было денег. И все-таки это был кофе.

Теперь он знал, как добыть сливки и сахар. Он просто представил маленький сливочник и три белых кубика, а потом сделал то хватательное усилие — и вот, пожалуйста. А еще он почувствовал внезапную незнакомую слабость.

Мистер Пибоди сделал ложку и помешал кофе. Он начинал понимать свой дар. Его слова не имели никакой силы. Он мог воплощать лишь вещи, которые воображал. Для этого требовалось усилие особого рода, сопровождавшееся мощным, но будто бы далеким гулом в ушах. Кроме того, волшебные предметы отражали все недостатки его мыслительных образов. С задней стороны чашки на блюдце была странная дыра — он просто мысленно не дорисовал это место.

Мистер Пибоди, однако, не долго размышлял о нюансах устройства своего дара. Может быть, доктор Брант сумеет это все объяснить: он и в самом деле был очень умным молодым хирургом. Мистер Пибоди же занялся более насущными проблемами.

Он дрожал от холода. И, отказавшись от идеи волшебного костра, настроился, чтобы сделать себе пальто. Это оказалось сложнее, чем он ожидал. Нужно было ясно представить себе шерстяные волокна, пуговицы и пряжки, форму каждой детали, каждый шов. К тому же процесс материализации был очень утомительным. Мистера Пибоди довольно быстро начало трясти от странной усталости. Тупая боль в затылке пульсировала все сильнее. Он снова почувствовал гул — словно бурлила Ниагара сверхъестественной силы. Но наконец пальто было готово. При попытке надеть его мистер Пибоди обнаружил, что сидит оно ужасно. Плечи нелепо обвисали. Рукава, что еще хуже, почему-то оказались зашиты.

Распрощавшись со своими светлыми мечтами, он устало накинул пальто на плечи. Чуть больше стараний и практики, и все обязательно получится. Он должен научиться делать все, что ему захочется.

Уставший и довольный, мистер Пибоди побрел назад по Бэннистер-Хилл. Теперь он мог вернуться домой на заслуженный отдых. Его продрогшее тело предвкушало все домашние блага и теплую постель. Он мечтал, как обрадует Эллу, Уильяма и Бет новостью про дар.

Мистер Пибоди выкинул свое неуклюжее пальто в мусорный бак и запрыгнул в трамвай. Роясь по карманам в поисках мелочи, чтобы заплатить двадцать центов за проезд, он нашел лишь одинокие десять. Волшебная копия монеты решила проблему. Он откинулся на спинку кресла с чувством спокойного удовлетворения.

Первым человеком, которому мистер Пибоди попытался открыть свой необычный дар, оказался его сын Уильям. Тот развалился в самом мягком кресле; его желтоватое лицо украшали полоски лейкопластыря. Уилл рывком вскочил на ноги, пытаясь оглядеться спросонья. Увидев мистера Пибоди, он с облегчением улыбнулся.

— Привет, па, — протянул он. — Ну, ты остыл?

Мысль о даре внушила мистеру Пибоди большую уверенность.

— Не называй меня «па». — Его голос звучал громче, чем обычно. — И я не нагревался, чтобы остывать. — Вдруг его охватило дурное предчув-

ствие. — А что с тобой случилось, Уильям?

Уильям лениво потянулся за трубкой.

— Да въехал тут в меня один, — протянул он. — Какой-то тупица на новом бьюике. Утверждает, что я ехал по встречке. Он вызвал полицию, и машину эвакуировали. Похоже, тебя ждет иск о возмещении ущерба, па. Ну, если не решишь выплатить компенсацию. Водитель эвакуатора сказал, штраф будет под девять сотен… Табачку не найдется, па?

Знакомая беспомощная злость закипела в душе мистера Пибоди. Он задрожал, кулаки его сжались. Но мгновение спустя мысль об обретенной силе позволила ему улыбнуться. Теперь все будет иначе.

— Уильям, — сказал он серьезно, — хотелось бы, чтоб впредь ты вел себя более уважительно. — Он подходил к кульминации — проявлению дара. — Это твоя машина, твоя авария. Разбирайся с ней сам, как хочешь.

Уильям беспечно махнул трубкой.

— Ты, как обычно, мимо, па. Ты же знаешь, никто бы не продал мне машину. Так что пришлось привлечь маму, чтобы подписать договор. Теперь уж не отделаешься, па, ответственность на тебе. Так что, табачку-то не найдется?

Мистера Пибоди снова захлестнул гнев. Но, как и в прошлый раз, мысль о даре пришла к нему на помощь. Он решил, что совершит сразу два чуда. Это должно поставить Уильяма на место.

— Вот тебе табак. — Он указал на пустой угол книжного стола. — Смотри! — Он сосредоточился на образе красной жестяной банки. — Вуаля!

Легкое любопытство Уильяма сменилось скрытым удивлением. Он лениво подошел к банке, протянув:

— Ну да, ну да, па. Только в прошлом году во дворце фокусник проделывал тот же трюк гораздо проворнее и быстрее… — Он заглянул в банку и поднял торжествующий взгляд. — Пусто, па. Довольно дешевый фокус.

— Я забыл. — Мистер Пибоди прикусил губу. — Возьми у меня на комоде, там есть полбанки.

Когда Уильям наконец вышел из комнаты, мистер Пибоди занялся проблемой посерьезнее. К своему замешательству и восторгу, он не стал считаться с теми ограничениями, которые федеральный закон накладывает на творческие акты — волшебные или нет. В его тощем кошельке были остатки недельного жалованья. Он вытащил новенькую десятидолларовую купюру и сосредоточился на ней. Первая копия оказалась

пустой на обороте, вторая — расплывчатой с обеих сторон. Но потом он, кажется, приноровился.

К моменту, когда Уильям вернулся, самодовольно раскуривая трубку, на столе образовалась аккуратная пачка денег. Мистер Пибоди откинулся в кресле, закрыв глаза. Пульсирующая боль вновь отступила, гул в ушах затих.

— Вот, Уильям, — сказал он, устало торжествуя, — ты сказал, тебе нужно девятьсот долларов, чтобы уладить дело с аварией.

Он отсчитал деньги, и Уильям уставился на него, разинув рот, сверкая кривыми зубами.

— Это че такое, па? — Он ахнул, в его голосе зазвучало беспокойство. — Где ты был этим вечером, па? Старина Берг не запер сейф?

— Если тебе нужны деньги, возьми их, — отрезал мистер Пибоди. — И следи за языком, когда разговариваешь с отцом.

Уильям забрал купюры. Мгновение он смотрел на них с недоверием, но потом все же сунул их в карман и выбежал из дома.

В голове мутилось от усталости, и мистер Пибоди растянулся в большом кресле. Его наполнило чувство глубокого удовлетворения. Дар впервые сработал как надо. Волшебных денег хватит и на пятьдесят долларов, которые просила Элла. Да и

потом, он мог сделать еще сколько угодно.

На свет лампы прилетела муха. Наблюдая, как она приземлилась на коробку конфет и поползла по картинке с вишней, мистер Пибоди решился на новый эксперимент. Мельчайшее усилие породило еще одну муху! Только одно отличало волшебное насекомое от настоящего. Выглядели они, насколько он мог видеть, абсолютно одинаково, но, когда он протянул руку к волшебной мухе, она не сдвинулась с места. Она была неживой. Но почему? Мистер Пибоди был немного озадачен. Ему просто не хватало особого навыка для создания живого существа? Или эта тайна природы вовсе была ему неподвластна? Он принялся экспериментировать. Задача никак не решалась: на столе валялись безжизненные мухи, таракан, лягушка и воробей… Но тут он услышал, как распахнулась входная дверь.

Это вошла миссис Пибоди. На ней был новый синий костюм. Специально подшитый, он будто подарил ее крупной фигуре вторую молодость, и мистер Пибоди подумал, что она выглядит почти красиво. Она все еще злилась. Она ответила на его приветствие сдержанным кивком и, величественно пройдя мимо него, направилась к лестнице. Мистер Пибоди взволнованно после-

довал за ней.

— Это твой новый костюм, Элла? Он тебе очень идет.

Она обернулась с достоинством королевы. Ее лицо пылало в гневе, а русые волосы — в свете лампы.

— Спасибо тебе, Джейсон, — сухо ответила она. — Мне было нечем заплатить посыльному. Просто унизительно. Но я пообещала занести деньги в магазин завтра утром, и он все-таки оставил мне костюм.

Мистер Пибоди отсчитал десять волшебных купюр.

— Вот, держи, дорогая, — сказал он. — И еще пятьдесят.

Элла уставилась на него с отвисшей челюстью. Мистер Пибоди улыбнулся ей.

— С этого момента, дорогая, — пообещал он, — все будет по-другому. Теперь я смогу дать тебе все, чего ты заслуживаешь — всегда заслуживала.

На лице Эллы Пибоди отразилось беспокойство, и она поспешно подошла к мужу.

— Что ты такое говоришь, Джейсон?

Она увидела безжизненных мух и, ахнув, отпрянула от таракана, лягушки и воробья.

— Что это? — Ее голос теперь напоминал

визг. — Джейсон, что с тобой?

Мистера Пибоди вдруг охватил страх. Он понял, что другим людям будет сложно понять его дар. Может быть, лучше всего было бы продемонстрировать его в действии.

— Смотри, Элла. Сейчас я покажу тебе.

Он порылся в журналах, лежавших на краю стола. Он уже знал, что материализовать что-то просто по памяти было трудно. Ему нужен был образец.

— Вот. — Он нашел рекламу платинового браслета с бриллиантами. — Хочешь такой, милая?

Элла, бледнея, сделала шаг назад.

— Джейсон, ты с ума сошел? — Ее голос звучал резко и недоверчиво. — Ты же знаешь, что не можешь заплатить даже за самые необходимые мне вещи. А теперь эти деньги, бриллианты — я не понимаю!

Мистер Пибоди уронил журнал на колени. Стараясь не слышать пронзительного голоса Эллы, он стал концентрироваться на браслете. Это оказалось труднее бумажных денег. Голова гудела от пульсирующей боли. Но он совершил то особенное последнее усилие, и дело было сделано.

— Ну как, тебе нравится, милая?

Он протянул ей браслет. Бриллианты сверкали

как настоящие, вес тоже казался внушительным. Но миссис Пибоди не взяла браслета. Она еще больше побледнела. В ее пристальном взгляде появилось осуждение. Вдруг она подошла и спросила:

— Джейсон, откуда у тебя этот браслет?

— Я… я его сделал. — Его голос звучал слабо, он хрипел. — Этот браслет… волшебный.

На фоне суровости жены слова мистера Пибоди казались неубедительными даже ему самому.

— Потрясающая ложь — волшебная! — хмыкнула она. — Джейсон, по-моему, ты пьян! — Она снова подошла к нему. — А теперь правду. Что ты натворил? Ты что, кого-то ограбил? — Она выхватила браслет и потрясла им перед носом у мужа. — Где ты это взял?

Беспокойно оглядываясь, мистер Пибоди заметил, что кухонная дверь медленно приоткрылась. Из-за нее осторожно выглянул Уильям. Побледнев, он сжимал в трясущихся руках длинный нож для хлеба.

— Мам! — прохрипел он. — Мам, ты бы поосторожнее! Па ведет себя очень странно. Он пытался проворачивать какие-то дешевые фокусы, а потом подсунул мне пачку липовых денег. — Выпучив глаза, он увидел в руках мате-

ри браслет. — Шикуем? — В его голосе звучало резкое осуждение. — У тебя, если ты забыл, па, приличная уважаемая семья. Сбываешь липу, брюликами разбрасываешься. Да как ты мог, па?

— Липу? — тихо просипел мистер Пибоди. У него пересохло в горле. — В смысле, липу?

— А, дурака ломаешь? — Уильям хмыкнул. — Что ж, я скажу тебе, па. Липовые деньги — значит фальшивые. Те купюры выглядели странновато, вот я и отнес их к парню в бильярдной, который когда-то промышлял этим делом. Говорит, грязная работа, даже слепой отличил бы от настоящих. И гроша ломаного не стоят. По таким билетам, говорит, только присядешь лет на пятнадцать!

Мистер Пибоди не был готов к такому повороту событий. Немного поразмыслив, он понял, что перепутал символическое обозначение ценности с самой ценностью, и в этом все-таки был виноват.

— Фальшивые…

Он изумленно смотрел на жену и сына: в глазах у них читалось недоверие. К нему подкрадывался холодок — ощущение полного провала. Но он взял себя в руки, чтобы побороть этот страх.

— Я… я не подумал, — пробормотал он. — Тогда

деньги, которые я дал тебе, Элла, тоже придется сжечь. — Он вытер пот со лба и вздохнул. — Но послушайте. — Его голос стал громче. — У меня все еще есть дар. Я могу сделать что угодно — вообще из ничего. Я покажу вам. Я сделаю… я сделаю вам золотой слиток.

Его жена отпрянула: на ее бледном лице застыл страх. Уильям угрожающе помахал ножом и внимательно посмотрел на отца.

— Ладно, па. Валяй.

В материализации золота не могло быть ничего преступного. Но задача оказалась сложнее, чем ожидал мистер Пибоди. Первые смутные очертания слитка начали колебаться, и ему стало плохо. Голова раскалывалась от ритмичной пульсации боли — сильнее, чем было до этого. Поток невидимой силы стал могущественным ураганом, уносящим его сознание прочь. В отчаянии он вцепился в спинку кресла.

Тяжелый желтый слиток, наконец, заблестел под лампой как настоящий. Обессиленный, мистер Пибоди вытер пот с лица, устало махнул рукой в знак своего триумфа и опустился в кресло.

— Что с тобой, милый? — тревожно спросила у него жена. — Ты выглядишь таким бледным и

усталым. Ты болен?

Уильям уже занялся слитком. Он с трудом поднял его, держа за один конец, и уронил на пол. Послышался глухой тяжелый стук.

— Черт возьми, па! — прошептал Уильям. — Он и правда золотой! — Его выпученные глаза зловеще сузились. — Хватит водить нас за нос, па. Ты все-таки взломал сейф сегодня.

— Но я сделал этот слиток. — Мистер Пибоди взволнованно встал, пытаясь возразить. — Вы же видели.

Элла подхватила его под руку.

— Мы знаем, Джейсон, — сказала она ласково. — Но сейчас ты выглядишь таким усталым. Тебе лучше подняться в спальню и лечь. Утром тебе станет лучше.

Ковыряясь в слитке своим перочинным ножом, Уильям воскликнул:

— Эй, мам! Смотри!

Миссис Пибоди поднесла палец к губам и многозначительно кивнула; Уильям замолк. Она помогла мужу подняться по лестнице, довела его до двери их спальни и поспешила обратно к Уильяму.

Мистер Пибоди лениво переоделся в пижаму. Устало вздохнув, он забрался под одеяло и закрыл

глаза. Конечно, поначалу он немного ошибался, но теперь-то все точно будет как надо. Еще немного практики, и он сможет обеспечить жену и детей всем необходимым.

— Папочка?

Мистер Пибоди открыл глаза и увидел, что Бет стоит у его кровати. Ее большие карие глаза испуганно смотрели на него, а в голосе звучала тревога.

— Папочка, что за ужасные вещи с тобой произошли?

Мистер Пибоди вылез из-под одеяла и взял ее за руку. Рука была холодной и напряженной.

— Совершенно чудесные вещи, моя милая, — сказал он. — Вовсе не ужасные. Просто у меня есть волшебный дар. Я могу создавать вещи. Я хочу сделать тебе что-нибудь. Чего тебе хочется, Бетти? Жемчужное ожерелье, может быть?

— Папа, милый!

От волнения ее голос звучал сдавленно. Она присела на краешек кровати и тревожно посмотрела ему в глаза. Ее холодная рука дрожала в его руке.

— Папа, ты не сумасшедший?

Мистер Пибоди почувствовал, что к нему подступает неконтролируемый страх.

— Ну что ты, дочка, конечно нет. С чего бы?

— Мама с Уиллом говорят мне какие-то жуткие вещи, — прошептала она, не отрывая от него глаз. — Они сказали, что ты играл с мертвыми мухами и тараканом, говорил, что умеешь творить чудеса, раздавал фальшивые деньги, украденные драгоценности, даже поддельный золотой слиток…

— Поддельный? — Он сглотнул. — Нет, это было настоящее золото.

Бет беспокойно покачала головой.

— Уилл показал мне, — прошептала она. — Снаружи слиток выглядит золотым. Но, если соскрести верхний слой, окажется, что это просто свинец.

Мистеру Пибоди подурнело. Слезы бессилия наворачивались ему на глаза, и он не мог их сдержать.

— Я пытался, — сказал он, всхлипывая. — Я не знаю, почему у меня ничего не получается. — Он решительно выдохнул и сел на кровати. — Но я могу сделать золото — настоящее золото. Я покажу тебе.

— Папа! — Ее голос был глухим и слабым. — Папа, ты сходишь с ума. — Она закрыла лицо дрожащими руками. — Мама и Уилл были пра-

вы. — Она тихо заплакала. — Но полиция — нет, это выше моих сил!

— Полиция? — Мистер Пибоди вскочил с кровати. — При чем тут полиция?

Бет медленно отошла назад, глядя на него темными испуганными глазами.

— Мама и Уилл позвонили в полицию еще до того, как я пришла. Они думают, что ты сошел с ума и замешан в каких-то страшных преступлениях. Они тебя боятся.

Сцепив пальцы, мистер Пибоди испуганно подошел к окну. У него был инстинктивный страх перед законом, и постоянное чтение детективов только усугубило его панический ужас.

— Они не должны меня поймать! — прохрипел он. — Они не поверят в мой дар. Никто не верит. Они посадят меня за браслет, фальшивые деньги и золото. Посадят! — Он содрогнулся. — Бетти, мне нужно бежать!

— Папа, не надо. — Она схватила его за руку, пытаясь остановить. — Они ведь все равно тебя поймают. Если ты сбежишь, то только увеличишь подозрения.

Он оттолкнул ее руку.

— Мне нужно бежать, говорю тебе. Не знаю куда. Если бы хоть кто-нибудь смог меня понять…

— Папа, послушай! — Бет хлопнула в ладоши, и мистер Пибоди резко отшатнулся. — Тебе нужно к Рексу. Он поможет тебе. Поезжай к нему, а, пап?

Спустя мгновение мистер Пибоди кивнул.

— Он врач. Может быть, он поймет.

— Я позвоню ему — он будет тебя ждать. Одевайся.

Он завязывал ботинки, когда дочь вернулась в спальню.

— Там внизу двое полицейских, — прошептала она. — Рекс сказал, что будет ждать тебя. Но теперь ты не сможешь выйти…

Ее голос оборвался от изумления, когда на ковре волшебным образом появился моток веревки. Мистер Пибоди торопливо привязал один конец к кровати, а второй бросил из окна.

— До свидания, Бетти! — выкрикнул он. — Доктор Рекс позвонит тебе!

Она торопливо заперла дверь — с той стороны стали настойчиво стучать. Пронзительный голос миссис Пибоди беспрепятственно проходил сквозь стены:

— Джейсон! Сейчас же открой дверь. Дже-е-ейсон!

Мистер Пибоди был еще в нескольких футах от земли, когда волшебная веревка вдруг сорвалась.

Он выбрался из-под обломков шпалеры, взглянул на черный полицейский седан, припаркованный у его дома, и поспешил прочь по аллее.

Дрожа от страха и напряжения после своего побега, он обнаружил, что дверь в скромную двухкомнатную квартиру доктора Бранта была не заперта. Он тихо вошел. Молодой врач отложил книгу и, улыбаясь, встал поприветствовать его.

— Рад вас видеть, мистер Пибоди. Садитесь, пожалуйста. Расскажете, что у вас случилось?

Мистер Пибоди, запыхавшись, облокотился на закрытую дверь. Он подумал, что Брант был с ним одновременно слишком любезен и слишком осторожен. Было понятно, что теперь нужно действовать очень аккуратно, чтобы избежать повторения приговора жены и сына.

— По телефону Бет, возможно, сказала, что вам следует ожидать безумца, — начал он. — Но я не сумасшедший, доктор. Еще нет. Просто я, кажется, получил уникальный дар. Никто не верит, что такое возможно. Меня не понимают, подозревают в чем-то. — Он старался говорить убедительно и спокойно, но голос дрожал от досады. — Даже моя собственная семья решила сдать меня полиции!

— Я понимаю, мистер Пибоди. — Голос доктора Бранта звучал очень спокойно. — А теперь при-

сядьте. Располагайтесь поудобнее. И расскажите мне все.

Мистер Пибоди запер дверь на щеколду и устало опустился в мягкое кресло. Он поймал на себе испытующий взгляд доктора.

— Я не хотел ничего плохого. — Его голос все еще норовил сорваться, в нем слышался протест. — Я не совершал никаких преступлений. Я просто хотел помочь своим близким.

— Я знаю, — успокоил его доктор.

Мистера Пибоди вдруг пробрал страх. Он понял, что профессиональная манера Бранта призвана успокоить опасного безумца. Все его слова были бесполезны.

— Бет, наверно, сказала, что обо мне думают дома, — с отчаянием произнес он. — Они мне не верят, но я правда могу создавать вещи. Позвольте, я покажу вам.

Брант улыбнулся: приветливо, без видимого скептицизма.

— Отлично. Давайте.

— Я сделаю вам аквариум.

Мистер Пибоди посмотрел на столик, заваленный трубками и медицинскими журналами, и сосредоточился на том особенном болезненном усилии. Боль и бурление силы утихли, и аквариум

стал реальным. Мистер Пибоди вопросительно взглянул на учтивого доктора.

— Замечательно. Не могли бы вы запустить туда рыбок?

— Нет. — Мистер Пибоди обхватил голову руками, мучаясь от ноющей боли. — Кажется, я не могу создавать живых существ. Это одно из ограничений моей силы, которые я обнаружил.

— Что?

Глаза Бранта немного расширились. Он медленно подошел к маленькому аквариуму, осторожно потрогал его и опустил палец внутрь, в воду. У него отвисла челюсть.

— Что ж. — Он повторял это все с большим выражением. — Что ж, что ж, что ж! — Его серые глаза снова уставились на мистера Пибоди. — Вы меня не обманываете? Никаких фокусов, честное слово? Вы материализовали этот предмет одним только умственным усилием?

Мистер Пибоди кивнул.

Бранта охватил восторг. Пока мистер Пибоди спокойно сидел, восстанавливая дыхание, худощавый молодой врач расхаживал взад-вперед по комнате. Он зажигал трубку, оставлял ее догорать и взволнованно сыпал вопросами.

Уставший мистер Пибоди старался ему отве-

чать. Он еще несколько раз продемонстрировал свой дар, материализовав гвоздь, спичку, кусочек сахара и серебряную запонку. Последняя вышла свинцовой, и он рассказал о похожей проблеме со слитком золота.

— Что ж, небольшие трудности не отменяют самого факта материализации. — Брант снял свои очки без оправы и нервно протер их. — Может быть, вам не хватает знаний об атомном строении… Но факт остается фактом! — Он снова стал расхаживать по комнате.

Еле живой от усталости, мистер Пибоди мысленно благодарил доктора, когда тот предложил ему свою кровать. И хотя голова продолжала слегка пульсировать, спал он крепко.

Где-то высоко над ним яркая звезда подмигнула зеленым светом.

Брант, в свою очередь, спал на кресле — если вообще спал. На следующее утро, помятый, небритый, с отеками под глазами, он разбудил своего будущего тестя. Гвоздь, спичка, запонка и кусочек сахара воскресили в его спутанном сознании вчерашние события; взволнованно он обратился к мистеру Пибоди с вопросом, на месте ли его дар.

Мистер Пибоди чувствовал себя вяло. Боль у

затылка стала сильнее, так что заниматься чудотворством не было никакого желания. И все же он смог обеспечить себя чашкой волшебного кофе.

— Что ж! — воскликнул Брант. — Что ж, что ж, что ж! Я сомневался всю ночь я даже сам себе не верил. Честное слово, это просто невероятно. Но какие возможности это открывает для медицины!

— Для медицины? — с опаской спросил мистер Пибоди. — О чем это вы?

— Не беспокойтесь, — уверил Брант. — Конечно, мы будем держать ваш случай в секрете, по крайней мере, пока не выясним всех необходимых подробностей. Но для вашего же блага — не меньше, чем для блага науки, — позвольте мне исследовать вашу новообретенную силу.

Он нервно протирал очки.

— Вы мой дядя, — объявил он вдруг. — Вас зовут Гомер Браун. Вы живете на севере, в Поттсвиле. Вы приехали ко мне на пару дней, чтобы пройти обследование в больнице.

— В больнице?

Мистер Пибоди попытался возразить. С рождения Бет он панически боялся больниц. Он настаивал, что его тошнит уже от одного их запаха. Протестуя таким образом, он вдруг обнаружил

себя сидящим в такси.

Брант провел его через огромное серое здание, мимо медсестер и интернов. Потом он прошел целую кучу обследований; все обращались с ним так вежливо и осторожно, что он подумал, не считают ли его все-таки сумасшедшим. Наконец, Брант позвал его в маленькую комнатку и закрыл дверь. Он вел себя как-то слишком уж уважительно и серьезно.

— Мистер Пибоди, я должен извиниться перед вами за все мои сомнения, — сказал он. — Рентген доказывает невероятное. Вот, посмотрите сами.

Он посадил мистера Пибоди перед двумя зеркалами, каждое из которых отражало его жутковатый череп. Два изображения сливались в одно. У основания черепа, под глазницами Брант показал маленький черный объект неопределенной формы.

— Вот оно.

— Это метеорит?

— Это чужеродное тело. Мы не можем точно определить его происхождение без операции на мозге. Но рентген показывает, что шрамы, которые оно оставило, пройдя через лобную кость и мозговую ткань, волшебным образом затянулись. Именно этот объект вчера прошиб вам голову.

Мистер Пибоди беззвучно вздохнул и с трудом встал на ноги.

— Операция на мозге, — еле слышно просипел он. — Вы же не…

Брант медленно покачал головой.

— Очень хотелось бы, — сказал он серьезно, — но операция невозможна. Здесь нужно рассечение головного мозга. Никакой хирург за это не возьмется. — Брант осторожно взял мистера Пибоди за руку. Его голос дрогнул. — Было бы нечестно скрывать от вас, что это очень тяжелый случай.

У мистера Пибоди затряслись коленки.

— Доктор, что со мной будет?

Брант со всей серьезностью указал на рентгеновский снимок.

— Чужеродное тело в вашем мозгу радиоактивно, — отчетливо произнес он. — Я заметил, что рентгеновская пленка мутнела, а счетчик Гейгера трещал. — Лицо доктора побелело от нервного напряжения. — Понимаете, его невозможно удалить, — сказал он. — И разрушительное действие радиации на мозговую ткань через несколько недель неизбежно приведет к летальному исходу.

Он покачал головой, а мистер Пибоди смот-

рел непонимающим взглядом. Брант натянуто улыбнулся.

— Похоже, за ваш новый дар вам придется расплатиться жизнью.

Брант отвез своего будущего тестя обратно, в свою маленькую квартиру. Теперь пульсация в голове мистера Пибоди стала для него вечным напоминанием о том, что радиоизлучение разрушает его мозг. Его охватило отчаяние, и он почувствовал себя очень больным.

— Раз уж я знаю, что скоро умру, — сказал он доктору, — я должен позаботиться только об одном. Мне нужно использовать свой дар и оставить достаточно средств, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась.

— Конечно. Уверен, вы справитесь с этим, — согласился Брант. Набивая трубку, он подошел к креслу мистера Пибоди. — Я не хочу давать вам напрасных надежд, — медленно произнес он, — но мне кажется, что существует одна возможность.

— Возможность? — Мистер Пибоди привстал. — Можно удалить камень?

Брант покачал головой.

— Обычным хирургическим методом нельзя, — сказал он. — Но вот что я подумал: ваша

невероятная сила сама исцелила раны, которые до этого нанесла. Если вы научитесь управляться с живыми существами, мы сможем попробовать провести операцию — пользуясь вашими способностями, чтобы заживить мозг после рассечения.

— Это бесполезно. — Мистер Пибоди устало опустился обратно в мягкое кресло. — Я пытался, я не могу создавать живых существ. Мои способности на это просто не рассчитаны.

— Глупости, — сказал ему Брант. — Сложность, наверное, в том, что вы недостаточно хорошо знаете биологию. Небольшой курс по биохимии, анатомии и физиологии должен исправить дело.

— Я попробую, — согласился мистер Пибоди, — но для начала я должен обеспечить свою семью.

Доктор сообщил ему все актуальные сведения о структуре атомов и молекул, и мистер Пибоди научился создавать предметы из драгоценных металлов. История с фальшивым слитком больше не повторялась.

Два дня он работал до изнеможения, материализуя золото и платину. Он делал часовые корпуса, старинные украшения, зубные протезы, медали, чтобы их можно было продать, не вызывая подозрений. Брант отнес все это богатство скупщику старого золота. Обратно он принес

пятьсот долларов и расписку, что доход от лота, когда он будет полностью распродан, составит несколько тысяч.

Мистер Пибоди страдал от боли и усталости после такой активной работы и все еще мучился страхом перед законом. Из газет он узнал, что за его домом следит полиция, и не осмеливался даже позвонить своей любимице Бет.

— Они все думают, что я сумасшедший, даже Бет, — говорил он Бранту. — Может быть, я больше никогда никого из них не увижу. Храните эти деньги у себя, чтобы передать им после моей смерти.

— Глупости, — отвечал молодой врач. — Вот овладеете получше своим даром и сможете все наладить.

Но даже Бранту пришлось признать, что прогрессирующая болезнь мистера Пибоди угрожала прервать эксперимент еще до его начала.

С растрепанными волосами и синяками от недосыпа, бормоча что-то о «преобразовании энергии», «отрицательной энтропии» и «теургических практиках», Брант ночами сидел над тяжелыми томами по теории относительности, атомной физике и парапсихологии, пытаясь найти разумное объяснение дару. Обладатель же

дара в это время крепко спал.

— Думаю, что гул, который вы слышите, — сказал ему Брант, — это не что иное, как свободная энергия космического пространства. Радиоактивный камень каким-то образом стимулировал ваш мозг — может быть, задействуя какую-то рудиментарную психофизическую способность человека, — стимулировал его так, что вы получили возможность концентрировать и преображать эту свободную энергию в атомы материальных объектов.

Мистер Пибоди помотал своей больной головой.

— Что толку мне от вашей теории? — Отчаяние толкнуло его на жалобный монолог. — Я могу творить чудеса, но что толку мне от этой силы? Она разлучила меня с семьей, заставила скрываться от правосудия, превратила меня в какого-то подопытного кролика для ваших экспериментов. Сплошная головная боль — причем буквально. Она еще и убьет меня в конце концов.

— Не убьет, — заверил его Брант, — если научитесь создавать живых существ.

Но, к сожалению, боль и слабость, сопровождавшие его старания, день за днем лишь усиливались. Мистер Пибоди слушал лекции Бранта по

анатомии и физиологии. Он материализовывал комочки протоплазмы, простые клетки и фрагменты ткани.

Доктор, очевидно, строил грандиозные планы по созданию волшебного человека. Он хотел, чтобы мистер Пибоди изучал и создавал человеческие органы и конечности. Несколько дней спустя в консервирующем растворе прямо в ванне плавала целая куча странных волшебных обрезков.

Но потом мистер Пибоди взбунтовался.

— Доктор, я уже слишком слаб, — пытался настаивать он. — Силы покидают меня. Иногда мне кажется, что вместо того, чтобы материализоваться, все просто исчезнет. Я не смогу создать человека — он слишком большой.

— Тогда сделайте кого-нибудь маленького, — сказал ему Брант. — Помните, что, сдавшись, вы перестанете бороться за свою жизнь.

И вот, сидя с учебником по биологии океана, мистер Пибоди запускал маленьких золотых рыбок в аквариум, который он создал еще тогда, в первую ночь. Чешуя рыбок блестела, все было превосходно — за исключением того, что все они плавали на поверхности мертвые.

Бранта не было дома. Мистер Пибоди сидел

перед аквариумом в одиночестве, когда в квартиру бесшумно проскользнула Бет. Она выглядела бледной и измученной.

— Папа! — взволнованно крикнула она. — Как ты? — Она подошла к нему, взяла за руки и почувствовала, что они дрожат. — Рекс просил меня не приходить: он боится, что за мной проследит полиция. Но вряд ли они меня видели. И я не могла не прийти. Я так волновалась за тебя, папа. Как ты себя чувствуешь?

— Думаю, что все будет в порядке, — решительно солгал мистер Пибоди и попытался унять дрожь в голосе. — Я так рад тебя видеть, милая. Расскажи мне, как там мама с Уиллом.

— У них все хорошо. Но, папа, ты так плохо выглядишь!

— Зато у меня для тебя кое-что есть. — Мистер Пибоди достал из бумажника пятьсот долларов и сунул ей в руку. — После… потом будет еще.

— Но, папа…

— Не волнуйся, милая, они не фальшивые.

— Нет, я не об этом. — Было слышно, как ей тяжело. — Рекс пытался рассказать мне обо всех этих чудесах. Я ничего не понимаю, папа, я уже не знаю, чему верить. Но я точно знаю, что нам не нужны деньги, которые ты от них получаешь.

Никому из нас не нужны.

Мистер Пибоди старался скрыть свою боль.

— Милая, но как же вы будете жить? — спросил он.

— Со следующей недели я выхожу на работу, — сказала она. — Буду администратором у одного стоматолога, пока Рекс не откроет свой кабинет. А мама собирается взять двух жильцов в свободную комнату.

— А как же Уильям? — спросил мистер Пибоди.

— У него уже есть работа, — сообщила Бет. — Помнишь того типа, с которым Уилл попал в аварию? Оказалось, у него свой гараж. Уилл теперь там работает, получает пятьдесят долларов в неделю и тридцать отдает на ремонт машины хозяина. Так что с Уиллом все в порядке.

Она произнесла это с таким видом, что мистер Пибоди понял: у больших изменений в его семье был идейный вдохновитель — Бет явно приложила к этому руку. Мистер Пибоди благодарно улыбнулся ей, но ничего не ответил.

Бет не захотела смотреть, как действует его дар.

— Нет, папа. — Она чуть ли не с ужасом отпрянула от аквариума с мертвыми рыбками. — Я не

люблю волшебство и не верю в бесплатный сыр: он ведь бывает только в мышеловке. — Она снова подошла к нему и уверенно взяла за руку. — Папа, — попросила она ласково, — почему бы тебе не оставить этот дар? В чем бы он ни заключался. Поговорить с полицией, с твоим начальником, попробовать вернуться на работу.

Мистер Пибоди покачал головой, горько усмехаясь.

— Боюсь, объяснить все это будет не так-то просто, — сказал он. — Но я готов оставить дар — как только смогу.

— Папа, я тебя не понимаю. — Она почти плакала. — Но мне нужно идти. Надеюсь, полиция не следила за мной. Я вернусь, как только смогу.

Она ушла, и мистер Пибоди неохотно вернулся к волшебным рыбкам.

Пять минут спустя дверь бесцеремонно распахнули. Мистер Пибоди испуганно поднял глаза — и бледный призрак наполовину материализованной рыбки замигал и исчез.

Мистер Пибоди ожидал увидеть Бранта, но в комнату вошли четверо полицейских, двое из них были в штатском. Они торжественно объявили, что он арестован, и стали обыскивать квартиру.

— Сержант! — завопили из ванной. — Кажется,

доктор Брант тоже в деле. И тут не только ограбление, мошенничество и фальсификация. Тут еще и убийство — с членовредительством!

Испуганные полицейские настороженно обступили мистера Пибоди и защелкнули наручники. Мистер Пибоди, однако, выглядел странно счастливым для человека, которого только что арестовали по подозрению в самом тяжком преступлении. Боль перестала омрачать его лицо, и он довольно улыбался.

— Они исчезли! — крикнул полицейский из ванной. На смену его чистому ужасу пришла парализующая растерянность. — Они были здесь минуту назад. Клянусь. Но теперь в ванне только вода.

Сержант подозрительно смотрел на мистера Пибоди — тот выглядел спокойным и уставшим. Потом сделал несколько язвительных замечаний рядовому, застывшему в дверях, и, наконец, от души выругался. Впалые глаза мистера Пибоди закрылись, улыбка расслабленно размякла. Сержант поймал его, когда он покачнулся и упал. Мистер Пибоди заснул.

На следующее утро он проснулся в больничной палате. Доктор Брант сидел у его кровати. На первый тревожный вопрос мистера Пибоди он

ответил ободряющей ухмылкой.

— Вы мой пациент, — пояснил он. — У вас был необычный случай — амнезия, и я за вами наблюдал. Амнезия — очень удобный диагноз. И вы идете на поправку.

— А полиция?

Брант махнул рукой.

— Вам нечего бояться. Нет никаких доказательств, что вы виновны в каком-то преступлении. Конечно, они интересуются, откуда вы взяли фальшивые деньги, но они точно не смогут доказать, что вы их сделали. Я уже сказал им, что, страдая амнезией, вы не сможете им ничего объяснить.

Мистер Пибоди вздохнул и с облегчением потянулся под одеялом.

— А теперь я задам вам пару вопросов, — сказал Брант. — Куда так удачно исчезли обрезки из ванны? И камень из вашей головы? На рентгеновском снимке его больше нет.

— Я просто отослал их назад, — сказал мистер Пибоди.

Брант медленно вздохнул и покивал головой.

— Понятно, — сказал он наконец. — Рождению пар частиц должна сопутствовать аннигиляция. Но как вы это сделали?

— Меня осенило, когда в дом ворвалась полиция, — сказал мистер Пибоди. — Я снова пытался сделать эту чертову рыбку, но слишком устал, чтобы довести дело до конца. Когда я услышал, как открылась дверь, я сделал небольшое усилие, чтобы, ну, как-то отпустить свои мысли, оттолкнуть их. — Он снова вздохнул с облегчением. — Вот так и получилось. Рыбка исчезла, и у меня будто что-то взорвалось в голове. Я понял, как можно уничтожать вещи. Аннигилировать — так вы говорите? Это гораздо проще, чем создавать, главное — понять принцип. И я позаботился об обрезках в ванне и о своем метеорите.

— Понятно. — Не успокоившись, Брант сделал круг по комнате и снова подошел, чтобы спросить: — Теперь, когда камня больше нет, полагаю, ваш необычный дар пропал?

Прошло несколько секунд, прежде чем мистер Пибоди ответил.

— Да, он пропал, — тихо сказал он.

Эти слова, однако, были ложью. Мистер Пибоди усвоил урок — лучше не раскрывать правды. С аннигиляцией метеорита голова перестала болеть. Но, как он только что убедился, создав и тут же уничтожив рыбку под одеялом, дар остался при нем.

Продолжая работать бухгалтером, мистер Пибоди внешне остался почти таким же, каким он был в ту безумную ночь на Бэннистер-Хилл. И все же кое-что в нем изменилось. Он стал держаться увереннее, и мистер Берг повысил его в должности и поднял жалованье. Таинственные обстоятельства, сопровождавшие его «амнезию», внушили семье и соседям особое благоговение перед ним. Теперь Уильям очень редко называет его «па».

Мистер Пибоди использует свой дар очень осторожно. Иногда, будучи один, осмеливается наколдовать себе сигарету. Как-то ночью его терпение лопнуло, и жужжащий под ухом комар просто испарился. А еще у него откуда-то появился комплект рыболовных снастей, о котором мечтали все его друзья. Вместе с ним появилось и время рыбачить.

В основном дар служит на радость двум его внукам: он показывает им волшебные фокусы и делает крошечные игрушки. Но об этом он строго-настрого запрещает рассказывать их родителям: Бет и доктору Бранту.

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1987). Неудачник

Перевод Али Малик

Второй рассказ Хайнлайна (в принципе опубликованный и по счету в этом сборнике) «Неудачник» содержит в себе все элементы, которые сделали писателя великим: внимание к деталям, поток повествования, юный протагонист и интересная социальная экстраполяция. «Космический строительный корпус», очевидно, в долгу перед Гражданским корпусом охраны природы времен Великой депрессии[31]. В дальнейшем было много чего интересного – об этом см. том 2, 1940.

(Никто никогда не доминировал в области научной фантастики так, как Боб в первые несколько лет своей карьеры. Это был феномен одного человека, который вряд ли когда-либо повторится. Наша сфера стала

[31] Сноски: 31

Гражданский корпус охраны природы — программа по трудоустройству безработных, действовавшая в США с 1933 по 1942 год. Члены корпуса строили дороги, сажали деревья, охраняли национальные парки, а за это получали еду и небольшое жалованье.

слишком обширной, ее природа – слишком разнообразной, а авторов теперь слишком много, чтобы кто-то один мог затмить остальных. А.А.)

> «...с целью сохранения и развития наших межпланетных ресурсов и обеспечения занятости молодежи этой планеты».
>
> Выдержка из разрешительного акта, У. П. 7118, о создании Космического строительного корпуса.

— Стройся! — Рык старшего сержанта космического десанта разрезал туман слякотного мерзкого утра в Нью-Джерси. — Как услышите свое имя, отвечайте «Здесь», делайте шаг вперед с вещами и поднимайтесь на борт. Аткинс!

— Здесь.

— Остин!

— Здеся.

— Эйрес!

— Здесь.

По одному они выходили из строя, закидывали на плечи вещмешки — не больше ста тридцати фунтов личных вещей на человека — и с трудом карабкались по трапу. Они были молоды — не старше двадцати двух лет, так что иногда багаж

перевешивал владельца.

— Каплан!

— Здесь.

— Кит!

— Тута.

— Либби!

— Здесь.

Тощий долговязый блондин отделился от шеренги, поспешно вытер нос и схватил свои вещи. Он перекинул через плечо толстую холщовую сумку, поправил ее, свободной рукой поднял чемодан и направился к трапу нетвердой рысцой. Когда он ступил на трап, чемодан ударил его по коленкам. Он споткнулся о невысокую жилистую фигуру, одетую в бледно-голубую форму Космического флота. Сильные пальцы схватили его за руку и не дали упасть.

— Спокойно, сынок, не падай. — Другой рукой мужчина поправил холщовую сумку.

— Ух, извините. — Смущенный юноша машинально насчитал четыре нашивки серебряной тесьмы под падающей звездой. — Капитан, я не…

— Давай руку и поднимайся на борт, сынок.

— Есть, сэр.

Проход во внутреннюю часть корабля был в сумраке. Когда глаза парня привыкли к темно-

те, он увидел помощника наводчика, одетого в бронежилет каптенармуса, который указывал большим пальцем на открытую герметичную дверь.

— Сюда. Найди свой шкафчик и жди у него.

Либби поспешил подчиниться. Внутри он увидел сваленные в кучу сумки и парней в просторном отсеке с низкими потолками. Линия ламп тянулась вдоль стыка перегородки и потолка и рассекала его натрое; негромкий шум вентиляторов создавал фон для голосов его товарищей. Он пробрался сквозь груду багажа и нашел свой шкафчик под номером 7-10 в концевой части крыла. Либби сломал пломбу на кодовом замке, взглянул на комбинацию и открыл маленький шкафчик — тот был средним в ряду из трех шкафов. Он поразмышлял, что будет там хранить. Вдруг громкоговоритель заглушил голоса и привлек его внимание:

— Слушай мою команду! Первое отделение, все по местам. Взлет через двенадцать минут. Закрыть герметичные двери. Выключить вентиляторы за две минуты до взлета. Особые указания для пассажиров: разложить весь багаж по палубе и лечь, когда зажжется красный сигнал. Не вставать до отбоя. Каптенармусам проверить

выполнение команды.

Помощник наводчика заглянул внутрь, огляделся и немедленно принялся руководить размещением багажа. Тяжелые предметы закрепляли на полу, дверцы шкафчиков закрывали. К тому времени, когда все разместились на палубе, а каптенармус подложил себе под голову подушку, лампы загорелись красным, и громкоговоритель рявкнул:

— Внимание: взлетаем! Приготовьтесь к ускорению.

Каптенармус спешно прилег на две дорожные сумки и оглядел комнату. Вентиляторы зашелестели, останавливаясь. На две минуты воцарилась мертвая тишина. У Либби заколотилось сердце. Эти две минуты тянулись вечность. Затем палуба задрожала, и грохот, будто пар вырывается под высоким давлением, ударил по барабанным перепонкам. Тело вдруг потяжелело, и Либби почувствовал давление на грудь и сердце. Спустя некоторое время лампы вспыхнули белым светом, и диктор рявкнул:

— Начать дежурство согласно расписанию, первое отделение.

Заработали вентиляторы. Каптенармус встал, почесал задницу, хлопнул в ладоши и сказал:

— Так, парни.

Он открыл дверь в коридор. Либби встал и чуть не упал, упершись в перегородку. Конечности затекли, кроме того, он чувствовал себя пугающе легким, будто сбросил половину и так небольшого веса.

Следующие два часа было не до праздных мыслей или тоски по дому. Надо было спустить в трюм чемоданы, коробки и сумки и закрепить их для углового ускорения. Либби нашел безводный ватерклозет и научился им пользоваться. Еще он обнаружил отведенную ему койку и узнал, что та ему принадлежит только восемь часов в сутки: двое других новобранцев тоже спали на ней. Три отделения ели в три смены, всего девять смен — двадцать четыре молодых человека и каптенармус за одним длинным столом, который занимал все место в узком отсеке рядом с камбузом.

После обеда Либби убрал вещи в шкафчик. Он стоял перед ним и разглядывал фотографию, которую хотел прикрепить к внутренней стороне дверцы, когда в отсеке раздалась команда:

— Смирно!

В дверях стоял капитан в сопровождении каптенармуса. Капитан заговорил:

— Вольно. Садитесь. Маккой, сообщите диспетчеру, чтобы подключил ваш отсек к дымовому фильтру.

Каптенармус поспешил к коммуникатору, закрепленному на перегородке, и что-то зашептал в него. Почти сразу же гул вентиляторов поднялся на пол-октавы.

— Теперь можете курить. Я хочу с вами поговорить.

Вы, юнцы, готовитесь к самому важному событию в вашей жизни. Отныне вы мужчины, и вы беретесь за едва ли не самую сложную работу в мире. Эта работа — часть масштабного плана. Вы и сотни тысяч других первопроходцев должны переделать Солнечную систему — чтобы люди могли эффективнее ее использовать.

Что еще важно, вы получите возможность стать полезными и счастливыми гражданами Федерации. По той или иной причине у вас не сложилась жизнь на Земле. Может быть, у кого-то профессия перестала быть востребованной из-за прогресса. Другие неправильно распорядились досугом и попали в беду. В любом случае вы были неудачниками. Может быть, на вас навесили ярлык негодяя, а ваше личное дело и читать страшно — столько делов вы понаделали.

Но вы начинаете с чистого листа. Здесь в корабельном журнале вписано лишь ваше имя. И только вам решать, что будет написано дальше.

Теперь о работе. Работа нам досталась нелегкая. Это не стройотряд на Луне с выходными в Луна-сити и домашними удобствами. Не досталось нам и планеты с нормальной гравитацией, где можно съесть полноценный обед и дать ему перевариться, а не вывернуть обратно на стол. Вместо этого нам придется отправиться к астероиду HS-5388 и превратить его в космическую станцию З-М3. У него вообще нет атмосферы, и гравитация составляет лишь два процента от земной. Мы будем порхать как мухи, по крайней мере, полгода. Никаких девушек, никакого телевидения, никаких развлечений, если только вы не придумаете их сами, и тяжелая работа каждый день. Вас ждет космическая болезнь, сильная тоска по дому и боязнь открытых пространств. Если вы не будете осторожны, то получите облучение. Ваш желудок взбунтуется, и вы пожалеете, что вызвались добровольцами на эту экспедицию.

Но если вы будете хорошо себя вести и прислушаетесь к советам бывалых космонавтов, то вернетесь сильными и здоровыми, в банке у вас появятся кое-какие деньжата, а в голове оста-

нется столько знаний и опыта, которых вы не получили бы и за сорок лет на Земле. Вы станете настоящими мужчинами.

И напоследок. С непривычки будет неудобно. Просто заботьтесь друг о друге, и все будет хорошо. Если у вас появятся жалобы и вы не сможете урегулировать их самостоятельно, приходите ко мне. В целом, это все. Вопросы?

Один из юношей поднял руку.

— Капитан? — робко спросил он.

— Говори громче, парень, и назови свое имя.

— Роджерс, сэр. Сможем ли мы получать письма из дома?

— Да, но не очень часто. Может быть, раз в месяц или около того. Почту будут передавать через судового священника, а также с инспекционными и грузовыми судами.

Из громкоговорителя раздалось:

— Всем приготовиться! Свободный полет через десять минут. Будьте готовы к невесомости.

Каптенармус наблюдал за установкой захватных тросов. Все незакрепленное снаряжение было быстро собрано, и каждому парню выдали маленькие целлофановые пакетики. Едва с этим было покончено, как Либби почувствовал легкость в ногах — словно скоростной лифт быстро

останавливается во время подъема, но сейчас ощущение не проходило, только усиливалось. Сначала новизна будоражила, но быстро стало неприятно. Кровь стучала в ушах, а ступни были липкими и холодными. Ускорилось слюноотделение. Он попытался сглотнуть, поперхнулся и закашлялся. Затем почувствовал, как желудок задрожал и сжался в резком, болезненном, судорожном рефлексе, и его внезапно сильно затошнило. После первого мучительного спазма он услышал крик Маккоя:

— Эй! Держите пакеты наготове, как я говорил. Нельзя, чтобы это попало в вентиляцию.

Либби смутно осознавал, что предостережение относилось и к нему. Он потянулся за пакетиком именно в тот момент, когда его затрясло во второй раз, но ему удалось прижать пакет ко рту до приступа рвоты. Когда шум утих, он осознал, что парит где-то высоко, лицом к двери. Главный каптенармус проскользнул в дверь и заговорил с Маккоем.

— Ну как?

— Неплохо. Некоторые промахнулись мимо пакетов.

— Хорошо. Приберитесь. Можно воспользоваться шлюзом правого борта.

Он выплыл.

Маккой коснулся руки Либби.

— Вот, мелкий, лови теперь это, как бабочек. — Он протянул ему тряпку, затем взял другую и аккуратно схватил шарик скользкой грязи, плававшей по отсеку. — Убедитесь, что пакеты на месте. Когда станет плохо, просто остановитесь и подождите, пока приступ не закончится.

Либби повторял все точь-в-точь за каптенармусом. Через несколько минут комната была очищена от остатков мерзости. Маккой оглядел помещение и заговорил:

— А теперь снимите эту грязную одежду и переоденьтесь. Трое или четверо отнесут все в шлюз по правому борту.

Сначала они погрузили пакеты в шлюз правого борта, потом загерметизировали внутреннюю дверь и открыли внешнюю. Когда внутренняя дверь снова открылась, мусор исчез — его унесло в открытый космос.

Мелкий обратился к Маккою.

— Одежду тоже выбросим?

— Ха-ха, нет, просто вакуумируем ее. Отнесите в шлюз и привяжите к тем крюкам на перегородках. Главное, покрепче.

На этот раз двери закрыли примерно на пять

минут. Когда их отворили, одежда была абсолютно сухой — вся влага выкипела из-за космического вакуума. Все, что осталось от рвоты, — это стерильный порошкообразный осадок. Маккой с одобрением посмотрел на них.

— Пойдет. Отнесите обратно в отсек и потом почистите щеткой перед вытяжкой — и посильней.

Следующие несколько дней превратились в вечные страдания. Их тревожила не тоска по дому: на ее место пришло всепоглощающее уныние космической болезни. Капитан давал добро на пятнадцать минут умеренного ускорения во время каждого из девяти приемов пищи, но передышка усиливала мучения. Ослабевший Либби ходил зверски голодный. Еда оставалась в желудке только до свободного полета, а затем болезнь снова брала свое.

На четвертый день он сидел, прислонившись к перегородке, наслаждаясь роскошью нескольких оставшихся минут притяжения, пока ела последняя смена, когда вошел Маккой и сел рядом с ним. Помощник наводчика надел на лицо дымовой фильтр и закурил. Он глубоко вздохнул и принялся болтать.

— Как дела, приятель?

— Неплохо, мне кажется. Но космическая бо-

лезнь… Скажите, Маккой, как вы вообще к ней привыкли?

— Со временем ты с этим справишься. У тебя появятся новые рефлексы, так мне говорили. Как только ты научишься глотать, не давясь, все будет в порядке. Тебе даже начнет это нравиться. Это успокаивает и расслабляет. В космосе, чтобы выспаться, хватает и четырех часов.

Либби печально покачал головой.

— Мне кажется, что я никогда к этому не привыкну.

— Привыкнешь. Куда ты денешься. У астероида вообще не будет гравитации на поверхности; главный квартирмейстер говорит, что она составляет не больше двух процентов от земной. Этого недостаточно, чтобы вылечить космическую болезнь. И не будет никакого способа ускорить корабль для приемов пищи.

Либби вздрогнул и обхватил голову руками.

Определить местонахождение одного астероида среди нескольких тысяч не так просто, как найти Трафальгарскую площадь в Лондоне, — особенно в наполненной звездами галактике. Вы взлетаете с Земли с орбитальной скоростью около девятнадцати миль в секунду. Вы пытаетесь вписаться в сложную коноидальную кривую,

которая не только пересечет орбиту крошечного быстро движущегося тела, но и обеспечит точное сближение. Астероид HS-5388, «Восемьдесят восьмой», находится на расстоянии примерно двух целых и двух десятых астрономических единиц от Солнца, что составляет немногим более двухсот миллионов миль. Когда корабль взлетел, он находился в трехстах миллионах миль от Солнца. Капитан Дойл дал приказ штурману построить базовый эллипсоид для свободного полета вокруг Солнца на расстоянии около трехсот сорока миллионов миль. Это тот же принцип, что и в охоте: «вести» утку в полете, чтобы потом ее подстрелить. Но предположим, что вы смотрите прямо на Солнце, когда стреляете; предположим, птицу не видно с того места, где вы стоите, и прицелиться вы можете, только припомнив отчеты о том, как она летела в последний раз.

На девятый день полета капитан Дойл отправился в штурманскую рубку и начал нажимать клавиши на громоздком интегральном калькуляторе. Затем он велел связному засвидетельствовать почтение штурману и попросить его пройти в штурманскую рубку. Несколько минут спустя в дверь вплыл высокий грузный мужчина, оперся о поручень и поприветствовал капитана.

— Доброе утро, шкипер.

— Привет, Блэки. — Старик поднял глаза от устройства. — Я проверял корректировки при ускорении для приема пищи.

— Досадно, когда на борту находится куча салаг, сэр.

— Это так, но мы должны дать этим мальчикам возможность поесть, иначе они не смогут работать, когда мы доберемся до точки назначения. Теперь я хочу сбрасывать скорость, начиная примерно с десяти часов по корабельному времени. Какова наша скорость и координаты на восемь часов?

Штурман достал из-за пазухи блокнот.

— Триста пятьдесят восемь миль в секунду; курс на прямое восхождение на пятнадцать часов восемь минут двадцать семь секунд, отклонение минус семь градусов три минуты; расстояние до Солнца сто девяносто два миллиона четыреста восемьдесят тысяч миль. Наше радиальное положение на двенадцать градусов выше курса, и мы почти точно по курсу на прямое восхождение. Вам нужны координаты Солнца?

— Позже. — Капитан склонился над калькулятором, нахмурился и прикусил кончик языка, управляясь с приборами. — Хочу, чтобы вы снизи-

ли ускорение примерно на миллион миль внутри орбиты Восемьдесят восьмого. Я ненавижу тратить топливо впустую, но в поясе полно мусора, а этот проклятый камень такой маленький, что нам, вероятно, придется выйти на поисковую орбиту. Потратьте двадцать часов на торможение и начинайте менять курс по левому борту через восемь часов. Используйте асимптотический подход. Вы должны вывести корабль на круговую траекторию, как у Восемьдесят восьмого, и параллельную его орбите, к шести часам завтрашнего утра. Разбудите меня в три.

— Есть, сэр.

— Покажешь мне расчеты, когда выведешь их. Я принесу регистрационный журнал позже.

Корабль ускорился, как и планировалось. Вскоре после трех капитан вошел в рубку управления и прищурился, вглядываясь в темноту. Солнце все еще было скрыто за корпусом корабля, и полуночную темноту нарушало только тусклое голубое свечение циферблатов приборов и отблеск света из-под крышки приборной доски. Штурман обернулся, услышав знакомые шаги.

— Доброе утро, капитан.

— Доброе утро, Блэки. Уже в зоне видимости?

— Пока нет. Мы проверили с полдюжины асте-

роидов, но ни один из них не наш.

— Какой-то из них пролетал поблизости?

— Не то чтобы. Время от времени мы сталкивались с частицами астероидов.

— Это вряд ли нам навредит — во всяком случае, такому судну, как наше. Если бы пилоты понимали, что астероиды движутся в фиксированных направлениях с вычислимыми скоростями, никто бы не пострадал. — Он сделал паузу, чтобы прикурить сигарету. — Говорят, что космос опасен. Конечно, раньше так и было; но я не знаю ни одного случая за последние двадцать лет, который нельзя было бы списать на чью-нибудь глупость.

— Вы правы, шкипер. Кстати, под приборной доской есть кофе.

— Спасибо, я выпил чашечку внизу.

Он прошел мимо дозорных за стереоскопами и радарными установками и всмотрелся в усеянную звездами черноту. Спустя три сигареты ближайший к нему дозорный окликнул его.

— Вижу свет!

— Где?

Его напарник сверился с наружными циферблатами стереоскопа.

— Плюс точка два, по корме один точка три,

небольшой дрейф за кормой. — Он переключился на радар и добавил: — Дальность семь девять ноль четыре три.

— Совпадает?

— Может быть, капитан. Какой у астероида диаметр? — донесся приглушенный голос штурмана из-под приборной доски.

Первый дозорный поспешно покрутил ручки своего прибора, но капитан оттолкнул его в сторону.

— Я сделаю это, сынок. — Он приложил лицо к двойным защитным очкам и осмотрел маленькую серебристую сферу, крошечную луну. Он осторожно переместил два подсвеченных перекрестия вверх, пока они не оказались точно по касательной к верхнему и нижнему краям диска. — Отметка!

Показания были зафиксированы и переданы штурману, который вскоре вынырнул из-под крышки.

— Это наш малыш, капитан.

— Хорошо.

— Мне произвести визуальную триангуляцию?

— Пусть это сделает дежурный офицер. Ты иди вниз и немного поспи. Я сбавлю обороты, пока мы не подойдем достаточно близко, чтобы вос-

пользоваться оптическим дальномером.

— Спасибо, я так и сделаю.

Через несколько минут по кораблю разнесся слух, что Восемьдесят восьмой появился в поле зрения. Либби оказался на кубрике по правому борту в толпе возбужденных товарищей и попытался разглядеть их будущий дом через иллюминатор. Маккой охладил их энтузиазм.

— К тому времени, когда мы достаточно приблизимся к астероиду, чтобы его можно было разглядеть невооруженным глазом, мы все будем на местах для посадки. Астероид диаметром всего в сто миль.

Так оно и было. Много часов спустя диктор прокричал:

— Всем приготовиться! Займите свои места для посадки. Закройте все герметичные двери. Приготовьтесь отключить вентиляторы по сигналу.

По приказу Маккоя они лежали следующие два часа. Короткие вспышки факелов ракетных двигателей чередовались с тошнотворной невесомостью. Затем вентиляторы остановились, и штуцеры контроля со щелчком встали на свои места. Корабль на несколько мгновений завис в свободном падении. Последний быстрый взрыв, пять секунд падения, и короткий легкий скреже-

щущий удар. Из громкоговорителя раздался звук горна, и снова заработали вентиляторы.

Маккой легко поднялся на ноги и, покачиваясь, встал на цыпочки.

— Всем выйти, бойцы, это конец пути.

Невысокий коренастый парень, немного моложе других, неуклюже последовал его примеру и бросился к двери, крича на ходу:

— Давайте, ребята! Давайте выйдем наружу и осмотримся!

Каптенармус заткнул его:

— Не так быстро, паренек. Дерзай, но снаружи нет воздуха. Ты или замерзнешь насмерть, или сгоришь заживо или взорвешься, как спелый помидор. Командир отряда, выдели шестерых, чтобы они достали скафандры. Остальным оставаться на местах.

Вскоре рабочая группа вернулась, нагруженная парой дюжин объемных упаковок. Либби выпустил из рук те четыре, которые нес, и наблюдал, как они мягко опускаются на палубу. Маккой расстегнул молнию на упаковке одного из костюмов и прочитал им инструктаж:

— Это стандартная рабочая модель «Марк IV», серийный выпуск, вторая модификация. — Он схватил костюм за плечи и встряхнул его

так, чтобы тот развернулся и стал похож на длинное зимнее нижнее белье; шлем при этом беспомощно повис. — Он поддерживает жизнедеятельность в течение восьми часов, на этот же период времени есть запас кислорода. Он также оснащен резервуаром для очистки азота и картриджным фильтром для удаления углекислого газа и водяных паров.

Он продолжал бубнить, практически дословно повторяя описание и инструкции из регламента. Маккой знал эти костюмы так же хорошо, как язык знает небо; это знание не раз спасало ему жизнь.

— Костюм сделан из стекловолокна, ламинированного нелетучим асбестоцеллюлитом. Эта ткань гибкая, очень прочная и отражает любые лучи, которые могут быть в Солнечной системе за пределами Меркурия. Костюм надевают на обычную одежду, но обратите внимание на складки гармошкой на основных швах, скрепленные проволокой. Это сделано для того, чтобы внутренний объем костюма оставался неизменным при сгибании рук и ног. В противном случае давление газа надувало бы костюм, и носить его было бы затруднительно.

Шлем отлит из прозрачного силикона, покрыт

свинцом и поляризован для защиты от мощного излучения. Он может быть оснащен внешними козырьками любого необходимого типа. Сейчас приказано носить фильтр не слабее янтарного номер два. Кроме того, свинцовая пластина покрывает череп и проходит вниз по задней стенке скафандра, полностью закрывая позвоночник.

Костюм оснащен двусторонней телефонией. Если ваша рация отключится, такое часто бывает, вы сможете разговаривать, соприкоснувшись шлемами. Вопросы?

— Как мы будем есть и пить на протяжении восьми часов?

— Вы не будете в них находиться по восемь часов. Вы можете класть сахарные шарики в приспособление в шлеме, но вы, мальчики, всегда будете принимать пищу на базе. Что касается воды, то в шлеме рядом с вашим ртом есть соска, до которой вы можете дотянуться, повернув голову влево. Она подключена к встроенной фляге. Но не пейте больше, чем необходимо, когда вы одеты в костюм. В нем нет встроенного туалета.

Каждому парню выдали по костюму, и Маккой показал, как их надевать. Костюм расстилался во всю длину спиной вниз на палубе, передняя молния, которая тянулась от шеи до промежно-

сти, была широко расстегнута, и человек садился внутрь этого отверстия, после чего нижняя часть натягивалась наподобие длинных чулок. Затем надо было залезть в рукава и втиснуться в тяжелые гибкие рукавицы. Наконец, чтобы надеть шлем, надо было сгорбиться и откинуть голову назад.

Либби следил за движениями Маккоя и поэтому смог надеть свой костюм. Он осмотрел молнию, которая закрывала единственное отверстие костюма. Она закреплялась двумя мягкими прокладками, которые прижимались друг к другу застежкой-молнией и герметизировались внутренним давлением воздуха. Внутри шлема к фильтру вел загубник для выдоха.

Маккой суетился, осматривал новобранцев, подтягивал ремни то тут, то там, инструктировал их по использованию внешних средств управления. Удовлетворенный, он доложил в боевую рубку, что его отделение прослушало основные инструкции и готово к высадке. Ему разрешили вывести их на получасовую акклиматизацию.

Маккой вывел по шесть человек за раз через воздушный шлюз на поверхность планетоида. Либби заморгал от непривычного блеска солнечных лучей на скале. Хотя Солнце находилось

более чем в двухстах миллионах миль и заливало маленькую планету излучением, составляющим лишь пятую часть того, что получала мать-Земля, тем не менее из-за отсутствия атмосферы свет был очень ярким, и он щурился. Он был рад, что находится под защитой янтарного фильтра. Над головой Солнце размером с монетку сияло с мертвого черного неба, на котором немигающие звезды теснили друг друга и само Солнце.

В наушниках Либби прозвучал голос товарища:

— Ого! Горизонт так близко. Держу пари, до него не больше мили.

Либби окинул взглядом голую равнину и задумался над этим вопросом.

— Еще ближе, — сказал он. — Меньше трети мили.

— А ты, черт возьми, откуда знаешь, Мелкий? И кто тебя вообще спрашивал?

Либби, защищаясь, ответил:

— На самом деле тысяча шестьсот семьдесят футов, если считать, что мои глаза находятся на высоте пяти футов трех дюймов над уровнем земли.

— Дичь какая-то. Мелкий, ты что, самый умный?

— Это неправда, — запротестовал Либби. — Если астероид круглый и диаметром в сто миль, то, естественно, горизонт должен находиться на таком расстоянии.

— Кто это сказал?

Маккой вмешался:

— Заткнись. Либби почти прав.

— Он совершенно прав, — послышался незнакомый голос. — Я посмотрел это в навигаторе, прежде чем покинул рубку управления.

— Вот как? — снова раздался голос Маккоя. — Если главный квартирмейстер говорит, что ты прав, Либби, значит, ты прав. Как ты это понял?

Либби смущенно покраснел.

— Я… Я не знаю. Просто так должно быть.

Помощник наводчика и квартирмейстер уставились на него, но сменили тему.

К концу «дня» (по корабельному времени, поскольку на Восемьдесят восьмом сутки длились восемь часов тринадцать минут) работа шла полным ходом. Корабль приземлился неподалеку от невысокой гряды холмов. Капитан выбрал небольшую чашеобразную впадину в холмах, около тысячи футов в длину и вдвое меньше в ширину, в которой можно разбить постоянный лагерь: над ней надо натянуть крышу, герметич-

но ее закрыть и создать атмосферу.

На холме между кораблем и долиной надо разбить жилые помещения: спальни, столовую, офицерские каюты, лазарет, комнату отдыха, офисы, кладовые и так далее. В холме нужно пробурить туннель, который будет соединять эти помещения, и подсоединить его к десятифутовой герметичной металлической трубе, прикрепленной к воздушному шлюзу левого борта корабля. И трубу, и туннель нужно оборудовать непрерывным конвейером для перевозки пассажиров и грузов.

Либби записали на кровельные работы. Он помогал кузнецу переходить холм с портативным атомным нагревателем, который на Земле был непомерно тяжелым и весил восемьсот фунтов, но на астероиде — всего шестнадцать. Остальную часть кровли разобрали и должны были вручную собрать в огромный полупрозрачный шатер, которому предстояло стать «небом» маленькой долины.

Кузнец определил ориентир на внутреннем склоне долины, собрал нагреватель и начал вырубать в скале глубокую горизонтальную канавку или ступеньку. Он всегда держал ее на одном и том же уровне, следуя по отметке мелом,

проведенной на каменной стене. Либби поинтересовался, как ему удалось так быстро найти ориентир.

— Легко, — ответил тот. — Чуть раньше двое квартирмейстеров пошли с теодолитом, установили его на высоте в пятьдесят футов над дном долины и прикрепили к нему прожектор. Затем один из них со всех ног помчался по краю и делал отметки мелом на высоте, на которую падал луч.

— Крыша будет высотой всего пятьдесят футов?

— Нет, в среднем около сотни. Из-за давления она вздуется посередине.

— Нормального земного давления?

— Половины от него.

Либби сосредоточился на мгновение и озадачился.

— Но смотрите, эта долина — тысяча футов в длину и больше пятисот в ширину. При весе в половину пятнадцати фунтов на квадратный дюйм и с учетом формы крыши это нагрузка в один и восьмую миллиарда фунтов. Какая ткань выдержит такую нагрузку?

— Паутина.

— Паутина?

— Да, паутина. Прочнейший материал в мире,

прочнее самой лучшей стали. Синтетический паучий шелк. Тот, который мы используем для крыши, имеет предел прочности при растяжении в четыре тысячи фунтов на погонный дюйм.

Либби секунду поколебался, затем ответил:

— Понятно. При периметре свода около восемнадцати сотен тысяч дюймов максимальное натяжение в точке крепления составило бы около шестисот двадцати пяти фунтов на дюйм. Достаточный запас прочности.

Кузнец оперся на инструмент и кивнул.

— Что-то в этом роде. А ты, приятель, соображаешь в математике?

Либби был потрясен.

— Мне просто нравится расставлять все точки над i.

Они быстро работали вокруг склона, вырезая чистую гладкую канавку, к которой должна была быть прикреплена и запечатана «паутина». Раскаленная добела лава вырвалась из жерла и медленно потекла по склону холма. С поверхности расплавленной породы коричневый пар поднялся на несколько футов и почти сразу же вакуумировался в белый порошок, который осел на землю. Кузнец указал на порошок.

— Это вещество вызовет силикоз, если мы не

уберем его и вдохнем.

— И что же делать?

— Просто вычистим установками кондиционирования.

Либби воспользовался случаем, чтобы задать еще один вопрос.

— Мистер…

— Я Джонсон. Без всяких мистеров.

— Хорошо, Джонсон. Где мы возьмем воздух для всей этой долины, не говоря уже о туннелях? Я посчитал, что нам нужно двадцать пять миллионов кубических футов, если не больше. Мы будем его производить?

— Нет, это слишком хлопотно. Мы привезли его с собой.

— На корабле?

— Ага, под давлением в пятьдесят атмосфер.

Либби задумался.

— Понятно. Получается, для перевозки потребовалось бы пространство в восемьдесят футов длиной.

— На самом деле он находится в трех специально сконструированных отсеках — в гигантских баллонах. На таком корабле доставляли воздух на Ганимед. Я тогда был новобранцем, но уже состоял в авиагруппе.

Через три недели постоянный лагерь был готов к заселению, а корабль разгружен. Кладовые ломились от инструментов и расходных материалов. Капитан Дойл перенес свои административные офисы под землю, передал командование своему первому офицеру и дал ему разрешение приступить к выполнению «возложенных на него обязанностей», в данном случае — вернуться на Землю с небольшим экипажем.

Либби смотрел на их взлет с наблюдательного пункта на склоне холма. Им овладела непреодолимая тоска по дому. Вернется ли он когда-нибудь домой? Тогда он искренне верил, что променял бы остаток жизни на то, чтобы провести полчаса с матерью и столько же с Бетти.

Он начал спускаться с холма к шлюзу туннеля. По крайней мере, корабль доставил им письма, и, если повезет, капеллан скоро прибудет с письмами с Земли. Но завтра и в последующие дни будет совсем не весело. Ему нравилось быть в авиагруппе, но завтра он вернется в свое отделение. Возвращаться ему не хотелось — он понимал, что ребята в его отряде были ничего, но не смог вписаться в компанию.

Эта часть К.С.К. приступила к своей более масштабной работе: оснастить Восемьдесят восьмой

ракетными установками, чтобы капитан Дойл мог столкнуть этот стомильный шар с орбиты и вывести его на новую орбиту между Землей и Марсом. Впоследствии предполагалось использовать астероид в качестве космической станции, как убежище для терпящих бедствие кораблей, пристанище для спасательных шлюпок, заправочную станцию, военно-космический аванпост.

Либби был закреплен за нагревательной установкой в шахте Н-16. В его обязанности входило вырезать тщательно рассчитанные места, в которые бригада взрывников устанавливала минутные заряды, выполнявшие основную часть земляных работ. Два отделения были приписаны к Н-16 под руководством пожилого артиллериста космического десанта. Тот сидел на краю шахты, сверялся с чертежами и время от времени производил вычисления с помощью круглой логарифмической линейки, которая висела у него на шнурке на шее.

Либби только что закончил сложную нарезку для трехступенчатого взрыва и ждал взрывников, когда на его приемник поступили инструкции по размеру заряда от наводчика. Он нажал кнопку своего передатчика.

— Мистер Ларсен! Вы допустили ошибку!

— Кто это?

— Это Либби. Вы допустили ошибку в величине заряда. Если вы приведете в действие этот заряд, он разнесет и шахту, и нас.

Артиллерист космического десанта Ларсен покрутил циферблаты на своей логарифмической линейке, прежде чем ответить:

— Вечно ты нервничаешь из-за пустяков, сынок. Заряд посчитан верно.

— Нет, сэр, это не так, — настаивал Либби. — Вы умножили там, где надо было разделить.

— У тебя есть опыт в такого рода работе?

— Нет, сэр.

Следующее замечание Ларсен адресовал взрывникам:

— Установите заряд.

Они подчинились. Либби сглотнул и облизал губы. Он знал, что должен сделать, но ему было страшно. Двумя неуклюжими прыжками на негнущихся ногах он оказался рядом с взрывниками. Он протиснулся между ними и оторвал электроды от детонатора. Пока он работал, над ним промелькнула тень, и Ларсен опустился рядом с ним. Чья-то рука схватила его за плечо.

— Не следовало этого делать, сынок. Это прямое неподчинение приказам. Я должен буду

доложить об этом. — Он начал подсоединять пусковую цепь.

Уши Либби вспыхнули от смущения, но он ответил с мужественной робостью, как загнанный зверь:

— Я должен был, сэр. Вы все равно ошибаетесь.

Ларсен остановился и посмотрел на упрямца.

— Что ж, это пустая трата времени, но не хочу заставлять тебя стоять возле заряда, которого ты боишься. Давай снова вместе посчитаем.

Капитан Дойл вольготно сидел в своей каюте, закинув ноги на стол. Он уставился на почти пустой стеклянный стакан.

— Отличное пиво, Блэки. Как думаешь, мы могли бы сварить еще, когда это закончится?

— Не знаю, кэп. Мы привезли с собой дрожжи?

— Выясни, ладно? — Он повернулся к крупному мужчине, занимавшему третье кресло. — Что ж, Ларсен, я рад, что все обернулось не так уж и плохо.

— Меня поражает, капитан, как я мог совершить такую ошибку. Я дважды перепроверил. Если бы это была нитрированная взрывчатка, я бы сразу понял, что ошибся. Если бы не интуиция этого парня, я бы запустил заряд.

Капитан Дойл хлопнул старого прапорщика

по плечу.

— Не бери в голову, Ларсен. Ты бы никому не причинил вреда; вот почему я требую, чтобы все покидали шахту даже во время слабых взрывов. Эти изотопные взрывчатые вещества в лучшем случае коварны, посмотрите, что произошло в шахте А-9. Одним зарядом сделали то, что заняло бы десять дней, и сам артиллерийский офицер одобрил этот вариант. Но я хочу увидеть этого мальчика. Как, вы сказали, его зовут?

— Либби Эй Джей.

Дойл нажал кнопку на столе. Послышался стук в дверь. Раздалось громкое «Войдите!», и на пороге появился юноша с повязкой вахтенного помощника санитара.

— Пусть санитар Либби мне отчитается.

— Есть, сэр.

Несколько минут спустя Либби провели в капитанскую каюту. Он нервно посмотрел по сторонам и заметил присутствие Ларсена, что отнюдь не способствовало его душевному спокойствию. Он доложил едва слышным голосом:

— Санитар Либби, сэр.

Капитан оглядел его с ног до головы.

— Что ж, Либби, я слышал, что сегодня утром у вас с мистером Ларсеном возникли разногласия.

Расскажите мне об этом.

— Я-я ничего такого не хотел, сэр.

— Конечно нет. Мы не будем тебя ругать; ты оказал нам всем большую услугу этим утром. Скажи-ка, как ты узнал, что расчет был неверным? У тебя есть опыт работы в шахте?

— Нет, сэр. Я просто знал, что он неправильно все рассчитал.

— Но как?

Либби беспокойно заерзал.

— Ну, сэр, просто показалось неправильным — не сходилось.

— Секундочку, капитан. Могу я задать этому молодому человеку пару вопросов? — заговорил коммандер Роудс по кличке Блэки.

— Конечно. Продолжай.

— Ты и есть тот Мелкий?

Либби покраснел.

— Да, сэр.

— До меня дошли кое-какие слухи об этом мальчике. — Роудс вытолкнул свое крупное тело из кресла, подошел к книжной полке и достал томик. Он пролистал его, затем, держа перед собой раскрытую книгу, начал расспрашивать Либби: — Назови квадратный корень из девяноста пяти?

— Девять и семьсот сорок семь тысячных.

— А кубический корень?

— Четыре и пятьсот шестьдесят три тысячных.

— А логарифм?

— Сэр, что это?

— Боже милостивый, как же ты окончил школу, раз ничего не знаешь?

Юноше становилось все неуютней.

— В школу я почти не ходил, сэр. Моя родня не принимала Соглашение, пока не умер папа. Только после его смерти нам пришлось это сделать.

— Понятно. Логарифм — это название степени, до которой ты возводишь данное число, называемое основанием, чтобы получить число, логарифмом которого оно является. Теперь ясно?

Либби крепко задумался.

— Я не понимаю, сэр.

— Попробую еще раз. Если ты возводишь десять во вторую степень — возводишь в квадрат — получится сто. Следовательно, логарифм числа, равного десятке по основанию, равен двум. Точно так же логарифм от тысячи по основанию десять равен трем. Итак, чему равен логарифм девяноста пяти?

Либби на мгновение растерялся.

— У меня не выходит целое число. Это дробь.

— Правильно.

— Тогда это одна целая и девятьсот семьдесят восемь тысячных — примерно.

Роудс повернулся к капитану.

— Думаю, тут все ясно, сэр.

Дойл задумчиво кивнул.

— Да, парень, похоже, обладает интуитивным знанием арифметических соотношений. Но давайте посмотрим, на что еще он способен.

— Боюсь, нам придется отправить его обратно на Землю, чтобы выяснить все как следует.

Либби уловил суть последнего замечания.

— Пожалуйста, сэр, вы же не собираетесь отправить меня домой? Мама будет ужасно раздосадована.

— Нет-нет, ничего подобного. Когда придет время возвращаться, я хочу, чтобы ты прошел проверку в психометрических лабораториях. А пока я не отпустил бы тебя, даже если бы мне выплатили четырехкратную зарплату. Я бы скорее бросил курить. Но давай посмотрим, на что ты способен.

В течение следующего часа капитан и штурман узнали от Либби: во-первых, как вывести теорему Пифагора; во-вторых, как вывести законы движения Ньютона и законы баллистики Кеплера из

описания условий, в которых они были получены; в-третьих, как на глаз безошибочно оценить длину, площадь и объем. Он ухватился за идею относительности и непрямолинейных пространственно-временных континуумов и затараторил, когда Дойл жестом остановил его.

— Хватит, сынок. У тебя поднимется температура. Теперь беги в постель, а утром приходи ко мне. Я отстраняю тебя от полевой работы.

— Да, сэр.

— Кстати, какое у тебя полное имя?

— Эндрю Джексон Либби, сэр.

— Нет, твои предки вряд ли бы подписали Соглашение. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

После того как он ушел, двое мужчин обсудили свое открытие.

— Капитан, что вы думаете?

— Ну, он, конечно, гений — один из тех необузданных талантов, которые проявляются раз в тысячу лет. Я дам ему свои книги и посмотрю, как он будет развиваться. Не удивлюсь, если он еще и скорочтец.

— Меня поражает, каких ребят мы тут находим — а на земле их и за людей не считали.

Дойл кивнул.

— В этом-то и проблема с нашими ребятками. Они не чувствовали себя нужными.

Восемьдесят восьмой совершил оборот вокруг Солнца еще в несколько миллионов миль. Отметины на его поверхности становились глубже и покрывались дюритом, странным лабораторным веществом, который (обычно) сдерживал даже распад атомов. Затем Восемьдесят восьмой испытал несколько легких толчков, всегда с той стороны, куда направлен его курс. Через несколько недель взрывы ракет подействовали, и Восемьдесят восьмой устремился по орбите к Солнцу.

Когда он достигнет своей станции на расстоянии одной и трех десятых земной орбиты от Солнца, его придется еще несколько раз подтолкнуть, чтобы вывести на круговую орбиту. Тогда он получит имя З-МЗ, третья космическая станция Земля — Марс.

За сотни миллионов миль отсюда две другие команды К.С.К. работали над тем, чтобы сдвинуть еще два планетоида с вековых колей и встроиться между Землей и Марсом на ту же орбиту, что и Восемьдесят восьмой. Один должен был выйти на эту орбиту на сто двадцать градусов впереди Восемьдесят восьмого, другой — на сто двадцать

градусов позади. Когда все З-М1, З-М2 и З-М3 встанут на место, ни один упорный путешественник на пути Земля — Марс не окажется в смертельной опасности.

На протяжении месяцев, пока Восемьдесят восьмой свободно летел навстречу Солнцу, капитан Дойл сократил рабочее время своей команды и переключил их на сравнительно легкую работу по строительству отеля и превращению маленькой крытой долины в сад. Скала была переработана в почву, которую удобрили и засадили культурами анаэробных бактерий. Затем высадили растения, выдержанные тридцатью с лишним поколениями в условиях низкой гравитации в Луна-Сити, за которыми бережно ухаживали. Если не считать низкой гравитации, на Восемьдесят восьмом они почувствовали себя как дома.

Но когда Восемьдесят восьмой приблизился по касательной к гипотетической будущей орбите З-М3, команда вернулась к расписанию для маневров, день и ночь вела наблюдение, а капитан перешел исключительно на черный кофе и позволял себе вздремнуть ненадолго прямо в кабине.

Либби был приставлен к баллистическому вычислителю, трем тоннам разумного металла,

занявшим почти весь вычислительный пункт. Ему нравилась эта махина. Главный диспетчер пожарной команды разрешил ему помочь отрегулировать вычислитель и обслуживать его. Либби подсознательно думал о вычислителе как о человеке, похожем на него самого.

В последний день сближения толчки повторялись все чаще. Либби сидел в правом кресле вычислителя и монотонно бубнил прогнозы для следующего залпа, одновременно восхищаясь точностью, с которой машина отслеживала данные. Капитан Дойл суетился, время от времени заглядывал через плечо штурмана. Конечно, вычисления были верными, но что, если не сработает? Никто никогда раньше не перемещал такую огромную массу. Предположим, астероид будет снижаться все больше и больше. Чепуха! Такого не может быть. И все же он будет рад, когда они преодолеют критическую скорость.

Десантник тронул его за локоть.

— Гелио с флагманского корабля, сэр.

— Прочти.

— «Флагман Восемьдесят восьмому; личное сообщение. Капитан Дойл, я отвлекся, чтобы понаблюдать, как вы доставите астероид. Керни».

Дойл улыбнулся. Мило со стороны старого

хрыча. Как только они прибудут на станцию, он пригласит адмирала на обед и покажет ему парк.

Прогремел еще один залп, более мощный, чем предыдущие. Комната сильно задрожала. Через мгновение начали поступать отчеты от наружных наблюдателей:

— Труба девять, чисто!

— Труба десять, чисто!

Но беспилотник Либби остановился.

Капитан Дойл повернулся к нему.

— Что такое, Либби? Уснул? Соедините с полярными станциями. Мне нужен параллакс.

— Капитан, — произнес парень тихим дрожащим голосом.

— Говори громче, парень!

— Капитан, сломалось отслеживание.

— Спайерс!

Из-за вычислителя показалась седая голова главного диспетчера пожарной команды.

— Уже занимаюсь, сэр. Дам вам знать через минуту. — Он снова спрятался. Через несколько долгих минут он появился снова. — Гироскопы упали. Их калибровать по меньшей мере двенадцать часов.

Капитан ничего не сказал, отвернулся и на-

правился в дальний конец комнаты. Штурман проследил за ним взглядом. Дойл вернулся, посмотрел на хронометр и заговорил со штурманом.

— Что ж, Блэки, если у меня не будет данных о следующем залпе через семь минут, мы пропали. Есть какие-нибудь предложения?

Роудс молча покачал головой.

Либби робко повысил голос:

— Капитан…

Дойл резко обернулся.

— Да?

— Данные о залпе: труба тринадцать, семь целых шесть третьих; труба двенадцать, шесть целых девять десятых; труба четырнадцать, шесть целых восемь девятых.

Дойл внимательно на него посмотрел:

— Ты уверен в этом, сынок?

— Так должно быть, капитан.

Дойл стоял совершенно неподвижно. На этот раз он не посмотрел на Роудса, а пошел вперед. Затем он глубоко затянулся сигаретой, взглянул на пепел и сказал ровным голосом:

— Ввести полученные данные. Запустить по команде.

Четыре часа спустя Либби все еще бубнил дан-

ные о запуске с посеревшим лицом и закрытыми глазами. Один раз он потерял сознание, но, когда его привели в чувство, продолжил бормотать какие-то цифры. Время от времени капитан и штурман сменяли друг друга, но для него замены не было.

Залпы становились все ближе друг к другу, но толчки были слабее.

После одного слабого залпа Либби поднял голову, уставился в потолок и заговорил:

— Вот и все, капитан.

— Запросите отчет у полярных станций!

Отчеты пришли незамедлительно:

— Постоянный параллакс, постоянная сидерическая солнечная скорость.

Капитан откинулся на спинку стула.

— Ну что ж, Блэки, у нас получилось — благодаря Либби! — Затем он заметил озабоченное, задумчивое выражение на лице Либби. — В чем дело, парень? Мы что-то упустили?

— Капитан, помните, на днях вы сказали, что хотели бы, чтобы в парке была нормальная земная гравитация?

— Да. И что?

— Если та книга о гравитации, которую вы мне дали, не врет, то я думаю, что знаю, как этого

добиться.

Капитан посмотрел на него так, словно видел впервые.

— Либби, я уже устал удивляться. Не хочешь приберечь такие открытия для обеда с адмиралом?

— Ну и дела, капитан, было бы здорово!

Подключился аудиоканал системы связи:

— Гелио с флагмана: «Молодец, Восемьдесят восьмой».

Дойл улыбнулся всем присутствующим.

— Это приятное подтверждение.

Снова раздался звуковой сигнал.

— Гелио с флагмана: «Отмена последнего сообщения. Ждите поправку».

На лице Дойла появилось выражение удивления и беспокойства, затем голос из динамика продолжил:

— Гелио с флагмана: «Молодец, З-МЗ».